

У БОЛЬШОГО КАВКАЗА СОБИРАЛИСЬ ГРОЗОВЫЕ ТУЧИ

Часть 2

ЖУРАВОВ
Федор Николаевич

Гвардии старший сержант
отдельной разведроты 60-й отдельной
Краснознаменной стрелковой бригады

УДК 93/94
ББК 63.3(2)62
Ж 91

Журавов Ф.Н.

У Большого Кавказа собирались грозовые тучи : Воспоминания о войне : в 3-х частях. – Ч. 2. / Ф.Н. Журавов. – Пушкино, 2025. – 190 с.

Текстовое электронное издание

Что сегодня означает для нас слово «война»? Стрельба, героические подвиги и много смерти, когда смотришь военные фильмы и читаешь книги. Эта книга – воспоминания о Великой Отечественной войне, написанные ее непосредственным участником – ветераном войны, разведчиком Журавовым Ф.Н., который в совсем юном возрасте добровольцем ушел на фронт.

В книге описаны простые военные будни, которые поражают своим ежедневным героизмом. Читая ее, невольно начинаешь чувствовать то, что чувствовал солдат на фронте, пытаешься рассмотреть эти события через ощущения участника войны и понимаешь, что же такое война и как трудно и страшно было молодым солдатам там, где лилась кровь и, казалось, не было спасения от боли и страданий.

Действия происходят в период 1942 года на Кавказе, там, где автор принял свой первый бой, там, где насмерть стояли бойцы Красной Армии, не давая врагу достичь его главной цели – завладеть нефтью. В книге описаны и солдатский быт, и взаимоотношения, и боевое братство в бою – читая о них, война становится ближе, понятнее и страшнее....

Историки находят и еще будут находить новые объяснения событий 1941–1945 годов. Но мы, потомки наших прадедов, сегодня понимаем, что в тот период решалась судьба нашей Родины и судьба еще не рожденных детей, внуков и правнуков. Тогда решался вопрос о свободе и независимости России, и их героическое поколение решило его в нашу пользу.

В книге использованы личные дневники автора, архивные документы.

Компьютерная верстка: Кузнецова Е.Б.
Подписано к использованию 10.02.2025 г.
Объем 2.0 Мб
Тираж 10 CD-ROM

Всероссийский научно-исследовательский институт
лесоводства и механизации лесного хозяйства

Московская область, г. Пушкино, ул. Институтская, д. 15
www.vniilm.ru, e-mail: info@vniilm.ru
Тел.: +7 (495) 993-30-54

Минимальные системные требования: процессор AMD, Intel от 1 ГГц, 100 Мб HDD, ОЗУ от 1 Гб, CD-ROM, видеоадаптер от 1024 Мб или аналог, Windows Vista/7/8/10 или аналог; ПО – Adobe Acrobat Reader или аналог

ISBN 978–5–94219–315–7

© Журавов Ф.Н., 2025
© ФБУ ВНИИЛМ, 2025

Немецкая разведка по тонко продуманному плану Канариса к весне 1942-го года добилась многого: в Генеральном штабе Красной Армии и в Ставке предполагали, что ожидаемое летнее наступление немецких войск будет предпринято на центральном направлении, фюрер постарается исправить летом неудачу зимы 1941-42 года.

Крушение Москвы, тяжелейшее военно-политическое поражение Советского Союза – от подобной цели вряд ли откажется Гитлер. И все вроде подтверждало подобные намерения Германии. По заданию немецкой разведки самолеты врага проводили демонстративную аэрофотосъемку районов Ярославля, Горького, Костромы, Владимира. На Западном фронте нашей радиоразведкой было запеленговано много новых армейских и корпусных радиостанций, в руки советской разведки попали вновь отпечатанные крупномасштабные топографические карты Московской, Владимирской и Ярославской областей. Все говорило о том, что немцы готовят удар на центральном направлении.

И никто не догадывался у нас о том, что радиостанции только и работали для того, чтобы их запеленговала советская разведка, и многое другое нарочито делалось так, чтобы вроде случайно стало ее достоянием.

Но вместе с этим втайне, при полном радиомолчании, строжайше соблюдая методы маскировки, Гитлер сосредоточил на юге нашей страны огромные силы: тысячи танков и самолетов, много пехотных дивизий, артиллерии. Сюда были стянуты отборные части вермахта: альпийские стрелки, боевые соединения СС, два воздушных флота, множество сил союзников. Здесь был сосредоточен корпус «Ф», о задачах которого было известно только высшему командованию вермахта. К лету 1942-го года на юге были собраны такие силы, которые были способны одерживать не просто победы, решать не просто стратегические задачи, они могли сокрушать государства. Этим силам удалось, в конце концов, в июне 1942 года сломить оборону Севастополя, оборону Керченского полуострова, полностью овладеть Крымом. Теперь вермахт был готов к наступлению.

От той же разведки фюреру стало известно, что русские проявляют поразительную беспечность: если по берегу Дона части Красной Армии еще строили скороспелые полевые укрепления, то дальше, на юге, на необозримых пространствах Кубани и Ставрополя подготовленных рубежей обороны не было, как и не было достаточного количества войск.

А стратегические цели были для немцев настолько заманчивыми, что перед ними блекла перспектива захвата Москвы. Открывалась возможность захватить богатейший край, способный обеспечить продовольствием не только наступающие армии вермахта, но и всю Германию; нефть – эта кровь боевой техники оказалась бы в руках фюрера. Но и это только начало – дальше открывались такие перспективы, что голова шла кругом: захватив Кавказ, немецкие ударные части должны были вступить в Иран и Ирак! О, здесь Турция уже больше не станет тянуть резину, она непременно захочет получить долю советского пирога за счет Грузии и Армении. Однако фюрер считал, что союзная Турция направит свою армию на Ближний Восток, к Египту, и высвободит силы фельдмаршала Роммеля. Гитлер знал, что в Иране найдутся силы, которые будут способствовать корпусу «Ф», специально предназначенному для того, чтобы шагнуть к границам Индии. В этом случае Япония перестанет отделяться обещаниями, она двинется в Сибирь. Остатки Красной Армии, лишенные техники, продовольствия, откатятся за Северный Урал и погибнут в бездорожье и топях. Именно здесь, на юге, будет решена судьба

войны. А Москва? Что Москва! Она какое-то время еще будет оставаться прибежищем горстки большевиков, но дни ее сочтены – она рухнет, как рухнули Париж, Брюссель, Прага, Варшава! Тогда фюрер разыграет с этой проклятой Москвой такой спектакль, что содрогнутся Англия и Америка, содрогнется мир! И вот оно – мировое господство, до которого не смогли дотянуться ни Александр Македонский, ни Чингисхан, ни Наполеон. Само провидение избрало для этой миссии фюрера Германии. Немецкие войска уже шли по пути к этой цели, которая стала теперь не мечтой, а реально планируемым делом.

Фельдмаршал Лист прошел сотни километров победным маршем, остались несколько десятков километров, за которыми уже зримо обозначались контуры великих целей...

К превеликой досаде нетерпеливого фюрера темпы наступления фельдмаршала Листа резко снизились, он не укладывался в те сроки, которые были ему указаны верховным командованием. Мало того, за своей спиной Лист умудрился оставить Новороссийскую группировку красных, он не мог преодолеть оставшихся двадцати километров до Туапсе, чтобы изолировать эту Новороссийскую группировку и выбраться на стратегически важную дорогу по берегу Черного моря.

До фельдмаршала докатывалось эхо недовольства фюрера. По мнению Листа, фюрер и представления не имел о том, что Красная Армия, несмотря на колоссальные потери, это уже совсем не та армия, что была осенью прошлого года. Представители Генштаба, приезжавшие на Кавказ, желая угодить фюреру, докладывали ему только то, что импонировало речам и мыслям вождя немецкого народа: они всячески обыгрывали тот факт, что на Туапсинском направлении солдаты фюрера с вершин захваченных ими гор уже видят блеск Черного моря, что альпийские стрелки водрузили флаг со свастикой на высочайшей вершине Европы – Эльбрусе.

Вначале Листу казалось, что здесь, на подступах к Казбеку, он близок к удаче: солдатам его армий удалось пройти огромные расстояния, положить к ногам Рейха богатейшие земли, форсировать бесчисленное количество рек, захватить десятки городов и сотни станиц, каждая из которых по числу жителей и занимаемой площади, могла быть приравнена к европейскому городу. Отступая, части Красной Армии оказывали довольно слабое сопротивление, по данным разведки, у русских здесь не было крупных резервов, и вдруг наступление застопорилось. Части вермахта еще наступали, но это наступление не имело ничего общего с победным шествием, каждый километр теперь давался ценой многодневных боев и огромных потерь. Русские дрались с отчаянием обреченных, приходилось постоянно отражать их многочисленные контратаки. Листа поражала необыкновенная стойкость в обороне, фанатичное упорство в бою, особенно советских моряков, сражавшихся на суше, их страшная дерзость в контратаках. Лист одобрял своих солдат, не бравших в плен этих дьяволов, хотя такая возможность и случалась довольно-таки редко – этих фанатиков нужно было уничтожать сразу и без колебаний.

Фельдмаршала брала досада: беспомощно топтались на месте такие прославленные соединения вермахта, как мотодивизия «Викинг», как 13-я танковая дивизия! Между тем Эльхотовы ворота были первой ступенью к рубежам полной победы...

В Генштабе Красной Армии, в штабе генерала Тюленева, видимо, понимали не хуже Листа, что на Кавказе сложилась критическая ситуация. Правда, генералу Петрову удалось остановить под Туапсе и Новороссийском наступление немецких дивизий, навязать им позиционные бои, которые изматывали врага, съедали его силы. Но в ряде случаев противник, по-прежнему преодолевая упорнейшее сопротивление, продвигался вперед. В обстановке, когда одна бригада могла выдержать удар танковой и пехотной дивизий противника, когда один батальон принимал на себя удар двух полков дивизи-

зии СС, выдерживал этот удар и осмеливался еще контратаковать, в такой обстановке невозможно было упрекать тех, кто находился в окопах.

Накал тяжелых кровопролитных боев возрастал с каждым днем и с каждым километром пространства. Гитлеровцы боялись позиционных боев, они могли принести выигрыш во времени для генерала Тюленева, они позволят изыскать резервы... Фельдмаршал Лист торопился. Угрожающие покрикивания фюрера заставляли его торопиться.

По планам ОКВ*, в октябре Лист должен быть в Баку и в Грузии, он должен был опрокинуть оборону Красной Армии, найти ключ к победе. Но, как на зло, части Красной Армии цеплялись за каждый метр земли, стояли насмерть, и мир удивлялся их стойкости.

Наступавшие дивизии вермахта не жалели крови своих солдат, командование пулей и снапсом гнало их вперед на смерть и не было иного выхода. «Да поможет нам Бог!», – подумал Лист и отдал приказ на решительный штурм Эльхотовых ворот.

Лейтенант Ласточкин, не говоря уже о нас, не знал стратегических планов фюрера и фельдмаршала Листа, но то, что «он» сегодня «вдарит» и непременно танками и авиацией, чтобы прорваться к Эльхотовым воротам, на этот счет ни у кого не было сомнений. Полковник Добровольский приказал всех, кто может стрелять, посадить в оборону на северной окраине Эльхотова, и лейтенант Ласточкин послушно вел подчиненных ему бойцов в указанное место обороны.

Северная окраина Эльхотова чем-то напоминала Плановское. Тоже шоссейная и железная дороги в густых посадках на окраине, где была подготовлена глубокая траншея, обычные огороды, цепочка тополей, а за ними большое поле, часть которого была занята помидорами. Белые и красные крупные помидорины валялись на земле и оказались никому ненужными...

Примерно в полукилометре была видна посадка, поперек пересекавшая поле, вот там изготовились к атаке боевые части противника, оттуда хлопали одиночные винтовочные выстрелы и короткими очередями бил пулемет. Сзади нашей траншеи стояли замаскированные сорокапятки, полковые 76-миллиметровые пушки, даже длинноствольные зенитки здесь использовались как противотанковая артиллерия. Ночью наиболее танкоопасные участки нашими саперами были заминированы противопехотными и противотанковыми минами.

Наша рота, приданная какому-то стрелковому батальону (этой мелкой подробностью никто не интересовался), заняла оборону по окраине станицы, правее нас было поле, перечеркнутое грязно-желтой полосой траншеи, там тоже копошились бойцы, оборудовали себе удобные стрелковые ячейки.

Нам тоже было приказано заняться делом и мы работали, не жалея сил – углубляли траншею, от нее чуть вперед каждый для себя копал стрелковые ячейки. От ломаной линии траншеи прямо в станицу вводили ходы сообщения.

Чуть позади траншеи оборудовали наблюдательные пункты корректировщики огня, командиры стрелковых рот. Все понимали, что каждая минута сейчас на вес золота, нужно зарываться в землю, маскироваться, оборудовать ячейку так, чтобы было удобно вести огонь.

По земле еще стелился седой туман, но вот-вот из-за гор выглянет солнце и тогда туман рассеется, тогда работать в траншее станет опасно – вполне достанет снайпер или пулеметчик. Ребята копали, углубляли траншею, наращивали бруствер, в стрелковых ячейках оборудовали ниши для дисков и гранат. Работа спорилась, даже у Хорькова, который копал недалеко от меня. Рука у него вроде в порядке и ячейка у него глубиной по плечи. А у меня не все ладилось – рука болела, бинт снова набух от крови, повязка грозила съехать на локоть, от туго завязанного бинта немели пальцы.

* ОКВ (от нем. *Oberkommando der Wehrmacht*, от нем. *OKW*) – Верховное командование вермахта.

То, что я отстаю в работе, заметил Ласточкин, подошел ко мне сзади и недовольно спросил:

- В чем дело? Чего копаешься?
- Я сейчас, товарищ лейтенант, рука малость болит – не разгонишься.
- Зря я тебя взял. Гранату на двадцать пять метров кинешь?
- Сейчас вряд ли.

Ласточкин чего-то подумал, потом вдруг подозвал Хорькова:

- Хорьков, помогите товарищу,
- Шо? Ему копать? Этому придурку? Да у меня у самого рука...
- Отставить разговоры! Я про твою руку знаю, Хорьков, мне санинструктор докла-

дывал.

- Дык я...
- Я кому сказал?!

Было совершенно непонятно, почему Ласточкин приказал помочь мне именно Хорькову. Этого я и сам бы меньше всего хотел. Хорьков поплевал на руки, взял у меня лопату, покрутил ею, пока Ласточкин не отошел в сторону, а потом, когда тот скрылся за поворотом траншеи, зло воткнул лопату в землю у своих ног, прислонился к стенке траншеи, бросил окурок, раздавил его пяткой и спросил:

- У тебя табак есть?
- Есть.

- Давай сюда кисет.

- Зачем? – спросил я, видя, что он только что бросил окурок и чуя какой-то подвох.

- А ты шо, думал я за так на тебя ишачить буду? Дурака нашел! Черт на попа не работник. Рука у него заболела! Когда кашу жрал не жаловался? А у меня тоже рука и почище твоей!

- Знаешь, Хорьков, пошел ты к черту, без тебя обойдусь!

- А это дело твое. Так и доложим, что не желает, мол, интеллигент с уркою связываться. Чистоплюй московский!

- Давай лопату и жми отсюда!

- Ты потише, салага. И так должок за тобой.

Я резко вырвал из рук Хорькова свою лопату, тот ухмыльнулся и неторопливо пошел к своей ячейке. Он даже затынул какую-то песенку:

*Товарищ, товарищ,
А может быть, ударишь,
А может быть, рубашку разорвешь...*

Минут через пять подошел Бергалеев.

- Слушай, дай мало-мало вода.
- Вон на бруствере фляга – бери, только и мне оставь.
- Какой такой вопрос. Коньчно оставлю.

Бергалеев сделал несколько глотков, заткнул горлышко фляги пробкой и потом критически осмотрел мою стрелковую ячейку.

- Пачему окоп такой, да?

- Сейчас докопаю. Немного рука болит, повредило вчера.

Бергалеев хитровато улыбнулся и добавил:

- Морду тоже мало-мало задело. Дай-ка лопату.

Бергалеев взял у руки лопату, и земля у него полетела с лопаты, как с транспортной ленты. Десяти минут не прошло, как окоп был готов и даже самый придирчивый проверяющий не нашел бы изъянов. Бергалеев поставил лопату, вытер вспотевший лоб рукавом и удовлетворенно сказал:

- А ты мала-мала боялась.
- Закури, Бергалеев.
- Нет. Курым не нада. Вредна! Моя отец, моя дед не велел курым. Бабка, тот курым.
- Спасибо, друг, помог ты мне.
- А! – Бергалеев махнул рукой и пошел, пригнувшись, по траншее к своей ячейке.

Прошло еще немного времени. Солнце вызолотило косыми лучами дальнюю посадку, поле, туман растаял, оставив на земле седую росу, слабый ветер завозился в листьях тополей, и наступил день.

В небе появилась «рама». Немецкий самолет-разведчик плавал в небе, закладывал виражи, сверкал на солнце крыльями и казался бойцам не очень опасным явлением. Потом он улетел к горам, к Эльхотовым воротам, и было слышно, как там застучали зенитки, отгоняя разведчика.

Стало снова тихо. Затаившаяся война готовила нам сюрпризы, но сейчас она, как тигр в засаде, ничем себя не проявляла.

Пригнувшись, по траншее шел Селиванов. Он остановился против моей стрелковой ячейки и спросил:

- Все смотришь?
- Смотрю.

– Ну и дурак. Все равно ничего не увидишь. Знаешь, у фрицев железная система: вначале они будут, гады, бомбить, потом сыграют артподготовку, а уж тогда, когда их командование решит, что мы наполовину перебиты, а наполовину в штаны наложили, вот тогда они и сами явятся.

– Может быть.

– То-то, что может быть. У тебя табачку не найдется?

– На, кури. Только я на твоём месте выпросил бы у старшины еще пайку или спер бы на худой конец.

Селиванов старательно делает самокрутку, прикуривает, с удовольствием выпускает синий табачный дым и раздумчиво отвечает:

– Ты вот москвич, человек, можно сказать, почти культурный, а такие вещи говоришь: «спер бы». Ты еще не соображаешь по младости. Самому старшине спереть нужно? Нужно. Да Гришка Бельтюков вон сопрет, потому что он все сопрет, что плохо лежит. Да я еще сопру. А тебе тогда что достанется? У кого мне тогда на закрутку табачку стрельнуть, как солдатскую боевую дружбу и верность товарища проверить? То-то же. Спереть... Спереть – дело нехитрое, да вот...

– Воздух! – послышался крик.

– Ну вот, что я тебе говорил! – сказал Селиванов и неторопливо, попыхивая сигаркой, пошел по узкой траншее к своей стрелковой ячейке.

В ясно-голубом небе со стороны Плановского появилось много черных точек, казалось, что они летят очень медленно, словно повисли в воздухе, а от них к земле во всю ширь их строя, словно серая кисея, стекала полоса моторных выхлопных газов. Машин шло много. Грозный, прерывистый и нарастающей силы гул заполнял все небо.

Неужто началось? Что-то сегодня рано. Сейчас не более девяти утра. Куда же они сейчас вдарят? Самолеты все ближе. Теперь вроде и летят они выше и быстрее... Идут двухмоторные юнкерсы. На этот раз их много, очень много – больше сорока машин. Ну, теперь держись. Самолеты идут прямо над нами. Я с тревогой смотрю, когда отделятся от них черные капельки бомб. Земля мелко вибрирует, как будто тоже ждет страшного бомбового удара. С бруствера, со стенок окопа текут тоненькие струйки мелкого песка.

Самолеты мощные, двухмоторные, концы крыльев у них бледно-желтые и на них четкие стилизованные черные кресты, поперек фюзеляжа тоже желтая полоса и на ней черный крест, а на хвосте, обведенная тонкой белой полосой, черная свастика. Надо же выбрать себе этаким знаком – ну в точности черный паук. Недобрый, страшный, зловещий

это знак – свастика, а люди, избравшие паука своим символом, опасные люди: у них на уме преступление, жестокость, варварство.

Мы сидим в траншее и следим глазами за полетом злых машин. Самолеты проходят над Эльхотовом и всем становится ясно, что нас бог миловал и обрушат они бомбы на Эльхотovy ворота – танкам дорогу прокладывают, паразиты. Действительно, через некоторое время донесся мощный, раскатистый, как гром надвигающейся грозы, грохот бомбежки. Там, за Эльхотовом, в небо поднималась серая туча. Мы представляли себе, что сейчас там творилось!

Теперь следующего удара мы ждали по нашей обороне. Было ясно, что враг рассчитал дорогу для своих танков. До Эльхотовых ворот здесь недалеко – километров 6-7 от силы, для танков это на полчаса всех дел, если, конечно, мы не удержимся. Тот факт, что фашисты свой первый удар обрушили на Эльхотovy ворота, а не на нас, приводил к мысли, что нашу оборону враг всерьез не воспринимал, рассчитывал быстро опрокинуть ее танковым тараном.

Не знаю, как на других ребят, но на меня такое пренебрежение действовало даже неприятно: ну как – мы действительно ничего не стоим и это известно противнику? Где же истина? Ладно, сейчас увидим истину.

– Федька! У тебя противотанковые есть? – кричит из своей стрелковой ячейки Мишка Беляков.

– Есть одна.

– Еще одну дать?

– А ты?

– У меня их три.

– Тогда давай.

Ко мне в окоп, кувыркаясь в воздухе, летит килограммовая «толкушка», она ударилась о бруствер и свалилась мне под ноги...

– Ты что, ирод, спятил?! А если бы взорвалась?!

– А ты думаешь, я дурак, думаешь, не знаю? Если бы взорвалась, то все – конец бы тебе, даже мокрых штанов от тебя бы не осталось, это уж как пить дать! Только я из нее чеки-то не вытащил!

Ничего себе шуточки! Но для споров и упреков уже не было времени. Из посадки, что впереди, с переднего края немцев взлетели в небо серией зеленые ракеты... Какой-то сигнал. Мы было насторожились, да нет, вроде тихо. Война затаила дыхание, замерла, даже стрельба стихла, стало слышно, как трещит шальной кузнечик в траве.

Неспроста так тихо. Война притаилась, как тигр в засаде, все ее мышцы напряжены до предела, сейчас и жди свирепого прыжка. «Быть грому великому»!

– Воздух!

Ну, кажись, началось!

Над Плановским снова появились самолеты, их было много и, как и в первый раз, за ними тянулась до самой земли серая вуаль отработанных газов. Большая стая бомбардировщиков в четком строю, звеньями, наплывала прямо на нас, и бойцы передовой неотрывно смотрели в небо, которое заполнилось прерывистым гулом десятков моторов. Сквозь сплошной гул слышится чей-то голос:

– Двадцать один. Очко, мать их за ногу. Сейчас врежут!

...Вот они, почти над нами. Желтые оконечности крыльев, черные кресты... Тут я явственно заметил, как от самолетов, сверкнув на мгновение в солнечных лучах, отделилось множество мелких, как пыль, точек, и тут же они исчезли в ослепительном блеске голубого неба. Это бомбы, и я знал, что они только показались такими мелкими и незначительными, это обманное впечатление: на самом деле это грозная смерть, страшная сила, и она сейчас стремительно несется к земле. Секунда, другая, третья... и мир растворился в свирепом визге падающих бомб. Разноголосый вой и визг, как рев са-

таны, придавил к земле все живое. Мгновение – и земля тяжело вздрогнула от первого чудовищного удара, и сразу же планету бросило в дрожь и в судороги. Земля норовила выбросить из окопов людей, засыпала их тяжелым ливнем из песка, пыли, камней. Грохот, визг, дым... Стало темно... Снова ад, снова горящие, тяжелые, болезненные удары по спине, по голове и ушам, и тело корчилось от боли и ожидания неминуемой смерти...

Сколько прошло времени этого ада? Для тех, кто его творил прошло минуты три-четыре, для тех, кто оказался в этом аду, прошла вечность...

Грохот разрывов статих. Только звон и гул в ушах, только черное небо над головой. Наверное, прошло сколько-то времени, прежде чем сквозь дым и пыль пробился оранжевый диск солнца.

«Юнкерсы» прошли над Эльхотовом, где-то развернулись, и только сейчас мы услышали бешеную скороговорку зениток, раскатились в злобном треске десятки пулеметов. За немного поредевшей завесой из дыма и пыли мы еще не видели неба, еще не пришли в себя, но все услышали внезапно возникший трубный, дребезжащий вой. Мутное от пыли и дыма небо перечеркнула прямая, густо-черная полоса дыма и было видно, как двухмоторный «Юнкерс», свалившись на одно крыло, выпустив черный траурный шлейф, теряя высоту, заревел, как подстреленный зверь, и грохнулся в поле, выплеснув вверх высокий гриб черного дыма вместе с оранжевым пламенем. Ударил тяжелый взрыв. В небе, словно два белых пузыря, повисли парашюты...

– А-а, паразит, доигрался! – злорадно вопил кто-то из ребят.

– По парашютам, по парашютам стреляй!

– Очертенел! Куда они уйдут? Все равно наши будут.

Наше торжество не было долгим. Оглушительно рванули перед нашей траншеей снаряды, потом еще и еще. Землю снова тряс лихорадочный припадок.

В лицо, в спину, в голову били жаркие и упругие, как резина, взрывные волны. Снова над всей передовой пыль, острый запах сгоревшей взрывчатки. Сила огня нарастала с каждой секундой. Поднять голову невозможно – верная смерть от осколка. Окоп осыпается, по его стенкам все время текут струйки сухой земли... «А ребята живы?» Мне вдруг показалось, что вокруг никого нет. «Может, я один здесь, как дурак, остался?» Взрыв! Еще взрыв! В ушах болезненный звон, череп раскалывается от оглушительного грохота. Земля непрерывно вскидывается гейзерами взрывов, серый и синий дым вокруг, а мины и снаряды рвутся все ближе, злее непрерывный оглушительный грохот. Артналет длится целую вечность. Откуда у них, гадов, столько снарядов и мин?!

С особенным остервенением немецкие артиллеристы бьют по нашей траншее. Все потонуло в грохоте и дыме. Визг снаряда, громовый удар взрыва сзади стрелковой ячейки моего окопа, еще взрыв, еще! Нет этому конца. Ничего нет больше на свете, кроме этой сатанинской пляски смерти.

В какое-то мгновение волна взрывов перекатилась через нашу траншею и тут же послышались знакомые сдвоенные выстрелы танковых пушек, короткие, рвущие душу взвизги снарядов и оглушительно хлесткие взрывы.

Впереди по всему полю стелился низкий моторный гул, слышалась тяжелая поступь танков, страшный накатывающийся грохот и скрежет стальной лавины. Над степью пыль и дым, за этой грязно-синей завесой стали различимы немецкие автоматчики. Они неторопливой трусцой бежали за танками. Все повторялось, казалось, что все это еще не кончившийся вчерашний день...

Наша траншея молчала. Это молчание казалось мне страшным – да есть ли кто-нибудь здесь живой?! Сзади, из станицы, часто захлопали батальонные минометы. Серые клубки взрывов вспыхивали среди танков, среди наступающих автоматчиков. Танки усилили огонь, стараясь найти, подавить минометные батареи. Часть танков шла правее Эльхотово, они отсекали станицу, повторяли вчерашний маневр, но неожиданно наткнулись на минное поле, поставленное ночью саперами. Из нашей траншеи было

немного видно, как первый танк вздрогнул, окутался дымом, и стальное чудовище замерло, пораженное смертью. На правом фланге танки остановились. Они стреляли из пушек, но и сами представляли неплохую мишень, на них обрушили огонь наши противотанковые пушки. Но в центре танки продолжали двигаться вперед, несмотря на сильный огонь наших ПТРовцев и пушек. Немецкая артиллерия продолжала измолачивать тяжелыми снарядами и минами окраину Эльхотово. Взрывы грохотали беспрерывно. Со стороны Плановского заскрежетали шестиствольные минометы, трубно загудели реактивные мины и тяжелые взрывы взметнули за нашей передовой черные столбы дыма. Жестокая бомбежка, артиллерийская подготовка врага, не утихающий огонь артиллерии и минометов по обнаруженным целям делали свое дело – мне показалось, что наш ответный огонь, огонь по танкам начал ослабевать. В нашей траншее уже валялись бинты, окровавленные лоскутья одежды. Снова тела убитых укладывали на край траншеи с другой стороны бруствера, в горячке боя их некому было оттащить в тыл и они продолжали войну, своими костями и мышцами укрывая живых от осколков.

Танки подходили все ближе, сквозь стрельбу и взрывы стали слышны скрежет гусениц и лязг металла. В нашей траншее кто-то кричал сорванным голосом, слов команды невозможно расслышать из-за сплошного автоматного и пулеметного треска. Я выглянул вперед. Танков пятнадцать накатывалось на нашу передовую, за ними тянулась сплошная пылевая завеса, но в ее серой мути можно было разглядеть бегущих автоматчиков. Наши пушки заговорили в полный голос, сейчас их огонь снова усилился, но танки уже в опасной близости от траншеи. Вот он, первый! Он вырвался из плотной тучи белесой пыли, его пушка шевелилась, нащупывая цель, и выплюнула из длинного хобота оранжево-белый язык огня... Ба-бах! Тр-ра-ах!!! Снаряд рванул где-то слева. За первым танком появились новые серые машины, а все поле покрылось вспышками взрывов. От башни одного танка брызнул в стороны сноп белых искр. Правее нас уже горело несколько танков и напротив нас один горел красным коптящим пламенем. Один из танков подошел близко и выстрелил из пушки, я аж присел в окопе, в ушах оглушительный звон и я не слышал разрыва снаряда. От пуль танковых пулеметов, от беспрерывной стрельбы автоматчиков брызгами разлетается земля на бруствере.

Танки рядом и уже некуда от них деваться! Теперь уже все равно! Теперь только бой, драка, смерть!!! Скрывшись за обрезом бруствера, полагаясь на слух, я следил за нарастающим визгом и скрежетом танковых гусениц... Сейчас, сейчас! Пора! Рывком вытащил матерчатую петлю чеки из противотанковой гранаты и приподнялся, чтобы бросить, но в то же мгновение раскатились очередями «шмайсеры», я снова невольно пригнул голову. Надо бы вначале лимонку! А, все равно! Привстал и швырнул тяжелую гранату. «Толкушка» кувыркнулась в воздухе... Промазал! Тяжелый взрыв грохнул в нескольких метрах от танка. Недокинул, гад! Танк сверкнул пламенем выстрела... От тяжкого, оглушающего удара потемнело в глазах, в ушах гудящая боль. Я ударился спиной о стенку окопа и сполз на его дно...

Видно, несколько секунд я не приходил в себя, а за это время случилось многое. Выстрел противотанковой пушки остановил этот проклятый танк. Выстрел, еще выстрел – огненные брызги от брони. Танк дернулся, остановился и следующий снаряд вцепил ему под основание башни... Я живой? Вроде живой. Подбитый танк метрах в двадцати от траншеи. По всей нашей траншее сплошной треск выстрелов – хлестко бьют противотанковые ружья, стучат зенитки, и белые стремительные трассы снарядов перечеркнули поле... Несколько танков горело, черный дым стелился по полю. Мы стреляли из автоматов по солдатам противника, а Серега Мартынов – из ручного пулемета. Над передовой сплошной грохот, рев и треск выстрелов, все потонуло в угарном чаде. Атака фашистов захлебнулась. Танки, огрызаясь огнем пушек, отползли назад. Поле почернело от толовой гари, его исполосовали танковые гусеницы, исклевали снаряды и мины. Пушки и минометы еще неистовствовали какое-то время, потом их огонь ослаб и, нако-

нец, смолк. Война устала от боя, захлебнулась в человеческой крови, наверное, ей тоже требовался отдых.

...Очень хотелось пить. Воды мало. Отпил глоток из фляжки, остальное решил поберечь. Тяжко. Честно говоря, после вчерашнего боя мне казалось, я больше не выдержу такого напряжения, такой изматывающей, физически нервной встряски. Сколько же это может продолжаться? Будет ли этому конец? Хоть бы ранило в руки или в ноги, только бы не в живот, не в голову... Где-то есть госпитали, белые простыни и подушки, и нет стрельбы! Что делать – война! И чего это я? Как же другие ребята?

Кто-то отдал приказ собрать документы убитых солдат противника, у тех, что лежали поближе к нашей траншее. Трое разведчиков поползли, вернулись обратно двое. Но эти двое притащили своего убитого товарища и раненого в обе ноги немца. Раненый был без сознания, его перевязали, наложили жгуты, кое-как привели в чувство. Лицо у немца в земле, ладони рук в крови. Поняв, где он находится, немец вдруг отчаянно закричал, пронзительно и громко.

– Ну ты, ферфлюхтер! Молчи, гад, пока не врезал!

Сергея Мартынов, который и притащил этого немца, еще не остыл от боя и мог действительно «врезать». Сергей замахнулся прикладом автомата, и немец мгновенно замолчал. А Сергей продолжал его допрашивать:

– Ферштеен русиш?

– Наин, найн, – немец что-то быстро сказал, но никто из ребят ничего не понял.

– Нумер дивизион?

Немец снова начал быстро и громко говорить.

– Чего это он? – спросил Арабов.

– А хрен его знает. Вроде грозит даже, говорит «аллес капут». Только не разобрал я кому капут, – ответил Сергей.

– Гитлер капут? – переспросил немца Арабов.

– Найн. Хитлер никс капут. Ду зайн капут унд ду... – немец указывал глазами на наших ребят, предрекая каждому неминуемый «капут».

– А, мать его за ногу!

Мартынов рывком взвел автомат и наставил его на раненого немца, тот загордился руками, ожидая выстрела. Сергей не выстрелил, опустил автомат.

В траншее появился Ласточкин с перевязанной головой, без фуражки. Узнав в чем дело, приказал оттащить пленного на сборный эвакуопункт. Бежали минуты, на передовой было тихо, только где-то на левом фланге слышались разрывы снарядов. Горячка боя постепенно проходила, ребята набивали патронами опустевшие диски. В этом бою у нас один разведчик погиб и один был ранен.

Отбили одну атаку. Только одну! Что еще нас ожидает? Немцы, конечно, не успокоятся – им во что бы то ни стало нужно нас уничтожить, а нам любой ценой нужно удержаться на этом рубеже. Который сейчас час? Еще долго будет тянуться этот проклятый день?

Пригнувшись, по траншее шагает Селиванов, тащит в руке тощий вещмешок. Увидев меня, спрашивает:

– А где Беляков?

Беляков сидел в своей стрелковой ячейке и старательно устанавливал патроны в улитке автоматного диска.

– Ребята, давай все сюда на собрание, – требовательно произнес Селиванов.

– Ты чего удумал? – не поднимая головы, спросил Мишка Беляков.

– Я так считаю, что с сухим пайком нам нужно кончать. Какого хрена его беречь?

При такой жизни того гляди убьют и паек пропадет.

– А что, это дело, – поддержал Селиванова Мишка Беляков.

Паек старшина выдавал сразу на троих. В нашем «колхозе» были Селиванов, Мишка и я.

– Та-ак, – удовлетворенно протянул Селиванов. – Большинство «за», а Федька молчит. Не понимает, что этим молчанием он играет на руку классовому врагу, подрывает, так сказать, мощь Красной Армии!

Селиванов дурочится и развязывает вещмешок. Пример нашего «колхоза» оказался заразительным и через несколько минут, пользуясь затишьем, разведчики за один приступ расправлялись с сухим пайком, выданным старшиной на сутки. А как растянуть в наших условиях одну банку консервов?

На передовой затишье, бойцы расправляются с сухими пайками, курят, приводят в порядок траншею и стрелковые ячейки, уносят убитых и раненых, готовятся к новому бою. Тревожной и напряженной жизнью кипят штабы, решаются вопросы о резервах, боеприпасах, эвакуируются раненые, кто-то хоронит убитых...

Спустя много-много времени станет известно, что примерно в это же время после неудачной первой атаки на Эльхотово командир 13-й танковой дивизии немцев, которого лично знал фюрер, выразил своим офицерам недовольство. Подобные неудачи покрывают позором славное знамя дивизии, которая победным маршем прошла по полям Бельгии, Франции и Польши... Дивизия победным маршем прошла по степям Украины и Кубани и после всего остановиться здесь, у неведомой миру станицы?! Кровь павших товарищей требует отмщенья!

Против дивизии стоит горстка русских, которые едва ли опомнились от первого удара немецких танков. Командир считал, что только танковым тараном, стремительным ударом врезаться в оборону врага, смять ее, уничтожить огневые средства и взять штурмом Эльхотовы ворота. Вслед за танками автоматчики довершат начатое дело. «Я запрещаю моим храбрым солдатам отвлекаться на второстепенные дела, их цель – Эльхотовы ворота. Не нужно брать пленных, не обременять себя необходимостью их охраны и конвоирования. Только вперед!» Еще не старый и пылкий генерал говорил с пафосом, с пафосом заявил офицерам, что он сам лично на своем танке поведет на штурм свою прославленную дивизию, он будет впереди и в течение часа его танки должны выйти на равнину Осетии! Для потомка рыцарей-крестоносцев война была смыслом жизни, и он не понимал жизни вне войны. Ко всему прочему, это был, бесспорно, талантливый командир, он все рассчитал, он умел зажечь людей и повести их за собой. Ему давно и верно сопутствовала удача, он был уверен в ее постоянстве и сумел внушить эту уверенность своим офицерам.

* * *

Полковнику Добровольскому наконец удалось связаться с частями на северной окраине Эльхотово. Связь была восстановлена. Из докладов своих подчиненных он уже знал, что атака противника была предпринята малыми силами и ее отбили. Правда, проклятая бомбежка, артобстрел, вывели из строя две батареи противотанковых пушек и батарею тяжелых минометов. С минуты на минуту Добровольский ждал повторения атаки и полагал, что она будет предпринята противником гораздо большими силами. Общая обстановка на участке складывалась тревожно. По левому берегу Терека противник продолжал теснить части соседней армии и вышел на подступы к Эльхотовым воротам, оказавшись левее и чуть позади Эльхотово. Правда, там, на той стороне, не было дорог. Эльхотово нужно было удерживать, здесь шли дороги в Северную Осетию, отсюда начинался оперативный простор для действий вражеских войск. Кроме того, падение Эльхотово неминуемо привело бы к тому, что бригада окажется прижатой к горам, лишится возможности маневра... Добровольский отдал свой единственный резерв – две батареи противотанковой артиллерии под обещание командующего армией немедленно направить в поддержку бригаде танковый батальон и дивизион противотанковых пушек... Бригадные саперы не знали отдыха: труженики войны ставили мины

ночью, утром вместе со стрелковыми частями отбивали атаку врага, а сейчас, в минуты затишья, минировали местность позади нашей траншеи; работали до изнеможения, соленый пот разъедал глаза, промокли гимнастерки – саперы не знали передышек.

На переднем крае воцарилась неестественная тишина. Бойцы бригадного химвзвода притащили к нам в траншею бутылки с прозрачной жидкостью и втолковывали недоверчивым бойцам:

– Спички есть?

У кого спичек не было, тому выдавали десятка полтора рассыпанных спичек и кусочек коричневой шкурки от коробка.

– Так вот, подпалишь этот фитиль, он зашипит, а ты кидай пол-литру и старайся попать ею в моторную часть танка сверху. Только не зевай, а то вместо танка сам сгоришь к едрене бабушке. В общем, чиркнешь и кидай! Понятно?

Ребята без особого энтузиазма брали эти пол-литры, подозрительно их рассматривали и убирали в нишу для гранат в стрелковой ячейке. Не внушали доверия эти пол-литры.

Вдоль траншеи снова прошел Ласточкин, проверяя готовность своего воинства к бою. Худой, небритый, лоб перевязан грязным бинтом, он спрашивает почти каждого одной и той же затверженной фразой:

– Ну как, славяне, боеприпасы есть? Давай, держись!

У меня вроде проходят звон и шум в ушах, только вот чувство времени потеряно: что сейчас – утро, день, вечер? Ничего сообразить не могу. А немцы все молчат. Только редкие и короткие пулеметные очереди из посадки. И наши солдаты зря стрелять не приучены.

– А может, он, гад, обжегся и теперь будет сидеть тихонько и не рыпаться? – предположил кто-то из ребят.

– Как же, усидит он!

У молодых ребят пережитые стрессовые ситуации, напряжение боя постепенно проходят, и в нашей траншее неподалеку от меня собралось несколько человек. Закусили сухим пайком, закурили и чешут языки, без всякого осуждения слушают записных трепачей, по-детски откровенно радуются любой шутке, даже не очень складной. Особенно весело умели «травить баланду» Анатолий Медвинский и Федька Фролов. На сей раз Анатолий с выражением рассказывал как Яшка-артиллерист пострадал на войне и попал прямо в рай на небо. Медвинский рассказывал:

– Значит, идет Яшка по голубой земле, а кругом ангелы в белых балахонах, с белыми крыльями и, конечно, нежными голосами разные песни поют. Привели Яшку к самому главному ангелу, божьему заместителю по строевой части, тот сразу узнал, с кем имеет дело и тут же спрашивает:

– Ну как, солдат, не забыл ли ты чего на земле?

А Яшка и скажи:

– Ваше благородие, вот позавтракать я не успел и обеда не дождался, а к обеду солдату чарка была положена – вот обидно-то.

Как узнал про то главный ангел, рассердился. Приказал старшину этого, который солдата на небо нежрамши отпустил, кинуть прямо в ад к сатане, пусть тот с ним разбирается. А Яшку велел пока проводить к богову заместителю по тылу, чтобы там солдата накормили и чарку, не скупясь, выдали. Тут ангелы взяли Яшку под белы ручки и повели в райские кущи, а там уже и стол накрыт под белой скатертью, а на нем-то и рыбочка вяленая, и мясо жареное, и сальце кусочками с прожилочками, и борщ горячий, картошечка с гусиными шкварочками, компоту, конечно, ведро, не меньше.

– Ешь, солдат, от пуза, за все свои муки на земле отведи душеньку здесь, на небе, – сказал один ангел Яшке и тут же вышиб беленькую пробочку из пол-литровочки.

Тяпнул Яшка стакан граненый и показал божьим ангелам, что такое аппетит сол-

датский, а те только Яшке на тарелку все яства разные подкладывают. Упрел Яшка от такой работы, хоть на земле и неплохим солдатом считался, а ангелы с него белыми рушниками пот вытирают, а разные там девы непорочные ему еще винограду и райских яблочек на блюдах несут.

– Как, наелся, солдат? – спрашивает его один ангел, а Яшка на скамейке крутится и дев непорочных чуть не матом гонит подальше к самой божьей матери. Ангелы удивились, в чем дело полюбопытствовали, понять не могут, что это солдат так разнервничался. Тут Яшке делать было нечего, он и поведал, что с голодухи-то навалился на жирный борщ да на сало – ну вот с животом у него и приключилась беда, вроде расстройство внутреннего устройства приключилось, а как тут быть, на небе-то, он и сообразить не может.

Тут ангел успокоил Яшку, сказал, что все сейчас устроит в самом лучшем виде. Вынул он тут огненный меч и вырезал в голубой тверди дыру:

– Валяй, – говорит, – Яшка, и ничего не бойся!

Поглядел Яшка в ту дыру, да и назад скорее.

– Не могу туточки, – говорит.

– Что так? – удивился ангел.

– Да як же, побачьте, ваше ангельское благородие, прямо под этой дырою наша батарея стоит и возле пушек друзья мои батарейцы сухари грызут.

Посмотрел ангел – правда. Говорит:

– Ладно, Яшка, я тебе сейчас другую дыру устрою.

И опять тем же мечом – хлоп, и другую дыру вырезал. Поглядел Яшка в ту дыру и видит: прямо под ним фрицы у своих заряженных пушек кофий пьют. Обрадовался Яшка и говорит:

– Спасибо, ангел. Вот в эту дыру я за милую душу и сколько угодно...

Некоторые ребята смеются над незатейливой сказкой. Может, кто другой рассказывал бы, то и слушать не стали, а Медвинский «травить баланду» умел. Настроение у ребят поправилось, дымят самокрутками, смеются, шутят друг над другом. В траншее появился наш связной, это был молодой, очень худой, чернявый и смешливый парень, подвижный как белка. Он бежал по траншее и каждого спрашивал:

– Ты Ласточкина не видел?

– Здесь где-то. Да ты подожди-ка...

Каждый норовил задержать связного, узнать новости – он ведь узнает их раньше других.

– Ну что тебе?

– Как там?

– Как какали, так и какают.

– Брось шутить. Там подмоги не видно?

– Эвакопункт раненых разбомбили. Прямое попадание. От раненых и от девок одни бинты да тряпки. Батарею пушек тоже вдрызг – сам видел. А вот танки стоят.

– Какие танки?

– Наши танки. Штук пять видел. Окопали их и им хрен по деревне, стоят, а над бруствером одни пушки... Так где Ласточкин?

– Да вон он идет, твой Ласточкин.

А на передовой по-прежнему подозрительно тихо.

Ласточкин повстречался в траншее с Суменковым. Я слышал, как лейтенант спросил:

– Хорьков не возвращался?

– Еще нет. Говорят, эвакопункт разбили, так хрен его знает, куда он того фрица теперь потащит.

Впереди из вражеской посадки розовой мерцающей звездочкой полетела в голубое

небо сигнальная ракета. Опять какой-то сигнал. Посмотрим. «Нам татарам хрен одна», как говорил Тазиев, по милости которого большинство из нас оказалось в разведке.

Прошло еще несколько тихих минут, и в траншее послышался снова тревожный крик:

– Воздух!

Все разговоры смолкли, ребята разбежались по своим стрелковым ячейкам и напряженно вслушиваются в нарастающий гул. Началось. Снова началось! Пыль что ли не улеглась еще или дымка в небе, но я еще не вижу самолетов, а их прерывистый гул уже отлично слышен... Да вон они! Мать родная, сколько же их! Осталось в душе одно напряженное ожидание, в ушах словно метроном стучит... Вон они! Идут звеньями двумя большими партиями: одна чуть впереди, другая – правее и сзади. Всего никак не меньше пятидесяти самолетов.

– Вот это да! Вот это сейчас врежут, эти дадут прикурить! – говорит Мишка Беляков и странно, что в голосе его звучит чуть ли не злорадство, как мне показалось, будто «врежут» не по нему, а по чужому дяде.

Снова наполнилось все грозным гулом... Тройки, тройки самолетов, звено за звеном, справа, слева... Одна партия, та, что шла чуть впереди, летит над Терекком, похоже, она идет к Эльхотовым воротам, а может, и дальше. Вторая летит чуть ниже первой и идет прямо на нас. Они уже почти над нами... Ну! Если сейчас сбросят, то все бомбы наши! Может, пролетят? Может, цель у них другая?.. Но в этот момент первая тройка самолетов высыпала бомбы, потом второе звено, потом третье... Снова резкий нарастающий визг, земля подпрыгнула, а небо содрогнулось от грохота. Снова вернулся ад: погасло солнце, остановилось время, и раскаленный смерч взревел над нашими головами...

Потом в черном хаосе мглы, дыма, толовой гари постепенно затих гул авиационных моторов, перестала бесноваться земля, и смолк страшный грохот. Сквозь мглу стал виден диск тусклого солнца, и к людям возвращалась способность воспринимать действительность. Уши словно водой залиты, звуки еле доходят, вокруг все изрыто воронками. На окраине станицы пожары, где-то слышен отчаянный человеческий крик... Ад! Проклятие!

Вот это долбанули! Вот это, сволочи, врезали! Видно, всерьез за нас взялись, и то, что было – это цветики, сейчас увидим ягодки...

Коротко взвизгнув, перед нашими окопами рванули сразу три снаряда и еще, еще! В лицо, в спину, в голову били тугие и жаркие взрывные волны. Над траншеей повисла пыль, вокруг кислый запах взрывчатки. На спину летели комья земли, пыль скрипела на зубах, слепила глаза. Сила вражеского огня нарастала с каждой секундой. Трескуче, со стоном разлетающихся осколков рвались мины, взрывы слились в один сплошной грохот, в бесконечный град страшных ударов. Даже узкий и глубокий окоп или стрелковая ячейка больше не казались надежным укрытием, будто сама земля отреклась от нас и уже не хотела укрывать солдат от верной гибели. Головы было невозможно поднять, на спине, за воротом, в ушах полно земли... Взрыв! Еще и еще! В ушах болезненный звон, череп раскалывается от ударов, от невозможной боли... Взрыв! Прямо на бруствер окопа упал большой сук какого-то дерева с обломанными безлистыми ветками. Снова где-то надрывный крик, сквозь звенящую боль в ушах, я его все-таки слышу! В той стороне Гришка был. Неужто достало его?! Нужно ползти... Взрыв! Снова на спину сыплется песок и пыль... Откуда у них, гадов, столько снарядов и мин? Пригибаясь, то и дело падая на дно траншеи при близких разрывах, добираюсь до стрелковой ячейки Гришки Бельтюкова. Тот лежал, уткнувшись носом в землю, и прижимал к себе автомат. Стукнул его по ноге, тот поджал ногу и не оборачивается – не понял, что его стукнуло... Взрыв! Еще взрыв!.. Снова стукнул Гришку, тот, наконец, обернулся.

– А-а?

– Ты что кричишь?

Гришка очумело смотрит на меня и не понимает, что я от него хочу. Нет, кричал, конечно, не он. Искать сейчас невозможно. Еле добрался до своей стрелковой ячейки... Мать родная! Мой окоп наполовину завален землей, мина рванула почти на бруствере... Слава богу, автоматные диски, гранаты и пол-литра, как лежали в нише, так и лежат нетронутыми... Взрыв! Нет, больше уж в меня не могут попасть – воронки в воронке не бывает.

Волна разрывов откатилась от нашей передовой на окраину станицы, и тут же слышались частые, сдвоенные удары танковых пушек. Теперь надо смотреть – снова танки! Взрывом мины с бруствера отбросило в сторону упавший сук. Вон они! Их больше, чем было в первый раз. Тяжелый приближающийся гул танковых моторов леденит кровь в жилах, и я ничего не могу с этим поделать! Наверное, я трусоват или не привык еще. А как здесь привыкнешь, разве к смерти можно привыкнуть?! Впереди дым, пыль и там быстро накатывается на нашу траншею лавина танков. Их много и плохо видно за сплошной завесой дыма и пыли. Наша артиллерия уже открыла по ним огонь, по всему полю взлетают лохматые султаны дымных взрывов.

А танки все ближе. На сей раз они катятся быстро, и вроде их не сопровождают автоматчики. В разогретом солнцем воздухе, в горячих выхлопных газах все зыбится, но танки уже отчетливо видны. Многие из них делают короткую остановку и бьют из пушки, потом, изрыгнув из выхлопных труб облако грязно-синего дыма, резко дергаются корпусом и снова идут вперед. В нашей траншее кто-то кричал, подавались какие-то команды, но в сплошном грохоте взрывов и наплывающем реве танковых моторов уже ничего нельзя было разобрать. Теперь было видно, что танки больше не приравнивают свое движение к ленивому бегу автоматчиков, они катятся на нас страшным стальным тараном. Не оставалось сомнений в том, что фашисты решили проломить нашу оборону, ворваться в станицу, передавить, расстрелять и разрушить все, что попадет на их пути, а уж потом придут автоматчики, чтобы расправиться с теми, кто уцелеет.

Танки близко, и один из них в клубах пыли и дымного чада летел почти прямо на меня, уже видно, как в бурой пыли сверкают на солнце траки гусениц и пыль с них летела вперед. Танковая пушка приподнималась, опускалась от качки танка, но норовила смотреть черной пропастью ствола прямо в душу, готовая сверкнуть пламенем, ударить неотвратимой смертью. Слева, справа – везде танки. У одного открыт башенный люк, и мне показалось, что я видел немецкого танкиста, который стоял в этом люке, прикрываясь, как щитом, его круглой стальной крышкой. Этот стервец был явно уверен, что вот сейчас, через несколько секунд он ударит стальной машиной в спины наших бегущих солдат, которые не выдержат этой сокрушающей атаки, потому что человек не в состоянии такое выдержать... Выстрел – взрыв! Выстрел – оглушающий удар взрыва! Что делать?! Что делать?! Теперь даже и убежать нельзя – вне траншеи верная смерть! Где ребята? Чего молчат?! Уши не слышат выстрелов наших пушек, а глаза фиксируют только то, что делает противник...

Внезапно наступило мгновение, за которым погасли все чувства. Теперь только один этот неравный бой со стальными чудовищами. Автомат сейчас бесполезен. Вот он, танк! Теперь он рядом с подбитым собратом и продолжает лезть на траншею... Граната! Только граната! Только не выстрелил бы он первым! Только бы не выстрелил! Я выдернул тряпочную петлю с чекой... Пора! Размахнулся и бросил гранату вперед, навстречу танку... Сухо и злобно ударил короткой очередью танковый пулемет – мимо! Грохнул взрыв гранаты. Но моторный гул не оборвался – опять промазал, растяпа! Еще бутылка... Я схватил бутылку, автомат и вовремя выскочил из стрелковой ячейки в траншею: огромная черная громада ревущего танка заслонила весь белый свет. На долю секунды увидел неподвижно висящую над траншеей гусеницу, с которой сыпалась земля. Танк взревел, опустил задравшийся нос, потом тяжело, со скрежетом, лязгом перелез через траншею, обрушив ее. Я оказался чуть в стороне, почувствовал яростный рев мото-

ра, обжигающую вонь выхлопных газов и горячего металла. Корма танка в нескольких метрах, рядом. Не раздумывая, швырнул в танк бутылку. Она сверкнула прозрачным стеклом, ударилась о броню, брызнула осколками, но... пламени не было... Черт возьми, шляпа! Нужно ведь было спичкой чиркнуть! Сволочи! Нашли время чиркать спичками! Через траншею теперь правее меня лезет еще один танк и едва он перевалился через нее, как на его броне сверкнул взрыв. Тяжелый, мощный взрыв! Танк качнулся и замер, словно его ударило током. Потом он несколько раз бессильно простонал мотором, затих и из его чрева повалил густой дым. Стрельба, грохот, рев моторов... Кругом дымный чад, запах взрывчатки и пороха, пыль висит и не разобрать, что творится по сторонам. Я бросился к своей ячейке, там граната... Вдруг в реве и лязге вырос новый танк, отскочил от него на несколько шагов по траншее и наткнулся на Серегу Мартынова, тот держал в руке противотанковую гранату и кричал:

– Отойди! Отойди, тебе говорят!

Танк переполз траншею, а Серега швырнул гранату и упал на дно траншеи. Взрыв! Танк прошел еще метра четыре и вдруг развернулся бортом, по нему хлестко ударила противотанковая пушка, но тоже поторопилась – мазила!

Сзади нас вдруг в реве и грохоте треснула земляная стенка траншеи, рассыпалась и рухнула вниз. Снова над траншеей нависли неподвижные гусеницы танка и стальной дракон перелез через траншею, фыркнул облаком дыма и пошел вперед в станицу, но метрах в сорока за траншеей с грохотом подпрыгнул, окутался дымом и замер – мина! Молодцы саперы! Артиллеристы добивали другой танк, который стоял боком прямо за нашей траншеей.

И опять какой-то крик в траншее, автоматная стрельба, хлопки взрывающихся противопехотных гранат.

– Ты что лежишь?! Стреляй! – тормозит меня Серега. Я и правда ошалел! Что со мной? Так ведь и прибьют. Поднялся на ноги и теперь увидел, что к траншее бегут немецкие автоматчики. Зевать нельзя! Если они заскочат в нашу траншею, тогда пропащее дело! Автоматчики стреляют на бегу, и там вместе с ними снова танки! Мартынов на кого-то матерится и стреляет длинной очередью. Сзади нас сплошная стрельба, впереди отчаянный треск автоматов, вокруг разрывы снарядов и мин, и теперь даже не разобрать, кто куда стреляет. Один диск у меня кончился, выбил его, вставил запасной. Там в моей ячейке еще должна быть пара дисков... Пробился на свое место... Один диск лежит, другого нет. Ладно, считать некогда. Очередь! Еще! Оглох совсем от адского грохота и рева. Правее меня лупит наш пулемет, и я стреляю, но экономными короткими очередями.

– А-а-а! – кричит кто-то: либо Мартынов, либо Мишка.

Смотреть некогда! Кто-то толкает меня в спину. Оглянулся – Сашка Суменков. Он что-то кричит и показывает мне рукой направо. Я понял. Схватил диск, гранату и бегом по траншее направо. В траншее убитый, маскхалат залит кровью, вся голова в крови. На бруствере траншеи на боку лежит пулемет Дегтярева и на дне обвалившейся траншеи брезентовая сумка с дисками. Поставил новый диск.

Впереди цепью бегут автоматчики, левее их танк ползет, метров пятьдесят до них не больше. Только бы не отказал пулемет. Автомат забросил за спину и ударил из пулемета по наступающим автоматчикам веером, длинной очередью. Пулемет дрожит от злости, а диски заряжены трассирующими – белые искры упираются в наступающую цепь.

– Ага! Ага, гады!

Я чего-то тоже кричал, рядом из автомата стрелял Арабов, откуда-то появился бородатый Авдеев, он швырял вперед лимонки. В густой пыли, да еще за выбросами из пулеметного ствола газов я все-таки плохо видел результаты огня, но Арабов рядом что-то кричит и показывает большой палец. Наша траншея, несмотря на потери, встретила

наступающих немцев плотным огнем пулеметов и автоматов. Новая волна танков опять подкатывается все ближе...

– Стреляй! Стреляй! – кричит мне Арабов.

А я и так стреляю... Хлоп! Все – диск кончился. Нагнулся за новым... И вдруг удар! В глазах потемнело от близкого взрыва. Я почувствовал, что свалился на дно траншеи. Через меня кто-то перешагнул к пулемету. Боль во всем теле... С трудом встал на ноги, а танк вот он, рядом и словно тяжелый серый носорог переваливается через траншею. И тут же его броня треснула от оглушительного взрыва, танк вздрогнул и неуклюже сполз кормой в траншею, перегородив ее своим горячим туловищем. Еще один танк лезет слева, там, где уже прошло несколько вражеских машин. Сзади оглушительно бьют наши пушки, вокруг танка от взрывов взлетела земля, и следом снаряд угодил в танк так, что ему сбило набок башню. Вместе с Арабовым мы снова перешли на левый фланг, здесь близко к траншее подошли автоматчики. Нельзя было оглянуться, некогда вспомнить о товарище – все внимание только вперед, и огонь! Огонь! Автоматчики залегли, несколько танков стреляют из пушек с места, не двигаясь вперед. Впереди все поле исполосовано гусеницами. Наша траншея наполовину обрушена, горят танки на поле перед нами и сзади нас, кругом воронки и человеческие тела...

– Ага, гады, доигрались! Допрыгались!

Очередь! Еще очередь! Вдруг тяжкий и хлесткий взрыв рядом с окопом Мишки Белякова, это рядом! Вжался в землю всего на полсекунды. Выглянул – где же Мишка? Его не видно. В это мгновение на бруствере Мишкиной стрелковой ячейки выросла фигура солдата в каске, в кургузом френче с закатанными рукавами, это от меня всего метрах в двадцати. Солдат опустил ствол своего автомата, готовый выстрелить вниз в Мишкин окоп... Торопясь, почти не целясь, я ударил длинной очередью. Автоматчик не успел выстрелить, он упал навзничь, и мне были видны подошвы его сапог на бруствере Мишкиной стрелковой ячейки.

– Мишка! Мишка! – кричал я и не ждал ответа.

Конечно, Мишка ранен или убит – иначе не подпустил бы он к своему окопу этого фрица. В сплошных выстрелах и взрывах не разобрать, что там произошло. На помощь к Мишке бежать сейчас нельзя – немецкие автоматчики рядом. Теперь даже не танки, а именно эти автоматчики представляли для нас главную опасность. Они что-то кричали, бежали к нашей траншее и поливали нас огнем из своих автоматов.

Кругом сплошной треск выстрелов. Впереди траншеи горит сухая трава, мелкие язычки пламени лижут черную, как сажа, землю, седой дым перемешивается с черным дымом горящих танков... А Мишки-то не видно! Стонут, визжат срикошетившие пули. Автоматчиков много, они упрямо лезут к нашей траншее, падают, скошенные огнем, их сменяют другие и все-таки лезут. Для них остался один рывок. В нас полетели немецкие гранаты на длинной деревянной ручке. Видно, их кинули по команде сразу пачкой, они кувыркнулись в воздухе, упали перед траншеей, несколько попало в траншею, туда, где были раненые. Некоторые перелетели траншею, их взрывы забарабанили часто, будто вывалили воз кирпичей на железную крышу.

– Пауст, справа, справа смотри! – Бельтюков кричит так, что я, наполовину оглохший, все-таки слышу этот крик.

Справа по краю черной плешины выгоревшей травы бегут четверо немцев, бегут быстро к молчавшему Мишкиному окопу. Под прикрытием бруствера стрелковой ячейки я стреляю в них очередью и вдруг... задержка! Автомат не стреляет! А, черт бы его взял! Затвор не дошел до конца – перекося патрона. Взвел затвор, перевернул автомат диском вверх, а патрон не вываливается... Сейчас конец мне из-за этого проклятого патрона! И вдруг из Мишкиного окопа в упор по бегущим саданула злая трескучая очередь. Немцы словно споткнулись, словно ударились о невидимую стену и падают на дымящуюся землю.

Перекосившийся патрон, наконец, вытряхнулся из окна затвора. Выглянул за бруствер... Вот они! Двое! Рядом! Один вскинул автомат, я успел укрыть голову за срез бруствера, а с него полетела земля от пуль. Граната! Вот она, рубчатая, тяжелая лимонка... Я научу вас свободу любить! Выдернул кольцо и, не глядя, бросил гранату за бруствер. В воздухе хлопнул взрыватель... секунда, другая – взрыв! Тут же выглянул за бруствер – лежат двое в касках, ударил по ним из автомата...

– Ага, сволочи!!!

В ту же секунду оглушительные хлопки выстрелов... Теперь сам ангел-хранитель за четверть секунды до этой вражеской очереди пригнул мою голову. Брызнувшей с бруствера землей запорошило глаза. Кругом сплошной автоматный треск, а я ничего не вижу! Пилотка куда-то слетела... Проморгались глаза... Откуда же он в меня вдарил? Выглянуть опасно, и гранаты больше нет, чтобы за бруствер кинуть. Теперь только риск. Не будет же он караулить меня – не до этого! На всякий случай выкатился из своей стрелковой ячейки в траншею, выглянул – поблизости ничего не видно...

Нестерпимый, адский, смертельный огонь бушевал повсюду, и длилось это бесконечно, а может быть, один только миг. Ожесточенная пулеметная и автоматная стрельба слышалась сзади в Эльхотово – неужто там немцы?! Где ж они просочились? Как теперь быть?! А танковые моторы режут уже где-то сзади – это совсем неприятно. Оглянулся на секунду, а из Эльхотово торопливо удирает немецкий танк и тащит на буксирном стальном тросе другого подбитого собрата, у того пушка беспомощно смотрит в сторону. Оба ползут к нашей траншее. Танки закамуфлированы, они в зеленых и черных и желтых пятнах, а на борту черный крест, обведенный белой краской. По танкам бьют наши пушки, но почему-то все мимо, мимо! Танки шли левее нас, и туда побежали Мартынов с Гришкой Авдеевым, у обоих в руках противотанковые гранаты. Они скрылись за изгибом траншеи, а в это время под первым танком-буксировщиком сверкнуло пламя, и серый дым расползся в стороны. Мина! Сработала противотанковая мина, там саперы их ставили. Танк качнулся и замер. Около танка взорвались два снаряда. В это время открылся башенный люк и из танка вывалился немец, он быстро встал с земли и, пригнувшись, побежал к нашей траншее с пистолетом в руке. Немец, видно, очумел, ведь у него практически не было шансов. Он куда-то стрелял, и тогда я поднял автомат, но кто-то закричал на меня:

– Не стреляй, мать твою! Не стреляй!

До немца было, может быть, метров семьдесят. Он бежал, по нему кто-то несколько раз выстрелил из винтовки с окраины станицы. А танк, из которого выскочил этот немец, задымил, с его брони стекали густые клубы черного дыма. Немец подбежал к траншее и его больше не было видно... А, хрен с ним, с немцем! Нужно смотреть вперед. И снова за несколько секунд картина боя изменилась: еще по-прежнему выгорала трава, исходили черным дымом подожженные танки, пулеметным и автоматным треском наполнилась наша траншея, но наши пушки стреляли реже, и реже вскидывались султаны разрывов на поле.

Зато там, за пеленой дыма и пыли, было видно, как откатывались назад немецкие танки, и вместе с ними редкой нестройной цепочкой бежали назад автоматчики.

– Ага, стервы, умылись! Умылись, гады! – кричал Арабов и продолжал стрелять короткими прицельными очередями.

По траншее снова ударили немецкие минометы. Взрывы, взрывы, пыль и дым над траншеей, визг и стоны осколков. Успокаиваться рано, атака может повториться и в гораздо худшем для нас варианте. В траншее лежат люди в маскхалатах, в гимнастерках, кто-то в шинели. Раненых перевязывают, кто-то стонет... Постепенно стихает стрельба. Как там Мишка? Я пошел к его стрелковой ячейке и крикнул:

– Мишка! Беляков!

Голос у меня стал хриплым, не моим, но Мишка услышал, выглянул из своей стрелковой ячейки. Капюшон маскхалата у него откинут на спину, щека в крови, кровь размазана по лицу. Мишка вопросительно смотрит на меня.

– Ты ранен? – спрашиваю Мишку.

– Похоже, немного. Посмотри мне ухо. Гад, что наделал, а!

Мишка подал мне перевязочный пакет в прорезиненной тканевой упаковке. Я осмотрел его ухо – пуля красной полосой обожгла ему щеку и разодрала ухо. Как умел, перевязал Мишку и только увидел, что на нем не обмотки, а трофейные немецкие сапоги. На бруствере стрелковой ячейки, где был Мишка, лежал убитый немецкий автоматчик, тот был без сапог в проношенных серых носках...

Огонь немецких минометов тоже стал стихать. Над передним краем нашей обороны стелился горький дым пожаров, его сносило в поле, где еще горели немецкие танки. Вокруг воронки, воронки... и нет числа этим следам слепой смерти. На поле много убитых. Все вокруг изменилось, стало не похожим на то, что было утром: дома разбиты, покорежены сады, земля перепажана воронками и танковыми гусеницами, траншея наполовину обрушена, даже от цепочки тополей, что росли поблизости, остались всего три или четыре обрубленных ствола. Было удивительным и невероятным, что часть людей каким-то образом уцелела в этом аду!

Сергей Мартынов и Гришка Авдеев – вот уж кому везет в этом деле – притащили немецкого танкиста, того самого, что вылез из танка. Он был ранен в левую руку, его перевязали. На немце обычная полевая форма, что показалось нам странным. Белые узенькие погончики словно из тусклых оловянных шнурочков, на поясе с левой стороны пустая черная кобура пистолета, сам пистолет уже у Сереги за поясом. Лейтенант – это ценный «язык». Ему лет тридцать, лицо гладко выбрито, но худое и усталое, тяжелые жилистые руки. Немец сидел на дне траншеи, прислонившись к стенке и, казалось, был абсолютно безразличен к своей судьбе, даже глаза закрыл.

– Зи шпрехен русиш? – спросил я его.

Немец открыл глаза, посмотрел на меня равнодушно, спокойно и ответил:

– Я! Гофору ошен плёхо.

– Номер дивизии?

Немец с трудом объяснил по-русски, что он из 13-й танковой дивизии. Мы также узнали, что дивизию повел в бой ее командир, танкистам было приказано прорваться в Эльхотово и обязательно выйти к Эльхотовым воротам. Пленный лейтенант ничего не скрывал и ничему не верил. Он не верил, что мы его оставим в живых, он был убежден, что русские убивают всех пленных, и командование Красной Армии поощряет этот вандализм – он сам видел советские газеты и плакаты, где было написано: «Смерть немецким оккупантам».

– Ты хотя и лейтенант, а дурак, – заключил Авдеев.

Ребята предложили немцу закурить, тот от табака не отказался, но сворачивать из листка газетной бумаги сигарку не умел, пришлось ребятам ему помочь.

– Я вас понимаю, – с сильным акцентом говорил немец, – вы тоже боитесь плена, но мы не варвары... Вся Европа в плену у Германии, но люди спокойны, для них войны нет...

– Для тебя тоже войны нет. Ну и как? Ты доволен? – перебил Подосенов.

– Да, я в плену. Я есть офицер. Большевик меня сегодня пук-пук. Я это знаю.

– Ишь ты! Большевик его пук-пук. А сколько русских, украинцев, белорусов, поляков, чехов сегодня пук-пук? Ты думал об этом? А ты сам, лейтенант, давал русским пленным табак? – не унимался Подосенов.

– Нет, я не давал табак. Но у нас есть много лагер для пленных зольдат и офицер, где им давал кушайт.

– Ага! Я об этом уже слышал. Там эсэсовцы пленным столы накрывают, супом куриным их кормят. А сигарами тоже угощаете? И пивом поите?

Пленный промолчал. Он чего-то знал, но не хотел говорить, а в том, что он говорил, чувствовался скрытый зондаж – ему очень хотелось слышать подтверждение, что его не расстреляют. А Подосенову словно вожжа под хвост, он старательно уходил от подобных подтверждений.

– Мы дойдем, фриц, до твоей Германии. Попомни мое слово – дойдем! Тогда мы сами эти лагеря посмотрим. Вот когда мне с тобою поговорить бы!

Пленный, очевидно, понимал, что ему говорил Подосенов, чувствовал непримиримую злость в его голосе и это настораживало лейтенанта, он ожидал от этого злого русского либо удара, либо выстрела.

А в это время появился Ласточкин. Он уже знал, что поймали танкиста, поэтому с нескрываемым любопытством осмотрел пленного и осведомился:

– Этот самый?

– Он и есть, – прогудел Авдеев.

– Ты его приволок?

– Вон, Мартынов. Ну и я тоже.

– Молодец, Авдеев! Из боя выйдем – буду представлять тебя к награде.

– Служу Советскому Союзу, товарищ лейтенант! Только вот ждать-то этой награды долго придется. Вы бы приказали старшине авансом двойную порцию.

– Ну, забодай тебя комарь! Ладно. Живы будем – прикажу.

Ласточкин весь в пыли, лицо почернело от пыли, пороховой гари и от усталости. Рота снова понесла потери: четверо убитых и шестеро раненых, трое ранены тяжело и неизвестно, дотянут ли они до санроты. Что поделаешь, война!.. Нам еще в военморшколе втолковывали, что война без жертв не бывает. Тогда это воспринималось как-то абстрактно, как не очень большой процент от общей численности. Я и представить не мог, что жертвы – это не только подавляющее большинство, это намного больше. От роты ничего не останется: ее пополнят и снова всю выбьют, и так, видимо, много раз. Так разве здесь уцелеешь! Хорошо, что пока живы Авдеев, Беляков, Суменков, Осейкин, Медвинский и еще ребята, которых я теперь считаю своими боевыми товарищами и друзьями.

Ласточкин устало курит, а Мишка, когда только успел прибахлиться, хвалится карманными часами:

– А время-то уже скоро три, по моим серебряным.

– Сапог! Подведи стрелки на два часа, – советует Медвинский.

– Хлопцы, у кого вода есть? – спрашивает Ласточкин.

– С превеликим удовольствием!

Беляков отстегивает от поясного ремня новую алюминиевую фляжку в войлочном чехле и с какой-то плутовской ухмылочкой подает ее Ласточкину. Тот неторопливо открывает пробку и, запрокинув голову, делает большой глоток. Потом отнял фляжку от губ, поморщился и вымолвил:

– Какая ж тут вода! Ром. Забодай тебя комарь, ей богу ром!

Это внесло веселое оживление. Ласточкин сделал еще пару глотков, а потом фляжка пошла по кругу. Мне тоже достался глоток огненной жидкости, после чего отпустила сумасшедшая напряженность. Стало легче. В траншее появился наш связной.

– Товарищ лейтенант, на КП вызывают.

Ласточкин встал с земли, одернул гимнастерку и сказал:

– Ладно, хлопцы, главное – держитесь. Умыли мы их сегодня, будут помнить! Суменков, остаешься за меня. Авдеев, бери своего фрица и давай со мной.

Ласточкин ушел. Мы дозаряжали диски. Карманы опустели. Патроны идут к концу. Еще на один такой бой патронов не хватит.

Очень запоздало, с тяжелым ревом на бреющем полете пронеслось звено наших

штурмовиков ИЛ-2. Они прошли над шоссеиной дорогой и было слышно, как застучали их пушки, потом развернулись над посадкой, из которой противник начинал атаку, и засеяли ее градом мелких осколочных бомб. Взаимодействие у нас ни к черту, хотя сердце все равно радовалось.

Во второй половине дня все атаки на Эльхотово со стороны противника были прекращены. Бои затихли даже в районе Змейской на левом берегу Терека. Уставшая за день, захлебнувшаяся в крови война убрала свои тигриные когти и затихла. Только ленивые пулеметные очереди на передовой, да какой-то миномет со стороны противника плюнет мину, она долго и нудно визжит в воздухе, а потом раскатисто взрывается. Бьет по площадям просто так, соблюдая немецкий порядок. В нашей траншее успели перевязать всех раненых, отправить их в тыл, убрали мертвых. Те, кто остались в живых, выставили в стрелковых ячейках наблюдателей, сидели в траншее, курили и молчали. Все силы без остатка были отданы бою, слишком тяжелы и горьки были потери, поэтому и молчали.

Вернулся Хорьков, которому было поручено вытащить в тыл раненого в ноги немца. Хорьков тоже был в трофейных сапогах. Скорее всего разул того раненого немца, а что? С него хватит, это такой уж человек...

В траншее чуть поодаль от остальных сидел, вытянув ноги, Медвинский. Перемазанный, прокопченный, в своей неизменной мичманке, уставший наравне с остальными, он вдруг запел. Он тянул уже известную ребятам свою пародийную песенку о попе и его собаке, в которой подражал манере исполнения Утесова, Вертинского, Козина. Может быть, не всегда точно у него это получалось, но он старался:

*С одесского кичмана
Бежали два уркана,
Бежали в сад поповский на тишок,
Узрели они драку,
Как поп лупил собаку
За то, что мяса стырила кусок.*

*Друзья, скажите маме,
Что нет сильнее драмы,
Чем поп у пса свинину отымал...
Был праздничек престольный
И поп наш малохолный
В своем саду собаку зарывал...*

Это Медвинский пел, подражая Утесову, стараясь имитировать его голос, а потом переходил на Вертинского, пел подчеркнуто грассируя:

*Где вы сейчас, мой нежный, славный пес,
Ужели поп Акакий зарыл вас среди берез?
В последний раз я видел вас так близко –
В пролетах улицы автобус мчал,
А может быть, потом в притонах Сан-Франциско
Лиловый негр на вас ошейник одевал...*

Может быть, так себе песенка и не стоила доброго слова сама пародия, но в ней не было тяжелой издевки над талантом знаменитых исполнителей, скорее напротив... Только после сумасшедшего боя, после криков и стонов, грохота взрывов и смерти товарищей, звучание этих совершенно не военных слов помогало людям отойти от боя,

вернуть себе что-то человеческое. Многие помнили эту незатейливую песенку и сейчас слушали Медвинского, не перебивая.

Ласточкин что-то долго задерживается на КП, значит, принесет какие-нибудь новости. Так уж получалось, что в последнее время появление командира никогда не приносило чего-нибудь приятного: всегда задание, всегда разнос, тревога. Поэтому никто не сетовал на долгое отсутствие командира роты – нет его и не надо. Придет, никуда не денется, явится, как сама судьба. У бойцов передышка... А там, в поле, еще догорают танки, красные язычки пламени лижут обгорелую броню, черный дым тянется по всему полю. В поле воронки и тела убитых, их много, среди них могут быть и раненые, истекающие кровью люди. Сейчас отыскать их нельзя, даже для того, чтобы оказать им помощь – со стороны противника непременно выстрелит снайпер, протарахтит пулемет или накроют минометным огнем. До безумия жестока война! Ну, а если пойдут по полю немцы для того, чтобы собрать своих раненых? Наши ударят? Ударят! Война не на жизнь, а насмерть идет...

Сзади нас горят дома в Эльхотово, дым тянется от пепелищ над нашей траншеей, ползет по степи... Тоже, стервецы, как из мешка вывалили бомбы на станицу. Сколько сегодня там погибло мирных жителей?.. Хорошо, что тот старик ушел, из-за которого у меня с Хорьковым конфликт вышел.

«Гот мит унс» – написано на пряжках ремней у этих потомков рыцарей! На кой шут они к нам пришли? Кто их звал освобождать нас от большевиков? Почему из-за их сумасшедших идей должно страдать столько народов? «Гот мит унс» – Бог с нами... Какой бог?! При чем здесь бог?! Как можно совместить Бога, Христовы заповеди с этими танками, самолетами, скорострельным оружием?! Сколько лжи, лицемерия, фарисейства на белом свете! И людям еще нужно прикрыть низость обмана и лжи символами благопристойности! Вот она, благопристойность, – перед глазами: искалеченная земля, горящие дома, трупы, изуродованные страдающие люди, окровавленные бинты, горы стреляных гильз. «Гот мит унс»...

Медвинский крепкий парень – он еще песни поет. А я, видно, слабак, мне не до песен. Рука разболелась. Весь день боли не чувствовал, а сейчас болит. Чувствую, что бинт на руке сохся и сползает на локоть. Где-то ухитрился снова губу повредить, и на щеке кровь. Бинт на голове черный от пыли и грязи, надо его, пожалуй, снять – мешает, да и прошло уже все.

Доведенные до крайней степени усталости, нервной взвинченности, подавленные горечью потерь, мы как-то не думали, что немцы, эти опытные, умелые и привыкшие к победам солдаты, сами впервые начали познавать на деле тяготы войны и действительную цену даже незначительного успеха. Их потери были настолько серьезными, что они уже не могли продолжать бой, подниматься в новые атаки.

Уже потом, гораздо позже, дошли слухи, что командир 13-й танковой дивизии немцев, желая воодушевить своих танкистов, повел их в атаку лично. Он сделал так, чтобы танковые экипажи знали – в головном танке их ведет в бой сам командир, генерал, потомок крестоносцев, не знавший неудач и поражений. Судьба распорядилась так, что бой в районе Эльхотово стал последним для генерала. Он погиб по-рыцарски – в смертельном бою. В сражениях он не знал пощады, и его не пощадил смертоносный снаряд.

А фельдмаршал Лист? Он еще не знал, что через несколько дней кончится его карьера, что он станет опальным фельдмаршалом у разгневанного фюрера. Но пока, предчувствуя недоброе, этот повидавший виды пожилой потомственный генерал заявил, что он предвидел неудачу – у противника было время, чтобы подготовить прочную оборону. Но это еще далеко не последнее слово фельдмаршала. Штаб фельдмаршала обратил внимание на то, что в районе Илларионовки довольно сносная дорога через горы на Заманкул. Авиаразведка не обнаружила на перевале признаков присутствия войск противника... Это неплохая идея – пока стоит сухая погода, дорога вполне может быть

проходимой для техники, и тогда один хороший полк способен оседлать сравнительно невысокий перевал, спуститься на другую сторону гор, выйти в тыл Эльхотовым воротам. В результате решительного и быстрого маневра можно рассечь оборону русских у Илларионовки, выйти к Бруту, к Беслану, и оборонительный пояс в Эльхотовых воротах потеряет всякое значение. Это пока штабной замысел, это завтрашний день войны...

Сегодняшний день будет отмечен в штабных сводках по-разному. Генеральный штаб Красной Армии подготовит сводку, в которой наряду с другими важными событиями на Советско-Германском фронте будет отмечено, что войсками Закавказского фронта были отбиты ожесточенные атаки противника в районах Новороссийска, Туапсе, Эльхотово и Малгобека. При этом противнику был нанесен большой урон в живой силе и технике.

Верховному командованию вермахта также станет известно, что доблестные части фельдмаршала Листа на Кавказе, преодолевая ожесточенное сопротивление большевиков, которые бросили в бой свои последние резервы, продолжали наступательные операции, продвинулись вперед и расширили фронт прорыва.

У солдат была тоже своя правда и свои сводки. Здесь, на границе Азии, под Эльхотовом доблестным немецким войскам, покорившим Европу, набили морду. Нам это тоже дорого стоило – набить морду такому противнику, как немцы, совсем не просто, если учесть еще и то, что мы были в явном меньшинстве и враг превосходил нас в танках, авиации и артиллерии. Мы все-таки выстояли и заставили противника отказаться от повторения атак на этом направлении.

Все пережитое за день казалось кошмаром. Становилось даже жутковато от сознания, что ты уцелел в этом аду по чистой случайности, но в душе уже зрело другое торжествующее чувство от осознания того, что мы не уступили, мы отбили от очень сильного противника, от его подготовленного натиска.

На дне траншеи сидит с перевязанной головой Митька Козловский, уже пожилой солдат, которому наверняка за тридцать, он «смолит» коротенький, обжигающий пальцы и губы окурочек и убежденно говорит:

– А что, это им не сорок первый год! Теперь за все сполна платить надо, нахрапом нас не взять!

С Козловским никто не спорит, он прав. Похоже, что немцам накостыляли так, что сегодня они уже больше не полезут.

Солнце уже покатило над горами Большого Кавказа к западу. С КП вернулся Ласточкин с каким-то незнакомым лейтенантом, а за ними мелкими группами по 3-4 человека по ходу сообщения в нашу траншею втягивались бойцы какой-то новой части.

– Разведка, собирайся и за мной шагом марш! Суменков, Подосенов, проверьте траншею, чтобы кого не забыть!

Уже минуты через полторы, соблюдая дистанцию, тоже мелкими группами мы уходили в Эльхотово. «Наконец-то! Сколько ночей не спали, вчера сумасшедший бой, сегодня – да долго ли может человек такое выдерживать!»

Уходили с передовой не только мы, по соседнему ходу сообщения тоже осторожно, пригнувшись, уходила рота автоматчиков и еще какие-то подразделения, вернее то, что от них осталось. За первыми разбитыми, еще дымящимися развалинами собирались, поджидая тех, кто отходил в последнюю очередь. В одном месте собирались и автоматчики, и разведроты. Один из автоматчиков прикурил от моей сигарки, затаился всласть дымом и вдруг спросил:

– Не помнишь меня?

– Да вроде виделись где-то, – ответил, чтобы не обидеть товарища, хотя никак не мог вспомнить, где мы могли встретиться.

– А я помню. На барже мы вместе были и в Верхнем Акбаше виделись. Ваш дружок у нас был.

– Какой дружок?

– Васька Тарасенко.

– Вон оно что. А где он?

– Накрылся сегодня Васька. Мужик был что надо и воевать умел. Сегодня как этот танк-то через нас полез, Васька ему гранатой противотанковой по моторной части как врежет! Только сам-то очень уж близко к танку был, не рассчитал. Она как рванет, а Ваське осколком в голову – сразу готов...

– Жалко! Хороший мужик был.

– То-то оно! Хороших-то и долбаёт в первую очередь.

Помолчали. Каждый по-своему помянул Ваську. Потом автоматчик тихо спросил:

– Значит, снимаемся. Не слышать, теперь нас куда?

– Кто ж его знает.

– Разведка должна знать. На то она и разведка. Может, отдохнуть денек дадут – больше мочи нет.

Не успели докурить сигарки, как скомандовали для разведки подъем.

– Ладно, бывай, – кивнул автоматчик.

– Счастливо, брат.

Гремят вразнобой ботинки по сухой земле. Идут солдаты в пыльном, порванном обмундировании, многие в бинтах, лица у всех чумазые, многие обросли щетиной... Сзда слышны короткие пулеметные очереди, правее нас рвутся редкие мины. В станице много разбитых домов; воронки, сломанные сучья деревьев, распухшие туши убитых лошадей в придорожных канавах. Я уже и позабыл, что на свете бывают совсем другие дороги.

* * *

В расположение роты мы пришли в сумерках, еле дотащились до своего оврага. На своем привычном месте сложили автоматы, поясные ремни с тяжелыми дисками и минут двадцать лежали молча. Подняться снова на ноги нас заставила единственно всесильная команда: «Всем на камбуз!» Сам старшина раздавал ужин из большого запеченного бака. Я подставил свой котелок и нахально сказал:

– Сыпь на меня и на Журавова.

Этот трюк у меня всегда гладко проходил с нашим невезучим поваром, прошел и со старшиной. Правда, кто-то из стоящих за мной ребят фыркнул от смеха, может быть, поэтому у старшины рука дрогнула, на секунду черпак завис в нерешительности над подставленным котелком, а потом все же положил две порции. Было заметно, что ужин варил не повар: кукурузная каша оказалась неразваренной, пересоленной, зато мяса было вволю. Ребята стряхивали с вареной свинины полусырую кукурузу и жевали мясо с черствым солдатским хлебом.

Сегодня каждый «активный штык» получил по 200 грамм крепленого вина. Раздавал вино санинструктор Петренко и при этом заметно шельмовал: он отмерял порции какой-то подозрительно мятой кружкой, уверяя каждого, что «в ней аккурат двести грамм – проверено». Спорить с ним никому не хотелось. На что Хорьков – и то смолчал. Только Гришка Авдеев с Подосеновым категорично заявили, что если Петренко им не нальет так, как положено, то они ему морду набьют. Быть бы спору, но его на корню пресек подошедший Ласточкин. Петренко был вынужден обоим разведчикам налить с небольшой добавкой, а Авдееву выдать двойную порцию, как обещал еще днем командир роты. Поужинали, почистили оружие и спать... Скорее спать! Спать, и пропади все пропадом! Только в этом сейчас спасение.

Ночь звездная и холодная. Мы с Мишкой жались друг к другу спинами и во сне каждый бессознательно старался перетянуть шинель на себя. Холодно. Видно, осень и сюда

дотянулась. В Москве, может быть, сейчас мокрый снег лепит... Не сон, а мученье – то и дело просыпаешься от холода.

Только было пригрелись, кажется, только успели уснуть, как всех переполошил, встревожил, поднял возмутительно-противный крик:

– В ружье! В ружье!

Опять «в ружье», опять что-то случилось. Когда подается такая команда, то первым делом хватай оружие, а потом сапоги. Когда ж этому будет конец?!

Встал со стоном. Никак не мог проснуться, не мог сообразить, что от меня хотят, не мог стряхнуть с себя остатки обморочного сна. Все ребята злые, невыспавшиеся, но уже доходит до каждого, что спать долго теперь не придется, иначе не подавали б такой команды.

Разведчики собираются на привычном месте возле кострища. Темно. Зябко. Небо в россыпи холодных звезд.

– Становись! Пошевеливайся! – подгоняет командир роты.

Судя по голосу, он тоже злой и чем-то недовольный. В нашем овраге темно и никто не знает, который сейчас час. Ребята в строю толкаются, кто-то не может найти своего привычного места. Это дает повод Ласточкину ворчать и покрикивать на нас:

– Тоже мне, разведка! Вы что, к теще на блины приехали? По команде «в ружье» вам десять секунд на сборы, а у вас что? Собиралась кума на базар. Рота, р-равняйсь! Сми-ир-рно!

Мы построились, подровнялись. Соблюдаем ли мы правила стойки по команде «смирно» – в темноте не видно, но Ласточкин все равно ворчит:

– Что за порядок, забодай вас комарь, – автоматы у одного на шее, у другого на плече, у третьего за спиной. Вы что, партизанить собрались? Кого нет в строю?

Оказалось, что в строю все, кроме хозяйственного отделения. Там ребята суетятся возле повозок и лошадей. Всех построившихся около тридцати, включая хромого Федулу Фролова и самого командира роты.

– Слушать внимательно! – начал Ласточкин. – Обстановка на нашем участке хреновая. К концу дня противник Илларионовку захватил. Вечером положение восстановили, но часть автоматчиков-диверсантов скрылась в лесу. Ваша задача: прочесать лес, выйти в Илларионовку и провести разведку боем на участке батальона Котенкова. Нужен «язык». Понятно?

– Понятно.

– Место поиска уточнить с комбатом. Запасись боеприпасами до упора. Получить у старшины сухой паек на сутки. И еще – мы отсюда снимаемся. Утром обоз будет в Заманкуле, это от Илларионовки через перевал. Понятно?

– Понятно.

Ласточкин помолчал и мы подумали было, что пора расходиться. Строй было зашевелился, но Ласточкин вдруг сказал с нескрываемым раздражением:

– Кто разрешил? Смирно! Главного еще не сказал. Вчера в бою был взят «язык» – раненный в ноги ефрейтор, при этом погиб один разведчик, ваш, между прочим, товарищ. Он за этого «языка» жизнь отдал, а вы подло расправились с этим «языком». Это что за новости, я вас спрашиваю?!

Все ошарашенно молчали и не могли понять, кому обращены конкретно эти упреки, кто догадался расправиться с немцем и что все это означало? Текли секунды. Строй молчал. Тут Ласточкин снова подал команду:

– Хорьков, два шага вперед!

Из строя вышел Хорьков. Был виден только его темный силуэт.

– Хорьков, вам было приказано вытащить с передовой раненого пленного и доставить его на сборный эвакуопункт. Вы приказание выполнили?

Вон оно что! Теперь все ясно. Теперь понятно даже, откуда у этого хмыря на ногах немецкие сапоги. Неужто убил?

Все почувствовали, что вопрос Ласточкина был для Хорькова неожиданным.

– А я шо? Как велено, так и сделал...

– Вы как отвечаете?! – Ласточкин вспыхнул, что было явлением редким. – Устав для кого писан?! Кому сдали пленного?

– Дык, шо? Как было приказано, сдал на этот... на эвакуопункт.

Все почувствовали, что лейтенант подавил в себе готовый выплеснуться гнев. От злости и негодования он перешел с Хорьковым на «ты».

– Так вот, Хорьков, не был ты на эвакуопункте. Ты где гулял, я тебя спрашиваю?!

– Дык, врут они. Мне шо? Приказано – я и сдал.

– Так-так. Думаешь, дураков нашел? Тогда с тобою в трибунале или в особом отделе поговорим!

– Дык шо?..

– А то, что пленного нашли убитым. Вот что.

– Ву шо! – попытался оправдаться Хорьков. – Обстрел был такой..., шарахнуло его – и с приветом. Сам еле спаси.

– Врешь ты, Хорьков. Пленный был убит не осколком, а пулей.

– Дык шо! Можя и пулей. Мне плевать на того фрица...

– Отставить! Ты врешь, Хорьков. Перед всеми товарищами врешь! Раненый немец убит выстрелом в лоб, в упор, автоматной пулей. Так что отвечать тебе придется за воинское преступление и за невыполнение приказа, а заодно и объяснить, где ты пропал во время боя. Ты намеренно убил пленного, которого взяли в бою разведчики.

– Дык за шо отвечать?! Ваш Кудряш пленного ухлопал – ему ничего! Ему можно! А как Хорьков – так отвечать... Я ить все знаю, я ить скажу, где надо...

– Молчать! Шаромыжник ты, а не разведчик! До выяснения дела будешь при обозе под арестом. К старшине шагом марш!

Хорьков ушел, а впечатление такое, будто каждого из нас грязью вымазали. Ну и прохвост!

– Для всех остальных: группой командует младший лейтенант Данилов, его заместитель – Суменков. Всем быстро позавтракать и алжур три креста! Р-разойдись!

Разошлись. Занялись подготовкой, а Беляков ворчал:

– Напугали! Да ему даже лучше. Где только голова у начальства? Вот кто не виноват, тот сегодня же подставит лоб под пули, а этот хлюст будет сачковать в обозе!

Данилов и Суменков ушли в шалаш к Ласточкину уточнять детали задания, а мы запасались гранатами и набили патронами карманы брюк так, что от тяжести того гляди штаны свалятся. Торопливо позавтракали чуть теплыми остатками ужина. Похоже, время еще раннее, коли еще ужин не остыл. Сухой паек – вареное мясо и хлеб – был подготовлен старшиной заранее. На сей раз таскать вещмешок очередь Белякова. Продуктов, кажется, маловато, но опытный Медвинский успокаивал тем, что «солдат и на подножном корму проживет».

– Данилов! Какое хрена копаешься? Давай быстрее! – подгонял Ласточкин.

Мы не построились, как положено, все равно в темноте не видно, просто собрались в кучу и слушали, как Данилов доложил командиру роты, что разведгруппа к выполнению боевого задания готова.

– Все! До встречи в Иларионовке или на перевале. Шагом марш!

Вот и все! Так просто и буднично. Прощай, наш гостеприимный овраг с кизилковыми зарослями и родниковой водой, больше не увидимся...

Ласточкин и Попов на сей раз участия в поиске не принимали и их никто не осуждал:

Попова по голове изрядно наверху, еле на ногах держится, а сейчас его куда-то в штаб бригады вызвали; Ласточкин тоже немного подранен и несколько суток не спал, ребята говорят, что он даже «с лица сошел». Среди разведчиков у нас еще Боев перевязан, но под маскхалатом не видно, у Мишки Белякова перевязано ухо, поэтому у него капюшон на голове, а моя рука еще перевязана, болит немного, и на физиономии солидный синяк, окруженный желтым, как спелая кукуруза, пятном. Повязку с головы я еще в Эльхотово содрал – бинт размотался и на глаза съезжал.

Сегодня начинается в нашей жизни что-то новое, только ждать добра от этого нового не приходится – все равно бой, кровь, чья-то смерть и чьи-то смертельные муки...

Поселок Илларионовка стоит у самого подножья гор, на краю старого леса. Отсюда шла дорога на довольно высокий перевал через горы. Захватив поселок, немцы фактически рассекали фронт нашей бригады и открывали себе путь на перевал. Для нас это было очень опасно. Да что для нас – для всего закавказского фронта было опасно, так же, как потеря Эльхотовых ворот или Малгобека. Все это понимали и в штабе фельдмаршала Листа. Первый оперативный успех в направлении Илларионовки окрылил противника. Ему потребовалось сравнительно немного усилий, чтобы опрокинуть оборону наших частей, захватить Илларионовку и двинуть автоматчиков к перевалу. Илларионовка и перевал на данном этапе казались немцам ключом к воротам Осетии. Желанные перспективы казались близкими и реально достижимыми. В конце концов, военный талант – это дар божий, это наследственный дар, это разум поколений достойнейших полководцев. Настало время, и нужно поставить одну из завершающих точек в гениальных, провидческих планах фюрера. Фельдмаршал знал, что здесь, на Кавказе, у генерала Тюленева нет достаточных сил, нет резервов, нет даже подготовленных рубежей обороны, чтобы остановить, задержать бронированный кулак группы армий «А». Русские могли временно задержаться в районе Эльхотовых ворот, но сколько еще брешей в их обороне: Вознесенская, Малгобек, Лакисово, Илларионовка. Этот Тюленев не может рассчитывать на помощь своего Сталина, т.к. группа армий «Б» завязала бои в Сталинграде, а этот город с точки зрения престижа и стратегии очень важен, к нему сейчас прикованы основные силы и Красной Армии, и народа. Все говорило за то, что древнегерманский бог войны Вотан и гений фюрера неизменно ведут к победе, и теперь уже видны ее сверкающие крылья. Большевицкий Колосс повергнут, и ничто не спасет его, в этом уже никто больше не сомневался... Сообщение о том, что неожиданным контрударом русские восстановили положение у Илларионовки, не обескуражило Листа. Это досадно, но это далеко не трагедия. Он много раз повторял своим офицерам, что благодушие и недооценка сил противника – это скрытые союзники врага. В который раз его подводит разведка – она прозевала момент, когда русские сосредоточили силы для контрудара. Но главное выяснено: оборона у противника и здесь шаткая, а перевал, этот ключевой рубеж, вообще не укреплен, и никто его не обороняет. Нельзя упустить этот благоприятный момент.

Фельдмаршал приказал в ночь стянуть сюда основные силы, утром бросить их на Илларионовку, уничтожить врага и к середине дня выйти на перевал. Он был уверен, что к концу дня и перевал, и первые селения за перевалом будут в руках его войск. Уверенность в исходе операции – это уже часть боевого успеха!

* * *

Наша разведгруппа прошла километра три по дороге вдоль гор к Илларионовке. Невыспавшиеся, злые, не отдохнувшие после тяжелого боя ребята шли молча, экономии силы. Даже о проступке, а может, и преступлении Хорькова, о настоящем ЧП для любого другого времени, сейчас не хотелось говорить. Все осуждали Хорькова, у всех на душе было гадостно от того, что этот хмырь пытался приравнять свое ничем не спрово-

цированное убийство пленного к выстрелу Кости Кудряша. Неловко было и от того, что вот перед всеми бросил, прохвост, незаслуженную тень на Кудряша – смелого и добросовестного разведчика, и никто из нас не дал отпора, не осадил его. Многие из ребят чувствовали себя неловко, вроде даже виновными перед товарищем в совершенной над ним подлости.

В стороне Эльхотово и правее по всей степи всполохи осветительных ракет. Над Эльхотово в небе «люстры» висят, далеко ухают разрывы мин и обманчиво медленно плывут над степью пунктиры трассирующих пуль. Здесь у подножья гор, у кромки большого леса тихо и темно. Слышен только нестройный топот ног, кто-то лениво ворчит:

– Это ж надо! Нагрузились как выючные ишаки: два диска на ремне, две гранаты, в карманах патронов столько, что штаны спадают! – ворчит человек, хотя хорошо понимает, что иначе нельзя. Ворчит потому, что не он сам решил, а ему приказали нагрузиться, ворчит потому, что выполняет чужую волю, а скажи ему: «Ты идешь в бой, определи сам, сколько тебе боеприпасов нужно» – он бы больше взял, он бы сухой паек оставил, а боеприпасы взял. Такова человеческая натура.

А брючный и поясной ремни, кажется, действительно кожу на поясе до костей протрут. Больно – спасу нет, того гляди наружу мослаки вылезут.

– Привал! – командует Данилов.

Все рады передышке. Уставшие люди опускаются на пропыленную придорожную траву и вытягивают натруженные ноги.

Над нами звездная бесконечность. Становится прохладно. Меня спасает тельняшка, которую еще в Московском флотском экипаже выдали, а у кого просто красноармейское х/б обмундирование – начинают стучать зубами. А все-таки здорово лежать ночью вот так в степи на голой земле: пахнет степными травами, полынью, землей пахнет... Только бы никто не трогал, не нарушал покоя. Помню закатное небо в деревне, и я так же лежал в душистых луговых травах... Там были странные цветы – на высоком тонком стебле их бывает иногда до десятка. Это даже не цветы, а только бутоны светло-коричневые с легким фиолетовым отливом и тускло-желтыми маленькими лепестками, сложенными вместе. Все бутоны обязательно склонены к земле, и если хоть один из них раскроется, то цветок очень быстро роняет свои лепестки. Я не знал, как эти цветы называются, на них и внимания никто не обращал, а они, как сказка, как печальная и незаметная Алenuшка... Золотисто-розовое небо, на траве закатные блики и эти странные почти незаметные цветы, их на лугах всегда много. Их только не надо трогать – пусть растут, они не бывают красивыми, они сама застенчивость, сама скромность, незаметность и загадка, как русская душа... Вон, деревенский парень Васька Артемов сидит на лугу. В пятнистом маскхалате его не скоро заметишь. Откуда у Васьки маскхалат? И сапоги у него немецкие с белыми шляпками гвоздей на толстых подошвах...

– Подъем! Хватит спать! А ну, подъем!

А я опять уснул... Даже сон какой-то видел, спокойный и хороший сон. Ребята встают на ноги нехотя. Нам бы денечек отдыха! Нам бы только ночку спокойно поспать! Сколько же прошло времени с того первого боя у Верхнего Акбаша, когда я впервые увидел немецких мотоциклистов и бронетранспортер? Сколько? Похоже, что здесь уместилась уже вся жизнь, целая вечность! Похоже, всегда был и никогда не закончится бой, и уже вся земля – это воюющая планета... Все в голове перепуталось, сплошная чехарда... Что-то еще ждет нас сегодня? Уже сегодня! Завтра воспринимается как нечто далекое и нереальное: кто это еще доживет до завтра, но что-то случится с нами еще сегодня?

Данилов начинает объяснять сиюминутную задачу и на сей раз говорит не языком приказа, не в повелительном наклонении и с командирским нажимом, а будто оставляя за каждым из нас право возражать, высказывать свое мнение. Это не похоже на Данилыча, что-то происходит с ним непонятное: то он за пустяковую мелочь убить человека готов, то говорит вот так:

– З-знач-чит п-пост-тавлена нам з-зад-дача п-прочесать лес... В-вот и д-думай! Эт-то, д-думаешь, ш-шут-точки? Д-давай так: т-три г-груп-пы пошлем. К-как думаете?

Услышав такое, ребята даже растерялись. «Как думаете?» И это говорит Данилов – человек прямой, резкий, решительный и даже грубоватый.

Тяжко ему, и нам плохо. Ни возражать, ни советовать никто командиру не стал.

– М-мед-двинский!

– Я!

– Б-бери в-восемь ч-челов-век и п-п-по в-верхней к-кромке леса.

– С-суменк-ков!

– Я!

– Б-бери с-семь ч-человек и п-п-по ц-центру. Со мною о-ост-тальные. Я п-пойду н-нижней оп-пушк-кой. Соб-браться н-на д-дороге в килом-мет-тре от Иллар-рионовк-ки. Если п-понятно, т-тогда п-пошли. Д-давай, М-мед-двинский!

Медвинский отобрал ребят и отправился в горы. Подождали минут пятнадцать, тихонько покурили:

– С-суменков, д-давай!

В свою группу Суменков взял Авдеева, Подосенова, Митьку Козловского, Золотова, Бельтюкова и меня с Мишкой Беляковым. Как-то все привыкли, что мы с Мишкой старались бывать вместе, нас и не разлучали без надобности, в разведроту это даже поощрялось.

Мы в лесу. Темень адская. То и дело попадаем в непроходимые заросли корявого горного дубняка. По-моему, здесь не то, что немецкий автоматчик, здесь мышь не пролезет. А спины уже взмокли на крутом подъеме, жарко делается. Все начинают понимать, что наши старания совершенно напрасны, здесь нет ни единой живой души, здесь даже шакалы не воют. Автоматчиков, если они есть, стоит искать возле Илларионовки или внизу у дороги, а что делать им здесь? Чего ради они станут блуждать ночью по горам, в лесу и в такой темени... Идти по кособокому тяжело – невольно с направления сбиваешься, вниз сами ноги тащат. Все идет, вытянув вперед руки, чтобы глаза ветками не выдрать. На полянах чуть светлее, заметны группы деревьев или кустарника. Отсюда хорошо видно, как внизу, в стороне Эльхотова, немцы кидают осветительные ракеты, чуть выше ракет висят «люстры» – там, очевидно, действуют немецкие ночные бомбардировщики. «Люстрами» бойцы называли немецкие осветительные бомбы – это та же осветительная ракета, только во много раз более мощная и подвешенная на парашюте. Поток горячего воздуха от пламени позволяет парашюту очень долго висеть почти неподвижно в воздухе. Часто такие бомбы сбрасывают с самолетов пачками, по три-пять штук, поэтому их и окрестили «люстрами». Их желтоватый свет настолько ярок, что сегодня и нам малость помогает вовремя заметить черный провал оврага и не свалиться в него. В темноте ребята проламываются сквозь заросли, словно медведи, трещат сучья, все сопят, кто-то громко матерится. От нашего прочесывания толку никакого. Мы идем цепочкой друг за другом, идти развернутой цепью невозможно. Мне кажется, что теперь главное для нас не прочесать, а пройти заданным маршрутом. Если здесь и есть автоматчики, то мы пройдем мимо них в двух шагах и ничего не заметим. Хуже будет, если они в засаде – на всех нас хватит трех хороших очередей из автоматов. Думать можно всякое, а идти нужно – это приказ и в армии он не обсуждается, а выполняется. Это железное правило мне хорошо знакомо еще с военно-морской школы.

Прошли с километр, может быть, и больше, и вышли на сравнительно ровную с небольшим уклоном поляну.

– Перекур! Посидим, послушаем, – скомандовал Суменков.

Остановились и устало плюхнулись на землю. Тихо так, что слышно, как в ушах кровь шумит. Минут десять сидели молча, а потом Витька Золотов вдруг предложил:

– Давай я очередью по лесу шаракну.

– Зачем?

– А этих автоматчиков и диверсантов пугану.

– Удумал! А если там Медвинский с ребятами? – рассуждает Подосенов.

– Так Медвинский выше нас.

– Ночью, брат ты мой, в два счета все перепутается: кто был выше, станет ниже.

– А я вверх садану, – не унимался Золотов.

– Выстрел – это сигнал тревоги! Зря не стреляй, – заметил Суменков.

В это время Гришка Авдеев вопреки всем правилам маскировки вдруг чиркнул спичкой и начал прикуривать. Может быть, потому он делал так открыто, что не мог иначе – бороду опалить боялся, а может и по другой причине. Пламя спички кажется нестерпимо ярким, как ракета, оно освещает Гришкино лицо, даже трепещет на листьях соседнего куста.

– Ты что делаешь?! Охренел совсем! – возмущается Козловский, но Авдеев совершенно спокойно, невозмутимо прикурил, затянулся дымом и, не маскируя огня папиросы, ответил:

– Курю, Митя! И пошел ты на хрен с твоей маскировкой. Вот если бы сейчас немцы этот лес прочесывали – они бы с фонарями шли и стреляли бы по каждому подозрительному шороху или тени. А мы все трусимся, как бы нас Гитлер из Берлина не увидал. Какого черта и прочесывать, если мы всего боимся! Вон, смотри – сидят фрицы на передовой и пуляют ракетами. А мы, как тараканы в щели, сами себя боимся, а я не хочу бояться. Я здесь хозяин! И пусть фрицы подвинутся и меня не злят, я человек нервный. Будь я командиром бригады, я приказал бы не прочесывать, а по всем горам костры разжечь. Пусть, паскуды, думают, что здесь наша оборона, пусть боятся.

Суменков, видно, согласен с Гришкой, не останавливает его, а мне кажется, прав Козловский, и я поддержал его:

– Вы что, ребята! Зажженную спичку в бинокль за десять километров можно увидеть. Что – маскировку зря, что ли выдумали?

– Не зря, – упирается Авдеев. – Только она нужна там, где действительно нужна. Вот лазили к фрицам – там, конечно, курить не стоило, ну а здесь? Ну, вот увидят меня сейчас фрицы, что – они мне на хвост соли насыплют? Из пушки сюда пальнут? Чего мы жмемся?

Суменков тоже закуривает, за ним и остальные, даже мы с Козловским, и нам становится забавно, что немцы видят, а укусить не могут. Правда, мы с Митькой по привычке курим в кулак.

В горах тихо и нестерпимо холодно. Дураки, что шинелей не взяли. В черной бездне, где растворилась ночная степь и, по всем правилам, должен быть горизонт, видна очень далекая, но яркая звездочка желтоватого пламени. Она почти неподвижна и действительно похожа на очень большую оранжевую звезду, но если долго и внимательно на нее смотреть, то становятся заметными переливы, трепет пламени, будто эта звезда шевелится.

– Сильный пожар. Это нефть горит, – замечает Золотов.

Видимо, он прав, только уж больно далек этот пожар.

– Не иначе, как в Майкопе. Там нефти много, а пожар с гор и видать, – предположил Беляков. Он считался знатоком Кавказа, так как после опасного ранения в шею в госпитале лежал в Нальчике.

– Не говори зря. В Майкопе! Эка хватил. До Майкопа теперь, что до Берлина. Отсюда ни Майкопа, ни Эльбруса не видно. Это где-нибудь в Майском или в Котляревской, – определил Суменков.

Все молча смотрели на далекое пламя, дальний и грозный пожар. Он напомнил нам о войне, о тревоге, о том, что огромный кусок нашей земли сейчас под немцем, и там устанавливают захватчики свой «новый порядок».

- Интересно, где сейчас Медвинский? – слышится голос Подосенова.
- Где-нибудь на траверзе. Авдеев! А ну, свистни погромче, – командует Суменков.
- А если немцы? – снова осторожничает Козловский.
- Если немцы, то они на свист не пойдут, они драпанут отсюда. В окружении здесь

они, а не мы.

Суменков и Авдеев, на мой взгляд, ведут себя неосторожно и нагло. Гришка засовывает пальцы в рот и мертвую тишину раздирает пронзительный и невероятно громкий свист. Вот так свистел, наверное, Соловей-разбойник во лесах во киевских. Тихо. В ответ ни звука...

- Да что они, дураки что ли? Они точно уже вниз пошли, – вслух рассуждает Золотов.
- Пожалуй, – соглашается Суменков. – Сейчас и мы пойдем.
- Слушай, старшой, давай и вправду на страх врагам костерик маленький. Малость погреемся, как люди, и тогда уж пойдем, – просит бородатый Авдеев.

Теперь даже Козловский молчит – вроде бы опасно, непривычно, но хочется. Если кто из ребят и сидел у ночного костра, то только до войны.

- Давай, – соглашается Суменков.

– Давно бы так. Хлопцы, тащи сухих веток побольше, – говорит Авдеев и первым шагает к опушке леса.

Я тоже отправился. Автомат за спицу и пошел. Рядом овраг, а на дне оврагов здесь непременно прорва валежника. Осторожно, цепляясь за ломкие сучья, спустился в овраг – ни шута вниз, одни камни и темень. Прошел немного вниз, а овраг стал заметно круче. «Этак голову здесь сломишь», – подумалось мне. Я вернулся немного назад и вылез на противоположную сторону оврага. Там крутой горб, заросший старым лесом, и снова овраг. Меня зачем-то понесло туда. Спустился. Тьма такая, будто меня в ящик из-под сажи посадили. Воздух здесь влажный, холодный и конца этому склону нет. Нужно вернуться. Отсюда и валежины не вытащишь. Здесь при такой крутизне загудишь в какую-нибудь пропасть – костей не соберешь. Обратное еше вылез, похоже, с пути сбился. Раза два ноги скользили, и я с трудом удерживался, ухватившись за сучья руками, а камень, вывернувшийся из-под ноги, зашуршал, зацокал, куда-то далеко улетел. Все-таки вылез обратно. По моим расчетам, теперь следовало перелезть еще овраг. Ничего себе принес валежин! Смеяться ребята будут. Спустился в первый овраг, он не такой глубокий. На дне столько валежника, что перелезть его невозможно. Как же это в первый раз я прошел мимо. Валежины мокрые, обросшие мхом, и гнилые. Они неподъемно тяжелые. Здесь дай бог самому вылезти! Пришлось пролезть немного вверх по склону и там уже выбрался на другую сторону оврага. Надо просто вернуться к костру и поискать сучья на опушке леса, но прежде необходимо подняться по противоположному склону оврага. Склон здесь скользкий, глинистый, среди старых деревьев непролазные заросли мелколесья. Автомат цепляется стволом за какие-то ветки, словно меня кто-то назад тянет. Я карабкался вверх и клял себя на чем свет стоит, исцарапал руки, без костра стало жарко. Наконец, все-таки выбрался из проклятого оврага. Уф! Правда, жарко, да еще диски и, главное, гранаты на поясе – это опасно! Если какая-нибудь ветка за кольцо гранаты в темноте заденет – непременно подорвешься, тогда не будет спасения. Занесло меня! Правду говорят: заставь дурака богу молиться... Наверху я ожидал увидеть нашу поляну и костер, но здесь не было ни костра, ни самой поляны – один крутой склон и лес! Наваждение какое-то! Я решил, что спутал овраг и пошел в том направлении, которое мне показалось правильным. Тихо. Только сухие сучья трещат под ногой. Взял немного вверх и повернул вправо. Опять овраг. Нужно что-то предпринимать. Лазить по оврагам опасно, и сил больше нет. Я начал кричать, надеясь, что меня услышат и ответят, помогут сориентироваться. Немо! В зарослях леса что-то неожиданно затрещало и потом, удаляясь, затихло. Видно, кабан. Нужно подняться выше, и тогда сверху я должен заметить костер... А если ребята его не разожгли по какой-то причине? Тогда я пропал.

Темень такая, будто мне глаза завязали черной тряпкой. Продираться сквозь заросли нет сил. Мое положение уже перестало казаться мне досадным недоразумением, все оборачивалось бедой. Этак я до утра буду здесь блукать*. Что тогда будут делать ребята? Как они объяснят исчезновение одного разведчика? Тоже мне, разведчик! В лесу заблудился! Сколько ни всматривался, я не видел ни малейшей искры огня, до меня не долетало ни единого звука. Я, конечно, не боялся темноты, даже не боялся напороться на немцев – вряд ли занесет их сюда нелегкая – меня пугало другое: ребята не могут без меня уйти, не пойдут из леса, потеряв одного человека, они должны поднять тревогу. Вот тогда уже все группы должны по-настоящему прочесывать лес. А как же задание? Пройдет время, станет светло, меня найдут, но задание будет по моей вине сорвано. Станет светло, и я сам выйду вниз на дорогу, но как я объясню случившееся? Начнется бой, а разведчики будут сидеть в лесу, искать заблудившегося олуха! Позор! Стыд! Мальчишество!

Справа еще какой-то овраг. Иду его краем, поднимаюсь по склону горы вверх и попал в цепкие лапы колючек и непреодолимых зарослей. Время идет, нарастает тревога... Делать нечего – я поставил автомат на одиночный выстрел и стал стрелять вверх. Выстрел-то должны услышать! Тихо. Ни крика, ни ответного выстрела. Попробовал слезть вниз, в овраг, карабкался между камней и валежин, ощупывая каждый предмет ногами и руками, стрелял... Тихо. Словно и не было никого на склоне гор... Заблудился! Увы, свершилось то самое нелепое и постыдное, чего я так боялся. Это следовало признать. В небе вроде что-то посветлело – глаза привыкли или это рассвет? С огромным трудом, потеряв всякую надежду на благополучный исход моих блужданий, я вылез на противоположный склон оврага. Хотел было еще раз выстрелить, но вдруг явственно увидел на вершинах деревьев мерцающие отблески огня. Они были едва заметны, но то, несомненно, были отблески. Дьявольщина! Торопливо направился в ту сторону и вышел на поляну. Здесь горел костер, возле него черные силуэты людей и красные, освещенные огнем, лица ребят. Золотые искры, перегоняя друг друга, взлетали почти до самых вершин деревьев. Ребята подбрасывали в огонь сухие ветки, они мгновенно занимались яркими белыми язычками пламени... Так вот же они. Почему не откликнулись? Меня взяла обида на товарищей, в душе кипели злые упреки – вот же они все, спокойно отдыхают и никто меня не хватился, даже не среагировал на выстрелы! Да что ж это такое?!

– Да вон он идет! Где тебя носит, салага? – раздраженно спросил Бельтюков.

Я подошел к костру и меня прорвало:

– Салага, значит, я? Где меня носит? А вы кто?! Разведчики, называется! Моряки, мать вашу!

– Но-но, потише! – слышится злой голос Подосенова.

– Что потише! Вам откликнуться было трудно? Может, вы и выстрелов не слышали?

– Каких еще выстрелов? Ошалел что ли? Мы его здесь ждали, кричали, свистели...

– Да, хватит врать-то!

– Да ты что, всерьез что ли? – возмутился Мишка Беляков. – Ты где был-то? Нахрена ты ушел? Почему не откликнулся? Искать тебя, дурака, собрались. А он матерится еще!

Мишка не пойдет на злую шутку, ему верить можно. Но тогда как все объяснить? Злость и обида на душе не утихали. Сел около костра, закурил.

– Я от вас был через овраг. Я кричал, стрелял... Что, ответить было трудно? Там ведь голову свернуть недолго!

– Вот ведь разошелся, салага! – прогудел Авдеев. – Я тебе, дураку, свистел, ребята кричали. Ты сам-то почему молчал?

* Блукать – путать, блуждать.

– Да пошли вы все...

– Отставить разговоры! Шатается, хрен его знает где, а потом других винит. Сейчас вниз пойдём и от меня ни шагу в сторону! – отрезал Суменков.

Никто больше не обращал на меня внимания, они мне не верили, считали, что я валяю дурака. До моего появления они, видно, затронули беспокоящую всех тему и не хотели на полуслове оборвать разговор.

– Ладно, вот докурим и пойдём. А все-таки мы, может, и зря, может, и не убивал он его? На войне чего только не случится... – раздумчиво говорил Козловский.

Подосенов отвечал, раздраженно, зло:

– Да брось ты, Митька, добрым прикидываться! Он уж и сознался. Конечно, хлопнул он его. Откуда ж у немца входное пулевое ранение на лбу? Если он тащил его на плечах, то входное отверстие будет на затылке, на спине, на заднице, но не на лбу!

Это они о Хорькове. Случай-то действительно ни в одни ворота не лезет – пленного, раненого «языка», из-за которого погиб один разведчик, взять и пристрелить из-за сапог – это преступление, варварство! А у Подосенова логика железная. Несмотря на непроходящую обиду, я невольно прислушиваюсь, а Подосенов продолжает:

– Вроде бы хитрый урка, а дурак. Думал, раз война, так она и спишет все, никто и не хватится. Это если кого б из нас пристукнуло, то, может, и не хватились бы, а тут пленный, тут «язык». Здесь о нем уже штабу доложили, на сборный эвакуопункт команда пошла: перевязать, привести в чувство и доставить в штаб! А этот хрен взял и шлепнул фрица и, главное, тело за бруствер выкинул! А это для чего? Ну убили – так ты приди и доложи, что такое, мол, дело. А он, ишак, как мелкий урка, сапоги стянул и сам ходу. До конца боя его в траншее не было.

– Это точно. Одно слово – урка! – поддержал неразговорчивый Бельюков.

– При чем тут «урка»? – гудит Авдеев. – Конечно, суд, тюрьму, лагерь – это он знает, но, по всему виду, попал он туда за какую-нибудь мелочевку, вроде как сапоги украл. Потом заложил своих дружков, а в лагере стал сексотом.

Гришка слово-то произнес вроде неприличное. Я еще, помнится, в детстве в Москве его слышал – пацаны так друг друга обзывали, ничего не ведая о значении этого слова. Многие ребята тоже, видно, слово это слышали, но не задумывались над его значением. Молчат. Не знают, как среагировать.

– А сиксот, это что такое? – спросил Мишка Беляков.

– Тоже мне, – поясняет опытный Авдеев, – не «сиксот», а «сексот» и это не только на тюремном или блатном языке. Означает это – «секретный сотрудник». Это тот, кто на своих корешей в бараке лагерному начальству какает. Его за это подкармливают, на работу, что полегче, ставят, он тем и живет. Он, гад, даже боится, что срок ему скостят – к жизни на воле он не приспособлен, ему в лагере сытнее.

– Похоже, – поддержал Подосенов. – Смотри, как он Попову задницу лижет, а тот уши развесил, все воспитывает его. Будь моя воля, я б его воспитал.

– Что ж теперь с ним будет-то? – поинтересовался Золотов.

– Да ни хрена не будет. Вывернется он, – убежденно говорит Подосенов. – Попов его выгородит. Это Кудряша тогда чуть из разведроты не выперли, хотя по-другому он и действовать не мог. А этот гусь выплывет. Сейчас он слезу пустит, все продумает и завтра будет говорить уже другое. Сегодня он не ожидал, да еще спросонья, ну и растерялся малость.

К тому же мы другого «языка» притащили – офицера. Ну и сойдет все. В порядочной роте за такого «языка» к награде бы представили, а у нас только одного Хорькова «воспитывают». Голову даю, что и в роте он сексотничает, поэтому Попов с ним и возится. Ох, и заплачется он еще с ним.

Суменков встал, поправил поясной ремень на маскхалате и решительно сказал:

– Всё, славяне! Попридуривались и хватит. Светать скоро начнет. Пошли вниз.

Ребята поднялись. Костер прогорел, на земле осталась кучка углей, тронутых серой золой. Костер затоптали. Он в последний раз выпустил стаю искр и стал исходить горьким дымом. Все! Пошли!

Я шел за Мишкой Беляковым. Это удобно – у него ухо перевязано, и в темноте белый бинт немного виден. Меня все еще грызло сомнение: а не разыграли меня ребята? Пусть, мол, салага потрусится в ночном лесу – в другой раз умнее будет! Снова зашевелилась обида. «Тоже мне, субчики. Ну, а если бы я напоролся на немецких автоматчиков? Открыл бы огонь, а они так и сидели бы у костра? Эх, люди! – думалось мне. – Это после танковых атак, после сумасшедших бомбежек, после рукопашной пытаться испугать меня темным лесом! Всему виной моя идиотская доверчивость и розовый романтизм! В жизни все намного проще, грубее, осязаемее». Я шагал вниз по склону и горько упрекал себя, старался разрушить остатки полудетских, романтических стереотипов. «Хорьковым сейчас легче, им наплевать на морскую дружбу, на солдатское товарищество, на всю эту книжную дребедень!»

Суменков каким-то чутьем находит дорогу, в овраги не лезет, старается идти по горбу склона. А склон крутой, болят ноги от постоянных усилий торможения. Вообще Суменков прав, что повел группу вниз: не привело бы к добру это прочесывание, сломали себе голову и все.

– Мишка! Неужто и ты мне правды не скажешь? Только честно. Я не обижусь. Ты слышал выстрелы? – спрашиваю шагнувшего впереди Белякова.

Мишка отвечает тихо и не оборачиваясь:

– Дурак ты. Если бы кто услышал, то тревогу поднял. Не слышал никто никаких выстрелов.

Впоследствии я убедился, что меня не разыгрывали, понял, насколько коварны могут быть горы, какую западню могут таить, как они умеют глушить звуки, десятикратно усиливать их или приносить с совершенно неожиданной стороны...

Все! Конец мучениям! Мы вышли к подножью на опушку леса. Еще немного и будет дорога. Вскоре встретились и с группой Данилова. Двое разведчиков стояли у кустов в дозоре, остальные откровенно спали. Нас окликнули. Злой и раздраженный Данилов встретил нас неприветливо:

– Гд-де вас ч-черти н-носят?

Странный вопрос. Может быть, поэтому Суменков тоже разозлился и ответил резко:

– По чьей-то дурости по оврагам лазили и ноги ломали.

– Д-дуракам з-закон не п-писан. Ч-еего м-мотались?

– Так вы же задание ставили!

– З-зад-дание! Об-бстановку н-на м-месте у-учитывать надо. Г-де этот ох-хламон М-медвинский?

– Так вы его сами на верхнюю кромку леса послали.

– В-вот и в-воюй с т-такими. Г-где не н-надо, т-там лоб рас-сшибут. А к-какой д-дурак т-там ст-трелял?

– Мы стреляли. Думали, кто из вас ответить догадается, чтобы знать кто и где.

– Р-ракет-тницу н-надо б-было взять. П-пошли вп-перед. Он к Ил-ларионовке выйд-дет.

Не выдал меня Суменков, и ребята ни гу-гу о том, что со мной приключилось, перед всеми не опозорили. Это все правильно. Но почему Данилов слышал выстрелы, а ребята, что были рядом, нет? Опять сомнение, а для меня очень важно было его разрешить – здесь крылся ответ на самый важный вопрос: могу я доверять ребятам полностью или нет?

После крутого спуска Данилов не дал нам времени для отдыха, мы пошли в сторону Иларионовки. Из-за гор выползал ущербный месяц, стало немного светлее. Шли, не

выслав вперед головного дозора, чувство опасности на знакомой дороге притупилось. Прошли еще километра полтора и вдруг шагавший впереди Данилов внезапно остановился и прошептал:

– А н-ну, т-тихо!

Вся группа замерла. Ребята на всякий случай перетащили автоматы из-за спины на грудь.

– Тс! – снова шипит Данилов.

Впереди чуть слышен какой-то неясный шум. Это еще не шум шагов, не бряцание оружия, это чуть уловимые, неясные звуки. Вскоре шум становится отчетливее и через некоторое время уже можно понять, что нам навстречу движется группа людей, шагают они вразнобой, нестройно и их много.

– Медвинский это, – предположил кто-то из ребят.

– Т-тихо! Давай к к-кустам!

Мы сошли с дороги и, развернувшись, встали в густой темноте под небольшими деревьями.

– Да Медвинский это!

– Т-тихо, м-мать т-твою!

Что-то насторожило и впереди идущих. Они остановились. Шагов больше не слышно. Они стоят и слушают. Это явно не Медвинский. К чему бы Медвинскому идти от Илларионовки в обратном направлении? Оттуда, от остановившейся группы, послышался оклик:

– Кто здесь?

Вообще-то ситуация совершенно обыденная, все объяснения сторон в таких случаях занимают несколько секунд. Но с Даниловым что-то случилось, он явно «полез в бутылку». Наш командир вытащил из кобуры револьвер. В настороженной тишине звонко щелкнул курок. В ответ мы услышали, как защелкали затворы взводимых автоматов. Данилов молчал, и напряжение с обеих сторон быстро нарастало.

– Кто здесь? Стрелять буду! – послышался все тот же строгий и решительный голос.

– В-вы к-кто т-такие? – вызывающе громко спросил Данилов, держа револьвер наготове.

– Пропуск? – снова послышался голос.

Мы знали пропуск, но что-то явностряслось с нашим командиром, опять у него заскок от контузии. Данилов шагнул вперед, но никакого пропуска не называл.

– Стой! Пропуск! – теперь это звучало как команда и предупреждение.

Кто-то из ребят нарочито шумно зашевелился, пытаясь этим шумом разрядить мгновенно накалившуюся обстановку, показать, что мы не скрываемся, мы не боимся, потому что мы свои. Но Данилов зашипел на нарушителя тишины. Впереди люди заученно рассыпались цепью. Мы, реагируя на опасность, бесшумно взвели автоматы – для этого нужно было нажать на спусковой крючок, отвести затвор до упора, отпустить крючок, а затвор, придерживая за рукоятку, поставить в положение боевого взвода. Сложилась опасная, грозящая неожиданностью ситуация: ночью на дороге у края леса отряд встречает затаившихся в тени людей и это, когда известно всем о немецких автоматчиках. С обеих сторон автоматы на боевом взводе... Теперь уже я не представляю, как мы выйдем из этого дурацкого положения.

– Т-ты кто т-такой, чт-тобы у меня п-пропуск сп-прашивать?! Эт-то т-ты мне д-должен п-пропуск ск-казать!

– Взвод, к бою! – послышалась команда.

В темноте, которая нас укрывала, сейчас было направлено самое малое пятнадцать автоматов. Мы тоже держали на прицеле встретившихся товарищей по оружию. Наша позиция была явно лучше, похоже, что нас даже больше. Отряд, напротив, этого не зна-

ет... Неужто дело до стрельбы дойдет?! Перебьем друг друга «своя своих непознаша» – только этого нам не хватало.

– Пропуск?

У того мужика хорошие нервы. Он уже мог бы и стрелять, но тоже, видно, чувствует, что впереди свои, только шальные немного. Однако, голос требовательный.

– Я т-тебе ч-что, п-пропуск н-на весь К-кавказ кричать б-буду?!

И Данилов скомандовал:

– Разведка, к бою!

Наш младший лейтенант пошел вперед, держа в руке взведенный револьвер, а мы пошли вслед за своим командиром – не могли же мы оставить Данилова в этой ситуации одного!

– Стой! Всем на месте, один ко мне! Пропуск или стреляю!

– Взвод, за мной! – кричал Данилов и смело шагал прямо на вооруженную группу людей. Он шагал и продолжал зло говорить:

– Я т-тебя н-науучу уст-тав ув-важать! Я т-тебе ст-трельну, я в-ас всех с гов-вном с-сме-шаю!

– ...Взвод!

– ...Разведка!

Мы тоже упрямо шли с автоматами наготове за своим командиром, готовые ко всему, что может случиться всего лишь через один шаг.

– Я с-скажу п-пропуск! Я п-пропуск з-знаю, но не ск-кажешь от-твета – з-заст-трелю!

Данилов словно умом тронулся. Он неразумно накалил обстановку до самой последней крайности. Он, несмотря на предупреждение, подошел к командиру встретившегося взвода и наставил ему в грудь револьвер. А тот, в свою очередь, почти уперся стволом автомата в грудь Данилова. Вся эта нелепая фантазмагория продолжалась несколько секунд. Данилов остановился, встали и мы – строй против строя. Автоматы с обеих сторон взведены и направлены друг на друга. Я был рядом с Даниловым и наставил свой автомат на какого-то рослого парня, который из-под плащ-палатки наставил автомат на меня. Каждый из нас уже видел, знал, что это не немцы стоят против нас, это свои, но из-за нелепых амбиций или просто по недоразумению творилось что-то страшное, досадное и неуправляемое. В этом диком безрассудном напряжении достаточно было не то что выстрела, а просто нечаянного громкого крика, и нервы у людей не выдержали бы, мы непременно должны были перестрелять друг друга. У всех уже пальцы на спусковых крючках, каждый уже чуть надавил на них, чуть сдвинул с нейтрального положения, чтобы успеть выстрелить первым, чтобы выиграть десятую долю секунды. До выстрела, до трагедии оставался единственный и последний миллиметр, а этот сумасшедший Данилов, видно, разволновавшись, никак не мог начать говорить и тянул смертельно опасную паузу.

– М-м-муш-шка! От-т-ответ? – наконец произнес он.

– Мурманск, – тихо ответил стоявший напротив Данилова человек.

Даже теперь, когда вроде бы не стало причин для чудовищного накала, страсти не улеглись: настороженные люди, доведенные безумием одного до черты взаимного уничтожения, несмотря на то, что были правильно названы и пропуск, и отзыв, не опустили оружия – слепая враждебность сковала души.

– Ну, что теперь, командир? Стрелять друг в друга будем?

– В-вы к-кто такие?

– Патрульный отряд батальона автоматчиков. А вы кто?

– Бригадные разведчики мы, – не дожидаясь Данилова, ответил Суменков и первым повесил автомат на плечо. Он старался делать все, чтобы быстрее разрядить до крайности накаленную обстановку.

– Опустите пугач! А то у нас тоже нервные есть, – сказал человек, стоявший напротив

Данилова, и демонстративно снял свои руки с висевшего у него на шее автомата. Потом даже небрежно и подчеркнуто спокойно сказал своим бойцам:

– Свои, это! Шальные только они.

– Чт-то?! – снова взвинулся было Данилов. – Я м-м-младший лейтенант, а т-твое з-звание? И с-скажи с-своим с-суб-бчикам, чт-тоб ст-тволы в зем-млю!

– Они, младший лейтенант, не субчики, а бойцы Красной Армии и, между прочим, матросы. Давай-ка без гонору. Мы тоже не лыком шиты и пугать нас не надо, мы пуганые. Звание мое – главстаршина, в пехоте приравнивается к старшему лейтенанту.

– Во дает! – громко вставил Подосенов. – Да у нас в переводе на пехоту подполковник здесь есть. Климашевский, давай на линию огня! Здесь шум на баке.

– Вот салаги! Так и знал, что без меня не разберутся... Ты что автомат на меня наставил? Давай, клади оружие на землю и пошли врукопашную. Врежем друг другу по ключам* и будет что вспомнить!

Напряжение разрядилось. Автоматы поставлены на предохранители, еще несколько секунд неловкого молчания, а потом главстаршина первым сказал:

– Давай, лейтенант, закурим и проясним обстановку, а то ведь чуть было не доигрались.

Данилов насколько быстро завелся, так же неожиданно быстро остыл. Спокойно убрал в кобуру револьвер и достал кисет.

– Закуривай, – предложил он главстаршине.

– Спасибо. Давай покурим, – не отказался главстаршина, оторвал кусочек газеты, свернул сигарку и затянулся душистым дымом.

Закурили и остальные, расселись и разлеглись возле дороги. Постепенно исчезало чувство настороженности и недоверия. Около меня оказался тот самый рослый парень в плащ-палатке, который две минуты назад стоял, наставив мне в живот автомат.

– Не угостишь табачком, земляк? – обратился он ко мне. – С утра здесь такая свара была, не приведи господи – целый день ни пожрать, ни покурить.

– На, закуривай. А то ведь чуть-чуть и постреляли бы мы друг друга.

– Вполне даже возможно. Я чувял, что у тебя уже палец на спусковом крючке.

– А у тебя?

– Что ж, у меня тоже.

– А если выстрел нечаянный?

– Ну, тогда все... Тогда и курить здесь некому было бы.

Боец сделал несколько затяжек, а потом снова сказал:

– Ты не обижайся, друг, только чего это ваш лейтенант такой малохольный? Ему что, стрелять не в кого? Чего он завелся-то?

– Ну, ваш главстаршина тоже хорош – кто первый команду «к бою» крикнул? Если мы на то счет поведем, то сейчас снова за автоматы схватимся. А наш лейтенант не малохольный, он парень что надо, только у него за последние дни несколько тяжелых контузий было. Бывает вот на войне такое: пули и осколки его милуют, но зато как бой, так контузия. Может, нервы и сдвинулись. Что у вас тут было-то? Говорят, немцы в лесу остались? Мы и лес было прочесывали, да только ночью там не пролезть.

– Правильно говорят – дела здесь хреновые. Вчера фрицы дали нам прикурить, ну а кто уцелел – драпанули. Фрицы в Илларионовку влезли. Потом вышли их. А в лесу их немного осталось. Это точно, как пить дать. Перед вечером они возле дороги появлялись, постреляли малость и опять в лес. Сейчас, может, и ушли. Дыр у нас в обороне много.

*Ключ – отверстие в носовой части или в середине палубы или борта для проводки кабельтов или якорных цепей.

- Дела...
- Куда там! Откуда родом-то? Случаем, не земляк?
- Из Москвы.
- То-то и оно. Я земляка по разговору чую.
- А ты откуда?
- Из Ногинска. Знаешь город такой?
- Конечно, знаю.
- Автоматчик помолчал, а потом заметил:
- Видал, как выходит? И земляки, и парень ты вроде свой в доску, а вот по чьей-то дурости вlepил бы я тебе очередь в бочину.
- А может, я тебе.
- Вряд ли. Мне в эти дни везет – все пули мимо идут.
- Не сглазь. Тебя как величают?
- Колотов я, Петр. Фамилия видная. Есть Молотов, так то не я, я Колотов. Давно воюешь?
- Недавно.
- А я с начала. В Белоруссии ранило. Драпали так, что вспоминать страшно. В госпиталь привезли, а тот тоже драпает, да так, что его раненые догнать не могут. Что было!.. В это время и наши командиры заканчивали свои разговоры.
- У н-нас од-дна груп-п-па в лесу. К-командир М-мед-двинский. Не п-постреляйте А-друг друга.
- Он пропуск знает?
- З-знает.
- Тоже в бутылку полезет?
- Н-не з-знаю. А т-ты не ш-шути с р-разведкой. Т-ты з-знаешь, я т-тебе з-зажигалку под-дарю. Т-трофейную. Н-на п-память о н-нашей н-нежной в-встре-ч-че.
- Конечно, сказывались проклятые контузии у Данилова. Состояние заторможенности, депрессии у него внезапно сменялись вспышками беспричинной ярости, и так же быстро ярость сменялась чувством доверия и дружелюбия. Странно. К нему невозможно было ребятам приспособиться и ничего нельзя предугадать. Это тяжело сказывалось на настроении ребят, пропадало доверие к командиру, бойцы сомневались в обоснованности и продуманности его решений, а это опасно, особенно в разведке.
- Наступила пора расставания с этой патрульной группой – ей в одну сторону, нам в другую. На прощание Колотов хлопнул меня по плечу и дружески сказал:
- Бывай, земляк, может, встретимся.
- Всего! Удачи тебе. В другой раз не торопись пальцем на спусковой крючок нажимать.
- Ты тоже. Особенно, когда не на передовой.

* * *

Группа Медвинского, как и договаривались, ожидала основную разведгруппу на подходе к Илларионовке. Хитроватый Есипов, неизменный друг Хорькова, убеждал всех в необычной тяжести совершенного перехода. А простодушный и честный парень Курочкин потихоньку сообщил, что они и не думали лезть на верхнюю кромку леса, прошли чуть повыше опушки, убедились, что в лесу голову сломать недолго и быстрым шагом потопали к Илларионовке. Они благополучно разминулись со всеми патрульными группами и около часа спокойно «давили жучка» – откровенно спали, дожидаясь нашего подхода. Вероятно, Медвинский поступил умнее всех.

Небо налилось предрассветной синевой. Где-то в степи долбил короткими очередями дежурный немецкий пулемет, улицы поселка были пустынными. Редкие часовые у

разбросанных домиков окликали нас, а иногда молча провожали нас сонными, уставшими глазами. Комбата мы нашли быстро. Маленький домик с камышовой крышей притулился почти что к опушке леса. У дома и на крыльце часовые, в саду еще двое часовых. Нам приказано стоять на месте. Часовой, что стоял на крыльце, узнав, кто мы такие, вошел в дом, через минуту вышел и сказал:

– Кто командир? Давай, заходи. А вы, – он кивнул нам головой, – давай в сад.

Перед рассветом всегда убийственно хочется спать. Холодно, но все равно спать!

К комбату пошли Данилов и Суменков. Капитан Котенков сидел в комнате с занавешенными плащ-палатками окнами. На столе бело-зеленая топокарта и коптилка из снарядной гильзы, поясной командирский ремень вместе с портупеей и кобурой пистолета. Котенков в гимнастерке с расстегнутым воротником. На пристенной скамейке разостлана шинель. В углу комнаты, ближе к двери, дремал пожилой усатый связист с подвешенной на бинте к уху телефонной трубкой. Как только открылась скрипучая дверь, язычок пламени заплясал на фитиле светильника, и по стене замелькали тени. Данилов остановился в двух шагах от двери, давая войти Суменкову и растягивая слова, стараясь справиться с заиканием, доложил:

– Товарищ капитан, разведгруппа в составе двадцати четырех человек прибывла для выполнения боевого задания. Командир группы младший лейтенант Данилов.

– А, разведка! Жду вас еще с вечера. Мне ваш Натынов о вас говорил. Давай к столу. Угощать сейчас нечем, а поговорить стоит. Что заикаешься?

– От контузии не отошел.

– А это кто с тобой?

– Мой заместитель старшина Суменков.

– Понятно. Вроде твоего переводчика. Давай докладывай старшина, где болтались столько времени?

– Товарищ капитан, разведгруппа выполняла задание по проческе леса.

– Чего? – переспросил Котенков.

– Лес прочесывали.

– Какой лес?

– На склонах гор, товарищ капитан, – вставил Данилов.

– Чего же вы там чесали?

– нас ориентировали на то, что в лесу могут быть немецкие автоматчики.

– Н-да, – усмехнулся капитан. – Автоматчиков, так автоматчиков, если больше почесать нечего... Обстановка здесь сложилась такая...

Капитан довольно подробно познакомил прибывших разведчиков с обстановкой на фронте батальона. Обстановка эта была запутанной, сложной. Вчера, когда под Эльхотовом противник прекратил атаки, батальон немецких автоматчиков при поддержке нескольких танков и бронетранспортеров прорвал нашу оборону и ворвался в Илларионовку. Остатки оборонявшихся частей с боем отходили к лесу, к отрогам гор, которые окружали Илларионовку. В самом поселке завязался упорный бой, в котором были подбиты два бронетранспортера и один танк. Часть немецких автоматчиков прорвалась на дорогу к перевалу. Собрав все оставшиеся силы, при активной поддержке соседнего батальона, наши части контратаковали противника. На окраине Илларионовки завязалась рукопашная схватка, враг откатился на свои исходные позиции, но ему удалось зацепиться за отдельный хутор у перекрестка проселочных дорог и оказаться на фланге обороняющихся частей батальона. Небольшое количество немцев остались отрезанными от своих частей и скрылись в лесу. Сегодня ночью от немцев приполз наш раненый боец, которого немцы посчитали за мертвого. Он рассказывал, что видел своими глазами, что перед вечером на этот участок подошло очень много танков и артиллерии. Наше командование считало, что противник перейдет на участке Илларионовки к активным

действиям. Под прикрытием выдвинутых вперед стрелковых подразделений вокруг Иларионовки спешно возводились оборонительные сооружения.

– Ваша задача такая, – закончил комбат, – любой ценой влезть в этот хутор, что как чирей торчит в нашей обороне, выбить оттуда противника, взять «языка» и удерживать хутор до подхода подразделений батальона. Донесение о выполнении задания направить с нарочным. Сигнал о том, что вы в хуторе – красная ракета. Ракетница есть? Какие же вы разведчики без ракетницы? Возьмете ракетницу в третьей роте. Поговорите с командиром роты, он вам подскажет пути подхода к хутору, и не тяните время. Понятно?

– Понятно, товарищ капитан.

– Вопросы есть?

– Есть ли сведения о силах противника в этом хуторе?

– Силы там у него небольшие. Исходной позицией для наступления танков на хутор быть не может – вокруг него глубокие рвы, а слева вроде арык. Это по карте так. На месте посмотрите сами. В ротах установили, что в саду этого хутора пулемет. Больше никаких сведений нет. Ясно?

– Так точно.

– Кулябко! Третью роту мне живо!

Это уже относилось к связисту. Усатый дядька встряхнул головой от тяжелой дремоты и крутанул ручку телефонного аппарата. Связались быстро. Комбат взял трубку и закричал в микрофон:

– Алло! Акимов? Давай мне быстро Акимова... Алло! Акимов? Слушай, к тебе сейчас мальчики придут... Да нет! Ну, полосатые!.. Ты мне дурака не валяй... Так вот, ты сделай там все, что нужно для них и чтоб полный контакт с ними... Контакт, говорю, чтоб полный!.. Да-да! Работать будет... Как там у тебя?.. Так... Так... Ну, ладно, докладывай!

Комбат вернул трубку связисту.

– Ну что ж, если вам все ясно, действуйте!

Быстро светало. По лесистому склону гор медленно сползали растрепанные, волокнистые космы тумана. Туман стелился по степи, за его серой пеленой скрылись дальние и ближние посадки. На передовой почти смолкли выстрелы – передовая то ли вздремнула в это раннее утро, то ли настороженно затаилась,

Минут через пятнадцать мы уже были на участке третьей роты. Здесь не спали, в траншее звенели лопаты, бойцы углубляли траншею, оборудовали пулеметные гнезда и стрелковые ячейки. Здесь мы в последний раз перед поиском курили и слушали, как Данилов разговаривает с командиром роты.

– Вы по полю не лезьте – на пулемет нарветесь. Ночью он бил трассирующими с правого угла сада. Сейчас вот молчит что-то. Туман мешает – ни хрена не видно. Вы давайте по сухому арыку осторожненько, – говорил командир роты.

– В случ-чае ч-чего ог-гоньком п-прик-кройте.

– Прикроем. У нас не заржавеет.

– И рак-кетницу н-нам д-дайте с крас-ными рак-кетами.

– А где я вам возьму?

– Т-так к-комбат велел.

– Велеть легче. Нет у меня ракетницы. Да вы не журитесь. Хутора не возьмете – вам и ракетница не нужна, возьмете – так найдете на месте, у немцев этого добра хватает.

Данилов промолчал. Да и действительно, что там говорить, когда нет этой ракетницы.

– Ладно, м-мы п-пошли.

– Ну, ни пуха!

– К черту!

По траншее мы подошли к зарослям невысокого кустарника, за которыми и была та самая канава, именуемая сухим арыком. Из довольно плотного тумана были чуть

видны макушки тополей вокруг хутора. Нейтралка здесь широкая, до хутора около километра. Тихо. Листья кустарника и пожухлая трава поседели от росы.

– Т-туман ск-коро уйдет. Т-тороп-питься надо. П-подосенов, Д-дуб-бинин в г-голов-вной д-дозор. Г-группа з-захвата – Авд-деев, Б-бельтюков, Б-бергалеев и З-золотов. Ост-тальные в яд-дре раз-звезд-дки, д-действуют по к-команд-де. Яс-сно?

– Ясно!

– Вп-перед!

Воины стрелковой роты смотрели на нас с нескрываемым любопытством, как на людей, собравшихся показать им интересный цирковой трюк, но нам было не до шуток и не до бравады. Бойцы молча пропустили нашу группу через свои боевые порядки. Первые двое разведчиков, пригнувшись, побежали вдоль кустов терновника и прыгнули в довольно глубокую канаву. За ними пошли все остальные. Канавка глубиной не меньше метра, земля на дне, несмотря на сухое время года, влажная и липкая, по сторонам гигантские листья лопуха. Правая сторона арыка заметно выше левой – здесь старый, поросший травой и редким кустарником земляной вал.

Идти трудно – грязь налипала на ботинки и по тяжести своей они стали похожи на водолазные сапоги. Грязь скользкая, липкая, словно не земля ее основа, а густой мазут. Зеленые заросли скрывают небо и нас маскируют надежно, но напрочь лишают всякой видимости. Сколько прошли, далеко ли хутор, что там наверху, держится еще туман или нет – неизвестно, шли вслепую. А Данилов все подгонял нас, он спешит действовать пока туман. Часто останавливались, слушали – что там впереди? Пока вроде ничего нас не настораживало, но не следовало забывать, что немцы далеко не дураки, воевать они умеют, и одна единственная ошибка вот сейчас, днем может стоить нам жизни.

Идти тяжело... Ребята сопят как паровозы, хватаются руками за твердые, словно дерево, стволы репейника, чтобы не упасть в эту липкую грязь. Воздух в канаве сырой и пахнет прелым.

– Т-тихо. В-вп-перед ск-коро мост. Ос-ст-торожно! – предупреждает Данилов.

Раз мост, то следует ожидать, что противником он охраняется. Как тогда? Среда бела дня незамеченным под мостом не пролезешь. Да и что может представлять мост через канаву? Наверное, два бревна да настил из досок – вот и весь мост. А если пулемет? Лупанет вдоль канавы и «чирик-воробышек», как Гришка Бельтюков скажет. Тяжелые шаги, сопенье... Головной дозор вдруг остановился, и мы замерли. Что их насторожило? Пока тихо. К головному дозору подтягиваются осторожно остальные ребята. Доносится тихий шепот:

– Деревянный мост. Разбитый весь... Должно быть, взорвали его.

Нас не предупредили, что деревянный мост через сухой арык еще вчера взорвали наши саперы. Расщепленные взрывом бревна и доски валяются в грязи и по сторонам арыка, под ногами изломанные и разодранные листья лопухов.

Осторожный Дубинин ухитрился выглянуть из канавы. Тихо... Над степью редет туман, стал хорошо виден край хуторского сада.

– Чудно что-то. Вроде и нет никого! – слышен голос Подосенова.

Действительно, чудно и странно. Не может быть, чтобы немцы оставили этот сад... А может, они обнаружили нас и знают, что к ним лезут разведчики? Тогда они затаились, чтобы больше ударить, тогда мы пропали, они не выпустят нас отсюда. До окраины сада оставалось не более 250 метров. Подосенов и Данилов внимательно проверили, прощупали все биноклем и не обнаружили присутствия противника.

– В-вперед! – шепчет Данилов.

У разбитого моста противника нет. Все правильно – зачем им охранять взорванный мост?

За мостом арык становится глубже и сворачивает под углом к саду. Разведчики осторожно, по-кошачьи перелезают через искромсанные бревна. Взрывом раскидало

грязь по стенкам канавы, все мгновенно перемазались. Прошли немного, а здесь еще одна канава под углом сходится с нашей. Снова остановка. Что там, за поворотом? Вокруг ни единого звука. Нужно и нам потише...

– Вп-перед!

Снова цепочкой друг за дружкой крадемся вперед. А может быть, и вправду здесь нет немцев. Эта дурацкая мысль все назойливее сверлит мозг и уже вовсе не кажется такой дурацкой. Что за черт, всякая стрельба вроде прекратилась. Прошли еще метров тридцать, и вдруг наверху необычайно хлестко и громко протарахтела пулеметная очередь. Все затихли, замерли. Кому предназначалась эта очередь? Стреляет вроде из сада, значит, там немцы! Сидят, голубчики! Стреляли явно не в нас, иначе над нами свистнули бы пули. Похоже, просто дежурная очередь. Почему же немцы оставили без догляду эту канаву – такой удобный и скрытный подход к саду? В чем тут дело?

Пулемет протарахтел, и снова тихо. Головной дозор двинулся вперед. Под ногами стали попадаться мутные лужи. Ноги тонут выше щиколотки в отвратительной жиже. Обувь давно промокла. Ботинки хлюпают и чавкают в грязи непозволительно громко. Данилов клянет кого-то, чертыхается, но что-либо поделать с этой бедой невозможно. Лопухи исчезли – не растут они в этакой грязи, вместо них, похоже, тростник с метелками на концах высоких стеблей. Дальше двигаться становится необычайно трудно, этак мы просто завязнем. Здесь уже не лужи, а сплошная вода, из тины ног не вытащишь. Грязная жижа булькает, пузырится, чавкает грязь. Теперь приходится держаться руками за редкий корявый кустарник, за пучки высохшего камыша, а его стебли тревожно вздрагивали, хрустели, ломались – все выдавало наше движение. Ноги проваливались по колено, руки изрезали об осоку, изодрали о корявый кустарник...

Стоп! Головной дозор что-то замешкался. Что там еще? Ванька Подосенов остановился в нерешительности. В этом месте сошлись две канавы и обе с водой. Мутная, грязная жижа, из которой торчали осклизлые мертвые палки, вода и грязь засасывает, бурлит под ногой. Что делать? Похоже, дальше двигаться по канаве невозможно. Подосенов делает еще один отчаянный шаг вперед и действительно проваливается по пояс. Вокруг него с характерным громким хлюпаньем вырываются вонючие пузыри. Подосенова молча вытаскивают из этого омута грязи. Что же дальше? Видно, немцы считали эту канаву абсолютно непроходимой, пожалуй, только этим можно объяснить ее безнадзорность. Но ведь назад не вернешься! Мы топчемся на месте и чувствуем, как тина намертво засасывает ноги. Подосенов решается на риск: цепляясь руками за кустарник, он с трудом вылез на край канавы. Долго лежал, не двигаясь, смотрел и, наконец, махнул рукой. За ним вылез Дубинин.

Мы оказались на самом краю сада с западной его стороны. Напротив нас, всего метрах в двадцати, невысокий полуистлевший плетень, а за ним старый разросшийся сад. Снова прогремел пулемет короткой очередью, теперь он слышен справа от нас. С нашей стороны начали бить минометы, слышен хлопок выстрела, потом надрывной визг падающей мины и хлесткие взрывы где-то за садом. Это хорошо! Это маскирует шум, производимый нами.

– Вп-перед!

Головной дозор пополз к плетню, а мы лежим по краю канавы, даже не все еще из нее вылезли. Одно звено плетневой ограды свалено и лежит на земле. Подосенов и Дубинин скрылись в саду. Тихо, никакой тревоги. По команде Данилова остальные тоже по-пластунски ползут к саду. Собрались все вместе. Ребята лежат, слушают и каждый понимает, что сейчас пора действовать. Теперь только быстротечный и жестокий бой – только в нем наше спасение. Уже забыты промокшие обувь и одежда, никто не обращает внимания на грязные маскхалаты... Справа снова слышен пулеметный треск. Пулемет от нас недалеко, он рядом, но мы не слышим в саду голосов и пока нам еще ничего не ясно. Нас укрывают заросли вишни, смородиновые кусты, яблони.

– Похоже, там один пулемет. С одного места выстрелы, – шепчет Суменков.

– Тихо!

Раздается еще пара очередей действительно с одного и того же места. Данилов направляет туда всю группу захвата. Шепчет им:

– П-пулемет п-подавить без ш-шума. В-вперед!

Группа захвата во главе с Авдеевым осторожно, стараясь не выдать себя шумом, уходит к южной окраине сада.

– С-суменков! Бери шестерых и проверь восточную окраину. Если там спокойно, выходи на северную окраину.

– Есть.

Весь разговор – это еле слышный шепот. Сейчас осторожность прежде всего. Любая мелочь может стать причиной провала. Тогда не уйти нам отсюда. Данилову известно, что на северной окраине сада есть дом и какие-то хозяйственные постройки. Очень может быть, что именно там наибольшее число немцев. Суменков с группой разведчиков ушел. Теперь наша очередь.

– Тихо!

Данилов слушает. Группа Суменкова бесшумно растаяла в глубине сада.

– Т-теперь г-группа з-захвата: Боев, А-арабов, Беляк-ков, – Данилов называет мою фамилию, – в-п-перед!

Головной дозор идет впереди метрах в пятнадцати. Все происходит днем! Неужто немцы не чувят беды?! Почему они ведут себя так странно?

Сад очень большой. Мы прошли метров сто и только тогда за открывшейся прогалиной, из-за поросли мелких груш увидели камышовую крышу дома. Тихо. Неужто здесь, в таком большом саду, нет никого, кроме пулеметчика на южной окраине? Странно. Вот теперь виден почти весь домик. Беленые мелом стены, низко нависшая камышовая крыша, невысокое крыльцо под навесом, полуоткрытая досчатая дверь. Окна дома без стекол, ставни открыты, рамы сломаны. Левее дома какой-то сарай. Мы, группа захвата, тихо выдвинулись вперед. Нужно понять, что здесь происходит. Васька Боев чуть слышно шепчет:

– По команде – вперед, к дому, сразу всем!

Но в этот момент за порослью груш у сарая звякнула дужка ведра. Мы насторожились. Там кто-то был. Сзади нас снова ударил пулемет. Он еще живой, Авдеев до него еще не добрался.

Небо поголубело, туман уходит. Время словно остановилось, только сердце стучит, даже в ушах отдается этот стук... Опять звякнуло ведро. Теперь сомнений уже не было: там человек! Там мог быть только немец. Мы его не видим, и он нас не чувствует... Дальше все произошло почти мгновенно. Досчатая дверь дома вдруг заскребла о половицы крыльца, заскрипела, и из дому вышел белобрысый, среднего роста немец. На голове пилотка, винтовка на плече, френч расстегнут, на ногах сапоги с широкими раструбами голенищ. Он обернулся и что-то громко сказал, потом прогрохотал коваными подошвами сапог по ступенькам крыльца и, беззаботно насвистывая, пошел прямо на нас...

Просто удивительно, что он нас так поздно заметил. Он увидел тогда, когда группа захвата бросилась на него. Немец опешил. Его веселый свист оборвался, он не успел даже крикнуть. Боев наотмашь ударил немца кулаком в лицо, сбил с ног, и сразу двое навалились на него, сдавили челюсти. Он захрипел, замычал и Васька еще раз ударил ему в зубы, потом ему вогнали в рот какую-то тряпку, заломили руки, связали их по локтям за спиной петлей из телефонного кабеля, припасенного заранее, и кто-то из ребят волоком потащил его в глубину сада. Мы сами еще не успели опомниться, как в двери появился другой немец в каске и с винтовкой в руках.

– Хельмут! – окликнул немец.

Ждать больше уже нельзя! Теперь все! Таиться дальше не имело смысла. Мы бросились вперед. Немец увидел бегущих к нему людей. В первое мгновение он вытаращил глаза, потом закричал каким-то странным рычащим криком и схватился за винтовку. Он не успел выстрелить. Короткая автоматная очередь сбила его с ног, немец взмахнул руками и скатился со ступенек крыльца.

– Федька, к сараю! – крикнул Боев.

Я бросился к сараю. Открытая широкая дверь. Внутри темно. В доме раскатились звонкие автоматные очереди и грохнула граната... Здесь где-то был немец, звенел ведром. В сарае? Внутри темно. Со света вообще глаза не видят. В эту темноту я ударил длинной очередью – зазвенело разбитое стекло... Оглянулся и увидел, что от колодца в сад бежит в белой рубахе немец.

– Хальт! Доннер веттер!

Немец бежит, он сейчас скроется за кустарником... Очередь! Еще очередь! Немец споткнулся, упал и закричал страшным криком отчаяния и боли. Мгновение – и я увидел на его белой рубахе красное небольшое пятно, а он вы... Очередь! Крик словно оборвался. Рядом с колодцем ведро с начищенной картошкой... В доме резко, как от удара, распахнулась сломанная оконная рама, в которой не было стекол, и в оконном проеме появился немец. Вначале я увидел только его автомат и приготовился стрелять, но кто-то опередил меня – немец выронил автомат на землю, а сам свалился обратно в комнату. В доме четверо убитых, приторно пахнет теплой кровью и сгоревшим порохом. Здесь несколько человек ребят. Я выглянул в окно, выходящее на север в поле, и увидел, что там бежит немец. Я вскинул автомат. Очередь! Немец продолжал бежать.

– М-мазила!

Данилов схватил валявшуюся на полу немецкую винтовку, вогнал патрон в патронник, прицелился и выстрелил. Немец споткнулся, но продолжал бежать. Тогда лейтенант положил винтовку на подоконник, прицелился с упора и выстрелил еще раз. На сей раз он не промахнулся.

– П-понял, к-как над-до?

Через минуту появилась наша первая группа захвата. Авдеев вместе с Бергалеевым волокли под руки немца. Физиономия у того была разбита, а шея и плечо повреждены ножом, френч залит кровью. Авдеев положил раненого немецкого пулеметчика возле дома и доложил вышедшему на крыльцо Данилову:

– Пулеметная точка уничтожена без выстрела, как было приказано. А этот мужик, – Авдеев кивнул на немца, – ничего, здоровый, все драться лез.

Бельтюков и Золотов притащили и сам пулемет с тремя коробками пулеметных лент. В это время послышалась отчаянная стрельба на восточной окраине сада. Там в дело вступил Суменков со своей группой. Данилов направил туда бегом группу Авдеева и нашу группу. Сад дьявольски большой. Впереди автоматный треск, звонкие разрывы гранат. Мы прибежали, когда уже все было закончено и на этой окраине. Здесь оказалось два пулеметных расчета. Ребята подошли к ним почти вплотную и ударили из автоматов. Несколько немецких солдат успели спрыгнуть в глубокий ров и ответили огнем. Тогда в дело пошли гранаты. Один наш разведчик был ранен в ноги. Но нам удалось захватить одного фрица невредимым. Потом мы сами допрашивали пленного немца. Появление на хуторе нашей разведгруппы оказалось для них совершенной неожиданностью. Еще ночью их здесь было до роты, но сегодня утром их должна сменить какая-то новая часть. Основные силы отряда уже ушли, оставив небольшое боевое охранение, на которое мы и наткнулись. Что за силы должны их сменить, немец не знал. Ему было также известно, что сегодня должно быть предпринято наступление на Иларионовку. В боевом охранении их оставалось 17 человек. По нашим подсчетам, двум немцам удалось либо уйти незамеченными, либо спрятаться в этом саду. Немец довольно прилично

знал русский язык и просил не убивать его. Что ж, немец давал важные показания, его нужно было как можно скорее отправить к командиру батальона.

Командир стрелковой роты лейтенант Акимов, который провожал нас на задание, оказался прав насчет ракетницы. Теперь у нас их три, но случилось так, что найденные у немцев ракеты были белыми и зелеными и ни одной красной.

– Ш-шут с ними, д-давай зеленую, – согласился Данилов и Подосенов выстрелил дважды вверх зеленой ракетой в нашу сторону.

Что ж, сигнал передан, теперь в батальоне должны понять, что разведчики задание выполнили. С минуты на минуту мы ожидали прибытия стрелковых подразделений.

Данилов и все разведчики были в приподнятом настроении. Это ж надо! Такой успех! Судьба совсем нечасто балует войсковых разведчиков такими результатами поиска. Вот, что значит внезапность. Задание мы выполнили, и опытные ребята говорят, что теперь без наград дело не обойдется. Конечно, мне лично думать о наградах еще рано, но Авдеев, Медвинский, Суменков, Боев, Данилов – все они бесспорно награды заслужили. Они молодцы, и я искренне был доволен тем, что в меру своих сил способствовал успеху поиска. Если ребят наградят, то я их первый искренне поздравлю с заслуженной наградой, а уж в следующий раз, если доживу, конечно, и я могу рассчитывать на медаль.

Данилов тоже был очень доволен, у него даже вид стал гордый, самоуверенный, независимый, как у самого товарища Ворошилова на открытке.

Наш лейтенант стоял на крыльце дома, что выходило в сад, и от радости даже заикаться стал меньше.

– Коз-зловский, б-бери нашего раненого и пленного и жми б-бегом вдоль к-канавы на п-передовую. Фрица сдашь самому комбату, а раненого – на сборный эвакуопункт, и сам проверь, чтоб его быстро в санроту отправили. Ран-не-неного неси сам и без дураков чтобы! Фрицу рук-к не раз-звязывать! Уз-знаю – г-голову от-торву!

После истории с Гогаберидзе все стали недоверчивыми и осторожными.

Митька Козловский собрался быстро и ушел. Все было бы хорошо, но тут Васька Боев дурака сваял. Мы как-то сразу и не заметили, и значения не придали, что в доме, исклеванном снаружи и изнутри нашими пулями и осколками гранаты, оказался совершенно неповрежденным полевой телефонный аппарат в коричневой пластмассовой коробке. Не зацепило его ни пулей, ни осколком. Может, на него так и не обратили бы внимания, если бы он неожиданно не зазуммерил. Боев находился ближе всех к аппарату и он, не раздумывая, взял трубку и брякнул:

– Алло!

Слышимость оказалась хорошей, и на другом конце провода быстро и раздраженно залопотал какой-то фриц. Боев, конечно, ни слова не понял из сказанного, но усек, что запросто может поговорить с немцем, и он закричал в трубку так, что немцы смогли бы услышать его и без телефона:

– Ахтунг! Хенде хох! Фриц сопливый, давай своего фюрера, я ему сейчас выдам и в креста, и в бога!

После короткого молчания в тихо шуршащей трубке послышался уже другой голос и тоже произнес что-то по-немецки.

– Фюрера давай, твою в господу мать!

– Иван! Ду ист шайзе! Иван, Сталин капут!

– Накось выкуси! Мы тебе морду-то умоем, гад!

– Иван! Мы вас наушим воеват!

– А мы вас, гадов, отучим! Ты у меня еще побегаешь, хрен собачий!

К нашему общему восторгу Васька очень активно и, на наш взгляд, убедительно вел дипломатические переговоры, но тут в комнату вошли Данилов с Суменковым, они все поняли, и Данилов повел себя как-то странно. Он вырвал из Васькиных рук телефонную

трубку и трахнул ею по пластмассовой коробке так, что только брызги посыпались. Едва сдерживая ярость, Данилов почти кричал:

– Т-ты что! Т-ты ч-что д-делаешь?! Ты соображаешь, чт-то немц-цам т-ты вот с-сейчас д-доложил, ч-что мы х-хутор з-заняли и ихних с-солд-дат п-перебили! Д-да з-за т-такое д-дело!..

Вот ведь как на войне случается: от награды до командирского разноса всего полшага!

– А вы ч-что рт-ты п-поразили, а-ахламоны! Б-быстро ок-кап-пываться п-по к-краю к-канавы! П-понятно?

– Лопат нет.

– Я д-для т-тебя лоп-пату ис-скать должен? Ч-чтоб ч-через п-пять минут ок-копы у всех были. П-проверю – г-голову от-торву. Од-дин п-пулемет и п-пару к-коробок с лент-тами на в-восточный край сада. Б-бегом!

Все команды Данилова выполнялись быстро и старательно, сейчас не до мелочных обид. Да, пожалуй, и прав он. Теперь жди, сейчас начнется! В сарае, где я автоматной очередью перебил пыльные бутылки и прострелил худое железное корыто, мы нашли несколько исправных железных лопат, да у запасливых немцев оказалось несколько саперных, складных лопат. Не мешкая ни минуты, мы взялись за дело. Раненого немца мы поместили пока в доме и приставили к нему часового.

Сад, окопанный с трех сторон довольно глубокими канавами, представлял собой удобную позицию для обороны. На северной окраине сада слева и справа канавы были короткими, примерно посередине дом, невысокий забор, сложенный из камня-плитняка, деревянные столбы для ворот, самих ворот не было. Здесь, справа от дома, мы стали оборудовать окопы, несколько человек заняли оборону по восточной опушке. Все остальные направления оставались неприкрытыми. От северной окраины сада немцы были на расстоянии около трехсот метров. Нас разделяло поле со жнивьем, а на другой его стороне, в реденькой посадке, были немцы. Оттуда раздавались винтовочные выстрелы, несколько раз ударил пулемет, но активных действий противник не предпринимал. Странно! Не могли же они смириться с потерей хутора. Окапываться нам приходилось с большой осторожностью, стоило немного лопухнуть, как тут же раздавался выстрел. Окопы мы копали на бугре, перед канавой, в зарослях колючей акации.

А небо от облаков расчистилось. Стало тепло. Шумел в листве слабый ветер. Говорили, что конец сентября – это самое благодатное время в этих краях: уже нет изнуряющей жары, становятся прохладными ночи, а воздух хрустально чист, прозрачен и целебен. Сады уже пустые – ни яблок, ни груш. Некоторым везет – обнаруживают заброшенные бахчи, виноградники и даже пасеки, но на пути нашей роты одна кукуруза и подсолнечник – не разживешься. Однако, сейчас вовсе не до красот природы. От подножья гор шарахнули наши пушки, снаряды с подсвистывающим шелестом прошли над нашими головами и рванули за немецкой посадкой. Немецкая артиллерия ответила, ну и пошло. С нашей стороны гулко захлопали наши тяжелые полковые минометы, в небе послышался характерный нарастающий визг, и вдруг тяжелые 120-миллиметровые мины рванули в нашем саду, с визгом и стоном разлетелись осколки. Конечно, ошибки могут быть, но такие ошибки кровью пахнут. Ребята беспокойно зашевелились в своих окопах, стали оглядываться, прислушиваться к выстрелам. Снова выстрелы, визг и мощные взрывы ближе к нашей траншее. Они что, ошалели что ли!

– З-за т-такие шут-тки м-морду бьют! С-сам гад-дов п-постреляю! – ругается Данилов.

А минометчики взялись, видно, за нас серьезно – в саду рванули еще три мины.

– Сволочи! По своим же лупят! – зло ругается Медвинский, но это не помогает, и еще три взрыва с раскатыстым треском рванули в саду.

Дым, толовая гарь, от деревьев летят сучья и ветки. Подосенов еще раз торопливо стреляет вверх из ракетницы. Зеленая искра взлетела в небо, на секунду словно за-

висла в нем и упала, оставив в небе похожий на дугу дымный след. Но минометчики, наверное, не поняли сигнала, приняли его за сигнал немцев, и следующая серия мин разорвалась еще ближе к нам.

Наш связной Митька Козловский, видно, еще не дошел до передовой, предупредить никого не успел, а они, паразиты, лупят здорово.

– Просигналить бы им, лейтенант! – кричит Медвинский. – Пошли Федьку к дороге. Он сигнальщик, пусть, паразитам, просигналит. Что ж они делают-то, ведь побьют всех!

Данилов согласно мотнул головой. В немецком ранце из телячьей кожи нашли два белых полотенца – сойдут вместо флажков. Ракетницу тоже прихватил с собой. Переждав серию очередных взрывов, я бросился на южную окраину сада, но не успел пробежать и ста метров, как снова завизжали мины. Плюхнулся на землю, а три тяжелых взрыва грохнули левее меня... Снова бегом вперед. По спине больно стучит тяжелый диск автомата... Скорее! Скорее! Теперь мины разорвались сзади меня, и мне показалось, что саданули они прямо по нашим ребятам. Скорее! Вот уже и край сада. Перепрыгнул через каменный заборчик, чуть не полетел в канаву... За канавой проселочная дорога, и за ней поле. Выскочил на поле, отсюда видно нашу передовую, и чтобы привлечь внимание наших наблюдателей и корректировщиков, вначале выстрелил в воздух длинной очередью из автомата, а потом пустил зеленую ракету. Они должны меня заметить, теперь слепым нужно быть, чтобы не видеть! Я взял в руки две белых тряпки и замахал ими над головой сигналом «внимание!», «начинаю передачу». Конечно, если на нашей передовой пулеметчики такие же шальные, как и минометчики, то они мне сейчас влепят. Торопясь, сбиваясь, я передаю флажным семафором: «прекратить огонь, прекратить огонь, здесь свои, здесь свои». Может, видно меня плохо или некому прочитать у наших ребят сигналы флажного семафора... Мины снова завизжали в небе, и три тяжелых разрыва грохнули в саду. Наверное, зря я здесь сигналю. Может, добежать до передовой – минут за пятнадцать обернулся бы. Здесь, со своим семафором больше времени потеряю! Но не могут же меня не увидеть корректировщики, они ведь огонь ведут! У них примерно через пятнадцать-двадцать секунд залп. Но вот прошло положенное время, а минометы молчали. Может, поняли, что по своим стреляли, сукины дети! Сделал отмашку о конце передачи и трусцой побежал обратно к своим ребятам. А мины накорезили в саду немало – поломанные деревья, сбитые со стволов сучья, что-то горит, и сизый дым ползет между деревьями. Вдобавок впереди послышалась ожесточенная стрельба, засвистели пули по всему саду. Что там еще?

Потом уж узнал, что одна наша тяжелая мина попала в дом, да так, будто целились в него. Раненого немца и нашего разведчика – насмерть, от дома остались одни огрызки саманных стен, внутри горит что-то, густые клубы дыма сносит в сад. Из посадки около роты немцев поднялись в атаку, наши ребята огнем из пулемета и из автоматов заставили их залечь. Я тоже взялся за автомат – разговаривать некогда. Откуда-то ударили немецкие пулеметы, да так, что головы не поднять. Вот когда поддержать бы нас минометным огнем, так нет – молчат, паразиты! Зато ударили батальонными минами немцы, тоже били сразу батареей. Первые взрывы трескуче рванули в саду, второй залп пришелся уже ближе, но немного левее нас. И пошло! Как в Верхнем Курпе, когда творил я себе отходную, ожидая следующей «своей» мины. Может, и зря Васька Боев с этими фрицами разговоры вел... Трудно сказать, сколько времени продолжался этот бой, но отбились, трофейный пулемет помог здорово. А Данилов начал нервничать – маловато нас, силы неравные.

Не дай бог, бронетранспортеры или танки пойдут, чем их остановишь?! Спасаясь от минометного огня, мы оттянулись ближе к восточному краю сада и укрылись в канаве, а немцы еще минут десять измолачивали минами нашу оборону. Дом продолжал гореть, и клубы дыма ползли прямо над нами. Когда обстрел затих, немцы, что залеги в поле, поднялись в новую атаку, но мы их снова встретили огнем, и они откатились за посадку.

Бой вроде затих, но нашу северную окраину сада узнать было нельзя: от деревьев остались посеченные осколками, расщепленные и опаленные огнем стволы, на акации, где были наши окопы, листьев почти не осталось, вся земля избита осколками в пыль и из этой пыли вместо акации торчали измочаленные палки с ободранной корой. Если бы мы вовремя не ушли с этого места, то вряд ли кто из нас уцелел. Однако, у нас все равно двое раненых, один тяжело в голову. Раненых перевязали, оттащили на южный конец сада и поручили Бергалееву оттащить их обоих на нашу передовую. Если не считать Суменкова, который с пятью разведчиками и одним пулеметом ушел на восточную окраину, нас осталось здесь всего тринадцать человек – много не навоюешь...

Неожиданно с нашей стороны снова ударили полковые минометы. Когда в воздухе злобно завизжали мины, у ребят невольно голова ушла в плечи. Все ожидали нового удара, но на сей раз мины рванули много впереди, в поле и в посадке, откуда немцы начинали атаку. С самого начала бы так! Примерно через полчаса снова все затихло, но все понимали, что это затишье не может продолжаться долго, атака непременно повторится в худшем для нас варианте.

– Закуривай, братва! – предложил кто-то из ребят, и все словно вспомнили, что давно не курили и пора успокоить табачным дымом взвинченные нервы. Курили и набивали патронами диски – в бою заниматься этой работой некогда.

– А вообще-то, если фрицы танки двинут, то здесь будет хуже, чем в Эльхотово – ровное поле кругом, да и оборона у нас того..., – словно читая мои мысли, проговорил мишка Беляков.

Все промолчали. Действительно, положение у нас здесь не очень прочное: сад большой, а нас мало, связи со своей передовой нет, Козловский что-то не возвращается, от комбата нет никаких вестей.

Но на наше счастье через некоторое время в саду стали появляться новые бойцы из стрелковых подразделений. Небольшая группа с лейтенантом по-пластунски приползла к нашим окопам.

– Разведка? – спросил лейтенант. – Кто из вас Данилов?

Мы все, включая Данилова, были в маскхалатах, знаков различия не видно.

– Ну, я Данилов.

– Привет, разведка! Не узнаешь собрата? Зря. В Плановском еще встречались. В общем-то я к тебе с приветом от комбата. Вот, держи!

Лейтенант достал из нагрудного кармана листок бумаги и передал Данилову. У того от недоброго предчувствия на ввалившихся скулах желваки заходили. Лейтенант был общителен, разговорчив и немного возбужден.

Пока Данилов читал записку комбата, лейтенант продолжал:

– Вообще-то я вас, ребята, поздравляю. В батальоне только о вас и говорят: надо ж, средь бела дня у немцев хутор отбили. Готовьте дыры для орденов и медалей, это батя велел передать, а он трепаться не любит. А когда уж обмывать станете, то меня не забудьте!

Но Данилов, судя по выражению, не разделял радужного настроения лейтенанта и был чем-то озабочен.

– Т-так оно в-выход-дит... – протянул Данилов с таким выражением, что мы, не читая записки, догадались об ее содержании и уже знали, что вопрос о нашем выходе из боя на сегодняшний день отпадает полностью. Похоже, и пришедший к нам лейтенант знал содержание записки, поэтому и говорлив был не в меру.

– Что там? – поинтересовался Медвинский.

– А т-то, ч-что по ук-казанию Нат-тынова м-мы в-временно п-под-дчиняемся к-ко-ом-бату и в-мест-те с этим в-вот лейт-тенантом б-буд-дем уд-держивать эт-тот хут-тор.

– Ни хрена себе уха! Ни хрена себе разведка! Хуже всякой пехоты – и день и ночь войей, ребята уже с ног валяются!

– Раз-зговорчики! Т-тоже м-мне... – Данилов сразу взвинтился, а говорливый лейтенант, лежа у полузасыпанного окопа, продолжал балагурить в том же духе:

– Можно подумать, что славная победа над озверелым врагом вам в тягость...

– Да-да хват-тит т-трепаться! – не скрывая раздражения перебил Данилов. – Н-несколько-ко ноч-чей не сп-пали, из б-боя в б-бой... не ж-жравши, ранен-ных т-таск-кать не ус-сп-певаем!

– Ну, тогда ты уж прости, друг, – не знали. Моя рота только вот от тещи пришла. Мы о войне и не слышали ничего...

Данилов посопел, но взял на сей раз себя в руки и уже миролюбиво, стараясь как-то сгладить свой резкий тон, сказал:

– Т-ты не об-бижайся, лейт-тенант.

– А я уже вышел из девичьего возраста. Давай, Данилов, определимся – у тебя сколько бойцов?

Обиженный резким тоном Данилова, лейтенант перестал балагурить и говорил серьезно.

– С-семнадц-цать.

– Где ж остальные?

– З-здесь од-динад-дцать и ш-шест-теро на в-вост-точ-чной ок-краине.

– У меня бойцов в два раза больше. Давай так: я занимаю оборону здесь – это самое опасное сейчас направление, ну а ты, учитывая, что твои хлопцы не выпались, жми со своими разведчиками на восточную окраину, там потише, там, глядишь, и вздремнуть малость можно. У вас, вижу, два пулемета – оставьте их мне, потому как тещу вы и без пулеметов, одними своими портками напугаете.

Лейтенант начал колюче язвить. Его бойцы, слыша весь разговор, не скрывали усмешек. Конечно, что там говорить, свои маскхалаты мы еще не привели в порядок, и обмундирование не успело просохнуть после той гнилой грязи в канаве.

Рядом с Даниловым в окопе лежал Подосенов. Иван повернулся к лейтенанту и нарочито громко протянул:

– Ну, народ пошел! Хутор им отбей, немцев вытури, пулемет им дай – вот тогда они и повоюют, и то если ты им поможешь. После теплой печки у тещи оно, конечно, с непривычки, страшновато. Да вы не бойтесь, хлопцы, тут немцы смиренные, с ними жить еще можно, здесь за своими минометчиками смотреть нужно!

Медвинский откровенно захохотал, а Данилов уже более миролюбиво скомандовал:

– П-под-досенов, ост-тавь лейт-тенанту п-пулемет и т-три к-коробки пат-тронов. Ост-тальным п-по д-два-т-три ч-человека к С-суменк-кову, б-быстро! Б-бывай, лейт-тенант! В с-случае ч-чего, д-дай знать!

Полушутливые подначки, как тогда это называлось, были в моде, во всяком случае до уровня командира роты. На подобные шуточки не принято было обижаться.

Небольшими группами мы вылезали из своих окопов за покалеченную посадку, ползли по избитой минами земле, а потом уже бежали вглубь сада и на восточную окраину. Иначе было нельзя – мы могли снова попасть под минометный или пулеметный огонь противника, а так обошлось, немцы не заметили.

На восточной окраине, по самому краю сада, был невысокий вал земли – давно заросший травой и мелкой порослью кустарника, за ним глубокая, более метра канавка, метрах в десяти параллельно ей шла проселочная дорога, а дальше широкое поле, покрытое жнивьем. Среди поля виднелись небольшие кучи соломы и неубранные валки хлеба. Поле широкое, около километра, на его другой стороне жиденькая лесопосадка, зеленые островки кустарника. Левее нас поперек поля тоже посадка, говорят, там окопались наши передовые отряды, и до того, как мы заняли этот хутор, немецкие пулемет-

чики били по флангу наших обороняющихся подразделений. Следующая за ней посадка, более густая и чуть на возвышенности, была занята немцами, оттуда бил длинными очередями пулемет.

На этом краю сада обстановка другая, здесь можно было стоя копать окопы. Нам было приказано занять оборону тоже по этому земляному валу над канавой, это правильно: с бугра лучше видно и под его прикрытием есть возможность маневра. Мы уже по опыту знали о преимуществах подготовленной обороны, поэтому взялись за работу дружно, копали на совесть. Лопат, правда, на всех не хватало, поэтому копали по очереди – десять минут один, потом другой. Многие сушили ботинки, портянки, шаровары маскхалатов.

Время приближалось к полудню, стало по-летнему тепло, да еще ветерок небольшой – одежда сохла быстро. Огонь противника нас почти не беспокоил. Подошло время, и мы решили уничтожить весь сухой паек, которым нас оделил старшина на сутки. Да нам еще повезло: в доме на северной окраине в качестве трофеев нам досталось штук шесть банок немецкой говяжьей тушенки. Кто-то заикнулся, чтобы оставить их на ужин, но Селиванову удалось переубедить ребят:

– Что?! На ужин? Может, еще и на завтрак? Ну салаги, ну дураки! Нужно давно всем понять, что у солдата на войне не может быть будущего времени, есть только одно настоящее и прошедшее. Вот и лопайте то, что есть сейчас. Вы как хотите – хоть назад старшине все отнесите, а я съем все сейчас. Тоже мне, туристы нашлись! Они об ужине думают, они до ужина дожидаться собираются!

Селиванова поняли, он получил поддержку большинства. Те, кто еще не был занят на окопных работах, поделили продукты на равные части и через несколько минут все запасы были уничтожены без остатка.

* * *

Сад, который недавно был в руках противника в прошедшие сутки, доставлял нашим частям немало хлопот. Он углом вдавался в нашу оборону, отсюда вели фланговый пулеметный огонь по стрелковой роте в посадке, и отсюда же было кратчайшее расстояние до Илларионовки, немецкие пулеметчики вели огонь по ее окраине из этого сада. Представляю себе недовольство, бешенство командиров немецких частей, у которых в полосе обороны находился этот сад и неожиданно был отбит. А между тем сад наполнялся солдатами, появились ПТРовцы, немного позади и правее нас, где бугор земли был почти незаметен, расположилась батарея противотанковых пушек. Немцы молчали, они словно нарочно давали нам возможность закрепиться на новом рубеже, подтянуть сюда противотанковые средства. Поведение немцев нас озадачивало. Мы привыкли бывать битыми, поэтому даже явную оплошность противника готовы были принять за продуманную хитрость, за хитро подстроенный сюрприз. Наше сознание, сформированное трагедией 1941 года, не воспринимало факты явных просчетов противника. Даже случай, когда немецкие автоматчики оказались в окружении на склоне гор под Илларионовкой, не только нашими бойцами, но и командованием бригады расценивался, как продуманная врагом чрезвычайно хитрая операция по засылке в наш тыл автоматчиков-диверсантов.

Действительной реальностью было то, что противнику удалось вчера неожиданным ударом небольших сил прорвать нашу оборону. Эта атака была предпринята силами всего лишь одного батальона и нескольких танков с бронетранспортерами. Конечно, одна стрелковая рота, не имевшая никаких противотанковых средств и надежно подготовленной обороны, не выдержала удара. Напрасно некоторые горластые командиры упрекали оборонявшихся бойцов в трусости. Достаточно было подтянуть сюда артиллерию и немного пехоты, и противник не устоял против контратаки. Уцелевшие немецкие

танки быстро ретировались, пехота отступила, оставив в нашем тылу небольшую группу своих автоматчиков. Немецкие автоматчики остались вовсе не потому, что им были поставлены заранее диверсионные задачи, просто они не успели ударт. Конечно, их небольшой отряд был составлен из опытных, уверенных в себе солдат. Они успели укрыться в труднопроходимом лесу и представляли опасность для наших небольших отрядов и отдельных посыльных. Они не ушли из леса и решили ждать генерального наступления своих войск на этом направлении, которое, как они считали, должно начаться утром следующего дня.

Наше командование справедливо полагало, что противник не прекратит своих атак и попытается восстановить положение. Загадкой для нас оказалось то, что противник по непонятным причинам перестал считать второстепенным участок Илларионовки и именно здесь было намечено направление главного удара. Фельдмаршал Лист решил именно здесь проломиться через горы в Северную Осетию. Он был уверен в том, что русские не ждут на этом направлении концентрированного удара, здесь у них нет достаточно подготовленной обороны. По данным авиаразведки, на перевале у русских не было войск! Это удача! Нужно только время, не более 36 часов, чтобы стянуть к Илларионовке пехоту и танки. Здесь не требовались очень большие силы, здесь для этого не было достаточно широкого фронта – основная масса танков должна по горной дороге перейти за перевал и вот тогда... Тогда будет достаточно целей для авиации и широкая полоса для действий танков. Немецкие штабы работали напряженно и действенно.

У нас пока передышка, и у неисправимых оптимистов появилась снова робкая надежда, что нашу группу сейчас отведут к Илларионовке и дадут возможность поспать хотя бы часа два. Но едва мы управились с сухим пайком, не успели подивиться раннему возвращению Митьки Козловского, как над садом на бреющем полете молнией промелькнул вражеский истребитель Фокке-Вульф-198, двухфюзеляжный, двуххвостый; рев мотора, свист и тонкий звон, частый и дробный стук пулеметов. Ребята укрылись в окопах, а истребитель где-то развернулся и беззвучно, стремительно приближался к нам. Секунды и снова мощный рев мотора, звон, свист и стук пулеметов.

– Вот, гад, избаловался... Я ему врежу, я его научу свободу любить! – бородатый Авдеев стал прилаживать трофейный пулемет, чтобы можно было стрелять по воздушным целям, но больше этот змей не появлялся. Появление истребителя над нашим садом было правильно истолковано – как предвестник серьезных событий. Предстоял бой, и мы понимали, что должны были выдержать натиск врага, иначе нас заставят драпать по открытому месту и вот тогда, но об этом лучше вслух не говорить – не дай бог, за паникера сочтут.

Вначале я не мог понять, зачем нам было нужно занимать оборону фронтом на восток, когда немцы были на севере. Только потом дошло, что восточнее нашего хутора ровное поле без всяких канав и арыков и только здесь немцы могли широко использовать танки и бронетранспортеры. Если так, то мы окажемся на фланге наступающих, а у нас уже есть ПТР и даже пушки вездесущие, выносливые и злые сорокапятки. Немцы, очевидно, и не предполагали, что мы успели укрепиться на этих новых рубежах. Что греха таить, мы, конечно, побаивались танковой атаки – это страшная штука, и в последнее время проклятые танки вымотали нам всю душу!

Солдату всегда не хватает времени, но иначе и быть не может – попробуй успеть сразу выкопать окоп, высушить и привести в порядок одежду, пообедать, почистить автомат, дозарядить диски и это при том, что частенько приходится укрываться или от серии мин, или от пулеметной очереди...

Мы с Мишкой оборудовали окопы рядом, т.к. у нас была одна лопата на двоих, правда, это была не маленькая саперная, а настоящая штыковая лопата с длинной ручкой, найденная в сарае. Грунт здесь был податливый, копать легко. Прошло немного времени и оба окопа были глубиной уже по пояс. На наш взгляд, больше и не надо, но Дани-

лов буквально свирепел от нашего «халатного и преступно-равнодушного» отношения к фортификационным работам. Он требовал от каждого, чтобы окопы были в полный профиль, т.е. по плечи. Как здесь успеешь откопать такой окоп, но препираться с Даниловым нельзя: во-первых, он командир, а во-вторых, он что-то опять занервничал.

Хотелось пить, а колодец здесь только один, да и тот на северной окраине, в зоне активного пулеметного обстрела. Потапенко рискнул, он с трудом набрал четыре фляги воды – ведро оказалось пробито осколком и дыра большая, пока вытащишь – ведро пустое. Четыре фляжки, это по два глотка на брата. Решили воду выпить всю и снова идти по очереди, пока все не напьются. Воду выпили, но сходить к колодцу еще раз уже не успели.

Со стороны противника послышались частые выстрелы минометов и пушек. Немцы открыли огонь по единой команде, и сразу воздух наполнился визгом и стоном летящей смерти. Тут же взметнулись серые, дымные султаны разрывов левее нас, в посадке. Интенсивность обстрела стремительно нарастала, и разрывы слились в единый грозовой грохот. Не оставалось сомнений в том, что началось то главное, чего все неволью ожидали, и за этой артподготовкой последует атака. Ну, теперь держись! В ревушем, грохочущем аду не видно стало самой посадки – один сплошной дым, столбы пламени и земли, беспрерывно взлетали лохматые султаны все новых и новых взрывов. Там перемешались пламя, дым, земля, пыль, кровь, сталь, смерть и жизни! И вдруг из этого ада вырвалась в поле шальная пароконная повозка. Очумевшие кони несли ее по полю, повозка летела, подпрыгивала, оставляла за собой шлейф пыли. Казалось, что она обречена и ей не вырваться из содома. На передке повозки сидел ездовой, он отчаянно размахивал кнутом, а рыжие кони и без кнута понимали, что только от скорости зависела их жизнь. Повозка удалось выскочить на проселочную дорогу, она вырвалась из зоны обстрела. Повезло! Если в ней были раненые, что вероятнее всего, то повозло ребятам, молодец ездовой! Вскоре вслед за повозкой из истерзанной посадки выскочили на поле люди. Их было немного, они бежали назад жидкой нестройной цепочкой, многие падали сраженные осколками, некоторые повернули в нашу сторону – в открытом поле им негде было укрыться, и мы ничем не могли им помочь.

Со стороны Илларионовки ударили наши пушки и минометы, с некоторым опозданием они ставили заградительный огонь, чтобы сорвать или ослабить готовящуюся атаку противника. Я не успел еще удивиться, что артиллерия противника не трогает нашего сада, как внезапно и в нашем саду грохнули первые раскатистые разрывы снарядов, за ними еще и еще, в основном противник измолачивал снарядами северную окраину сада. Там послышалась мгновенно вспыхнувшая сильная автоматная стрельба – похоже, тот разговорчивый лейтенант со своими бойцами отбивались от начавшейся атаки.

Позади наших окопов появился какой-то старший лейтенант, он бежал вдоль нашей обороны с пистолетом в руках под роем свистящих пуль и кричал:

– К бою!

Откуда он взялся? Ошалел что ли? Мы и так готовы к бою, но пока не видим перед собой противника и поэтому не стреляем, чего зря жечь патроны. Впереди нас жнивье на пустом поле, охапки высохшей на солнце соломы и первые черные язвы воронок. За старшим лейтенантом появился взвинченный Данилов.

Наш младший лейтенант тоже кричал:

– К-какого хрена прохлаждает-тесь?! К бою!

Снова зря нервничает лейтенант. Ну что кричит, когда все ребята в окопах, и для него окоп приготовлен, гранаты в нише окопа, диски дозаряжены... Ненужная нервозность передается нам, только не в форме раздражительности, а в виде какой-то неуверенности.

Несколько снарядов рвануло в поле недалеко от нас. Земля здесь мягкая, податливая, поэтому ударная волна взрывов взметнулась высоко вверх. Комья земли с глухим

стуком тяжело падали на землю, рассыпались от удара в пыль. В нашем саду грохотали разрывы.

Артподготовка длилась минут двадцать, бог весть сколько она унесла крови и жизней. Потом огненные смерчи обрушились на район Илларионовки, а здесь еще не осела пыль, еще дым разрывов не успело снести в сторону, как стало видно, что из немецкой посадки двинулись танки. Они смяли гусеницами то, что осталось от нашей передовой там, в поле, и двинулись дальше быстро, уверенно. Опять эти проклятые танки! Позади нас слышались звонкие крики наших артиллеристов, но они еще не открывали огня. Танки, оказавшись на поле уже сзади посадки, где оборонялись до этого наши подразделения, взревели моторами и рванулись вперед, за ними тащились длинные и плотные хвосты пыли. С короткой остановки танки били из пушек. Снова знакомое – бабах, короткий оглушительный взвизг снаряда и трескучий разрыв – и так без конца!

Взрывы, взрывы, лязг гусениц, вой моторов, пыль, облако выхлопных газов – кошмарный ад катился волной по полю, уже проломил правую совсем реденькую посадку и навис над Илларионовкой. Танковые моторы ревели уже где-то рядом, недалеко от нас слышался лязг и скрежет гусениц, но мы еще ничего не видели и не могли представить размера надвигающейся опасности. Ребята беспокойно крутили головами, потому что казалось всем, что танки грохочут уже в саду... И вдруг они показались. Их было машин десять. Они быстро катились вдоль проселочной дороги, повернув башни с пушками в нашу сторону... Танкисты, видимо, были уверены, что русские разбежались, но порядок есть порядок! Первый танк сверкнул огнем выстрела, и громовый удар взрыва раздался позади наших окопов. Еще выстрел – и мгновенный взрыв. Еще! Еще! Танковые пулеметы метелью прошли над нашими головами. Взрыв! Взрыв! На спину падают комочки земли – шарахнул, гад, рядом... Взрыв! А, чертов переполох! Взрыв! И нет возможности поднять голову над бруствером окопа. Танки грохотали гусеницами совсем рядом, и первые машины уже проходили нас. Наша передовая молчала, и это было непонятно и страшно. Мы не стреляли потому, что пули из автомата бессильны, но молчали ПТРовцы, молчали почему-то пушкари... А может, они драпанули или перебило их всех?! Танки шли мимо нас, нацеливаясь на Илларионовку, они вполне могли и, наверное, надеялись сходу ворваться на перевал.

Сама земля стонала и дрожала от тяжелого лязга гусениц, от рева моторов, от грохота оглушительных выстрелов... Бензиновая черная гарь и пыль висели над дорогой... Камуфлированная броня, запыленные черные кресты в толстых белых обводах... Никто сейчас не слышал взрывов мин и снарядов в саду – все внимание только танкам! Они напротив нас, до них не более семидесяти метров. Длинными стволами пушек они будто нюхают нашу оборону и бьют страшными, неотвратимыми ударами... Взрыв! Еще взрыв!.. Кажется, на сей раз нам не вывернуться... Взрыв! А, чертов переполох! Что же молчат наши окайные пушкари и ПТРовцы молчат? Чего ждут?!

Первые машины уже приблизились к южной оконечности сада. Мимо нас проползали другие машины, и они шли уверенно, не обращая больше внимания на хутор. И в это время внезапно часто и звонко захлопали выстрелы сорокопятак. Они стреляли непрерывно, со звоном из их казенников вылетали медные стреляные гильзы. Хлестко стреляли противотанковые ружья. И пушки, и ружья ударили внезапно из засады по бортам движущихся танков. Случилось невероятное: беспомощно дернулся, словно в параличе, один танк, задымил другой, третий еще двигался, но уже горел! Быстрые и точные удары в танковый борт делали свое дело, они были смертельными для танков. На поле горело уже пять или шесть танков, а уральские снаряды крошили крупновскую броню, со стороны Илларионовки гулко, прямой наводкой били 76-миллиметровые полковые пушки. Горело уже много машин, горело само поле, и белый дым от жнивья перемешивался с черным и тяжелым дымом горящих танков. Все происходило мгновенно, непостижимо быстро менялась обстановка.

Часть танков на поле и за дорогой разворачивалась против нас. Они не могли передавить нас гусеницами – нас загромождала от них спасительная канава, зато снова оглушительно ударили танковые пушки и перед нами среди окопов, в саду взметнулись взрывы. Несколько секунд и вся наша передовая покрылась дымом и пылью. Захлебывались от злости танковые пулеметы...

Потом мы услышали знакомую и опасную трескотню «шмайсеров». Теперь за стеной дыма и пыли к нам приближались немецкие автоматчики. Мы их еще не видели, но пули, словно большие свинцовые градины, зашлепали по брустверу, рикошетили о землю, нудно занули в воздухе. Теперь смотри! Теперь не зевай! Там в завесе пыли и дыма, спасаясь от наших пушек, некоторые танки развернулись, отошли немного, укрылись за закопченной броней подбитых машин и крошили снарядами наш сад. Кисло воняло взрывчаткой, дым, гарь и пыль стояли сплошной стеной. Головы не поднимать – взрывы! Взрывы! И зловещий треск «шмайсеров» – значит, автоматчики врага рядом. А в ушах нестерпимая боль, на зубах песок, во рту кровь от искусанных губ; летит вверх земля, сучья деревьев падают в окопы.

Вон они! Идут цепью, и стали смолкать танковые пушки, теперь раскатился по полю сплошной треск автоматов. На нервы, сволочи, давят! Их огонь пока неприцелен, неточен, стреляют для того, чтобы все в страхе зажалось в своих окопах и уж тогда... Тогда они будут стрелять в упор, тогда никому не будет пощады. Пули свистят, взвизгивают, шлепают в бруствер. А нашим пушкарям тоже досталось: отсюда видно, что одна сорокапятка накренилась набок, ее щит разодран танковым снарядом, огонь наших пушек заметно ослаб...

Они идут! За завесой пыли и дыма плохо видно и высовываться много тоже опасно... Кажется, нам не уйти сегодня без лютой драки! То ли в ушах что, то ли правда впереди крик... Чуть приподнял голову над бруствером – да вот они рядом, за дорогой! Несколько фигур в сине-зеленых мундирах, лучи белесого солнца отражаются на их стальных касках. Вот теперь пора! Я стреляю длинной очередью, стреляет уже вся наша передовая. Сплошной автоматный треск. Некоторые немцы кидают в нас гранаты, но они рвутся перед канавой. Прорезь, мушка... некогда долго целиться. Очередь! Еще очередь! Еще! Автомат дрожит от выстрелов... Хлоп! Впустую! Задержка. Некстати! Меня же сейчас пристрелят! Взвел затвор, перевернул автомат – не вылетает проклятый патрон... Нажал на затыльник, открыл автомат, чуть не вылетел затвор... Перекосившийся патрон вылетел, теперь диск немного книзу, автомат закрыл, диск на место, затвор взвел. Все нормально, стреляй! Приподнял голову – оглушительная хлесткая очередь, земля фонтаном с бруствера... Они рядом, меня засекли, заметили, какой-то автоматчик меня караулит... Что делать?! Ну, гады! В руке рубчатая грозная лимонка, выдернул из взрывателя кольцо и быстро швырнул ее вперед, за канаву... Взрыв! Сразу вместе со взрывом приподнялся с автоматом... Конечно, риск – можно схлопотать в лоб осколок своей же гранаты, но если прозеваешь – схлопотать пулю... Вон он, гад, лежит за дорогой. Очередь! Брызнула земля вокруг немца от пуль. Попал? А хрен его знает, лежит, не шевелится! На поле появляются, как из-под земли, все новые и новые фигуры автоматчиков, их много! Их гораздо больше, чем нас! Снова по ним длинной очередью. Раздумывать некогда, теперь кто кого быстрее ухлопает... Очередь! Еще очередь! Справа треск рвущихся гранат... Стреляю, стреляю торопливо и неприцельно... Хлоп! Неужто снова задержка? Спрятал голову под обрез бруствера и вовремя – сбитая пулями земля с бруствера летит мне на голову... Полсекунды и эта вражеская очередь была бы для меня последней. В диске все патроны. Быстро сменил диск. Осторожно и быстро выглянул за бруствер и в то же мгновение увидел, как несколько немецких автоматчиков прыгнули в канаву прямо перед нашими окопами... Гранатой! Вот она, лимонка. Выдернул проволочную чеку на белом металлическом колечке... Ну! Почти не размахиваясь, кинул гранату так, чтобы скатилась она в канаву. Как выстрел, хлопнул взрыватель... секунда, вторая – взрыв!

Стон тяжелых, горячих осколков. Немцев не видно. Что там наделала моя граната? Очереди, автоматные очереди, на дне окопа и на бруствере полно стреляных гильз... Ответный огонь немецких автоматчиков ослаб. Немцев что-то не видно – залегли, паразиты! Наши пушки стреляют. Стреляют пушкар! А танки попятались. Ей богу, попятались! На подступах к Илларионовке они попали под огонь наших полковых пушек. Над полем дым – горит поле, и почернело оно от огня и взрывов, само солнце светит мутным пятном в этом содоме. К небу над стелящимся белым дымом от горящего жнивья поднимаются черные столбы дыма от подбитых стальных машин...

– Ага! Ага! Выкусили! – кричит кто-то рядом.

Танки не выдержали, они отползают назад за посадку, и вместе с ними бегут и спасаются от огня пулеметов немецкие автоматчики, они оборачиваются и стреляют, но огонь их автоматов перестает быть грозящим. Стреляют отходящие танки, но и это уже только отдельные выстрелы с большой дистанции. Огонь их еще опасен - оглушительный двоянный выстрел, злой и остервенелый взвизг снаряда и тяжкий удар взрыва. Брызги стальных осколков заставляют вжиматься в землю. Но отбились! Атака противника, поддержанная большим количеством танков, захлебнулась!..

Впереди нас неузнаваемое поле, исполосованное танковыми гусеницами, оно больше не желтовато-серое, оно откровенно черное – жнивье истребил огонь, поле изрыто воронками, земля дымится, по ней ползут змеистые волокна дыма, разрастаются в размерах черные плешины. Дымят подбитые танки. Сколько же их? Мать честная, их не меньше пятнадцати. Черный дым поднимается к небу, потом слабый ветер ломает эти столбы и сносит в сторону. Все горит! Планета горит! На поле валяются убитые, раненые, чернеют кочки брошенных касок. Кругом дым! И в нашем саду удушливый дым!

– Умыли! Умыли сволочей!

А наша позиция действительно удачна. Мы сидели в засаде, и противник напоролся на нее! «Откатились, голубчики! Драпают, сволочи! А Васька Боев прав - отучим мы их воевать!»

Среди ребят есть раненые, кто-то перевязывает их. Бой понемногу стихает. Надолго ли?

Над соседним окопом показывается голова Мишки Белякова. Он смотрит на меня и спрашивает:

– Живой?

– Живой.

– Ни хрена, живы будем – не помрем!

– Миша, кого там ранило-то?

– Сейчас узнаю.

Мишка выполз из своего окопа и кубарем скатился по невысокому склону нашего бугра, а через полминуты приполз к моему окопу.

– Двоих садануло. Одного тяжело в голову, а Олега Божко в затылок и насмерть.

Жалко! Особенно Божко жаль. Как этот парень умел петь задумчивые и такие красивые украинские песни. Как он ждал возвращения на Украину, как умел петь: «Дывлюсь я на нэбо...» Ах, Божко, Божко...

– У тебя воды нет? – спрашивает Мишка.

– Ни хрена нет.

– Может, к колодцу пойти?

– Не рискуй. Потерпим пока.

На северной окраине хутора перестрелка тоже затихла. Только минометы и артиллерия продолжают бить по саду методичным, выматывающим душу, огнем. Над нами поют, ноют, стонут осколки...

– Мишка!

– Чего тебе?

- Сколько сейчас время?
- Не знаю. Часы стоят. Что осталось – все наше.
- Это точно.

Раненых утащили. Кто-то распорядился собирать раненых на южной окраине, там дежурит повозка. Пока есть время, ребята курят. У меня снова болит правая рука, это еще с Плановского. Пустяшное вроде дело, а вот болит. Попробуй теперь скажи об этом... Нужно терпеть. Если жив останусь, то непременно попрошу Петренко посмотреть руку... А пока можно покурить и нужно выкинуть из окопа осыпавшуюся землю. Окоп – это спасение, это самое надежное в обороне дело, сколько раз земля-матушка спасала от неминучей смерти. Я немного углубил окоп для надежности, все равно теперь до вечера сидеть, а ночью, не дай бог, снова «язык» потребуется. Сил больше нет. У всех ребят языки вываливаются, как у загнанной собаки... Сколько же мы ночей не спали? В прошлую ночь хорошо, если часа два удалось поспать, а сколько не спали до этого?! Откуда-то стреляет немецкий пулемет, а нам хрен по деревне, пусть стреляет – в этом окопе разве он достанет... Вот ноги еще мокрые, за весь день не просохли... Мишка Беляков зачем-то кидает мне в окоп медные автоматные патроны, он мне их кидает, а я диск набиваю...

Черт возьми! Я же уснул... Конечно, уснул – какой там Мишка, какие патроны?! А диск действительно нужно дозарядить, и пустой диск нужно набить патронами пока есть время, пока тихо...

Едва я успел управиться с дисками, как раздался тревожный крик: «Воздух!» У меня от сумасшедшей стрельбы, от близких разрывов снарядов ослаб слух, будто в ушах вода. Я сразу не услышал шума моторов и ожидал молниеносного появления истребителей и штурмовиков нашей передовой. Истребители не появились, но в небе стал слышен прерывистый, многоголосый гул моторов. Вон они! Идут, гады! Теперь я их вижу. Одиннадцать штук пикировщиков. Они летели на солидной высоте и заученно стали выстраиваться в цепочку. Через короткое время там, в ослепительно сверкающей вышине, со стороны солнца небо разверзлось трубным ревом сирен, оглушительным ревом моторов и вот он... раздирающий небо и душу осатанелый визг бомб... Грохнул чудовищной силы взрыв, земля зашаталась... еще и еще удары... Весь мир превратился в оглушительный, прыгающий адский барабан, внутри которого беспомощно цеплялись за жизнь обреченные люди... Громовый, обвальный грохот взрывов неумолимо и грозно накатывался прямо на наши окопы... Сейчас достанет... Сейчас! Взрывы, взрывы, истощный вой пикировщиков. Вжимаюсь в дно окопа, на меня летят комья земли, песок ... Удар, оглушительный взрыв – горячая, обжигающая и упругая, словно резина, взрывная волна бьет в спину, в затылок, норовит вытряхнуть из окопа, вывернуть его наизнанку. Визг! Грохнуло так, что в голове полыхнуло красным и померк свет в глазах. Земля подбросила меня и еще каким-то уголком сознания я чувствовал, как сама земля корчилась в судорогах, как ее трепала смертельная лихорадка и мне передавалась ее боль...

Сколько прошло времени? Где ребята? Сильная боль в ушах горячими сверлами кромсала барабанные перепонки. Ноги не шевелятся. Во всем мире набатный непрекращающийся звон. Нет, я вроде живой... Где ж она, проклятая, грохнула? Протираю глаза... кровь на руках... ранен? Кровь из носа и немного из уха. Ноги засыпаны землей. Ни хрена себе врезало! В воздухе висит тяжелая муть пыли и дыма. Нужно вылезти из окопа. Где ребята? Почему никого не видно? Тело стало вдруг ватным и бессильным, голова ничего не соображает. Автомат лежал на бруствере, сейчас он валяется на дне окопа, пилотки на голове нет... Ничего, жив. Вот, ей-богу, жив! Вот чертов переполох! Автомат! Елки-палки! Осколком бомбы врезало по автомату, кожух ствола искорежен и ствол вроде покалечен. Как же теперь быть? Пыль оседает, дым сносит в поле, становится светлее... Позади моего окопа и чуть правее воронка и еще одна захватила край какого-то окопа. Кто ж рядом был – Осейкин? Неужто его это?.. Неужто его?! Страх за

судьбу товарища прибавил силы. Вылез из окопа, встал на ноги, но земля вдруг качнулась, в глазах снова стало темно. Я упал...

– Федька, ты ранен? Ты живой?

Кто-то нестерпимо противно трясет мою голову, отчего подкатывается приступ рвоты. Собираю все силы для того, чтобы встать на ноги.

– Отстань. Контузило его, сейчас отойдет, – звенит чей-то голос.

Возвращается зрение. В воздухе еще дым и пыль, солнце оранжевым пятном. Господи, где же я? Сада нашего не узнать, его нет... На черной земле черные воронки, все перепахано бомбами, кое-где торчат из земли тоже черные, опаленные огнем, избитые осколками стволы деревьев. В ушах звон... Я все-таки встал. Ноги противно дрожат, подламываются, пошел к тому окопу, край которого обрезала воронка от бомбы. Из земли торчит ствол автомата, выдернул его, положил рядом с окопом. Бруствера почти не осталось – взрывом, как ветром сдуло. Окоп завален землей, стал разгребать ее руками. Чей-то затылок, чья-то спина, гимнастерка... без маскхалата парень, автоматчик должно быть. Видно, убит. Пытаюсь крикнуть, позвать на помощь, но голоса своего не слышу... Кто-то идет... Толька Медвинский. Он щурится словно от яркого солнца, и у него седые ресницы. Я показываю ему на окоп. Находим руки лежащего и тащим его на себя. Голова человека беспомощно свесилась вниз, показывается поясница... А дальше ничего нет, одни окровавленные лохмотья гимнастерки, и за ними тянется что-то розовое и синее... Меня явно мутит. Медвинский грубо отталкивает меня и сам переворачивает оставшуюся от человека половину лицом вверх. Подошел еще кто-то с лопатой и забрасывает окоп землей. Вот и все! И никаких ритуалов и салютов – здесь место неподходящее.

Медленно возвращался слух, оседала пыль, стало хорошо видно. Немцы открыли огонь по нашей передовой, пули зацвикали где-то рядом. Я взял автомат убитого и пошел к своему окопу. Моему автомату конец – покалечен кожух, что-то заклинило и автомат не открывается, затвор был взведен – внутри все забито землей. Жалко, как друга. Он и был другом, даже иногда подводил, как друг. Медвинский ушел. Появился Мишка Беляков, сказал что-то – я не расслышал, он стал кричать:

– Что, контузило?

Ворочая непослушным языком, я спросил его:

– А к-кого-ж т-то-огда у-убило?

Ни хрена себе – я стал заикаться, как Данилов. Мишка не понимает меня, я спрашиваю снова:

– К-как-же т-ты уц-целел?

– Сундук! Я справа от тебя был. Я думал, что ты накрылся. Чего ты здесь маячишь? Пули ждешь?

Я снова в окопе. Впереди в поле дымят подбитые танки. В одном, видно, снаряды рванули – башню снесло, и она валяется в нескольких метрах от танка. На поле и в саду загрохотали разрывы мин и снарядов. Снова дым и пыль – тяжелые пушки лупят. Сволочи! Когда только затихнут, здесь уже пришлось по тонне взрывчатки на брата. Автомат чужой, непривычный. Открыл – все смазано, земля, конечно, набилась, диск заряжен. Продул от земли, потер затвор о маскхалат, поставил на место и ударил по пустому полю короткой очередью – ничего, стреляет. Свой автомат бросил, только диск забрал. Обстрел усиливается, кажется, сейчас повторится все, что только что было пережито.

Вдоль окопов бежит, пригнувшись, Данилов, он без пилотки, весь в земле, рукав в крови и на лице размазанная кровь.

– К-кто еще ж-живой, к б-бою!

Началось! Разрывы снарядов и мин все ближе. Земля снова задрожала и загудела, загрохотали выстрелы танковых пушек...

Поднял из окопа голову, и оторопь взяла: по полю в тучах пыли и дыма снова шли танки, только теперь их стало гораздо больше. За танками в плотной завесе из пыли бежали автоматчики, и эта лавина шла к Илларионовке. Они снова почти не обращали на нас внимания. А наши пушки и ПТРовцы молчат, ведет огонь только один станковый пулемет. В полосе наступающих стали часто рваться мины и снаряды...

Слева, на окраине сада, сплошной автоматный треск. Что там произошло?! Нам еще ничего не видно, но вот ударили сдвоенным звуком выстрела танковые пушки, грохнули близкие разрывы, волной раскатился сплошной грохот. Все сразу почувствовали непонятную угрозу с этого направления.

– Танки! Танки! – слышится чей-то пронзительный крик.

Теперь я увидел бегущих солдат, тех, что занимали оборону там, на северной окраине, где раньше находились мы. Солдаты бежали редкой, нестройной цепочкой, их было совсем немного – там что-то случилось. Теперь перестали рваться снаряды, только сплошной пулеметный треск. Ливень пуль ударил по земле, полетела пыль, стали падать бегущие люди. Там, в клубах пыли, появился немецкий танк, за ним другой, еще и еще. Они ворвались в наш сад и ползут по искалеченной земле, переваливаясь с борта на борт, а пушки молчат. Танки зашли нам в тыл, они у нас на фланге и нет больше от них спасения. Железные чудовища переползают воронки, стреляют из пушек, пулеметная метель над нами... Что делать? Где Данилов? Сейчас здесь будут немецкие автоматчики и тогда не спасет нас никакая канава. Несколько наших ребят прыгают из окопов вперед в ров...

– Какого хрена?! Прыгай!

Я даже не разобрал, кто мне это крикнул, но в ту же секунду скатился в ров. Там трое убитых немцев, я перепрыгнул через них и побежал следом за товарищами к южной оконечности сада. Здесь тоже неглубокий ров, и над ним справа еще ограда из сложенного камня-плитняка. На краю канавы у этой ограды старший лейтенант с пистолетом в руке, он для чего-то старается задержать бегущих и кричит сорванным голосом:

– Стой! Назад, мать вашу!

Танки утюжат наши пустые окопы, танки раздавили огневые наших сорокапятков и теперь там остались только убитые и, может быть, раненые.

– Гранаты к бою! – кому-то командует старший лейтенант.

Какие к шуру гранаты? Нет у нас больше гранат! Из проклятой канавы нам не видно самих танков, но мы знаем, что они продолжают ползти и доламывают оставшиеся черные, расщепленные стволы яблонь. Не смолкает огонь танковых пушек, а старший лейтенант, наверное, ошалел и все грозит кому-то оружием. Взрыв! Еще взрыв! Сдвоенный выстрел и взрыв одновременно. От каменной ограды летят осколки камней, белая пыль, дым, земля... По склону рва вниз головой сползает тело старшего лейтенанта. Кто-то из ребят подхватил его. Мы бежим вдоль канавы за Даниловым к тому арыку. Несколько солдат сзади нас перепрыгнули нашу канаву и побежали по полю, а им вслед стреляют танковые пулеметы и вроде застучали уже «шмайсеры». Неудержимо быстро летят мгновенья... Скорее! Секунды – и половина бежавших по полю солдат валяются на земле... Над головой взрыв снаряда и снова едкий дым, пыль, ни шута не видно. Кто-то из наших ребят хотел было выскочить из канавы в поле, но их осадил свирепый крик Данилова:

– Куда, мать вашу?! Застрелю! За мной!..

Данилов бежал первым, и мы за ним. Над нами за оградой и в поле взрывы танковых снарядов. Каменную ограду разнесли в куски, но канаву танкам здесь не перелезть, сейчас страшны автоматчики. Если хоть один из них окажется у этой канавы – он перебьет нас всех. Скорее, скорее! Кто-то потерял запасной диск, чей-то ботинок вдавил его в землю и некогда нагнуться, чтобы подобрать его. Получилось так, что я замыкаю нашу цепочку, и если сейчас ударят в нас из «шмайсера», то первые пули будут у меня в

спине... Сзади сплошной треск автоматов... Бежать тяжело, канава здесь узкая и стала еще мельче. Я уже не бегу, а просто иду, даже не очень быстрым шагом – наши ребята колупаются впереди, им неудобно тащить раненых. Вот он, конец канавы. Впереди невысокая насыпь, за которой наш грязный арык. Скорее! Скорее! Первым бежит Данилов. Он вбегает на насыпь, у него в руках револьвер. Данилов ловок, у него худое жилистое тело. Одним прыжком он выскочил из нашей канавы и оказался на гребне невысокой насыпи. Вдруг взмахнул руками, резко остановился и, будто в замедленном кино, стал падать с насыпи назад, переворачиваясь набок.

Ребята, бежавшие за Даниловым, остановились, словно налетели на невидимую стену. Кто-то в растерянности повернул было назад, но прошло секунды три и в арык полетели гранаты, один за другим захлопали взрывы.

– Вперед! Вперед, иху мать! – кричит кто-то из ребят.

Несколько человек взбегают на насыпь, куда-то стреляют и прыгают вниз в канаву. Им быстро подают раненых, и все торопливо пошли по канаве. Нас всех, кто уцелел в этой свалке, снова спас случай, слепое везение, нежданное солдатское счастье: когда немецкие танки ворвались в наш сад с северной окраины, когда следом за ними пошли автоматчики – они кромсали и расстреливали все живое, что встречалось на их пути. Несколько автоматчиков проникло в арык на западном краю сада. Внизу в канаве было сыро, липкая грязь засасывала сапоги, это на какое-то мгновение отвлекло внимание немецких солдат от того, что происходило в поле, поэтому выросшая внезапно фигура Данилова на насыпи оказалась неожиданностью. Но немцы опомнились первыми. Немецкий автоматчик ударил очередь в упор, он не мог промахнуться... Через мгновение на немцев полетели гранаты. Их было шестеро, и если бы они обнаружили нас первыми, если бы у них был наблюдатель на насыпи, то никто бы не ушел от огня их «шмайсеров».

Оказавшись в уже знакомой канаве, ребята заторопились – нам нужно было скорее уходить отсюда, пока не появились новые немецкие автоматчики... Я спрыгнул с насыпи в канаву последним. Внизу в грязи и крови лежали шестеро немецких солдат.

– Федька, забери у них документы! – на ходу крикнул Суменков.

Половина убитых лежала лицом вниз, их тела засасывала клейкая грязь и перевернуть их, чтобы вытащить из карманов их солдатские книжки было совсем непростым делом, требовало сил и времени, а ребята торопливо уходили, и мне их еще нужно было догонять. Я решил забрать документы только у тех, у которых это было легко сделать.

Убитые, искаженные гримасой лица, измазанные липкой грязью и кровью мундиры... И вдруг я увидел живые глаза, и из них выливался на меня ужас. Немец лежал, вернее, сидел, привалившись к стенке канавы, френч и брюки перемазаны грязью, руки почти по локоть в этой тине, автомат на шее. Вытаращенные глаза на перемазанном лице смотрели прямо в мои глаза и читали в них страшный приговор... Зубы оскалены. Он в каске, неотрывно смотрит на меня, ловит взглядом каждое мое движение и пытается вытащить руку из засосавшей ее грязи. У немца, видимо, перебита рука, и он ранен в ноги. У него не было сил что-то предпринять против меня для собственной защиты. Бессилие, ужас, ожидание неотвратимой смерти, отчаяние – все было в его глазах. Возможно, четверть минуты назад он еще надеялся, что наши ребята посчитают его убитым, уйдут, и его найдут свои, вытащат из этой канавы, окажут помощь. В таком положении солдат еще надеялся на чудо, оно казалось возможным, но вот один русский в маскхалате (видно, немец считал меня за обычного мародера) стал вытаскивать из карманов убитых документы и...

Что мне делать? Конечно, автоматная очередь и конец всем раздумьям. А его глаза исполнены ужасом, они безмолвно молили и готовы были проклясть... Я сорвал у него с шеи автомат, собрал другие, но тащить все шесть автоматов, да еще свой – тяжело. Три автомата из тех, что погрязнее, выкинул из канавы наверх в заросли высокой травы.

Что делать? Что делать с раненым немцем? Мне некогда с ним возиться, мне нужно догонять товарищей. Тащить его на себе? Он непременно будет оказывать сопротивление, будет кричать. И на хрена он нужен – раненый? Не дай бог кто-нибудь из ребят его просто пристрелит. Ну а что бы сделал он с нашим раненым бойцом? Что бы он сделал, окажись я на его месте? И думать бы гад не с тал – очередь и все разговоры. Передо мной враг, раненый, но враг. Он поправится в госпитале и снова вернется в строй, чтобы убить меня. Может быть, это именно он убил только что Данилова... Какой-то озноб пробежал по спине. Я поднял немецкий автомат, и раненый понял, что сейчас произойдет. Он вырвал из грязи левую руку, загородил ею лицо так, что остались одни глаза и говорил только одно слово:

– Найн! Найн!

Мы смотрели друг на друга. Два смертельных врага, два солдата, обязанные убивать один другого... А глаза у него такие же, как у меня – серые, только в них разлиты сейчас ужас и отчаяние. Волею судьбы среди нас двоих в этой грязной канаве я судья и я палач, он – жертва, и в моей власти. Какой-то гаденький голос в моем мозгу подзуживал: он, этот немец, только что стрелял в тебя, он бы не задумался ни на секунду, скольких он уже убил и он снова будет убивать. Совесь-то шептала, голос ее был тих, но слышен...

Нет, не могу я в него выстрелить. Это будет уже не война, а идиотское убийство безоружного и раненого человека... Идиотское! Убийство! А он из самой Германии приперся сюда грядки копать?! Он беспомощен...

– Найн! Найн! – продолжал повторять немец.

– У, гад, стерва! Хрен с тобой, живи!

Я повернулся и побежал вслед ушедшим вперед товарищам, а перед глазами словно продолжали прокручивать одну и ту же киноплёнку: я видел падающего Данилова и молящие глаза немца...

Наверное, я тряпка, я бесхарактерный дурак. Не стоит об этом рассказывать ребятам – осудят. Наверное, я чего-то не понимаю...

Ребят я догнал быстро. Нас оставалось всего двенадцать человек – половину мы оставили в этом страшном бою. Почти все тащили раненых – тех, кого мы успели подобрать, кто оказался на нашем пути. Идти было тяжело – под ногами глубокая, липкая грязь. Бой откатывался к Илларионовке, он обогнал нас. Впереди все грохочет, сплошные раскатистые взрывы. Несколько раз в небе проносились вражеские истребители, но нас они не замечали. Прошли еще немного, и дно канавы стало суше, пошли быстрее. Я по-прежнему шел сзади, прикрывал нашу группу. Над нами огромные лопухи, закрывшие небо, в канаве от этого сумрачно, в глаза лезет какая-то мошкара. Суменков торопится. Наше место там, у Илларионовки, где грохочет бой.

Ребята остановились. Что там впереди?

– Стой, – командует Суменков. По осыпающемуся жирными черными комьями склону канавы он выбирается вверх. Осмотрелся и громко сказал:

– Давай все сюда! Подавай раненых. Данилыча осторожно...

Один за другим мы выбрались из канавы, вытащили всех раненых. В стороне Илларионовки – ад крошечный. Волна танков уже прошла. По полю, нещадно пыля, катятся бронетранспортеры. По проселку за жиденькими тополями, примерно в полукилometре от нас, ползут немецкие автомашины с пехотой. Впереди слышны выстрелы танковых пушек, сплошной пулеметный треск и несмолкающие взрывы. Осмотрелись и всем стало ясно, что в саму Илларионовку нам уже не пройти, от нее мы отрезаны. Теперь нам нужно брать правее, к подножью гор – только там наше спасение. Над нами и здесь посвистывают шальные пули, но нас не видят, никто не видит, иначе свои нас обстреляли бы, приняв за немцев, а немцы стреляли бы в нас, разобравшись кто мы такие. Мы вместе с ранеными укрылись в зарослях терновника на краю канавы.

– Раненых перевязать нужно быстренько. Смотрите, Данилыча осторожно, – говорит Суменков. Парню тоже сегодня досталось, и голос у него хриплый, срывающийся.

Данилов плох, глаза у него закрыты и ввалились в потемневших глазницах, с уголка губ стекает розовая струйка крови, не лицо, а серая маска. Старший лейтенант слабо стонет, у него мелко-мелко дрожит верхняя губа, кажется, два осколка у него в теле – в груди и в животе. Потрепали нас здорово. Суменков без пилотки, маскхалат разодран на груди, на правой руке кровь. Я помогал перевязывать раненых, но получалось у меня плохо и руки чего-то тряслись.

– Жгуты нужны, – говорит кто-то из разведчиков.

– Снимай брючный ремень, – ответил другой.

– Портки потеряю.

– Хрен с ними. Без порток обойдешься.

Вдруг сзади нас в канаве послышалось чавканье грязи под ногами, кто-то там шел следом за нами. Мы приготовили автоматы и залегли по самому краю – вполне возможно, что это немецкие автоматчики. У нас затворы взведены, но заросли лопухов укрывают идущих, только листья вздрагивают, указывая этим место, где находятся люди.

– Давай скорей, скорей... – хрипит кто-то под лопухами.

Похоже, свои.

– Стой! Кто такие?

Солдаты испуганно останавливаются. Секунда молчания, а потом слышится тоже вопрос:

– А вы кто?

Идущих, видно, смутили наши маскхалаты, они непривычны для них, а все неожиданное и непривычное невольно ассоциируется с противником.

– Ребята, это свои, – громко говорит Курочкин.

Четверо наших автоматчиков тащили двоих раненых. Мы им помогли выбраться из канавы, вытащили раненых. Одного я узнал, усатого, это из той роты, которая сменила нас на северной окраине сада.

– А мы видели, как вы канавой пошли. Мы по полю бежали, но стреляли по нам. Мы вот успели, а раненых только двоих вытащили...

– Это вы нас у разбитого дома сменили? – спросил я усатого.

– Мы.

– А где ваш лейтенант?

– Накрылся лейтенант. Схлопотал пулю в лоб, будто метили.

– Документы забрали?

– Забрали. Только тот, что забрал, тоже накрылся еще там, в саду, танком его...

– Раненых перевязали?

– Какой там! Когда перевязывать-то?!

Наши ребята помогли перевязать и тех раненых, что притащили наши автоматчики. Все торопятся – нужно уходить отсюда скорее, пока не появились здесь немцы.

– Покурить бы, – просительно предлагает Селиванов.

– Я тебе сейчас покурю меж глаз! Давай, жми к горам на всю железку!

Теперь мы пошли в сторону от канавы, раненых тащили на спинах. Шли торопливо и не ведали, где будет конец нашего тяжкого и скорбного марша. Раненых несли, меняясь. Сейчас мне достался старший лейтенант. Я встал на одно колено, взял его за руки, кто-то помог втащить раненого мне на спину. Тяжел парень или взял я его неловко. Смотреть по сторонам нельзя, только вниз и вперед исподлобья. Пожухлая, высохшая на солнце трава желто-зеленой ковровой лентой течет назад. От старшего лейтенанта немного пахнет порохом и потом, но все отбивает приторно-тяжелый сладковатый запах крови. В стороне Иларионовки гремит бой, тяжелый и жаркий бой. Суменков торопится – это понятно: нужно скорее отправить раненых, чтобы оказать им квалифицированную

помощь. И все понимают, чувствуют, что мы очень нужны там, в бою, где из последних сил защищают наши товарищи эту Илларионовку и дорогу на перевал.

...А Данилова жалко. Смелый он мужик, стойкий боец. Сколько времени его словно облетали пули и вот, на тебе, – напоролся. На наше счастье справа пошла полоса небранной кукурузы, она надежно укрыла нас от вражеских и от наших наблюдателей.

Спасительные горы и лес теперь уже недалеко. Неужто вышли? Неужто нам снова повезло? Такое везение на войне, в боях – страшно неустойчивая штука, но на сей раз оно с нами. Этой кукурузе, похоже, конца не будет. Сил больше нет, но нужно идти, все равно идти, даже если нет сил. Бесконечно долго тянется желтая полоса кукурузы, трещат ее стебли, шуршит листва...

– Стой! – командует Суменков.

Мы останавливаемся, осторожно опускаем на рыхлую землю раненых. Кто-то стонет, кто-то тихо матерится...

– Бельтюков, Осейкин, вперед и проверить все метров на двести. Вернуться через десять минут. Бегом, – Суменков говорит тихо, не повышая голоса, но его команды выполняются быстро и беспрекословно.

Я осторожно опустил раненого старшего лейтенанта со своей спины. Его тело безвольно, безжизненно упало на землю среди высоких желтых стеблей кукурузы, глаза открыты и смотрят сквозь меня, мимо меня, они уже ничего не видят, они застыли в удивлении, узнав большую, извечную тайну, которую нам еще не довелось узнать.

– Ребята, он помер!

Подошли сидевшие рядом Подосенов, Курочкин.

– Готов, – утвердительно сказал Курочкин.

Неторопливо подошел к нам Суменков, для чего-то приподнял умершему веко, с его ладони упала на глаз соринка, и глаз не дрогнул.

Суменков вытащил из карманов гимнастерки умершего от ран старшего лейтенанта документы, письма, из карманов брюк – бумажник и запихнул все это в его полевую сумку, которую взял себе, кто-то снял командирский ремень с портупеей и протянул Суменкову, тот взял, нацепил его поверх своего ремня и спросил у меня:

– Где его пистолет?

– Не знаю. Не видел я пистолета.

– Ладно. Убитого тащить до конца. Понял?

Появились Бельтюков с Осейкиным.

– Кукуруза метров через пятьдесят кончается, дальше поле. Никто не стреляет и горы недалеко.

– Хорошо. Пойдете первыми. Кончай ночевать. Шагом марш!

Кукуруза кончилась, дальше картофельное поле, увядшая мертвая ботва на земле. Земля рыхлая, идти по ней тяжело. Кажется, не осталось ни единой капельки сил, я шел и шатался от страшной, тяжелой, как паралич, усталости... Не я один! Все тащат на плечах раненых, и никто не стонет. Надо идти, надо! А я вот сейчас свалюсь на эту рыхлую, темно-серую землю... Когда же кончится этот проклятый день?!

Всему когда-то приходит конец, пришел конец и картофельному полю, и лугу, что был за этим полем. Здесь полузаросшая травой проселочная дорога, кустарник, а там, за оврагом, уже лес. Теперь-то мы по-настоящему вышли.

– Стой! Кто идет? – уеожиданно раздался из кустов оклик.

– Негры, твою в господу мать! – ругается Подосенов. Он тащит раненого, конечно, зверски устал. Все мы измучены боем и каждого из нас злит почему-то этот оклик. Но солдаты, что были в кустах и представляли боевой дозор стрелкового подразделения, признали нас за своих и спокойно ждали нашего приближения. В кустах трое солдат с винтовками, один из них, пожилой и усатый, видно, за старшего.

– Где народ? – почему-то раздраженно и зло опросил Суменков.

– А вы кто?

– А ты не видишь кто! Сидят здесь, груши околачивают!

Вот ведь как бывает: набросились на человека ни весть за что, хотя он поступил так, как поступили бы и мы. Нам почему-то и в голову не пришло, что эти бойцы сами недавно вывернулись из боя, что от их роты почти что ничего не осталось и не просто они здесь сидят, а прикрывают совершенно открытый фланг батальона, который продолжает вести бой под Илларионовкой. Сказывались сумасшедшее напряжение боя, нервная взвинченность и убийственная усталость. Вскоре мы нашли командира роты, рыжеватого и необыкновенно худого человека, и единственно уцелевшего помкомвзвода, который находился сейчас вместе со своим командиром.

Вначале они смотрели на нас недружелюбно и подозрительно. Разобравшись, кто мы и откуда, лейтенант заметно оттаял и решил нам помочь. Мы положили раненых на приготовленное кем-то сено на краю неглубокого овражка, и сами в полном изнеможении повалились на землю... Ну вот, теперь кажется все, теперь можно сказать, что вышли, выкрутились и раненых вытащили, кого смогли. Теперь отправить бы их побыстрее. Суменков разговаривал по этому поводу с лейтенантом. Этот лейтенант вымотался, видно, не меньше нас: оброс рыжей щетиной, глаза ввалились, обмундирование грязное и прожженное. А многим раненым плохо. Кровью ребята истекают. Данилов дышит хрипло, как-то мелко и часто, глаза так и не открывает, выживет ли?

Командир роты, бегом осмотрев раненых, крикнул кому-то в овраг:

– Репиенко! Где Иноземцева? Быстро ее ко мне с сумкой!

Потом лейтенант взялся за полевой телефон и было слышно, как он кричит:

– Алло! Алло!.. Рябина! Рябина! Рябина, мать твою!.. Рябина? Какого хрена от аппарата уходишь?! Ты у меня заработаешь! Позови Рожкова... Рожков? Здесь у меня на участке наши ребята вышли. У них восемь раненых. Давай быстро подводу... Подводу, говорю, давай!.. Я тебе такой резерв выдам, сукин ты сын! Я тебя шлепну вместе с резервом, ты меня доведешь сегодня!

Наверное, убедил. Только после этого разговора с лейтенантом Суменков подошел к нам, повалился на спину и устало сказал:

– Сейчас подвода будет. Перекурите пока. Переобуйтесь.

Это он правильно говорит. В ботинках снова вода и грязь. Рядом в овражке лужица, выполоскали там портянки, шаровары, вымыли обувь... Господи, боже мой! Как хорошо лежать на земле, смотреть в небо, видеть, как шевелятся на ветру темно-зеленые ольховые листья, лежать и ни о чем не думать... В ушах еще звон, все тело болит от непреходящей усталости, но уже тихо и никто в нас не стреляет. Бой остался позади, он еще грохочет в стороне Илларионовки – тяжелый, бесконечный бой. А солнце позолотило небо. Наверное, скоро вечер...

– Товарищ лейтенант, сержант Иноземцева ...

Чудо! Женский голос! Откуда? Это явление было удивительным не только для меня – все ребята, кто не спал мертвецки, закрутили головами: в таком аду и вдруг женщина!

– Ольга, осмотри раненых, может, что им нужно, а то эти вахлаки ни хрена толком не сделают, – говорил лейтенант.

Откуда здесь может оказаться женщина, что она тут делает? И как можно с женщиной говорить не «высоким штилем», а бросать такие обыденные словечки, как «ни хрена», «вахлаки», «осмотри»? Я посмотрел в ту сторону и узнал ее сразу: так это ж ей я сдал того раненого матроса в Плановском, того геройского парня. И опять вот она, рядом. Откуда только сила в ногах появилась? Думал, что краном меня с земли не подымешь, а тут встал и пошел к раненым, где возилась Иноземцева. А она девушка складная и необыкновенно красивая. На ней невысокие хромовые сапожки, синяя юбка, гимнастерка, перехваченная командирским ремнем по такой узкой талии, что того гляди переломится. На голове обычная пилотка, а из-под той пилотки такая пышная волна

темно-каштановых волос. Ванька Подосенов, парень из тех, кто девочкам нравится, откровенно спал, Гришка Авдеев, тот не спал, но смотрел на колдовство Ольги над ранеными как-то равнодушно.

Я подошел к Иноземцевой:

– Привет, землячка!

– Привет, – сухо ответила Ольга и даже глаз на меня не подняла.

Я понимал, что надоели ей подобные липучие, как репей, ухажеры и их знаки внимания. Не хотелось мне обижать девушку и быть похожим на тот репей.

– Не узнали, выходит, меня. Да ладно, может, помочь чем?

Только теперь девушка посмотрела на меня... А глаза-то у нее голубые, брови вразлет...

– Подержи-ка раненого вот так.

Руки у нее быстрые, ловкие... А может, только кажется это мне? Здесь может все показаться, когда на женщину смотришь, как на явление Христа народу. Одичали мы все. Нужно попроще, чтобы мое поведение не смахивало на банальное ухаживание, которое ее, видимо, просто раздражает.

– Потерпи, мой милый, потерпи... Вот так. Сейчас тебе легче станет. До свадьбы все пройдет. Подлечат и будешь как новый. Ну, вот и все. Все теперь будет хорошо.

Ольга говорила раненому словно ворковала. В голосе у нее журчали такие нотки, будто она не раненого, а своего возлюбленного утешала. Конечно, здесь не только раненый, здесь мертвый на ноги встанет.

Она осмотрела всех, некоторым сменила повязки, поправила жгуты и только тогда поднялась на ноги. Из-под пилотки у нее выбилась непослушная прядка волос, она подула на нее и спросила:

– Так где же мы виделись, земляк?

– В Плановском. Раненого матроса я вам притащил.

– А-а, помню. Ты и сам вроде перевязанный был.

– Все точно.

– Ранение?

– Да нет. Немец, гад, прикладом вlepил. Малость прозевал я его.

– Это вы тогда в атаку ходили?

– Мы.

– Слышала. Молодцы вы, ребята. А ты не сердись, если я что тогда сказала. С вашим братом без этого нельзя, вы доброго отношения не понимаете.

– Я на вас не сержусь, даже и в мыслях этого не было. Я просто хотел помочь и спросить, как тот матрос-то?

– Тоже ваш парень?

– Нет. Только в бою и свиделись.

– С матросом тяжело получилось. Юнкерсы на нас налетели и по станице бомбами. Повозку у нас разбило, а матросу ноги покалечило, ампутируют. Если живым останется, то уж без ног.

– Жалко. Мужик он геройский. А как наш лейтенант?

– Плох он. Ранения тяжелые... Ну ладно, бывай, земляк.

– Счастливо, Оля.

Я вернулся к ребятам. В обычное время кто-нибудь из них обязательно съязвил бы по поводу моих заигрываний с Олей, а тут даже шутить никому не хотелось. Только Авдеев, не поворачивая головы, спросил:

– Как там Данилов?

– Говорит, что хреново.

– Живой будет?

– Кто ж его знает.

Лежим и молчим, а тут вдруг голос рыжего лейтенанта – командира роты:

– Эй, старшина! Я говорил с заместителем комбата, так тот велел вам немедленно на КП батальона прибыть.

– Мы, лейтенант, только из боя. Вот там наш раненый командир доходит. Пока мы своих раненых ребят не отправим – никуда не пойдём, и если через десять минут повозки не будет, то мы всех на себе потащим... Пойми нас правильно, товарищ лейтенант.

– Давай, как знаешь. Вы где держались-то?

– В хуторе.

– А я в посадке, правее. Видели, как мы от танков-то драпанули?

– Видели. Нам тоже пришлось, – лейтенант безнадежно махнул рукой, будто ждал для себя неприятностей и смирился с их неизбежностью.

Вскоре на дороге появилась пароконная повозка. Она подкатила к нам, и ездовой, пожилой усатый солдат в застиранном и коротком обмундировании, сказал:

– Давай, братья, стелите в повозку сено и укладывайте, да так, чтобы все вошли.

Лейтенант пошел к повозке, а ездовой на ходу докладывал ему, что повозка прибыла. Лейтенант выслушал ездового и потом строго сказал:

– Поедешь мимо Рожкова, передай ему, чтобы часть раненых переложил на вторую повозку. Здесь все раненые тяжелые, легких нет. Легкие из боя не ушли, они воюют. Пусть позвонит мне по телефону и доложит, что приказание выполнил. Сдадите раненых в Эльхотово и назад галопом! Понял?

– Так точно, все понял. Как тут не понять.

– Тогда пошел!

Колеса повозки застучали по сухой дороге. Увезли наших раненых, увезли Данилова, а старшего лейтенанта из политотдела бригады решили похоронить здесь, у края дороги – место здесь красивое... Правда, нам этим скорбным делом заниматься уже не пришлось, мы пошли к Илларионовке. Похоронят его бойцы этой роты, где командиром рыжий лейтенант и, как оказалось, очень хороший парень. Похоронят его, поставят палку с куском фанеры, где химическим карандашом выведут фамилию, инициалы и дату смерти убитого, а Ольга Иноземцева положит ему на могилу зеленую ольховую ветку. Мы поднялись, повесили на себя ремни с дисками и пошли. Ох, как мало нас осталось! На задание отправилось 24 человека, осталась всего половина. Правда, с нами вместе пошли те четверо бойцов, что повстречались с нами, когда мы уходили из сада по канаве. Там, у штаба батальона, они разберутся.

А бой все еще грохочет, черные клубы дыма в стороне Илларионовки...

ИЗ АРХИВА СОВЕТСКОЙ АРМИИ:

... «В политотдел 9-й армии.

27 сентября 1942 года.

В районе Илларионовки противник начал наступление на 4-й отдельный стрелковый батальон.

Автоматчики противника проникли в лес на стыках и стали зажимать батальон. В процессе боя батальон понес большие потери. В бою погиб комиссар батальона Базаров. Нет сведений о 3-й батарее противотанковых орудий.

В районе Илларионовки бронебойщики и артиллеристы подбили 26 танков врага»...

... «В бою убит командир 3-го отдельного стрелкового батальона капитан Свистунов, ранены командир 4-го ОСБ, политрук батальона Скоромный и представитель политотдела бригады Левченко»...

... «Из расположения противника выполз раненый боец-автоматчик. Он рассказал, что немцы сосредоточили восточнее Илларионовки около ста танков».

* * *

День в сплошной стрельбе, в атаках и контратаках; день, наполненный до краев кровью и мучениями людей, заканчивался боем в самой Илларионовке. В поле перед этим небольшим, покинутым жителями поселке, горели танки, бронетранспортеры, несколько тяжелых грузовых автомашин, и черный мазутный дым стелился над степью.

Солнце как-то незаметно подкралось к высоченным пикам Большого Кавказа, вызолотило его заоблачные вершины и рассыпало по ним снопы золотых лучей. Теперь уже и сумерки близко, и сама война вроде устала.

В сражении наступил тот самый час, когда у противника истощились силы и нечем было нанести последний, завершающий удар, уже не было времени для ввода в бой свежих резервов, снять и передислоцировать соединения с других направлений – время было упущено.

И для нас наступил тот час, когда нечем и некому было перейти в решительную контратаку, чтобы отбросить противника на исходные позиции. Ворвавшись в Илларионовку, враг вскоре дрогнул под губительным огнем наших пушек и минометов. В Илларионовке скрестились трассы губительного пулеметного огня. Противнику не удалось уничтожить наши огневые средства, и неприметный поселок стал огненным мешком для вражеских танков, бронетранспортеров и автоматчиков. Наши бойцы видели убегающих немцев, но у них тоже не хватило сил для преследования – их было мало, и они представляли силу только до тех пор, пока находились в укрытии, на подготовленных для обороны позициях.

Получилось так, что всего лишь одна решительная атака врага могла вывести немцев на перевал.

В середине этого отчаянного боя немецкие танки, несмотря на чудовищные потери, ворвались в Илларионовку на стыке 3-го и 4-го батальонов. Оборона бригады оказалась расчлененной, связь между батальонами прервалась. В этот критический момент из леса, у нас в тылу, появились немецкие автоматчики. Их было, как утверждали впоследствии бойцы 3-го батальона, не меньше сорока человек. Они стремительно ударили в спину оборонявшимся, расстроили нашу оборону и, показалось, что исход боя теперь уже предрешен. Нечеловеческими усилиями наши бойцы собрались с силами, выдержали неожиданный удар в спину, мало того, они рассеяли группу автоматчиков – часть из них была перебита, некоторые прорвались к своим, незначительная их часть снова ушла в лес. Наша артиллерия и минометы открыли огонь по прорвавшимся танкам и автоматчикам и не жалели скудного запаса снарядов и мин. Пушки били только прямой наводкой, минометы стреляли только по видимым целям. В жестоком бою капитан Котенков был ранен в голову и в руку, но не покинул в критическую минуту свой батальон. Комиссар батальона Базаров, поднявший бойцов в контратаку, был убит. Командир 3-го батальона капитан Свистунов, принявший на себя тяжесть танкового удара, был убит. В какой-то момент батальоны дрогнули – в обороне образовалась ничем не прикрытая брешь, но противник не смог этим воспользоваться, для этого у него тоже не хватало сил.

Бой замирал, захлебнувшись в крови, и теперь в сумерках методичный минометный огонь, треск дежурных пулеметов и мерцающие искры сигнальных ракет в потемневшем небе; только тяжелый дым догорающих танков, дым тлеющей, дымящейся земли были эхом отгремевшего боя. Как знать, может быть, и не помнили старые, седые горы за всю историю человеческой цивилизации такого дикого и кровавого побоища.

Остатками нашей разведгруппы командовал Суменков, и все безоговорочно признали его главенство. Его почему-то недолюбливал начальник разведки, но Ласточкин даже ввиду явного неудовольствия со стороны начальника разведки, даже под угрозой его гнева, все-таки ставил Сашку во главе разведгруппы. Суменков никогда не кричал на своих товарищей, не допускал никаких угроз, но ребята знали, что с самого начала войны он в разведподразделениях, верили ему и выполняли каждое его распоряжение, каждую команду со скрупулезной точностью.

Суменков изредка подгонял уставших ребят, и все торопились к Илларионовке – туда, где постепенно затухал бой. Перед Илларионовкой нас остановил какой-то патруль и с его помощью мы нашли КП батальона. На лесистом склоне небольшого отрога гор, у неглубокого овражка, заросшего молодой ольхой, у наспех открытых окопов мы увидели нескольких офицеров штаба, связистов и автоматчиков, охранявших штаб. Капитан Котенков с перевязанной головой, с рукой на перевязи кричал кому-то в телефонную трубку:

– Некого мне посылать! Понял? Некого! Ну... ну... Ну и что? Слушай, ты меня не пугай! Меня сегодня так пугали и до сих пор еще пугают, что больше меня пугать уже нечем. Что? Говори громче! Нет. Нет. Связи с ним никакой... Да. Базарова вытащили... Поздно... Поздно, говорю! Нет. Я тебя прошу, срочно подбрось огурцов. Срочно подбрось! И ложки давай! Откуда хочешь бери... А мне наплевать!... Пойми, мне хлебать щи нечем! Понял? А вот и посмотри! Да восьмому я уже докладывал и сейчас еще раз... Алло! Алло!... Все, оборвалась, – комбат досадливо поморщился и бросил дежурившему связисту:

– Ну, ты чего сидишь-то? Давай связь немедленно!

Наша небольшая группа стояла чуть поодаль от комбата. Сгущались сумерки, степь одевалась синим туманом. Суменков по всей форме доложил комбату о действиях разведгруппы и передал ему документы убитого старшего лейтенанта. Тот внимательно просмотрел их, убрал в свою полевую сумку.

– Та-ак, – протянул комбат, – вот где он конец-то нашел. А мы гадали... Ну, так что, старшина, сколько вас осталось-то?

– Двенадцать, товарищ капитан, и четверо из других подразделений по дороге уже пристали.

– Приставших отправляй по своим подразделениям. Как же вы своего командира не уберегли?

– Так уж получилось. В засаде они, паразиты, сидели, в канаве. Он первый и напоролся.

– Плох, говоришь?

– Боюсь, что до госпиталя не дотянет.

– Батарей пушек противотанковых в саду видели?

– Так точно. Прямо за нами были.

– Успели они отойти? Хоть кто-нибудь?

– Никто. Танки в сад ворвались, и пушки даже развернуться не успели.

– Это вы там руками махали?

– Какими руками? Кто махал? – не понял Суменков.

– Вы должны знать, кто там махал. То, что не немец, так это точно. Поставил своего архара – он чего-то и махал.

Сашка Суменков мог не знать, что меня посылали сигналить. Медвинский знал, когда и по какому случаю меня посылали сигналить, но слышать от комбата «архар» (это козел горный) и «махать руками» – было немного обидно, а ребятам казалось все это смешным. Им бы только поржать. Тут, правда, вступился за меня Медвинский:

– Это не архар, и не просто он махал руками, товарищ капитан. Это был наш сигнальщик и передавал он флажным семафором, что наши минометчики, сволочи, долбанули по своим. Разведчика убили и одного «языка» прикончили.

– Сильно долбанули?

– Так долбанули, что потом немцы сразу в атаку пошли, как после артподготовки, – продолжал Медвинский. – Я знаю, что сами минометчики здесь ни при чем, они не видели, где их мины рвались, но этого идиота-корректировщика, прошу прощения, товарищ капитан, я непременно найду и удавлю собственными руками. Он от меня не уйдет!

– Поздно, брат. Уже ушел от тебя тот корректировщик. Накрылся он прямо на своем наблюдательном пункте. Танк его раздавил. Вот так-то. Ладно, старшина, будь здесь и никуда далеко не отлучайтесь. Ты со своими ребятами мне скоро понадобится, – сказал комбат, обращаясь уже к Суменкову.

– Разрешите с просьбой, товарищ капитан?

– Разрешаю.

– Ребятам перекусить бы малость.

По приказанию комбата повар одной из стрелковых рот накормил нас еще теплой разваренной картошкой с кусочками вареной свинины, дал чаю без сахара, по куску хлеба каждому. Конечно, и на том спасибо!

Пока мы управлялись с ужином, совсем стемнело. Где-то скрипели повозки, кричали ездовые, редкими и длинными очередями били пулеметы на передовой, на склоне гор, левее нас, рвались мины, и грохот взрывов, многократно отраженный и усиленный горами, казалось, гремел совсем рядом. Ребята стали сворачивать тоненькие самокрутки – табак кончался. Голова у меня гудела, ныла раненая рука, все тело, кажется, разламывало от болезненной усталости, которой я еще в жизни не испытывал, она будто припечатала меня к земле и уже не было сил пошевелиться. Я засыпал. Далекие пулеметные очереди во сне слышались и переходили в сновидение, как громовая канонада, как страшный лязг гусениц, они превращались в испуганные и молящие глаза того немца в канаве. Над нами далекие равнодушные звезды. Господи! Неужто это никогда не кончится? Мне бы один, только один денечек той мирной довоенной жизни!

Мудрый старик Ромэн Роллан словами всех человеческих судеб сказал: «Живите вы, обреченные на жизнь, страдайте вы, обреченные на страданье! Жизнь дана не для того, чтобы быть счастливым, она дана во исполнение моего закона: живи, страдай, умри, но будь тем, чем должно тебе быть – человеком!» «Человек», «бог» – как страшно и непонятно звучит это сейчас, когда война, когда убийство становится долгом, а убийца увенчан славой и наградами! И все именем Всевышнего: «Гот мит унс!» – даже на пряжках ремней у немцев: «Господи, даруй нам победу и покарай врагов наших!», «О, Аллах! Покарай неверных и пощади раба своего!» Сколько молитв и заклятий, на всех языках, на всех наречиях и везде, всюду греховные молитвы о спасении, о ниспослании погибели для себе подобного! Да что ж это такое?! Как нам сохранить человеческий облик в этом море греховно пролитой крови? Неужто заповеди Христа и поучения пророка Магомета совместимы с предательством, кровью, страданием, проклятиями и гибелью неповинных?!

С высоких гор течет нестерпимо холодный воздух. Но здесь еще божий дар... В Москве сейчас затемнение, белые бумажные кресты на оконных стеклах, синие лампочки в подъездах, скелеты умерших деревьев стучат и скрипят на ветру своими голыми безлистыми костями, и сеет мелкий и холодный осенний дождь...

– Подъем! Кончай ночевать!

До чего же противен голос и ненавистна эта команда!

– Подъем! Подъем! – не устает повторять Сашка Суменков.

Неужто это у него такой сволочной голос? Ребята расталкивают друг друга, беззлобно и тихо матерятся, с трудом стряхивают с себя остатки обморочного сна. Темно и холодно. Портянки и обувь до сих пор мокрые, не успели просохнуть и от этого еще холоднее.

Суменков проверил всех оставшихся поименно, а мы стояли, зябко подергивая плечами.

– Слушать внимательно, – говорил Суменков. – Задача, значит, такая: сейчас идем в Илларионовку. Обстановка здесь неясная – вроде бы там немцы должны быть, а вроде и нет их. Если обнаружим противника – вверх красную ракету и завяжем бой – немцы ночного боя не любят. Если никого нет – пойдем по дороге на перевал. Основная наша задача – на том перевале оседлать дорогу и держать ее до последнего. Все понятно?

– Угу. А какого хрена батальонная разведка Илларионовку не проверила? – спросил Подосенов.

– Боялась, что тебе будет делать не черта! У батальона хватает забот, не беспокойся.

Суменков говорит спокойно и беззлобно. Всем, конечно, понятно, что вот сейчас разведчикам нужно установить связь с 3-м батальоном, взять «языка», да мало ли что. Какие там вопросы? На все вопросы мы сами должны искать ответы. А темень адская. Идем цепочкой друг за другом, ориентируясь только на чуть заметный черный силуэт впереди идущего. Первыми в нашей цепочке шагают Суменков с Подосеновым, они самым непонятным образом определяют направление и путь следования всей нашей группы. Кажется, что прошли очень много, и вдруг неожиданный оклик:

– Стой! Кто идет?

Слава богу, повстречалась одна живая душа, а то сколько прошли и никого! Этак немцы к самому КП батальона подойдут незамеченными...

– Свои.

– Пропуск?

– Боек.

– Батайск. Кто такие?

– Разведка. А вы кто?

– Вторая рота...

Суменков с Подосеновым ведут с бойцами какие-то разговоры, а мы стоим и ждем дальнейших команд. Слева от нас взлетают осветительные ракеты, от их дрожащего света по земле ползут от кустов черные тени.

Здесь, в стрелковой роте, нам рассказали о том, что батальонная разведка с наступлением темноты ходила в Илларионовку и противника там не обнаружила, а вот совсем недавно вылез оттуда раненный в ноги боец и клялся, что видел немцев, слышал немецкую речь у самых крайних домов Илларионовки, почти у леса. Вот кому верить? Что там, в этой Илларионовке? Это работа для нас, это наш хлеб. Комбат, оказывается, отвел нам только полтора часа, чтобы выйти к нашей передовой и пройти поселок. Если за это время от нас не поступит сигнала тревоги – следом за нами пойдут стрелковые подразделения. Не дай бог, если мы лопухнем и бойцы батальона попадут в засаду – не будет тогда для нас на земле места. К нашей группе подошли еще трое бойцов. У нас завязался свой разговор.

– Сами-то вы там немцев видели? – спросил Володька Золотов.

– Днем их там полно было, и танки были.

– А сейчас?

– Кто ж их знает? Темно.

– Ну, стрелять-то оттуда стреляют? Ракеты бросали?

– Перед вечером-то было, а сейчас вроде тихо, – отвечает нам молодой парень в шинели и флотской бескозырке.

– Не пробовали туда лазить?

– Пока нет. А вы туда?

– Туда.

– Рисковые вы ребята.

– Такая уж наша работа. А вы здесь с вечера?

– Угу.

– И не курите?

– Почему ж, потихоньку курим.

Мы решили тоже в последний разок по-тихому, т.е. пряча огонь сигарки так, чтобы в двух шагах его не было видно, перекурить перед поиском. Прошло минут десять. Суменков и сам потихоньку курит, не лишает нас последнего перекура перед неизвестностью. Торопливо бегут секунды. Там, где Илларионовка, загадочно тихо, там может быть засада, может быть минированная дорога, и в таком случае только собственной жизнью мы сможем это проверить, а может и ничего не быть – шут его знает, каким боком повернется к нам слепое солдатское счастье.

– Пора, – тихо говорит Суменков. – Подосенов, Бельтюков – в головной дозор. Смотреть внимательно. Не торопиться. Всем приготовить оружие.

Щелкнули затворы автоматов. Вслед за головным дозором отправляется в затаившуюся темноту вся наша группа. Идем цепочкой осторожно. Слева взлетают ракеты, это далековато, но они помогают нам ориентироваться. Идем осторожно. Все понимают, что шум, неосторожность могут обернуться большой бедой. Стоп. Какая-то тропинка... Что делать? Если засада, то она, вероятнее всего, будет на дороге или вот на такой тропинке... Мины тоже здесь могут быть. Разумеется, что никаких миноискателей у нас еще не было. Останавливаемся через каждые 70-100 метров и вслушиваемся в затаившуюся тишину. Тихо. В одном месте наш головной дозор останавливается потому, что возле тропинки два трупа – наши солдаты.

– Оставь. Рота придет, разберется с ними, – тихо шепчет Суменков.

Снова вперед. Впереди замершая громада подбитого танка. От него пахнет горелой тряпкой и мазутом. Здесь лежат двое немцев. Мы их тоже оставляем – документы убитых соберут и без нас. Как тихо. Кажется, что здесь все мертво: и танки, и поселок, и лес, и сами горы.

Еще немного и мы вышли на дорогу. Обычная проселочная дорога, правда, довольно широкая, даже с кюветами. Вон, впереди что-то большое и черное, может быть, это сад или лес. Справа от дороги вроде протоптанная тропинка, ее чуть заметно – значит скоро поселок. Постояли, еще послушали. Тихо. Абсолютно тихо. Даже наши бойцы, те, что сейчас занимают оборону справа и слева от поселка и находятся от нас в каком-нибудь километре, а то и меньше, молчат, хотя бы единый выстрел. Позади нас редкие и дальние пулеметные очереди и ракеты – это немецкая оборона. А здесь неужто и вправду никого нет? А раненый? А автоматчики, которые остались в лесу?

Снова идем вперед. Вот первая изгородь. Разбитый дом с остатками побеленных стен. Здесь широкая улица, кругом воронки, один дом догорает, светятся угли красными дьявольскими глазами. На пожарище что-то потрескивает, но кроме оставшихся следов разорения, разбоя, разрушения, беды – ничто не указывает на присутствие человека. Поселок, похоже, пуст – здесь подозрительно тихо и тишина какая-то напряженная. Глаза привыкли к кромешной тьме и различают белые покинутые жителями домики. Идем, крадучись, двумя группами по обеим сторонам улицы, от дома к дому. За домами большие разросшиеся сады, но проверять их нет времени и это невозможно – там тьма такая! Если бы были здесь немцы, то не разминулись бы мы с ними на этой вот улице, и засаду они сделали бы где-нибудь здесь, где больше открытого места и поэтому стрелять удобнее. Конечно риск. Каждый наш шаг – это риск. А что еще придумать? Только собой, подставив себя под выстрел, можно проверить, есть ли здесь противник. Чудно и странно идти по населенному пункту, где только что был противник. Все здесь настороженно, во всем видится ловушка. Конечно, если здесь затаился враг, то первым ударит автомат или пулемет, конечно, взлетит ракета. Нам еще не доставало опыта, мы еще не ведали, что такое преследование противника, поэтому все кажется, может быть, сложнее и опаснее, чем это есть в действительности. Правда, Суменков, Подосенов –

они и под Москвой воевали, они знают, что такое наступление и преследование врага, но мне это еще было неведомо. Главное, не нужно искусственно взвинчивать и без того напряженные нервы. Спокойно. Это наша работа. А потом, бабушка надвое сказала – кто выстрелит первым... Под ногами видна белесая лента дороги. По сторонам белые домики с черными провалами окон. Тихо! Даже собак здесь нет. Прошли порядочно. Суменков остановил группу и выслал дозоры вправо и влево от маршрута. Ничего обнаружить не удалось, и у всех складывается впечатление, что противника в поселке нет. Жаль, что мы условились дать ракету только в случае опасности... Мы прошли всю Илларионовку. Последние ее дома и сады граничили со старым лесом, куда уходила лента дороги. На краю леса еще раз остановились, послушали... Нет, ничего нас не настораживало, и мы шагнули в лес. Над дорогой сомкнулись кроны старых могучих деревьев. Идем будто с завязанными глазами. Теперь уже ничего не видно по-настоящему. Если впереди идущий останавливался, то ты невольно натыкался на его спину. Дорогу просто нащупывали ногой, а она в засохших комьях земли, кто-то о них спотыкается, шепотом кланет войну, дорогу, Кавказ... Воздух здесь влажный, неподвижный, как в погребе с закрытой крышкой. Дорога вильнула в сторону раз, другой, мы ногами нашли, нащупали ее повороты. А идем медленно, в этой тьме не очень-то разбежишься.

Прошло уже много больше часа, как мы прошли Илларионовку. На нашей передовой не отметили сигналов тревоги, которые мы могли подать, и теперь наши бойцы уже наверняка в поселке. Там сзади стрельбы не слышно, значит все в порядке, противника там действительно нет, а для нас сейчас единственную угрозу могут представлять только те автоматчики, что остались в лесу. Сколько бы их ни было, но засада на этой дороге для нас опасна, очень опасна.

Вообще-то сегодня случилось невероятное. На войне такое бывало, но довольно-таки редко. Противнику не хватило сил, чтобы удержаться в Илларионовке, он не осмелился оставить в поселке своих солдат. А наши части, выбитые из поселка еще днем, не осмеливались туда сунуться – для решающей атаки не было сил. Сейчас наши бойцы обязаны быть в поселке, мы просто не имели право прозевать такой невероятный случай, подаренный нам судьбой.

Наша дорога заметно пошла на подъем, мы полезли в горы. Шаг за шагом мы взбираемся все выше. Возможность засады кажется уже нереальной. Ведь тем, кто сейчас мог бы находиться здесь, в засаде, тоже не весело, они тоже ни хрена не видят. Эта мысль мелькает в голове просто как возможный вариант и не вызывает эмоций. Вот только бы выбраться из этого окаянного леса! Но осторожность – это железное правило разведки. Ребята шагают осторожно, предельно тихо. Кажется, в пяти шагах нас уже не слышно... Вдруг неожиданный шум, треск, какое-то хлопанье над нашими головами... Все замирают, не могут понять, что это такое. Шум также неожиданно в лесной чащобе. Какая-то ночная птица. Дьявольщина!

Здесь, в этой чаще совершенно не слышна перестрелка на передовой, сюда не проникает ни единой искры от осветительных ракет. Вообще, как будто на белом свете больше ничего нет, кроме нас, леса и абсолютной темноты.

– Прибавьте шаг, – шепчет Суменков.

Подосенов старается шагать быстрее, но на дороге появились какие-то выбоины, кто-то из ребят споткнулся, звякнуло в темноте железо.

– Тихо ты!

Вроде бы поднимаемся все время в гору, но из-за неожиданных поворотов кажется, что в темноте мы бессмысленно кружим на одном месте. Прошло много времени с тех пор, как мы вошли в этот лес, бесконечный подъем измотал уставших ребят. Прямо у дороги присели отдохнуть и еще раз послушать лес. Курить нельзя. Упаси боже! Слышим только дыхание сидящего рядом... Снова неожиданно для нас откуда-то сверху послы-

шался вой шакала. Говорили, что их вой похож на плач человека. На человеческий плач не похоже, но воеет противно, долго.

– У, гад! – произносит кто-то шепотом.

– Тихо, – шепчет Суменков. – Он, паразит, человека чуёт.

Сидим и молчим. Тихо... Шакалу выть надоело, замолк. Прошло минут десять.

– Скоро лес кончится, – шепчет Сашка Суменков, – а за лесом какой-то домик, «Новая Москва» называется, там и отдохнем малость.

– Как называется?

– «Новая Москва».

– Надо же.

Действительно интересно, что на северном склоне больших, поросших лесом гор притулился к проселочной дороге домик «Новая Москва»! Раз домик, значит, там жили люди, и их довоенный адрес, наверное, был: Северная Осетия, поселок Имарионовка Эльхотовского района, Новая Москва, такому-то или такой-то. Чудно! А не будь войны, может быть, и разросся здесь уютный и красивый населенный пункт Новая Москва...

– Подосенов, давай пошаговитее, нам бы поскорей на перевал, – тихо командует Суменков.

Наш головной дозор старается, но эта убийственная темнота! От усталости, от постоянного нервного напряжения чувство опасности, ожидание вероятной встречи с противником явно притупились, в голове текут отвлеченные, но тоже беспокойные мысли...

Москва... Почтовый адрес. Улицы с трамваями, магазины. Оттуда, из дома, из настоящей Москвы ни единого письма. Два месяца я в армии, полтора в бригаде, за это время отписал всем родным письма, даже на работу письмо послал, а ответов нет. Меня тревожили судьбы отца, братьев, матери. Отец был под Сталинградом, а там сейчас такая свалка, такие бои! Мать с братьями, а Андрюшка совсем малыш – мальчонке только три года. Они были в деревне под Угличем и оттуда уехали. Куда? Где они сейчас обитают? На всей Волге сейчас наиболее безопасные места – это Углич, Ярославль, Кострома, Горький... Где они? Наверное, не стоило им уезжать из Москвы. А что с бедной бабушкой Матреной, старой и больной, которая осталась совершенно одна на Рязанщине? А как оставшаяся в Москве бабушка Наташа? Из дома все разъехались, с кем она сейчас? Уж очень она боялась, что меня заберут на войну. Она хорошо помнила первую мировую, гражданскую войны, она знала и испытала тяжесть страданий, которые несут с собой эти войны. То, что было до мировой войны и до революции она называла «мирным временем» и, сравнивая что-либо, говорила: «Вот в мирное время – тогда было проще»...

Я получил из военкомата ожидаемую повестку. Сколько я заявлений написал с просьбой отправить меня на фронт... И последнее, по совету мичмана военно-морской школы в системе всеобуча, я направил капитану третьего ранга Зуеву в Министерство Военно-морского флота. Прошло время, и вот она, повестка. Военком открыл жиденькую папочку, посмотрел в нее и спросил, показывая письмо, написанное моей рукой, – «Это вы писали?» Я подтвердил, что писал действительно я. «Ну что ж, – сказал комиссар, – мы тебя направляем в Московский флотский экипаж, с этого дня начинается ваша служба в Вооруженных Силах страны. Служба трудная и опасная. Вы добровольно вступили в ряды защитников... Что ж, служите и не посрамите звание воина». Комиссар выдал мне одного сопровождающего, который должен был меня сопровождать до Московского флотского экипажа и сдать там меня под чью-то расписку. Сопровождающий понял, конечно, что предварительно мне нужно было зайти домой. На мое счастье в Москве оказался отец, он приехал всего на два дня, был проездом по дороге в Сталинград. Отец раздобыл где-то четвертинку водки и мы выпили ее трое – отец, я и сопровождающий. Собрать мне было нечего, нужно было просто найти одежду постарее, понегоднее, чтобы ее не жалко было выбросить при получении обмундирования.

Самое трудное было с бабушкой Наташей: она села на свою кровать, закрыла лицо ладонями и заплакала. Она лучше меня знала, что такое война, хотя была неграмотной, не ходила в кино, не смотрела боевых сборников, не могла понять передаваемых по радио сводок. Бедная бабушка Наташа! Будто сейчас ее вижу: железная кровать с гнутыми завитушками и никелированными шарами, лоскутное одеяло, сшитое ее руками и частые мелкие слезинки, бежавшие из ее голубых глаз по глубоким морщинам лица. «Господи, да что ж делается-то! Да куда ж его, непутевого? Что ж теперь будет-то? Не свидимся мы больше, Федюшка, ведь помру я скоро». «Да что ты, бабушка! Ты за меня не бойся. В училище меня берут. Учить меня еще будут. Пока меня, дурака, выучат, здесь уж любая война кончится. Что, не веришь мне? Вон спроси у товарища – куда он меня будет сопровождать? В Московский флотский экипаж. В московский, бабушка, а не на войну!» Деликатный сопровождающий, не солгав ни капельки, подтверждал и даже крестился, что вот ей же богу в экипаж не какой-нибудь, а московский. «Так тебя не на войну что ли?» «Да нет, бабушка, в экипаж меня, а это училище такое». «Ну, дай-то бог! Слава тебе, Господи! Ну, благослови тебя Господь». Бабушка крестила меня своей натруженной морщинистой рукой и кончиком платка вытирала слезинки, которые ну никак не останавливались. Так она и считает, что я в училище, если ей не прочитали моего письма. Пусть так считает. Так даже лучше. Как много разделяет меня сейчас со всеми родными, одних километров более двух тысяч, да линия фронта.

Линия фронта... как она перепахала все человеческие судьбы, как разделила всех! Хорошо еще, что у меня нет никого из родных за этой страшной чертой. Не только от родных, от самой жизни отрезала нас всех эта линия. Оказывается, раньше у меня было много возможностей: я мог учиться, работать, иметь друзей, мог даже полюбить кого-нибудь и ни одну из этих возможностей я не использовал толком, и ни одну девчонку я не могу назвать своей любимой. Даже ребятам признаться в этом стыдно, неловко как-то...

– Тихо! – шепчет кто-то из ребят.

Головной дозор замер на месте и следом остановилась вся группа. Да нет, все тихо, должно быть показалось. Интересно, где эти проклятушки автоматчики, что остались в лесу? Ведь не полезут они в чащобу в такую вот темень. Если они здесь есть, то торчат где-нибудь возле этой дороги, у перевала или у этой загадочной Новой Москвы. Послышались шаги впереди идущих, пошел и я, за мной еще кто-то. А дорога здесь по своей крутизне вполне преодолима для автотранспорта, не говоря о танках и бронетранспортерах. Неужто так вот и прохлопали немцы реальнейшую возможность захватить эту дорогу и оседлать перевал? Как бы там ни было, а мы их умыли, дали им трепу, это им не 41-й год!

Глаза чуть-чуть привыкли к темноте, стала различимой спина впереди идущего – просто бесформенная шевелящаяся тень, ее и видно только когда она движется, остановится человек – и его смутные очертания растворяются в этой угольной темноте. Дорога поворачивала то вправо, то влево, мы послушно следовали ее изгибам. Крутизна подъема стала вроде бы больше или это стала сказываться усталость.

Трудно сказать, сколько времени мы шли, наверное, не один час, и поднялись на солидную высоту. Деревья здесь стали пониже, и теперь стало видно небо с россыпью звезд. Головной дозор прибавил шаг. Вокруг все спокойно. На нашем пути стали попадаться большие и малые поляны с небольшими группами кустов возле дороги. Стало чуть светлее, мы прошли еще немного по дороге и увидели впереди черные силуэты высоких деревьев среди низкорослой поросли и справа от них широкую поляну. Слева началась ограда из жердей. Это и есть Новая Москва, чему еще-то быть! Подосенов остановился. Он разумно осторожен, это правильно. Доведись нам делать здесь засаду, то удобнее места сыскать трудно. За оградой высокие заросли кукурузы, впереди виден бревенчатый дом с соломенной крышей. Кажется, что и здесь нет жителей. Тихо. Хоть

бы мышшь пискнула. Подошли ближе. Ставни окон закрыты, дверь заперта на ржавый амбарный замок.

– Проверить дом, огород, сад и вот эту поляну. Быстро! Ясно?

– Крик шакала – назад! – командует Суменков.

Нам с Мишкой Беляковым достался дом. Дверь у дома простая, досчатая, ударь по ней ногой – она и рассыплется. Замок на двери носит просто символический характер. Любому честному человеку он должен сказать: «проходи мимо – хозяев дома нет». Так то доброму и честному, а нам необходимо проверить и убедиться так ли это. Ставни закрыты обычной палкой, вдетой в скобы. На противоположной стороне дома тоже дверь, поодаль от дома небольшой сарай. Задняя дверь дома закрыта.

– Видно, на засове, – предположил я.

К досчатой, грубо сколоченной двери прибита железная ручка. Мишка осторожно взялся за нее и дверь с ужасающе громким скрипом медленно приоткрылась.

– У, зараза! – шепотом ругается Мишка.

Мы заученно встали под прикрытием стены и ждем, что будет. Тихо. Ни малейшего движения. В сенях темно, еще темнее, чем в лесу. Осторожно шагнули в сени, под ногами пол земляной. Однако, странно – почему первая дверь на замке, а вторая открыта, даже на засов не заперта. Я шел первым, осторожно ощупывая правой рукой бревенчатую стену. Дьявольщина!.. Такая темень, а у нас нет даже карманных фонариков. До войны их было навалом в каждом магазине, а сейчас, когда они особенно нужны, их нет. В темноте я случайно задел рукой какую-то палку, похоже, ручку висящей косы. На стене заскрежетали, загремели какие-то железки, наверное, железные обручи.

– Тихо, ты! – зло шипит Мишка.

Немного постояли молча. В доме ни звука. Этак можно до утра стоять и слушать. Будь здесь немцы, они либо окликнули бы нас, если дураки, а нет – так ударили бы очередь. Смелее! Смелее! Пусть они, гады, боятся. Шут с ним, с риском, на этой проклятой дороге каждый наш шаг это риск. Беляков, видимо, думает так же. Он чиркнул колесиком трофейной зажигалки, она брызнула белыми искрами, и на коротком фитиле вспыхнул жиденький голубоватый язычок пламени с белым венчиком наверху. При скудном свете мы успели рассмотреть бревенчатую стену и чем-то обитую дверь с порожком. Замка на двери не видно... Может, там за дверью укрылись от осеннего холода в горах те немецкие автоматчики? Здесь все может быть. Если они услышали шум, то жди неумолимой автоматной очереди в упор. Огонек зажигалки погас, видно, бензин в ней кончился. Я медленно потянул ручку двери на себя, дверь громко заскрипела на ржавых петлях. Из избы пахло еще не выветрившимся запахом человеческого жилья и еще чем-то приторно-кислым. Внутри ни единого звука. Мы оба даже дышать перестали. Тихо... Если бы кто-то был, то непременно выдал бы себя хоть малейшим шумом. Тихо вошли в комнату, досчатый пол тоже скрипит. Видно, никого здесь нет. Нервы у немцев давно бы не выдержали. Мишка еще раз крутанул колесико зажигалки, снова сноп белых искр, но фитиль не загорелся. С третьей или четвертой попытки появилось жиденькое пламя. Нет, здесь все-таки никого нет. Стены оклеены какими-то очень старыми, лохматыми рыжими обоями, а у двери – газетами, видно, обоев не хватило. Я оторвал полоску газетной бумаги и зажег ее от мишкиной зажигалки. Быстрое пламя на горящей бумаге показалось нам ярче автомобильных фар, оно вмиг разогнало по углам дрожание и шатающиеся черные тени. Стол, сколоченный из досок, пристенные скамьи, побеленная печь справа... Бумага догорела и снова темно. Ощупью нахожу оклеенную газетами стенку. Я нарвал полосок бумаги, а Мишка снова ухитрился высечь бледный беспомощный огонек. При свете в первую очередь запаслись еще бумагой и теперь рассмотрели свисающий с потолка проволочный крюк для керосиновой лампы, на столе щербатое старое блюдо... Стоп! В блюде пепел от папиросы или от сигаре-

ты... Снова темень – сожгли всю бумагу. В темноте нащупываю стену и снова обдираю клочья бумаги. Мишкина зажигалка брызжет искрами, но больше не зажигается.

– Погоди, я спичкой.

Спичечных коробков у нас тоже нет. Старшина получал огромные коробки со спичками, но носить с собой такую коробку страшно неудобно. Старшина раздирал эти коробки, выдавал каждому по клочку коричневой шкурки от коробка и штук по сорок спичек на брата. Спички клали в кисет, но часто сера с них попадала в табак, тогда стали их носить насыпью в карманах, спички быстро приходили в негодность. Вот и сейчас я нашел шкурку и чиркал об ее облезлую поверхность спички, у большинства которых обсыпались головки. На шкурке появлялся зеленоватый свет, но спички тоже не загорались. Мишка тихо матерился, но это помогало мало. Многие ребята обзавелись «катушками» – обломком плоского напильника, кремнем и куском шнура из бумажной ткани. Это приспособление было более безотказным, но у нас его не было. К тому же, чтобы им пользоваться, тоже сноровка нужна. Спичка все-таки зажглась... При свете горящей бумаги мы увидели на полу окурки немецких сигарет. Кто-то еще курил здесь трубку – в блюдце пропитанные жирной никотиновой смолой крошки табака. Наших привычных «чинариков» нигде нет. Теперь я голову мог дать на отсечение, что здесь недавно были немцы.

– Пошли за Суменковым, – все еще шепотом говорит Мишка.

Вышли из дома на улицу, а все равно ничего глаза не видели, только спустя некоторое время мы рассмотрели возле дороги силуэты сидящих людей. Мишка тихо прошептал:

– Полундра!

Тени поднялись с земли и быстро подошли к нам.

– Что? – слышится голос Суменкова.

– Фрицы здесь были, – ответил я.

– С чего взял?

Я рассказал все по порядку.

– Ну-ка пошли вместе.

Осмотрели все заново. Суменков, Авдеев, Бергалеев, мы с Мишкой теперь увидели то, что не заметили сразу. Когда-то задняя дверь дома была закрыта на задвижку и ее открыли при помощи штыка или кинжала. В щель между дверью и брусом дверного проема втыкали штык и постепенно отодвинули задвижку, благо что все запоры здесь были сделаны только для честных людей и носили больше символический характер. На гладкой поверхности задвижки мы уже в доме рассмотрели ножевые проколы. Замок на двери из сеней в избу был сорван и валялся на земляном полу вместе с ржавыми петлями, в которых даже гвозди остались. Ржавчина на петлях и на шляпках гвоздей была темная, а на согнутых стержнях гвоздей светло-коричневой. Гвозди тонкие, небольшие – такие и выдрать не составит большого труда. В избе на столе и на полу обнаружили небольшие кусочки хлеба, они еще не зачерствели и не были растащены мышами. Кисловато-приторный запах в комнате был, несомненно, от немецкого табака.

– Ну что ж, братва, часа полтора назад ушли отсюда немцы, и по случайности не состоялось наше нежное свидание с ними, – заключил Авдеев.

– Может, и так. Только с чего это ушли они из этого дома? – вслух рассуждал Суменков. – Кто их отсюда гнал? Для засады место хорошее и удобное. Не большие любители они по лесу ночью шастать. Непонятно что-то.

– А может, они перевал оседлали? – предположил я.

– Очень может быть. Но что-то здесь мне не нравится. Проверьте все! Все нужно облизать, руками прощупать и никаких перекуров чтобы. Бергалеев, свистать всех наверх!

Бергалеев не стал свистеть по-разбойничьи, как Авдеев, он сложил перед губами ладони лодочкой и вдруг завыл шакалом. Похоже завыл. Ребята собрались быстро и у всех

были одинаковые доклады – ничего подозрительного обнаружено не было. Суменков не стал долго вводить в курс дела, он приказал занять вокруг дома круговую оборону и быть готовыми к бою. Подосенкову, Белякову, Бергалееву и мне было поручено проверить сарай, чердак и все, что может показаться заслуживающим внимания. Если бы не эта проклятая темень!

В сарае, к своему удивлению, мы нашли метра четыре нашего телефонного кабеля. Откуда он здесь? Не исключено, что в доме были наши связисты, а мы-то нагородили! Но Бергалеев нашел еще одно: на истоптанной соломе в сарае была кровь. Кровь уже давно загустела, но это была явно кровь, целая лужа крови. Около сарая в зарослях крапивы нам удалось обнаружить две полных катушки нашего телефонного кабеля – этого мы объяснить никак не могли.

Как оказалось, совсем недавно здесь разыгралась трагедия. Впоследствии, собирая воедино мозаику фактов, нам удалось примерно восстановить произошедшие события.

* * *

Наша бригада передала свой участок обороны в Эльхотово другим соединениям. Обозы, колонны штабных машин запылили по дорогам за Эльхотовскими воротами на Дарг-Кох, Эммаус, Заманкул. Штаб бригады еще не развернул по-настоящему своей работы на новом месте, а под Илларионовкой разгорелся жестокий бой. Начальник связи бригады худощавый, до крайности задерганный майор, смертельно устал. Он не помнил, когда в последний раз ему удалось уснуть, его донимало упреками за плохо действующую связь бригадное и даже армейское начальство. Однако, он ухитрялся делать в тех условиях почти невозможное. Он одним из первых оказался в Заманкуле и тут же приказал командиру роты связи обеспечить проводную связь с батальонами в районе Илларионовки. Командир роты связи направил тут же двоих связистов к перевалу и вниз по дороге к батальонам, которые вели жестокий бой. Связисты нагрузились катушками с кабелем словно вьючные ишаки, но они знали, что этого запаса им не хватит и придется еще возвращаться – шутка сказать, протянуть проволочную связь к Илларионовке! День уже близился к концу, когда взмыленные связисты прошли Новую Москву – запертый и заброшенный одинокий домик на краю дороги. Линия связи шла много левее этого домика, и связисты, оставив катушки, решили отдохнуть немного и раздобыть воды. Но колодца около дома не было. Связисты вернулись к своим катушкам и повели нитку связи напрямую через поляны, стараясь этим сократить расход провода. Было слышно, что внизу у Илларионовки гремит бой, а здесь не было ни души, и звуки боя долетали до связистов, как гром дальней грозы. Они шли рядом, за спиной с тихим скрежетом и звоном разматывалась очередная катушка. Склон здесь был довольно крутым и спускаться стало трудно – ноги болели. Одна широкая полянка оказалась довольно ровной, и здесь оба связиста решили еще раз немного отдохнуть и перекурить. И вдруг из кустов, что были впереди метрах в двадцати, вышли три солдата в квадратных глубоких касках, во френчах и с короткими автоматами на шее, которые были недвусмысленно направлены на связистов. Это было настолько неожиданным, что связисты опешили, несколько мгновений стояли в нерешительности, а потом бросились бежать обратно в гору, бросив свои тяжелые катушки

– Хальт! – слышалось сзади, но они продолжали бежать и внезапно увидели, что впереди, в том направлении, куда они бежали, тоже стояли немцы, их было человек пять. Один из них чему-то смеялся и повторял:

– О, Иван, ты есть капут!

Незнакомая местность, ни единой души вокруг, только одни немцы. За плечами у связистов оставались еще карабины, но оба понимали, что солдаты противника не да-

дут им времени, чтобы воспользоваться ими. Молодой связист не выдержал, он опрометью бросился в сторону по поляне и попытался рывком снять из-за спины карабин. В эту же секунду простучала короткая автоматная очередь. Связист упал. К нему подошел один из немецких автоматчиков. Увидев, что русский еще дышит, он поднял короткий черный автомат и выстрелил в него очередью. Второй связист понимал, что малейшая попытка побега сейчас же кончится для него смертью. Шансов на спасение не было никаких, но, как каждый солдат в экстремальных условиях, он неосознанно еще надеялся на какое-то чудо. Тем временем двое автоматчиков подошли к нему и один командовал:

– Хенде хох!

Связист поднял руки. С него первым делом сняли карабин, вытащили из него затвор и забросили все это в разные стороны. У пленных вывернули карманы, забрали все вещи и документы. У убитого немцы увидели контрольную телефонную трубку. Один из немцев подсоединился к линии связи, что-то долго слушал и говорил своим товарищам. Связист продолжал стоять с поднятыми руками и не понимал ни слова. Пока текли эти бесконечно долгие минуты, связист начал понимать всю отчаянную тяжесть своего положения. Ему казалось, что он попал в руки немецкой диверсионной группы. В Иларионовке бой, значит, там были и наши части; за перевалом в Заманкуле не было никаких немцев, так почему вдруг здесь немцы? Конечно, диверсанты! А если это так, то живым они его не отпустят, и он невольно позавидовал товарищу, который был уже мертв. Немец закончил прослушивать линию связи и довольно сносно по-русски спросил связиста:

– Вы куда вели этот провод?

При этом немец наставил ствол своего автомата почти что в глаза связисту.

– В Иларионовку.

– Откуда вы идете?

– Из Заманкула.

– Что есть там Саманкуль?

Вопрос для связиста был понятен, но он чувствовал, что вот теперь все остальные вопросы будут касаться той области, которая называется военной тайной. Он понимал, что его вынудят говорить и лихорадочно придумывал, как себя вести и что отвечать на подобные вопросы. Получилась невольная пауза, которую уловил спрашивавший его немец. Оберефрейтор криво усмехнулся, и эта усмешка показалась связисту смертным приговором. А немец сказал своим товарищам:

– О, он еще молчит! Я уверен, что это большевик и сейчас он будет нам лгать. Что ж, я знаю, как развязывают языки у этого дерьма. Келлер, эта большевистская свинья хочет мне лгать. Приведи его в чувство!

Здоровый, крепкий немец был ростом на голову выше связиста, тяжеловатый на вид, с квадратным подбородком и узко посаженными свинцовыми глазками. Он подошел к связисту и, коротко размахнувшись, ударил его в лицо. Связист не удержался на ногах, упал на бок и тут же заработал тяжелый удар сапогом в спину. Немец хотел ударить еще, но оберефрейтор остановил его:

– Подождите, Келлер, вы еще успеете... Ты, свинья, ауфштейн! – крикнул оберефрейтор, и связист медленно поднялся на ноги, вытер бежавшую из носа кровь рукавом гимнастерки и обреченно ждал, что последует за этим. Теперь он даже хотел, чтобы его убили, быстрее убили и не мучили, не били зря.

– Ты будешь мне отвечать правда?

– Буду.

– Кто есть тот дом, где ты биль?

– Какой дом?

– Дом у дорога.

«Вон они откуда за нами шли», – подумал связист и быстро ответил:

– Нет там никого.

– Ты опяйт фрешь! Келлер!

Связист невольно загородил лицо руками и сказал оберефрейтору:

– Не нужно меня бить. Я говорю правду.

Немцы нагрузили на связиста все телефонные катушки с кабелем, но повели его в другую сторону. Там оказалось еще два немца и двое раненых.

Раненых тащили сами немцы, связист шел впереди и вел их к Новой Москве.

Не доходя до дома метров двести, немцы остановились в кустах и долго наблюдали за домом. Потом оберефрейтор приказал двоим немцам идти вместе с пленным русским в дом и проверить все вокруг. С пленного глаз не спускать!

В домике действительно никого не было. Оберефрейтор не разрешил трогать замка на внешней двери, а заднюю, запертую на деревянную задвижку, один из немцев без труда открыл плоским штыком-кинжалом. У дома связисту скрутили за спиной руки, связали ноги телефонным кабелем и бросили его на истоптанную солому на пол в небольшом сарайчике, приставив часового. Связист заметил, что немцы вели себя осторожно и не очень уверенно, боязливо, поэтому он утвердился во мнении, что это были диверсанты. Немцы втащили раненых в дом, очевидно, там им меняли повязки. Один из солдат вскоре потащил куда-то ведро с грязными бинтами, связист увидел это сквозь неплотно притворенную досчатую дверь. Связист лежал на истоптанной соломе, перемешанной с куриным пометом, и до его сознания доходила абсолютная безнадежность его положения. Он понимал, что немцы долго возиться с ним не будут – он им просто не нужен. Попади он в плен при наступлении немцев, то, может быть, у него и остался бы маленький шанс, остаться живым, по крайней мере, до лагеря, но в такой ситуации, в которую он попал, даже маленького шанса не оставалось. В кожу рук и ног нестерпимо больно врезался туго затянутый кабель. Связист чувствовал, что его убьют, скоро убьют... «Что ж, на войне всех убивают, теперь мой черед. Только не мучили б, гады» – думал связист, но каждая живая клеточка его измученного тела протестовала против своей гибели, требовала жизни, а его мозг понимал, сколь несбыточны подобные надежды.

Вскоре в сарай вошли оберефрейтор и этот палач Келлер. Келлер стоял молча, наготове, а оберефрейтор допрашивал пленного связиста.

– Иван, йя все знал. Ты ест зольдат зекстен... как это? Да, ты ест зольдат шест десят бригад... Келлер, вы слышали где-нибудь более варварский язык, чем русский... Так йя сказал? Ты понимайт?

– Так точно. Все правильно.

– Гофори правда, Иван. Это твой последний шанс. Много ест зольдат... как это... тфой ... откуда ты идиош?

– Заманкул?

– Йя, Саманкуль.

– Там много.

– Гофори все, что ты зналь!

У связиста нестерпимо болели руки и ноги, болели разбитые губы, а рядом с оберефрейтором стоял этот проклятый немец, который его бил. Связист понимал, что пришли они не из праздного любопытства – он им нужен, один должен у него все узнать, а другой его должен убить – здесь все четко. Теперь все... теперь даже чуда больше ждать нечего, он не дождется его. Жалость к себе и злоба на немцев наполнили его душу, и он решил врать, врать зло и убедительно. Связист рассказывал, что в Заманкул еще вчера начали прибывать новые части, пришла одна морская бригада, он видел еще танки и много автомашин с боеприпасами и пушками, но если господа немцы оставят его живым, то он еще расскажет им такое, что спасет и их. Связист и не догадывался, как

он кстати врал, как своим враньем он помог всей бригаде, спас многих солдат и нас в том числе.

– О, Иван ест ошен умный шеловек. Зеер гут! Келлер, развяжите этой скотине ноги, но рук не трогайте (это говорилось по-немецки).

Келлер послушно развязал связисту ноги и оберефрейтор скомандовал:

– Ауфштейн, Иван!

Связист понял и с трудом встал на онемевшие ноги.

– Немецки зольдат имеет дершайт слово. Тепер гофори ты. Сколько, где ты видель танк?

– Ей-богу, много. Штук двадцать пять видел.

– Они ест сам Саманкуль?

– Нет. Они в балках. Мы еще утром к ним связь тянули.

– Келлер, как вы думаете, врет эта свинья или нет?

– Может быть, и врет. Русским верить вообще нельзя, но для чего они тянули новую линию связи?

– Вы правы, Келлер. Наверное, он от страха напустил в штаны и поэтому говорит правду. Это дерьмо, может быть, действительно думает, что я его отпущу.

– Хорошо, Иван. Скажи номер бригад, которые ест Саманкуль.

– Я не знаю новой бригады. Но по линии связи слышал... Господин немец, а вы правда меня отпустите? Я ничего про вас не расскажу. Отпустите!

– Йа, йа. Гофори, что ты знайт.

– Я по линии связи слышал, что два батальона этой новой бригады пойдут по этой дороге вниз, к Илларионовке. Они уже скоро пойдут...

– Йа понималь.

Оберефрейтор повернулся и стал выходить из сарая, загородив собой узкий и низкий дверной проем.

– Господин немец, вы обещали... – крикнул связист.

– Йа, йа! Келлер, кончайте его. Он больше не нужен. Только прошу вас без шума, главное, без выстрелов. Нам нужно уходить Келлер, не тяните.

– Йа воль, господин оберефрейтор. Все будет сделано в лучшем виде. У меня это уже седьмое ухо. За одно это мне положен отпуск.

Немцы разговаривали между собой. Связист не понимал слов, но чувствовал, что разговор шел о нем и невольно смотрел то на одного, то на другого. Оберефрейтор вышел из сараяшки, остался один Келлер, он смотрел на связиста своими узко посаженными глазками и вытаскивал из ножен вороненый штык-кинжал...

Часовой, карауливший русского пленного, услышал в сарае несколько глухих ударов. Он знал, что Келлер сейчас бьет русского сапогами, бьет жестоко, насмерть. Потом послышался отчаянный крик и хрип, тяжелый булькающий хрип. Часовой поморщился. Ему не нравился Келлер, это был довольно тупой и жадный парень, к тому же он был жесток – ему недаром поручали грязную работу. Хрип оборвался. Кругом невозмутимо тихо. Через несколько минут из низенького сарая, пригнувшись, вышел Келлер. Из телефонного кабеля он сделал петлю, она была накинута на шею русского. Келлер выволакивал на этой петле удушенного русского, лицо трупа было залито кровью, в крови была одежда, кровь была на руках Келлера. Он поволок тело через сад, говорят, там был обрыв. Вскоре Келлер вернулся и спросил у часового:

– Что ты здесь стоишь, Виг? Больше охранять здесь некого.

– Я это видел. Но меня никто не снял с поста.

– Виг, хочешь, я подарю провод, которым я удушил русского? Говорят, веревка повешенного приносит удачу.

– Пошел к черту со своим проводом. Нужна для этого веревка, а не кабель, и повешенный должен провисеть на ней хотя бы день.

– Как хочешь.

Келлер бросил кусок провода в сарай, поднял с земли две катушки кабеля и снова пошел к обрыву, две другие, вернувшись, он бросил в крапиву возле сарая.

На склоне гор осталось две группы немецких автоматчиков и обе они просто не смогли вырваться к своим. В бою за Илларионовку их отсеки пулеметным огнем, отбросили контратакой, отогнали от основных сил, и они снова ушли в горы. Положение у них было скверным – здесь негде было разжиться продовольствием, нельзя показаться вблизи населенных пунктов, приходилось экономить боеприпасы. Обе группы знали, что они находятся недалеко друг от друга на одних и тех же склонах гор. Однако, подать сигнал друг другу они не могли, на этот сигнал могли откликнуться русские. Они надеялись на прорыв к перевалу своих основных сил, они были уверены в их успехе. Как знать, чего здесь было больше: прямой боязни наткнуться на русских или жажды наград и славы. Но сегодня у оберфельдфебеля оказались очень важные сведения, о которых просто необходимо было сообщить командованию, а надежды на прорыв своих основных сил значительно поубавилось. Отряд решил спускаться с гор и прорываться к своим. Им было известно, что левее Илларионовки у русских нет сплошной обороны... Ранним утром десять немецких автоматчиков спустились к опушке леса у подножья гор.

Неожиданно они наткнулись на остатки стрелковой роты во главе с рыжим лейтенантом, который помог нам отправить раненых. Автоматчики хотели незаметно отойти в лес и взять еще левее, обойти роту, но их заметил часовой. Оставалось одно – идти напролом, и немцы пошли, стараясь не дать опомниться русским. Четверо прорвались и ушли в степь, ранний туман скрыл их следы. Трех раненых немцы бросили на опушке леса, четверо были убиты. Как ни странно, Келлера убила женщина. Вначале он убил или ранил сразу двоих русских, которые спали возле подвод, но тут в магазине кончились патроны. Сменить магазин – дело трех секунд, но именно эти секунды решили судьбу Келлера. На мгновение увидел лохматую фурию, которая целилась в него из винтовки, он не успел вскинуть автомата, пуля попала ему в голову.

В этой короткой и злой схватке из двадцати трех человек, остававшихся в роте, были убиты и ранены девять. Всех раненых, в том числе и немцев, перевязали. У убитых и пленных собрали все документы. В кармане того убитого, в которого выстрелила Ольга, помимо документов, писем, порнографических карточек и презервативов, нашли отрезанное человеческое ухо.

* * *

Нашей разведгруппе в этом домике со странным названием «Новая Москва» больше ничего обнаружить не удалось. Все понимали, что враг был рядом, был здесь недавно. Возможно, он где-то затаился, но мы пока не знали очень многого. Тяжелый осадок остался на душе от этой неразгаданности – почему здесь оказались катушки с телефонным кабелем, чья кровь в сарае? Очень похоже, что немцы здесь что-то натворили, но ночью в такую темень нам ничего не удалось больше рассмотреть.

– Время – начало четвертого, – сказал Суменков. – Пошли, ребята. Во всех случаях на перевале мы должны быть первыми. Всем смотреть в оба!

Примерно через час мы были на перевале. Ни единой души здесь не было. Лопухнули немцы. Они вполне могли бы оседлать перевал. Только, видно, немцы остерегались встречи с нами. В последние дни мы их кое-чему выучили. Нет спору, по нашим тылам ходили опытные немецкие солдаты, но совсем не тренированные диверсанты – эти бы непременно приготовили нам сюрпризы, к примеру, заминировали бы эту дорогу или дом в Новой Москве и наверняка не оставили бы таких улик, как окурки или выдранный замок. Скорее всего, это просто солдаты, которые сами не знают, как выбраться из этого леса. Только откуда же взялись спрятанные катушки с телефонным кабелем?

– Все, славяне, мы на перевале! Отсюда теперь ни шагу. Курочкин и Золотов на пост. Меняться через каждые два часа. Нет, давай через час, – подумав, поправился Суменков. – Упаси вас бог прозевать что-нибудь! Остальным отдыхать. Курить до рассвета нельзя!

Слава богу, мне не выпала злая доля сразу встать на пост. Я могу немного поспать. Заснул мгновенно и, как мне показалось, так же мгновенно проснулся от лютого холода. Холод выстудил тело, зубы мелко и противно стучали. Многие ребята тоже проснулись, некоторые встали на ноги и шумно, как зимой, хлопали себя руками по бокам. Чертовски холодно в горах!

– Костерик бы сейчас малый, – поеживаясь, говорит Курочкин.

– До утра потерпишь, – бурчит чей-то недовольный голос.

Два часа я провел в неравной борьбе с холодом, и наступила очередь вставать на пост мне и Медвинскому. Мы оба встали на пост без сожаления – все равно не уснуть от холода. Воздух просто ледяной. Крупные, как горошина звезды глупо и равнодушно плят на нас глаза. Мы расположились правее дороги, чуть выше ее. Гребень высоты в этом месте обрывался крутой осыпью в черную пропасть. Перед обрывом кустарник, невысокие деревья. Здесь возле кустарника и спят ребята, крутятся во сне от ледяной горной стужи, и нет у нас ни шинелей, ни плащ-палаток. Рядом с кустарником небольшая горная вершина, и на самой ее макушке растет молодое дерево, груша, наверное. Отсюда отлично виден перевал, даже в холодном и скудном звездном свете видна белесая лента дороги, а если смотреть вдаль, на север, в черную провальную пустоту, то на самом краю земли виден все тот же незатухающий пожар, который мы рассматривали в прошлую ночь, все также чуть заметно шевелится эта золотая искра – видно, и правда горит нефтяная скважина. Снова тоскливо и нудно воют шакалы, они словно перекликаются этим воем. А холод просто донимает. Я хожу, как заведенный, от одинокой груши по направлению к дороге и обратно, так же ходит Медвинский и каждый раз мы, повстречавшись, поворачиваемся и топаем каждый по своему направлению. Нашел в небе ковш Большой Медведицы, здесь на юге он висит низко над землей, не то, что в Москве. Ковш давно перевернулся, и из него через ручку должна вылиться уже вся вода, значит, скоро рассвет. Проклятый холод! А небо чуть тронулось синевой и теперь оно кажется шитым не из черного бархата с блестками звезд, а из самых темных сине-фиолетовых тонов. У нас за спиной, ничем не опираясь на землю, прямо в фиолетовом небе, вдруг нежно-розовым светом стала разгораться двуглавая шапка Казбека. Отсюда его здорово видно этот сказочный, лермонтовский Казбек. От его света стало вокруг немного виднее, уже свободно просматривалась белая лента дороги, черная кромка леса на склоне гор. В той стороне, где светился розовым светом Казбек, сразу же за нашим перевалом, начиналось плато, оно было все изрезано оврагами и поло- го опускалось вниз, там все еще было заполнено густой предутренней синевой. Небо светлеет, а розовый свет на снегах Казбека от его ледниковой вершины спускался все ниже; стали гаснуть звезды. Рыжая, иссушенная солнцем трава поседела то ли от росы, то ли от инея. Внизу, под осыпью в гигантской распадке, откуда-то взялся белесый туман, он зацепился на склонах за макушки деревьев и словно раздумывал, спуститься ему в степь или растаять бесследно над лесом. Наступает новый день. Что-то будет сегодня...

На посту мы уже больше часа. Давно пора бы будить смену. А Медвинский ходит как маятник, а насчет смены молчит. Спать убийственно хочется, это всегда так на рассвете бывает, но на таком холоде разве уснешь! Вон ребята жмутся друг к другу, ворочаются, кряхтят...

Анатолий Медвинский мне нравится, и все больше мы чувствуем крепнущую симпатию друг к другу. Мужик он неунывающий, веселый, хороший товарищ, воюет парень честно, смело, даже с какой-то удалью и нахальством. Вот только мичманку свою он вчера потерял, может, пулей или осколком снесло – такое бывает. Порой мне кажется,

что в некоторых деталях биографии он капельку привирает, например, утверждает, что до войны жил и работал на Шпицбергене. Мне что-то не верится, может быть потому, что я сам дальше Рязанщины носа не казал. Анатолий здорово оброс черной щетиной – в последние дни и побриться было некогда. Мне так легче, я еще ни разу не брил свой жиденький и белесоватый семинаристский пушок на подбородке. Трофейную безопасную бритву с лезвиями я себе раздобыл, но еще не трогал ею своего подбородка и не умел этого делать.

Медвинского, наверное, наградят. Посмотреть бы разок, как это делается на фронте. Данилова тоже должны бы наградить, только, может быть, посмертно... Промахнулся он в последний раз, ох как промахнулся!.. А собственно, как это промахнулся? Меня не послал вперед или кого другого? Конечно, мог бы послать, и я пошел бы и так же, как он, заработал бы очередь в грудь. Мы ж и предположить не могли, что в ту проклятую канаву залезут немцы. На войне всего не предусмотритишь и не угадаешь, где тебя караулит смерть.

– Замерз? – спрашивает меня тихо Медвинский.

– Как сукин сын.

– Ни хрена, солнце взойдет – отогреешься. Теперь нам к холоду привыкать пора – зима на носу... Порубать бы сейчас каши горячей и чаю с сахаром.

– Это верно. Кто ж нас теперь кормить-то станет? Для ребят повар, что твой поли-трук, только его агитация еще быстрее до всех доходит.

– Это правильно. Без повара война – хреновина одна!

– Слушай, уже пора смену будить.

– Не нужно. Пусть спят, коли пригрелись. Ты ведь ляжешь все равно от холода не уснешь. А до солнца полчаса осталось. Вот тогда и разбудим, тогда жучка и придавим минуток на шестьсот.

– Так тебе и дадут!

– Посмотрим. Только сейчас ты один хрен не уснешь.

Походили, помолчали. Небо посветлело, и золотисто-голубые краски тронули восток. Теперь уже стала хорошо видна дорога, которая уходит за перевал, она кружит по голым скатам гор, пропадает, появляется вновь, а в долине, похожей на чашу, похоже, населенный пункт, над ним висит серый туман. Гимн света и наступающего дня несется из-за горбатых гор с востока, ширится пламенем восход солнца. Из-за посиневших от холода гор выкатилось солнце большое и яркое. «И день настал!» Стали розовыми горбатые горы, и в розовом тумане просыпался в долине поселок Заманкул, там свечами стоят пирамидальные тополя, кое-где топят печи – серыми, прямыми столбами поднимается дым из труб. Правее нас гора Заманкул, она почти на километр вздыбилась к небу, по краям она обросла лесом, а макушка лысая и наполовину розовая от солнечного света. Мы немного ниже – все-таки перевал и высота здесь немногим более 860 метров. Внизу, над лесом, откуда мы пришли, висит еще холодная сумеречная тень и серые лохматые клочья облаков. Оттуда снизу до нас не долетали автоматные очереди и винтовочные выстрелы...

Ребята просыпаются, приводят себя в порядок, чертыхаются, дозаряжают диски автоматов и теперь с наслаждением курят, вытряхивая из карманов последние остатки завалявшихся патронов и крошек табака.

Ласточкин говорил, что наш ротный обоз придет сегодня ночью сюда, в Заманкул. Может быть, уже и пришел. Может быть, для нас уже кашу варят. Суменков рассматривает топографическую карту, сильно потертую на сгибах. А Медвинский убедительно и категорично говорит ребятам:

– Вы, сачки, всю ночь спали, а мы с Федькой охраняли вас. Вас бы фрицы всех за ноги перетаскали. Так имейте совесть – теперь мы будем спать, а вы решайте все

боевые и хозяйственные задачи. Будить нас только к завтраку, а если немцы, так отбивайтесь сами, а нас не трогайте.

Возражать никто из ребят не стал. Мы улеглись с Анатолием под кустами на краю обрыва и через несколько минут спали, словно убитые. Расчет Медвинского был прост, как все гениальное: день обещал быть ясным, выкатившееся солнце сейчас начнет пригревать, станет теплее... Мы спали. На сей раз даже кошмарные сны больше меня не мучили – может быть, я уже привык к кошмарам. Человек ко всему привыкает...

Гораздо ниже нас и левее дороги на опушку леса вышла группа немцев человек в пятнадцать. Они были в касках, во френчах, с тощими заплечными ранцами. По лицам солдат было заметно, что они провели почти бессонную ночь, изрядно намерзлись и были голодны. Старший группы фельдфебель Крашке осмотрел гребень высоты в полевой бинокль.

– Кидлинг, на перевале по-прежнему нет ни души. На что надеются эти русские? Может быть, нам все-таки попробовать перекрыть дорогу? Посмотрите сами.

Крашке передал бинокль Кидлингу. Его товарищ, оберфрейтор Кидлинг, прощупал биноклем гребень и тихо сказал:

– Вы ошиблись, Крашке. Полюбуйтесь, там отчетливо видны две фигуры. Смотрите немного левее самого перевала. Видите голую высотку с деревом? Ну?

– Да, теперь вижу.

– Вряд ли там держат оборону всего два Ивана. Мы опоздали часов на восемь. Оседлать дорогу мы могли еще вечером, но этот проклятый оберфрейтор Бауэр, он совсем не искал с нами встречи!

– Всем укрыться за кустами! – скомандовал фельдфебель.

Солдаты послушно укрылись в сырой холодной тени густого кустарника.

Через некоторое время вся группа немецких автоматчиков пошла в сторону старого леса по склону и скрылась в дремотной холодной тени старых деревьев. По дороге они случайно обнаружили забросанный ветками труп русского солдата. Крашке верно предположил, что это дело рук оберфрейтора Бауэра.

* * *

Казалось, что наша разведгруппа никогда не сумеет выполнить до конца бесконечно возникающих новых и новых задач. Так уж, наверное, устроена жизнь – одна задача порождает другую, другая – третью и так без конца.

Только позавчера вечером мы навсегда покинули овраг, заросший густым кизильником, и задача нам была поставлена вроде бы короткая: пролезть в отдельный хутор за Илларионовкой, взять «языка» и после того, как нас сменят стрелковые подразделения батальона, быстро отойти и оседлать на перевале дорогу.

Но это только на первый взгляд может показаться простым, а на самом деле все обернулось для нас непомерными сложностями и потерями.

Хутор мы захватили и «языка» взяли, но пришлось отбивать атаку немецких автоматчиков, а потом танковые атаки, потом нужно было выдержать сумасшедшую бомбежку. В заключение мы откровенно драпали из захваченного хутора. Не всем удалось уйти и мы еще вдобавок потеряли своего командира взвода. Вообще, в последние дни нашей роте изрядно досталось, даже повара своего не уберегли. Теперь нам надлежало оседлать дорогу на перевале. Тоже дело-то вроде спокойное: этак поднимемся вот по гладкой дорожке на перевал, потеряем на этом часа два от силы, а там наверху сядем на камушек, перекурим, а утром нас сменят, мы пойдем в Заманкул отсыпаться и отдыхать.

Как бы не так! Помимо того, что по склонам гор бродили отряды немецких авто-

матчиков, положение нашего оборонявшегося батальона в районе Илларионовки было крайне опасным: стрелковые роты потеряли примерно половину своего личного состава, тыловые коммуникации были страшно растянуты, рокадные дороги простреливались артиллерией противника. Батальон не имел связи со штабом бригады, оказался прижат к самым горам и все считали, что единственная и кратчайшая дорога через перевал уже перехвачена немецкими автоматчиками. Никто не рисковал, все пользовались долгим кружным путем.

Еще никто не знал, что один из двоих попавших в плен связистов своим отчаянным враньем подарил бригаде один более или менее спокойный день и заставил уйти один из двух отрядов автоматчиков со склона гор, т.к. немцы поверили в выдумку о прибывшей в Заманкул свежей морской бригаде. Немецкое командование целый день стягивало к Илларионовке дополнительные силы и готовилось к отражению нашего наступления.

Мы не знали и того, что на склоне гор осталась сравнительно большая группа немцев, которая смогла бы оседлать перевал раньше нас, и даже думала это сделать, однако, мы опередили ее примерно на полчаса.

Немецкие автоматчики, уже измотанные в боях и не имевшие связи со своими основными силами, очевидно, приняли нас за свежую полнокровную часть и не решились лезть с нами в открытую драку.

Подобная нерешительность была обусловлена не слепой боязнью, нет – немцы отличные, умеющие воевать солдаты, но их отряд уже двое суток был практически без пищи, у них оставалось мало боеприпасов.

Они надеялись на соединение со второй группой, но та ушла, и ее бесплодно искала первая группа. Командир немецких автоматчиков надеялся на большое наступление основных сил, но оно, по непонятным для него причинам, задерживалось.

Если говорить честно, то мы находились не в лучшем положении: сухой паек мы уничтожили еще утром прошлого дня, нас было всего двенадцать человек, в автоматах оставалось по одному неполному диску и на всех одна граната.

Командир разведроты лейтенант Ласточкин, отправляя нас на задание, сказал, что он непременно встретит нашу разведгруппу на перевале с горячей пищей и с боеприпасами. Мы были уверены, что так оно и случится, но что-то Ласточкина задержало. Нужно было дожидаться утра, и мы терпеливо ждали.

После дежурства мы с Медвинским спали в кустах на краю крутой осыпи. Анатолий рассчитал правильно – взошло солнце, стало теплее и можно было спокойно спать, не корчась от холода. На юго-востоке в золотой дымке, в низине, как сказочный мираж, виднелся поселок Заманкул. Из легкого тумана вытягивались пирамидальные тополя, отдельные крыши домов и прямые розовые и серые столбы легкого дыма из печных труб. Там была земля обетованная! Конечно же, раз топят печи, значит, там были теплые чуреки, молоко, но... уйти с перевала никто не имел права. Суменков, ставший командиром нашей разведгруппы, дорожил каждым бойцом. Опасаясь артиллерийского обстрела или налетов вражеской авиации, он приказал не маячить на голой высоте, где росла одинокая небольшая груша, а укрыться в кустах и вести наблюдение за дорогой. Здесь было очень тихо и все живое будто вымерло, только в голубом небе, распластав крылья, широко кружил орел. Не чувствовала птица, что с земли могла ударить по ней бесцельная, но очень опасная автоматная очередь.

Мы с Медвинским проспали часа три, по фронтовым масштабам это роскошь необыкновенная и nepoзвoлитeльнaя.

– Ну, вы что пристали-то? Мы с Федькой вас всю ночь охраняли, так что – это уже не в счет? Какого лешего вам надо? – ворчал Медвинский, когда нас бесцеремонно растолкали.

– Хватит жучка давить! После войны отоспитесь, – строго говорил Суменков.

Медвинский сел, протер глаза, оторвал от шаровар маскхалата прицепившиеся сухие репы и продолжал незлобиво ворчать:

– Ну, люди! Выспаться человеку не дадут! Ну какая была надобность нас поднимать?

– Сейчас Ласточкин объявится, он тебе обеспечит мирный отдых, он тебе даст жизни!

– Ну вот, есть правда на земле или нет? Я вас спрашиваю, – философствовал Медвинский. – Вот если спит, например, не Федька, а какой-никакой генерал, то как об этом скажут? Скажут, что генерал почивать изволит. Спит полковник – скажут, что они отдыхают. Ну, ежели спит там капитан или лейтенант какой, то так и скажут – спит, мол. Скажут и не осудят, оно и понятно, нужно же человеку спать. А вот если солдат спит, то как об этом говорят? Говорят, что солдат НАГЛО спит! Не просто спит, а спит нагло! И вы после этого будете говорить, что на земле есть правда? Какая правда, если свой же брат Сашка Суменков, потеряв совесть, будит уставших в бою товарищей и еще говорит: «хватит жучка давить»!

– Ну вот, теперь вижу, что проснулся, теперь трепу до конца дня хватит. Оружие пора почистить, – ответил Суменков.

– Нет, Федька, ты только посмотри, оказывается, они нас разбудили, чтобы почистить автоматы, которые мы языком вылизали еще вчера. Здесь они проявляют вроде бы заботу о нас, а вот если бы завтрак сейчас привезли, так думаешь твой уважаемый командир Сашка Суменков стал бы тебя будить? Как же! Эти мазурики слопали бы и нашу долю, а потом стали бы говорить, что решили нас пожалеть и не будить! Вот как получается, а то нашел причину – автомат почистить!

– Ты, трепач, лучше молчи. Твоим языком не автомат, а башенное орудие главного калибра вычистить можно! – огрызнулся Суменков.

Впереди нас над степью еще не истаяла белесая утренняя дымка, только синие скалистые горы Большого Кавказа четко рисовались на небе, да сверкала, будто алмазная, снеговая шапка чудовищно высокого Казбека.

Давно наступило утро, ветер шелестел листвой в кустарнике и тонко свистел в высушенной солнцем траве. Ласточкин где-то пропал. Отсутствие курева и голод заметно портили настроение. Левее нас, со стороны Заманкула, на гору поднялись двое связистов с катушками кабеля. Заметили нас, положили на землю катушки и один направился неторопливо в нашу сторону. Для многих бойцов были непривычными наши маскхалаты. Мы поняли осторожность и недоверие связистов, поэтому Серега Мартынов громко закричал им:

– Эй, славяне, чего там зря маячите? Шагайте сюда!

Связисты подошли. Один из них, молодой и здоровый парень, спросил:

– Разведка что ли?

– Разведка. А вы кто?

– Мы связисты. Вы из Иларионовки пришли?

– Точно. Сегодня ночью, а что?

– Ничего по дороге такого не заметили?

– А чего такого мы могли заметить?

– Двое ребят у нас вчера днем пропали. Пошли, вон ту нитку вниз потянули и пропали.

– Нет, мы никого не встретили.

– Ладно, мы пошли тогда. Пока, ребята.

Связисты ушли. Внизу раскатисто ударили первые взрывы мин и снарядов. Синеватый туман над степью истаял, и мы увидели, что здесь до Иларионовки сравнительно недалеко, было просто непонятно, как это мы прокрутились почти всю ночь на этом проклятом склоне. Через полчаса Суменков не выдержал и послал двоих разведчиков в Заманкул разыскивать Ласточкина и старшину. Внизу всё гремели и гремели взрывы,

но в их интенсивности не было грозного накала – предвестника наступления, это был изматывающий душу методичный артиллерийский и минометный обстрел.

Солнце забиралось все выше по небосклону, стало по-летнему тепло. На самой вершине горы под грушевым деревом лежал с биноклем Подосенов. Он видел какое-то передвижение по дорогам у немцев в тылу, что-то говорил по этому поводу Суменкову, а нам нестерпимо хотелось спать. Пропали куда-то посланные Суменковым разведчики, все еще не появлялся Ласточкин. Ну и шут с ними. Так хотелось спать! Вдруг на дороге от Илларионовки к перевалу Подосенов заметил двух бойцов, которые то шли торопливым шагом, то пытались бежать. По их торопливости чувствовалось, что люди чем-то обеспокоены и встревожены.

– Ребята, фрицы там! Немцы! – поравнявшись с нами, закричали запыхавшиеся на крутом склоне связисты. Это были те самые ребята, что утром подходили к нам. Они рассказывали сначала, сбиваясь, что еще вчера два их товарища потянули связь из Заманкула в Илларионовку и оба пропали. Утром, чуть свет, их послали с катушками по нитке, чтобы дать связь батальону и разобраться, куда могли деться те связисты. На склоне горы, на поляне, поросшей кустарником, они обнаружили на земле конец провода. Осмотрев вокруг местность, они нашли труп одного связиста, заваленный ветками, и в траве нашли алюминиевую ложку с выбитыми на черенке инициалами другого связиста, которого обнаружить не удалось.

После этого рассказа разведчики вспомнили, что они видели две катушки провода у сарая в Новой Москве, кусок провода в сарае, где солома на полу была залита кровью. Непонятные события начинали выстраиваться в одну последовательную и полную трагизма цепочку. Значит, здесь, на склоне гор и в Новой Москве совершенно точно были немцы и это они убили связистов, которые, скорее всего, попали к ним в засаду. Мы не могли тотчас прочесать склон гор, еще раз осмотреть Новую Москву, мы должны были находиться на этом перевале. Связисты ушли, мы попросили их рассказать в роте связи все, что было известно и нам.

А Ласточкин где-то пропал, и посланные за ним ребята не возвращались. Терпеть голод, обходиться без курева мы уже немного привыкли, нас беспокоило малое количество оставшихся боеприпасов. Хотелось пить. Я решил посмотреть где-нибудь источник и вскоре нашел его. Начинаясь за нашими кустами осыпь была вроде бы двумя уступами. Первый уступ сравнительно небольшой, метров пятнадцать, а дальше крутой обрыв уходил в распадок, на дне которого был старый и, похоже, непроходимый лес. У основания первого уступа был небольшой родник. Из-под мощной каменной плиты сбегала на другой камень струйка чистой холодной воды. Я набирал воду в пригоршни и пил. До чего ж вкусна здесь вода, как она разбивается алмазными брызгами о старую рыжую плиту из камня! Брызги летели мне на куртку и шаровары маскхалата... Конечно, есть тоже хотелось, от голода кишка кишке шиш показывала, как говаривали ребята; курева нет, а без табака еще хуже, чем без пищи. Что поделаешь. Здесь тихо. Война гремит внизу за Илларионовкой...

Я наполнил доверху взятые у ребят две трофейные фляжки, пристегнул их к ремню и полез обратно. Выбрался на дорогу, но не успел пройти по ней и двух десятков шагов, как услышал стремительно нарастающий, звенящий вой мотора. Точно! Он самый, двуххвостый истребитель Фокке-Вульф с толкающим винтом между хвостами... Летчик, видимо, меня заметил, и истребитель летел низко, вдоль склона гор прямо на меня. Что делать? Не успеть мне спрыгнуть под обрыв! Уже ничего не успеть – сейчас он режет в меня очередями... Я сорвал с головы пилотку и начал махать ею летчику... Потом я даже сам себе не смог объяснить, почему именно так я поступил. Самолет черной двуххвостой молнией промелькнул надо мной... Летчик не стал стрелять, не нажал гашетки. Я еще и не понял, почему меня не срезало пулеметными очередями, а самолет отвалил в сторону от горы Заманкул, заложил крутой вираж и пошел со снижением снова на

меня. Он приближался стремительно, и я видел, что хищная птица вновь нацелилась на меня. Ну, сейчас врежет!... Я стоял на совершенно открытом месте в пятнистом маскхалате с автоматом за плечами и махал летчику пилоткой. Ветер трепал мои длинные, светлые, выгоревшие на солнце волосы. Звенящим, ревушим метеором Фокке-Вульф промелькнул снова совсем низко над головой, заложил еще вираж, сверкнул на солнце крыльями, и теперь машина летела чуть правее меня и была со мной почти на одном уровне. Летчик накренил самолет на одно крыло, сквозь прозрачные стекла его фонаря я отчетливо видел голову летчика в черном шлеме и больших очках, он смотрел на меня. Я стоял лицом к самолету и успел еще раз помахать ему пилоткой. Мне показалось, что летчик кивнул мне головой. Самолет увеличил скорость и отвернул от гор в сторону степи. Конечно, летчик принял меня за немца. Очевидно, ему не приходилось видеть русских солдат в маскхалатах, вдобавок я светловолосый. Волосы отросли, а нам разрешали не стричься... Конечно же, в представлении немецкого летчика русский должен быть коротко остриженным и просто обязан был бежать от самолета, а случилось все по-другому... Сейчас этот дурной летчик будет докладывать своему начальству, что на перевале немецкие солдаты... Пронесло! Ух, дьявольщина! Обманул я его, обманул! У этого гада была скорострельная пушка и два пулемета, он бы из меня решето сделал. Не стал стрелять – за своего принял... Надо же так! Ушел, гад, и его мотора больше нигде не слышно! Я одел пилотку и пошел к ребятам. Они все видели самолет, а меня – нет. Ну и слава богу – попробуй объясни ребятам, чего это я немецкому летчику пилоткой махал.

Ласточкин с группой разведчиков пришел часа через полтора. Ребята притащили тяжеленные вещмешки с боеприпасами и сухим пайком. Они рассказали, что нашей роте выделили новую кухню, только повара не было. Старшина пробовал варить сам, но у него что-то там не получилось. Оказывается, что быть армейским поваром – это совсем не простое дело.

Возле перевала собралась почти вся наша рота. Теперь у нас помимо автоматов и гранат были ручной пулемет Дегтярева с двумя брезентовыми сумками дисков, один немецкий пулемет и несколько коробок пулеметных лент к нему. Теперь живем! Теперь есть чем отмахнуться от противника. Все ребята наелись и набивали патронами запасные диски. Вот только шинелей не догадался старшина нам прислать – это плохо. Днем то тепло, даже жарко, но от ночного холода просто спасения нет.

Ласточкин, Попов вместе с Суменковым и Подосеновым о чем-то совещались в стороне под кустами. Меня вооружили полевым биноклем. Я рассматривал степь, но с такого расстояния ни шута, кроме дыма пожаров, не было видно, под Илларионовкой на дорогах никакого движения. Ласточкин развернул топокарту и объяснял:

– Вот эта груша – как раз отметка 860. Гора Заманкул вон она, самая высокая. В общем, здесь нам стоять насмерть, пока нас не сменят! Ясно что ли?

Все понимают, что этот перевал удерживать нужно, здесь дорога на селение Заманкул, а оттуда дороги к Малгобеку, Лакисово, в долину Алханчурт, к Беслану. Перевал этот стратегически важен – если не удержимся, то может страшное случиться. Держаться здесь непросто: место совершенно голое для автоматчиков, везде дорога, они и обойти нас могут. Маловато у нас людей, обороняться некому.

После короткого военного совета Ласточкин с Поповым и нас ввели в курс дела. Ласточкин был как всегда краток:

– Ну что! Что теперь скажете? Это ж надо! Дали прихлопнуть своего командира. Тоже мне, разведчики, забодай вас комарь! Да за такое разогнать вас всех и то мало... Вот и войей с такими, надейся на них! Так вот, чтобы всем ясно было, обстановка, значит, такая: сегодня на рассвете группа немцев пыталась прорваться из этого леса в степь к своим. Захватили наши одного пленного, тот показал, что здесь на склоне еще одна группа – человек пятнадцать. Задача нам поставлена такая: прочесать окрестный лес, здесь устроим НП (наблюдательный пункт) и будем вести наблюдение. Без команды от-

сюда ни шагу! Понятно? Наблюдение будут вести... – Ласточкин минуту подумал и ткнул пальцем в меня. – Ты будешь за старшего на НП, с тобой Хорьков и Бергалеев. Часа через полтора вам дадут сюда нитку связи и связиста. Обстановку докладывать четко и вразумительно, чтобы без дураков. В случае тревоги или нападения на вас – вверх красную ракету. Понятно? Суменков, тебе с группой прочесать лес, особенно в районе Новой Москвы. Понятно? Одна группа остается здесь на перевале.

Потом политрук роты Попов рассказывал нам об обстановке на фронтах, об ответственности, которую должен прочувствовать каждый, обороняя этот перевал, о том, что двойной спрос будет с коммунистов и комсомольцев. Все было ясно. После этих бесед одна группа ребят с Подосеновым выдвинулась к дороге и установила там оба пулемета. Пока дорога была пустой, ударили по ней для пробы двумя короткими пулеметными очередями – с дороги только пыль полетела. Получилось здорово. Если нас здесь минами не накроют, не перебьют всех, то по дороге действительно не пройти. Ласточкин был особенно доволен.

Часа через два появились связисты с катушками и телефонным аппаратом. Они тянули нитку связи напрямую, чтобы экономить провод, лезли из Заманкула по голым и крутым горбам, взмокли ребята.

– Разведка? – спросил длинный и тощий связист в короткой английской шинели с высоко намотанными на ногах обмотками и в пилотке, надетой поперек головы.

– Угу.

– Кто у вас тут старшой?

Бергалеев кивнул головой на меня.

– Привет, старшой! Куда тебе телефон-то ставить?

Длинновязый связист снял с плеч увесистый мешок, положил его под дерево. Он явно не отличался никаким чинопочтением, но чем-то мне сразу понравился.

– Давай сюда. Ставь под эту грушу. Да не маячьте здесь понапрасну, этот пупок немцы отовсюду видят.

Связисты поставили телефон, подсоединили к клеммам провод и заземление. Первый связист прислонил трубку к уху, подул в нее зачем-то и загудел хрипловатым голосом:

– Волна, волна. Это волна? Я ласточка. Как меня слышишь? Порядок. Слышу хорошо. Проверочка.

Только после этого связист снял из-за спины карабин, положил его на свой вещмешок и уж тогда представился:

– Связист я. Рядовой Панарин. Еще Лешкой кличут.

– Я тоже рядовой, Федькой зовут. Вот это Бергалеев – мужик что надо и свой в доску, а вон у кустов жучка давит (т.е. спит) – то своя статья, то рядовой Хорьков.

– Все понял. Значит, вместе будем.

– Стало быть, я пошел? – спросил второй связист.

– Валяй, топай. Да иди не по нитке, а по дороге.

Напарник связиста согласно кивнул головой и неторопливо отправился по дороге обратно. На НП нас стало четверо, это, пожалуй, даже много. С нашим Хорьковым, как и предвидели ребята, действительно ничего не случилось. Мы думали, что его накажут за проступок, но вот он лежит себе преспокойно и спит как ни в чем не бывало. Точно – спас его Попов.

На наш НП пришли Ласточкин с Суменковым, оба долго рассматривали склон нашей горы в бинокль. Потом все мы собрались возле кустов.

– Вот что, – строго сказал Ласточкин, – я сейчас ухожу в штаб, Суменков идет на проверку леса. Старшим на перевале остается Подосенов. Все его команды для вас обязательны. Понятно?

– Понятно, товарищ лейтенант. А Попов придет?

– А тебе что за дело? Разговорчики!

– Виноват, товарищ лейтенант.

Вот и все разговоры. Дело к вечеру покатилося. Группа Суменкова реденькой цепочкой друг за дружкой скатилась вниз левее дороги, исчезли словно их и не было никогда.

У нас здесь удивительно тихо. Внизу еще слышны раскатистые взрывы, но и их грохот поредел, а здесь тихо. Будто и не было вчерашнего сумасшедшего дня, не было танковых атак и дьявольской бомбежки. Так хотелось верить, что сегодня уже больше ничего не грозит этому перевалу.

Мы еще не знали, что оберфрейтор, прорвавшийся с несколькими солдатами через расположение нашей стрелковой роты, доложил немецкому командованию полученные от нашего несчастного связиста сведения, которые быстро докатились до весьма высоких штабов. «У русских появились резервы, возможно, что это новая морская бригада. Русские закрыли наглухо перевал и теперь их не так просто сбить с занимаемых позиций». Немецким солдатам в районе Илларионовки приказано окопаться, сюда начали стягивать артиллерию... Но днем немецкий летчик, облетающий на истребителе горы, доложил, что на перевале немецкие солдаты, и он не заметил на дороге к перевалу ни единого русского солдата. Сведения были противоречивы и непонятны. В этот день немецкие войска не пошли в наступление и никто из нас не знал, что этим днем мы были обязаны замученному, истерзанному связисту, изуродованный труп которого, падая, застрял среди корявого кустарника и голых камней на осыпи недалеко от Новой Москвы, потому там и кружили теперь два орла с распростертыми крыльями.

Над склонами гор, над перевалом, над нами, затаившимися в кустах, стала низко кружить, завывая моторами, «рама» – двуххвостый самолет-разведчик. Черные кресты на крыльях и фюзеляжах, свастики на двух хвостах. Свастика обведена белой краской по всему контуру, а кресты черные на бледно желтых оконечностях крыльев и на таком же поясе фюзеляжей. Мрачная у фрицев символика. Все к тому, чтобы напугать человека, душу его заморозить страхом... Летает низко, гад. Рубануть бы его из ручного пулемета! Подосенов молчит, даже шевелиться не разрешает. «Рама» покружила над горами и ушла на север... Снова тихо. Я рассматривал в бинокль степь, Панарин приделал к телефонной трубке петлю из бинта, с ее помощью подвесил трубку к уху, а сам дремал, привалившись спиной к груше.

Время снова потянулось утомительно однообразно. Конечно, не то чтобы он, мятежный, просил бури или уж очень томился от скуки – в последнее время этих приключений было столько, что сиюминутный покой воспринимался даже как заслуженный отдых. Просто время не летело, не шло, а тянулось, и никто его не подгонял – пусть себе тянется. В данной ситуации это для нервной системы полезно.

Метрах в двадцати от нас под кустами мирно спал Бергалеев, Хорьков – этот успел выспаться и просто лежал на земле, смотрел в небо и тянул какую-то песенку из своего неизменного репертуара:

*Течет речечка, да по песочечку,
Бережочки моет,
А молодой жулик, молодой жулик
Начальничка просит:*

*«Ты, начальничек, начальник,
Отпусти до дому.
Ох, наскучило, ох, наскучило
Парню молодому!»*

*«Отпустил бы я тебя,
Да боюсь, не прийдешь.
Ты напейся воды холодной –
Про любовь забудешь!»*

*«Пил я воду, да пил холодную,
Пил не напивалси,
Любил жулик проститутку,
Ею наслаждалси».*

Бесконечно тянул Хорьков. Меня он подчеркнуто игнорировал и вообще не признавал над собой никаких старших, за исключением офицерского состава. Меня раздражал его дребезжащий голос, раздражали его песни и он сам, но я ничего не говорил и связываться с ним не хотел не потому, что его боялся – после всего пережитого в боях чувство боязни несколько притупилось, но будет хуже, если разгорится у меня с Хорьковым какая-нибудь свара по-пустому, ничего не значащему поводу – услышат ребята, соберутся, и я со своими претензиями покажусь всем смешным, отстаивающим свое временное право командовать. Хорьков это тоже, наверное, знал, парень он опытный и не совсем глупый. Он подчеркнуто не обращал на меня внимания и пел, бесконечно повторяя одни и те же слова незатейливой песенки.

Минут через сорок на НП пришел Ванька Подосенов, он свалился на бок у ствола груши и спросил:

– Ну как здесь?

– Плохо видно, Иван. Снова дымка какая-то ползет по степи.

– Ну-ка дай бинокль.

Подосенов взял бинокль, подстроил окуляры под свои глаза и долго просматривал склоны гор, степь. Потом вернул бинокль и сказал:

– Действительно, видно неважно. Ты за Новой Москвой смотри – там ребята. Мало ли что там случиться может.

Подосенов помолчал, послушал, как связист проверяет линию и собрался уже уходить обратно к дороге, но вдруг спросил:

– А у тебя ракетница есть?

– Нету.

– Тоже мне гусь! Тебе ж приказал Ласточкин в случае опасности дать красную ракету.

– Так это он нам всем вместе приказал.

– Не вместе, а конкретно тебе. Ты здесь на НП старший, тебе и приказано. Значит, нет ракетницы?

– Нету.

Подосенов сплюнул с досады и пошел вниз к дороге, а я расстроился. Как же это я дал такого маху? Ну что мне стоило сразу спросить об этой проклятой ракетнице? Что теперь делать? А если действительно немцы полезут? Ситуация! Правда, у нас есть проводная связь, но нитку может перешибить, да мало ли что...

По всей видимости, Хорьков слышал этот разговор, и когда Подосенов ушел, он неторопливо поднялся, вразвалочку подошел ко мне.

– Дай-ка я позекаю.

Он протянул руку к биноклю. Я дал ему возможность «позекаль». Тот посмотрел в степь, на горы Большого Кавказа и особенно пристально на Заманкул, на поселок, что был у нас за спиной.

– Гы! Ей-бо, гонят. Пользительная это штука – бинокль.

– Кого гонят?

– Да это я так. Козу пацаны гонят... Ну что, начальник, как же это ты остался без ракетницы, как теперь сигнал подашь?

– Ничего, обойдемся.

– Смотри. Ты все-таки какой-никакой, а начальничек, с тебя и спрос! – подлил масла в огонь и замолчал – дает мне время прочувствовать. А потом вроде бы нехотя предложил:

– Выручить тебя что ли?

– А у тебя что, ракетница есть?

– Во деревня! Да я тебе, что хошь найду. Мне до роты слетать – пара плюнуть... Ну, а не хошь, тогда как знаешь. Я особо-то не набиваюсь, у меня ноги-то не казенные.

Не хотелось мне связываться с Хорьковым, парень он ненадежный, от него одни неприятности, но и без ракетницы плохо. Сейчас вот тихо, а дальше – поди знай!

– Давай, жми. Только быстро. Чтоб через пару часов вернулся!

– Сразу видать – начальник! Ни хрена не знает, даже где она, эта рота, а два часа, так сразу определил. Здесь два часа в один конец топать! С горы так ладно, а в гору?

Но, видимо, боясь, что я раздумаю, он кинул за спину автомат, взял с собой свой тощий вещмешок и пошагал напрямую, по линии связи.

У времени есть странное свойство: оно может сжиматься в мгновения и может тянуться до одури медленно. Сейчас оно тянулось. Я упорно смотрел в бинокль, но только однажды заметил столб белой дорожной пыли в стороне Плановского. Что-то двигалось по дороге в нашем направлении, но рассмотреть подробнее мешали придорожные посадки и синеватая дымка над степью. Рядом со мной пристроился Бергалеев, плечистый, могучий татарин. Он был лет на шесть старше меня, внешне очень спокойный, невозмутимый человек с широкоскулым лицом, на котором в хитром прищуре блестели темные глаза. С нашего НП отлично был виден Казбек и я не удержался от искушения – направил на его шапку полевой бинокль. В хрустально чистой синеве сверкала его вершина и в бинокль отчетливо было видно, что над его седой головой развевался, очень медленно шевелился и уплывал влево какой-то белый шлейф, словно благородную седую прядь волос трепал ветер. Красиво! Дух захватывает, как красиво!

Я дал бинокль Бергалееву, тот посмотрел и тихо сказал:

– Ветер белый волоса вьет. Однако, вьюга там.

Ребята у дороги занялись сухим пайком, ну и мы решили не тянуть с этим делом. Не успели мы закончить обед, как увидели на дороге из Илларионовки поднимающуюся повозку и двоих сопровождающих бойцов. Я предупредил Подосенова, чтобы случаем не пугнуть эту повозку. Повозка приближалась, теперь ее видели и остальные ребята, что были у дороги. Двое бойцов шагали за повозкой с автоматами наизготовку. Подосенов подпустил их метров на тридцать и вышел на дорогу. Повозка мгновенно остановилась, а двое бойцов вышли вперед. Подосенов, не скрывая ухмылки, крикнул:

– Ну чего встали? Злякались мать вашу за ногу!

– Пропуск? – вдруг спросил один из бойцов.

– Чего-о? – протянул Подосенов. – Так это я тебя должен пропуск спрашивать, а я по вашим мордам вижу с кем имею дело. Давай, проходи за перевал и нечерта здесь маячить, да еще повозке. Были бы мы немцами, то уж давно перестреляли вас к шуту.

– Н-но! – дернул вожжи ездовой.

Он оказался мужиком наиболее сообразительным. В повозке были раненые, они тоже настороженно смотрели на нас. Ездовой перевалил за склон горы и остановился. К ним подошел Подосенов.

– Все тяжелые, – кивнул на них головой ездовой. – А нас пугали, что не проедем, будто немцы здесь.

– На перевале их нету. Здесь мы с ночи сидим.

- Сказывали будто связистов перебили.
- Было такое. Только это не на перевале, а ниже к Илларионовке. Какие там новости-то?
- Веселого мало. Воевать некому. Сегодня утром еще какие-то фрицы на нашу роту из лесу напали. Потери большие. Сонных они нас били. А одного фрица, здорового такого, наша баба санинструктор шлепнула. Ухо у того фрица в кармане нашли.
- Какое ухо?
- Человечье ухо, отрезанное. В кармане, гад, носил... для памяти, значит.
- Ни хрена себе коллекция! – Удивился искренне Подосенов.
- Вот так-то! И чего через перевал не велят! – посетовал ездовый.
- Ладно, ребята, поезжайте. Здесь Заманкул уже рядом. Обрато поедешь так имей в виду, что одна наша группа лес прочесывает. Где-то еще группа немцев бродит. Домик отдельный проезжали?
- Да.
- Вот это и было самое опасное место. Да ни шута, мы их отсюда выкурим.
- Дай вам бог! Н-но!

Повозка с ранеными тронулась под уклон, покатилаь ходко. Сопровождавшие бойцы едва поспевали за повозкой, свои автоматы они теперь закинули за спину.

Текло время. Солнце зависло над Большим Кавказом, над степью загустела голубая дымка. Теперь там ничего не увидишь, и бинокль до самого утра будет бесполезным. А Хорьков все еще не возвращался. Где он, гад, только шляется?

* * *

Группа Суменкова, состоявшая из десяти разведчиков, быстро спустилась с гребня хребта к самой кромке старого леса. Здесь было жарко и тихо, только в стороне Илларионовки трескуче рвались мины. Сашка решил повести группу самой кромкой леса к Новой Москве, потом обратно, прочесывая таким образом эту местность.

– Смагин и Кудряш, в головной дозор. Смотреть в оба и двигаться к Новой Москве.

Двое морских пехотинцев, или, как говорили раньше, два матроса береговой обороны, пошли первыми. Отпустив их метров на пятьдесят, за ними двинулись остальные.

В том положении, в котором находился отряд Суменкова, головной дозор представлял людей, которые первыми могли напороться на засаду противника. Сейчас днем немецкие автоматчики отнюдь не загорают, они прячутся. Шансов на то, что головной дозор первым обнаружит противника, было очень мало. Первая автоматная очередь, направленная в грудь обоих ребят, и была бы для остальных сигналом, что впереди противник. Смагин и Кудряш понимали это, но кому-то нужно быть первым, быть в головном дозоре! Они шагали вперед осторожно, но твердой, уверенной поступью и зорко осматривали опушку леса и островки деревьев на полянах. Каждый из них понимал, что малейшая промашка с их стороны будет стоить им жизни, но шли!

Над этим феноменом человеческой души еще будут гадать ученые потомки. Но тогда и в мыслях не было, что найдутся словоблуды, которые будут искать разгадки самоотверженности в нелепых сказках о свирепых заградотрядах, о фанатизме, о слепой преданности вождям... Какая чепуха! Какой мерзостный поклеп и оскорбление отцовских и дедовских могил, памяти павших!

Смагин, Костя Кудряш, да и все остальные добровольно пришли в разведроту, отлично представляя себе, с каким риском сопряжена жизнь разведчика. Какой еще заградотряд мог быть за спиной разведгруппы. На нейтралке заградотрядом была только совесть и чувство долга. Люди видели смертельную опасность, они шли на нее сознательно, надеясь на его величество случай и на своего товарища.

Отряд прошагал около часа, и группа вышла почти точно к Новой Москве. Здесь решили устроить перекур. Правда, сам Суменков вместе с тремя разведчиками решили еще раз в светлое время суток осмотреть этот домик, сарай и сад.

Две катушки кабеля по-прежнему валялись в зарослях высокой крапивы, возле сарайчика. Внутри сарая лежала проволока длиной метра четыре, концы которой были связаны узлом. Телефонный кабель состоит из нескольких стальных жил и одного медного провода. Стальной провод пружинит, его трудно переломить, невозможно разорвать руками, но ребята заметили, что петля эта немного смята по бокам, как будто из нее еще делали и удавку.

Изоляционное покрытие кабеля было явно в крови, кровью была забрызгана старая солома на полу сарая, следы крови вывели ребят через сад на край крутого обрыва. Глубоко внизу, в распадке, был лес. Отсюда, как с самолета, были видны только кроны деревьев, уже тронутые осенней желтизной. Над распадком кружили два орла, они летали ниже ребят, на солнце сверкали темно-коричневые перья на крыльях хищников.

– Падаль чуют, – предположил Авдеев.

– Хлопцы, ось побачте-ка! – удивленно и тихо прошептал Колька Смагин, указывая вниз пальцем.

Там на очень крутом откосе был виден труп человека. Видно падая, он зацепился за росший внизу какой-то куст. Смагин заметил только ноги человека, перемотанные обмотками и подошвы ботинок.

– Может, еще живой? – предположил кто-то.

– А может, это тот второй связист?

Всех словно током ударило. Всех поразила страшная догадка, а на душе было нестерпимо тяжело, будто и они, разведчики, были причастны к преступлению.

– Гришка, бегом тащи сюда катушку провода! – приказал Суменков.

На этом телефонном кабеле, сложенном вдвое, вниз спустился Колька Смагин. Первым вытащили труп, вторым – Кольку. Документов в карманах убитого не было. От трупа шел уже тяжелый запах. Это был наш боец, руки у него были связаны телефонным кабелем за спиной, на лице следы страшных, изуверских побоев: оно было искалечено до неузнаваемости, вся голова и гимнастерка залиты кровью, на шее синие следы и ободранная кожа от петли удавки, на теле несколько ножевых или штыковых ран и еще... У трупа, вернее еще у живого человека, было отрублено ухо, потому что на щеке и на шее запеклась кровь...

Все ребята были ошарашены следами жуткого преступления. Разведчики видели многое, но это было следами жестоких, нечеловеческих пыток... Теперь разрозненные факты трагических событий со связистами выстроились в единую, взаимосвязанную и страшную цепь. Теперь неопровержимо понятна была и роль найденной в сарае проволоки. Похоронить связиста ребятам было некогда – проческа местности требовала времени, а день кончался. Вдобавок в доме нашли только одну страшно ржавую лопату со сломанной ручкой. Труп связиста положили у дороги рядом с домом. Суменков выдрал из полевого блокнота страничку желтоватой бумаги и написал: «СВЯЗИСТ 60-й ОСБр, ЗАМУЧЕННЫЙ И УБИТЫЙ ФАШИСТАМИ». Приписал дату смерти бойца и прикрепил записку к окровавленной гимнастерке трупа. На ноги убитого положили злосчастную удавку, рук развязывать почему-то не стали.

Ребята молча постояли возле убитого, и когда все надели пилотки и собрались уходить, Колька Смагин прохрипел:

– Ну, попадитесь мне!

Разведгруппа еще долго бродила по лесу, но напасть на след врага им не удавалось. Приближался вечер. Внизу у Илларионовки постепенно затухала перестрелка. Последние лучи солнца скользнули по вершинам гор, в оврагах сгустились сумеречные тени. В каком-то овражке остановились отдохнуть и перекурить в последний раз, а потом,

уже не торопясь, решили подниматься к перевалу. Немецких автоматчиков встретить не удалось.

Стемнело. Вызвездило небо и сразу стало холодно. Ночь обещала быть темной. Тронулись в путь и теперь уже головной дозор решили далеко не отпускать – все равно его не видно. Шли тихо и очень осторожно, понимая возможность неожиданной встречи с отрядом противника. Где-то рядом нудно и долго выл шакал.

– Проснулся, сволочь! – проворчал кто-то из ребят в адрес недоброго зверя.

– Тихо вы там! – шепотом одернул Суменков слишком разговорчивого товарища.

Шли с заучено короткими остановками: метров пятьдесят вперед – и остановка. Все напряженно вслушивались в ночную тишину, в непонятные шорохи, крики каких-то ночных птиц, которых еще не распугала война. Все команды выполнялись молча и четко. По своему характеру Суменков был не то чтобы замкнутый, а просто не любил много рассказывать о себе, но во всем остальном это был простой и добрый «старик» примерно тридцати лет. Сашка был выше среднего роста, физически очень крепкий и выносливый парень, смуглый, словно всю жизнь на берегу Черного моря прожил. Осторожность Суменкова никак нельзя было поставить рядом с нерешительностью, он умел напористо и зло идти на разумный риск, а в нужный момент словно взрывался. Ласточкин ему доверял полностью, доверяли ему ребята больше, чем командиру роты, но вот Натынов его недолюбливал...

С неба лился странный звездный свет, глаза привыкли к темени и стали немного различать отдельные предметы, островки деревьев на полянах. Стоп! Остановился головной дозор, но руки никто не поднял, не пригнулся – значит, тревоги ребята не видят, их остановило что-то другое.

– Тропа какая-то. По ней что ли? – спросил Костя Кудряш.

Суменков остановился, послушал и прошептал:

– Давай чуть правее.

Прошли еще метров пятьдесят и снова остановка.

– Что еще?

– Вон, костер на горе.

– Должно быть, наши жгут. Теперь до перевала недалеко.

Спроси кто-нибудь Суменкова, почему он не пошел по тропе, он не ответил бы на этот вопрос – вот показалось ему, что не стоило по ней подниматься и все тут. Ребята неторопливо поднимались в гору правее тропы вдоль зарослей кустарника. Вдруг головной дозор остановился, кто-то из двоих невольно отступил на шаг назад, видна тень поднятой руки – тревога! Впереди что-то есть. Пальцы ребят привычно легли на спусковые крючки автоматов. Крадучись, предельно осторожно ребята еще немного продвинулись вперед и замерли возле кустов. Вначале ничего не было слышно, и никто ничего не видел. Но неосознанная тревога, слепое звериное предчувствие подсказывали, что в темноте что-то есть – тоже осторожное и крадущееся. Действительно, сверху донесся еле уловимый непонятный шум. Что это? Снова тихо, а потом шум донесся уже явственнее – кто-то, видно, поскользнулся на крутом спуске, послышался шум шагов. Разведчики как шли цепочкой, так и развернулись в сторону невидимой тропы. Шум внезапно затих. Кто-то там тоже остановился и вслушивался в настороженную тишину. В этот момент снова завыл шакал... Вот ведь гад! Нашел время. Шакал замолк, а сверху теперь отчетливо послышались шаги идущих навстречу людей. Очевидно, их было много. Что делать? Кто они? Внизу у Илларионовки еще ведет бой наш батальон. Может быть, это наш отряд торопится вниз на подмогу? Тогда почему они идут не по дороге? Если это немецкие автоматчики, то почему они идут сверху? На этом склоне гор возможно буквально все. Шаги слышны теперь отчетливо. В темноте послышался сдержанный шепот. «Хальт!» Шаги мгновенно прекратились. Может, кто из наших дурака валяет? Наши ребята осторожно легли на землю, но как ни старались, встречные люди уловили шум.

– Вер ист? – слышался тихий шепот.

В этот момент снова завыл шакал – тонко, протяжно, жалобно. Повыл и затих. Молчали и люди. Впереди чуть звякнул металл оружия. Ничего не видно. Все скрывает ночь. Очевидно, идущие сверху люди тоже присели и пытаются всмотреться в слепую темень. Все бывает довольно понятным на обычной нейтралке, а вот в данной ситуации... Этак и своих пострелять можно... Но все-таки ребята уже дважды услышали немецкие слова. Ошибки не может быть... Снова доносится шепот, но слов разобрать нельзя. И вдруг команда:

– Форвертс!

Шаги совсем рядом. Стали видны нечеткие силуэты людей. От засады их отделяло теперь метров пятнадцать. Для раздумий не оставалось времени, но Суменков еще что-то медлил. Вот проходят уже последние, сзади них больше никого не видно. Перестраховываясь уже на самый крайний случай, Сашка окликнул:

– Стой!

Он окликнул тихо, но голос его прозвучал словно раскат грома. Люди на мгновение остановились, и тут же вместо ответа брызнул пламенем пистолетный выстрел.

Словно по команде разорвали ночь злые автоматные очереди. За вспышками выстрелов своих автоматов ребята не очень отчетливо видели цель, но они стреляли по вражеским вспышкам. Крик, стоны, сплошной автоматный треск... Ребята не могли промазать с такого расстояния, несколько человек упало. В ответ тоже сверкали выстрелы, но вражеские очереди были неточными. Страшный по своему накалу бой продолжался не более двух минут. Снизу еще стреляло несколько автоматов, но туда полетели гранаты, и звонкие взрывы прокатились по окрестным горам. Ребята заученно меняли свои позиции, им было удобно кидать гранаты вниз с крутого склона. Стрельба внезапно замолкла. Уцелевшие солдаты противника откатились вниз, а здесь слышался чей-то протяжный отчаянный крик.

– Авдеев, Бельтюков, Курочкин и Дубинин – вниз метров на двадцать и шарахнуть по кустам. Дальше не ходить. Остальным собрать документы и стащить раненых в кучу. Все у нас целы? Быстро! Быстро! – распорядился Суменков.

Ребята безмолвно и четко выполняли команды. Через несколько секунд снизу доносилась плотная дробь наших автоматов, рвануло несколько гранат. Значительно ниже нас сверкнула короткая очередь шмайсера, и перестрелка замолкла. На тропинке и на траве чуть поодаль разведчики обнаружили четверых убитых и нескольких раненых. Двое были ранены очень тяжело – в голову, грудь, живот. Раненый в живот корчился на земле и кричал.

– А-а! А-а! – разносился страшный надрывный крик.

Вдруг в темноте раздался довольно громкий шепот:

– Братцы, так это ж свои!

Сказанные кем-то слова повергли всех в немое оцепенение. Своих побили! Как же это? Что ж это такое? Что ж теперь будет?! Случись все это днем, ребята увидели бы, какой смертельной бледностью вдруг мгновенно покрылось лицо Суменкова. Как ни темно, а ребята рассмотрели на убитых наши шинели, каски...

Над одним раненым склонился перепуганный насмерть Колька Смагин:

– Браток, ранен? Куда тебя?

Вдруг неожиданно и хлестко ударила короткая автоматная очередь – Смагин коротко вскрикнул и упал навзничь. Туда бросилась чья-то черная тень, слышался глухой удар, чей-то хрип, еще удар...

– Ребята, Кольку Смагина убили!

– Хлопцы, да ведь фрицы это. Переодетые они, гады!

Кто-то, остервенясь и пренебрегая маскировкой, чиркнул спичку (фонариков в то

время у нас еще не было). Под нашей шинелью у раненого был немецкий мундир. Суменков в это время бросился к Смагину, но Смагин был убит сразу, а немца, который стрелял в Кольку, кто-то приколол финкой. Суменков вытер в темноте с лица холодный пот.

– Авдеев! Стукни вниз еще раз покрепче и давай сюда! – крикнул Суменков в темноту.

Внизу снова треснули автоматные очереди... Двоих тяжелораненых оставили. Не дотащить их до перевала, да и там что с ними делать? Вернуться за ними немцы, значит, вернуться, а нет – так верная погибель этим фрицам под чужим небом в незнакомых горах.

– Может, добить их к едрене бабушке? – спросил кто-то из ребят.

– Как знаешь, – буркнул Суменков и теперь первым пошел вперед.

Сзади него выстрелов не последовало, добивать умирающих никто не стал, только все тише и тише стонал тот немец, который прежде кричал.

Сзади группы замыкающими шли Медвинский и еще кто-то из ребят. Остальные несли двоих раненых немцев и тащили убитого Смагина.

* * *

На перевале стемнело быстро. Внизу у подножья гор и еще дальше в степи беззвучно и медленно взлетали и гасли ракеты, еще дальше этих ракет чуть заметно шевелились огни пожаров. Далеко, у самого горизонта, все еще горела нефтяная скважина, на самой горе Заманкул, которая вымахала над землей почти на тысячу метров, горел большой костер. Немцев там не могло быть, это, конечно, наши жгли костер самым нахальным образом. Наверное, это правильно – чего ребятам мерзнуть, да и пусть гады знают, что мы их не очень-то боимся. Но вот здесь, на перевале, мы почему-то маскируемся. А костер, конечно, не помешал бы. Холодно. Становится очень холодно! На вершине Казбека меркнут последние розовые блики вечерней зари... А Хорькова все нет! Отпустил я его на свою голову. Ведь знал, что ничего он по-человечески не сделает, а вот отпустил. Нашел, кому верить! Будет мне теперь за этого хлюста.

Связист, сидевший с подвешенной трубкой, поерзал, а потом попросил:

– Ребят, поддержите кто-нибудь трубку, послушайте, а я сейчас, а?

– А чего ты?

– Живот что-то, да и устал сидеть. Размяться бы малость.

– Валяй. Но далеко не уходи, здесь где-то немецкие автоматчики шастают. Ты лучше устройся вон там, на дороге, и минируй ее – все какой-нибудь гад поскользнется.

Панарин с готовностью согласился с моей шуткой, а я взял нагретую им трубку и стал слушать далекие, живые шорохи какого-то нереального мира. Кто-то далеко и невыразительно повторял:

– Береза! Береза, ты слышишь, береза?..

Береза, наверное, не слышала. И вдруг где-то на линии раздался девичий голос. Мягкий, спокойный, он вривался в шуршащую тишину неожиданно и довольно громко, называл то одну неведомую мне позывную, то другую. Этот женский голос был дивом, сравнимым только с видением Казбека. Здесь, в этой окаянной и смертоносной пустыне – и вдруг женский голос! Конечно же, это необыкновенной красоты и достоинств девушка, которую не иначе, как караулит в пещере Кощей Бессмертный. А может, это обыкновенная симпатичная девушка, которая дежурит на каком-нибудь коммутаторе, получает регулярно нежные письма и никому их не показывает. Я понял из откликов этой девушки, что ее позывная «Волна» (вот ведь и позывная у нее необыкновенная, романтическая!) Недолго думая, я крутанул ручку на деревянном ящике телефонного

аппарата с единственной целью услышать девичий голос, обращенный непосредственно ко мне. Мне казалось, что я вовсе не стремлюсь к банальному телефонному знакомству, мне просто хотелось перемолвиться словом с далеким, неземным созданием.

– Алло! Волна, волна, – заговорил я в трубку и голос тотчас же откликнулся:

– Волна слушает.

Все точно, ее это голос – такой спокойный, бархатный и очень девичий.

– Волна, это Ласточка беспокоит...

– Одну минуту. Подожди, Ласточка...

Голос оборвался, пропал в мышинном шорохе, а потом снова появился внезапно и близко:

– Слушаю, Ласточка.

Ух, черт! Что же мне ей сказать-то? Ведь скажет сейчас «дурак» и отключится.

– Девушка, милая, – заторопился я, – посоветуй, что делать. Нам старшина сухим пайком муку выдал, а что с ней делать никто не знает. Научи, дорогая, а то ведь с голодудохнем...

Голос пропал. Видно, моя собеседница проверяла по таблице позывных, что это такое «Ласточка». Вообще я девушке не соврал: старшина действительно выдал нам муку, чем нас изрядно озадачил. Лучшие умы роты предлагали собрать всю муку и обменять ее в Заманкуле на самогонку или на худой конец попросить местных жительниц испечь из нее чуреки. Но это были проблемы завтрашнего дня, а поговорить с девушкой можно было сейчас и, как мне показалось, предлог был весьма уважительный.

– Алло, Ласточка, слышишь?

– Слышу, слышу.

– Так чего ты хотел?

– Я говорю, что старшина нам сухой паек мукой выдал, а что с ней делать, мы не знаем. Вот и прошу – научи.

– Вот чудаки. Вода там у вас есть?

– Воды найдем.

– Так насыпьте в котелок муку, налейте воды, размесите, чтобы тесто было, не забудьте посолить, жирку добавить, а потом такие оладьи можно сделать! – А они, недотепы, еще раздумывают, что им с мукой сделать, эх вы! Растопите жир на сковородке...

– Милая, да откуда ж у нас здесь сковородка! У нас и котелков-то едва один на всех найдется.

– Оно и видно, что котелки у вас не у всех – с мукой сладить не можете! (Вот ведь язва девка). Растопите побольше жиру и кидайте в него тесто. Напечете пончиков – приглашайте на чай. Приду попробовать.

– Вот пришла бы, вместе бы и наделали!

– Вот-вот! С вами наделаешь и попробуешь! С вами такого напечешь, что потом долго хлебать придется!

В трубке послышался озорной девичий смех... И вдруг в разговор ворвался чей-то грубый, властный и, как мне показалось, вызывающе нахальный голос:

– Почему посторонние разговоры на линии? Прекратить болтовню!

Девичий смех мгновенно оборвался, как будто провод обрезали, как будто и не было никогда этого голоса, а грубый мужской все еще продолжал брюзжать: «Прекратить болтовню!» Слова-то какие! Грубо. Обидно и неделикатно!

Мне показалось, что кто-то из связистов влез в разговор и разрушил идиллию.

– Слушай, друг, ну чего ты там выпендриваешься? Чего ты в чужие разговоры лезешь? Это знаешь, как называется?! – с досадой и резко прокричал я в трубку.

– Что?! – возмутился мужской голос. – А ну, прекратить немедленно!

– «Прекратить... Немедленно...» Напугал тоже! Сапог ты необразованный!

– Что?! Кто это говорит?!

– Все говорят.

– Молчать! С тобой тридцать шестой разговаривает!

По глухому молчанию девичьего голоса я догадался, что этот грубый человек имеет какую-то власть. Видно, это и был тот самый Кощей из Заманкула. Таблицы позывных у меня под рукой не было, а сам по себе двузначный номер мне ничего не говорил. Однако мне было обидно, меня оскорблял этот тон, и я с мальчишеской запальчивостью ответил:

– А по мне хоть миллионный. Подумаешь! Один черт ты пень осиновый!

– Кто у телефона?!.. Я сейчас вызову тебя, да я тебя... – голос аж задохнулся от злости.

– Хрен ты меня отсюда вызовешь, и сам сюда не придешь, здесь стреляют, и такие, как ты, сюда не ходят...

– Я спрашиваю, кто у аппарата?!!

– Красная Армия у аппарата! Хватит тебе этого?

Я досадливо отпустил клапан трубки и положил ее на ящик аппарата. Настроение было испорчено.

Бергалеев сидел рядом, мои слова он слышал и поэтому спросил:

– Ты с кем эта говорил?

– Не знаю.

– Может быть, начальник?

– Возможно.

Мне эта мысль сразу не пришла в голову, а Бергалеев покачал головой. Появился Панарин. Он сел под грушевое дерево, спросил для порядка:

– Ну как здесь у вас?

– Нормально.

– Ну и хорошо.

– Слушай, Панарин, а кто такой тридцать шестой?

– А на что тебе?

– Да так просто.

– Ну, начальник связи бригады майор Карпилин, а что?

– Да я его пнем осиновым и еще как-то назвал.

– Брось разыгрывать!

– Слушай, он совсем правда говорит. И еще сказал, что он сапог, твой тридцать шестой, – подтвердил Бергалеев.

– Да вы что! – забеспокоился Панарин. – Чудики! Вы что, правда, что ли?!

Связист Панарин забеспокоился всерьез, а мы молчали, начиная понимать, что подвели товарища. А Панарин уже сердился не на шутку:

– Оставь дураков на минуту, так они натворят! Что теперь будет-то?

– Что твоя беспокоится? Что-нибудь да будет.

– Вот паразиты! Вы ж меня прямо под монастырь...

– Ладно, Панарин. Чего-нибудь до утра придумаем.

– Ух, сволочи!

Часа через полтора послышалась сумасшедшая стрельба где-то на склоне гор, шархнули гранаты. Сомнений не было, что бой ведет Суменков, и невольное беспокойство закралось в душу – кто на кого напоролся? Если наши ребята на немцев – тогда беда, тогда будут потери. Подосенов приказал никому не спать и смотреть в оба, чтобы в ночной темноте не проворонить противника.

Только часа через полтора на дороге к перевалу появились люди...

Возбужденные боем, уставшие, разведчики разговаривали громко, все движения их были порывистыми, резкими. Они притащили на перевал тело убитого Смагина и

двух раненых немцев. У Смагина в сердце четыре автоматные пули – с ним, к сожалению, все понятно. С ранеными немцами возился Петренко. Тяжело раненный в грудь и в плечо немецкий солдат тихо стонет, в груди у него что-то хлюпает, похоже, что он тоже не жилец. Другой ранен в обе ноги, смотрит на нас настороженно, затравленно.

– Петренко, стащи с них наши шинели к едрене матери! Вырядились, гады! – зло бросил Суменков и направился к телефону. Связист Панарин откровенно спал, привалившись к стволу дерева, а мы с Бергалеевым стучали зубами от холода. Связисту хорошо – у него шинель.

Суменков толкнул телефониста и сказал:

– Эй, нерв войны, давай мне Натынова или Ласточкина.

Храп Панарина оборвался, он торопливо поправил трубку у уха и загудел:

– Алло! Волна, Волна!...

Связи не было. Он дул в трубку, снова кричал Волне, но по всему было видно, что дело это безнадежное.

– Ну, ты что? – недовольно спросил Суменков.

– Да вот связи нет. Похоже, обрыв на линии.

– А какого хрена ты сидишь?

– Так у нас порядок такой. Они должны...

– Я тебе дам сейчас – порядок. Здесь я порядок устанавливаю. Связь нужна. Бегом, понятно?

– Да я что! Я сейчас, мигом...

Панарин взял свой карабин, повесил его на плечо, запихнул в карман контрольную трубку и пошел было по нитке, но Суменков остановил его.

– Постой-ка. Где Хорьков?

Вопрос относился ко мне.

– В роту я его послал.

– Зачем?

– За ракетницей. Ласточкин приказал в случае тревоги на перевале дать красную ракету, а ракетницы у нас нет.

– Давно послал?

– Да недавно пошел, – соврал я Сашке.

– Нашел, кого послать! Доверил козлу капусту. Этот хмырь теперь до утра не придет. Ладно. Подосенов, Ваня! Выдели одного парня побойчее со связистом по линии пройтись. Порядок такой: по нитке пойдете метрах в пятнадцати друг от друга. Понятно? Смотреть в оба – похоже, что со связью фрицы балуют.

– Все понял.

– Пока у телефона ты посидишь, – кивнул мне Суменков.

– Нет, его не надо! Вон пусть Бергалеев сидит, – забеспокоился Панарин.

Суменков не стал спорить, Бергалеев так Бергалеев, какая разница. От дороги пришел Лешка Тарасов на помощь Панарину.

– Давайте быстрее, – подогнал их Суменков, а Бергалееву приказал:

– Как связь появится – крикнешь!

Откуда было нам знать, что возмущенный моим нахальным тоном начальник связи майор Карпилин сразу же учинил разнос той телефонистке, которая «позволила себе болтовню на линии», а потом он решил найти старшего по команде на НП с позывным Ласточка и примерно наказать грубияна, который нагрубил ему, самому начальнику связи. Однако майор не успел сделать задуманного – связь с Ласточкой оборвалась. Начальник связи знал о том, что в горах объявились немецкие автоматчики и ему показало странным то, что связь с НП оборвалась в то время, когда не было никакого обстрела, и сама дорога к горам была совершенно пустой. Видно, со зла майор приказал командиру роты ночью на перевал по линии никого не посылать до утра.

Панарин нашел обрыв. Провод был явно перекусан и один конец его заброшен далеко в сторону. С превеликими предосторожностями ребята соединили провода.

В трубке у Бергалеева раздался шорох, потрескивание, а потом близкий голос Панарина спросил:

- Ласточка, как слышишь?
- Хорошо слышу. Это ты, Панарин?
- Я. Нашли обрыв. Приду, расскажу.

Панарин отключился от провода, но вскоре телефон зазуммерил снова, и недремлющий Бергалеев громко крикнул в микрофон:

- Алле!
- Что «алле», что «алле»! Ты кто такой?
- Бергалеев я, а ты кто?... Что?... Ты чего кричишь! Нет, связист моя есть. Слушай, какой тебе командир, война здес... Ты, что все кричишь, как ышак... Дело говоры... Тэбе что нада?... Правылны, приезжай, вместе оборону дыржат будым, а то кургом нет никого, фрицы одны... А кричат зачем?

Так уж случилось, что мы дважды подвели связиста Панарина и ему попало за это. Уже утром попало, но наказать его тяжелее, чем послать вместе с разведчиками на перевал, где только вчера погибли два связиста, было просто невозможно. Подумав, тридцать шестой оставил Панарина вместе с нами в этом гиблом месте, а за проявленное нами обидное неуважение к властям предержавшим, он взгрел командира роты связи, а с нами решил расправиться руками Натынова. Забегая вперед, скажу, что бедному Панарину еще долго не везло по службе.

Как только появилась связь, Суменков разыскал начальника разведки, доложил ему обстановку и результаты поиска. Натынов обещал приехать на перевал самолично. Вернулся Панарин. Мы не стали расстраивать парня рассказом о новой стычке с его начальством, хотя Бергалеев был искренне убежден, что он был до предела вежлив и выдержан в разговоре с начальством!

На перевале все успокоилось, только было очень холодно, просто убийственно холодно! Все ждали наступления дня. Получается до смешного странно: ночью мы ждем солнца, чтобы согреться, а днем ждем ночи, чтобы отдохнуть от бесконечного боя.

Я успел заметить, что рассветы в этом благословенном и поруганном войной крае необыкновенно красивы. Ночью яркая звездная россыпь покрывает небо, сотворенное из черного бархата. Замирает в неподвижном воздухе черная листва на черных деревьях. Природа готовится к свершению таинства рождения нового дня. Торжественный ритуальный гимн свету начинает звучать здесь совсем не там, где должно взойти солнце, а на юго-западе. Небо совсем незаметно, вкрадчиво пропитывается густой синевой, тускнеют и гаснут звезды и только тогда там, на юго-западе, загорается нежным розовым огнем двуглавая, чудовищно огромная, снеговая шапка Казбека. Свет, едва тронув седую вершину, опускается книзу, Казбек словно разгорается розовым и золотистым огнем. Это горное сияние рождается, как мираж, прямо в середине неба. От этого света становится видимой пыльная дорога, седая от росы трава. Только тогда небо на востоке начинает светиться смешением нежных акварельных зеленовато-голубых и розовых красок. Ночь еще прячется в оврагах, в распадках, наполненных синим туманом. В степи тускнеют искры дальних пожаров, потом вся широкая долина заполняется седым туманом, еще немного – и из-за гор брызнут расплавленным золотом первые солнечные лучи. Чертовски прекрасно это волшебство! Если бы еще не война, если бы было возможно вот этак спокойно увидеть такой рассвет и услышать гортанную горскую песню!

Мы с Бергалеевым отдежурили всю ночь попеременно. К утру Панарин несколько реабилитировал себя перед начальством сообщением, что разведчики нашли второго

связиста и положили его изуродованный труп возле дороги у Новой Москвы. С восходом солнца туда, вниз через перевал, прошел отряд связистов. У нас на перевале один из пленных, тот, что был ранен в грудь, умер. Его положили у края дороги на склоне, обращенном в сторону Заманкула, положили рядом со Смагиным. Теперь два лютых врага лежали рядом. Второй немец с трудом пережил ночь, лицо его было темно-серым, видимо, он много потерял крови. Теперь он обреченно ждал своей участи. Он немного знал русский и с большим трудом объяснил, что наши шинели и каски они снимали с убитых возле Илларионовки. Их в отряде было всего четырнадцать человек. Этой ночью они спускались за перевал, переломили кабель связи, но в открытый бой старались не вступать – у них оставалось очень мало боеприпасов. Встреча с отрядом Суменкова была для них совершенной неожиданностью. Немец просил пить и ему дали воды. Между тем Хорьков с наступлением утра не вернулся. Это меня начинало тревожить. На кой шут я его послал?!

Неожиданно ожила наша дорога. С треском и стуком прокатили через перевал несколько подвод в сторону Илларионовки, прошли туда же две полевые кухни, а снизу потянулись подводы с ранеными. Дорога ожила. Мы понимали, что это заслуга группы Суменкова, правда, сам он вряд ли задумывался над этим. К нам на НП поднялся Медвинский, лег под деревом, закурил и спросил:

– Ну, как вы здесь?

– Да вот сидим, как дураки. Ночью с начальником связи полаялись нечаянно.

– Ну и хрен с ним. Подумаешь! Ты знаешь, ребята вместе с документами у фрицев целую кипу фотокарточек вытащили – и все голые бабы. Хочешь, покажу?

– Нет. Смотри сам.

– Да мне тоже не нужно. Сейчас с фрицем разговаривал. Между прочим, говорит, что большие силы здесь должны быть собраны. Оказывается, этот перевал им шибко нужен. А раненый батальонный разведчик сейчас говорил, что они этой ночью «языка» взяли, как будто сегодня они с нами побеседовать собираются.

Раненного в ноги немца пристроили на проходящей к Заманкулу повозке. Недружелюбно и недоверчиво смотрели наши раненые бойцы на пленного. На переднем крае сейчас тихо. Обычной стрельбы и то не слышно.

– А ты гляди-ка, ведь по всей степи облачность пошла, – заметил Медвинский.

Действительно, под нами вся степь покрылась сплошной пеленой белых, как снег облаков. Мы были словно на острове. Только гора Заманкул да высокие горы Большого Кавказа высились над седым клочковатым морем. Даже поселок Заманкул, что сзади нас, и тот в седом тумане. Солнце начало заметно пригревать, когда на дороге из Заманкула показались всадник и едва поспевавшая за ним повозка. В бинокль было видно, что верхом ехал Ласточкин, а кто был в повозке, я не разобрал.

Ласточкин остановил коня за скотом, обращенным в сторону Заманкула, передал поводки уздечки своему ординарцу и поднялся прямо к нам на вершину. Сашка Суменков, увидев командира роты, подошел и доложил ему о ночном поиске и об обстановке на перевале. Ласточкин раздраженно махнул рукой:

– Да что этот ваш пленный стоит? Пленный у батальонных разведчиков – вот то пленный. Загораете здесь, забодая вас комарь! Раньше доложить не могли о поиске? Хулиганить только мастера!

– Связи не было, товарищ лейтенант, – оправдывался Суменков.

– Хватит болтать. Связи у них не было! А какой дурак дважды начальника связи бригады по телефону обляял? Вы что здесь, вы где находитесь?! Вы в армии или на базаре? Что у тебя здесь за бардак?! Кто разговаривал с начальником связи?

Суменков был не в курсе дела, и воцарилось неловкое минутное молчание.

– Кто, я спрашиваю, по телефону разговаривал? – повторил вопрос Ласточкин.

Что делать, нужно признаваться. Вон и Панарин молчит и смотрит на меня – хватит у меня мужества ответ держать или нет.

– Я, товарищ лейтенант, – признался я Ласточкину.

– Ты? Ну не ожидал! Да ты как посмел! Ты что ж забыл, как по уставу отвечать старшему офицеру положено?! Да для чего тебя здесь посадили!?

– Да я...

– Молчать! За такие штучки я тебя завтра же из роты вытурю! До чего разболтались! Это ж надо, майора ишаком назвать! Ты думаешь, это тебе так пройдет?! Я тебя выучу свободу любить!

– Товарищ лейтенант, никто того начальника не обыжал. Это он шумел, а мы нет. Я только и сказал, что ты кричишь как ышак... – встрял в разговор Бергалеев.

Стоявший неподалеку Подосенов сел на траву, обнял свою голову руками и беззвучно смеялся.

– И ты?! – изумился Ласточкин.

– И я. Да ведь я только спросил чего он кричит как ышак, а я его не обыдел.

– Ну, компания собралась – один другого чище! Суменков!

– Слушаю, товарищ лейтенант.

– Смени обоих. К телефону их больше не подпускай. До чего разболтались! Ну, я займусь вами, я вас воспитаю! Где Хорьков?

– Я его в роту за ракетницей послал, – ответил я, решив: «А! Семь бед – один ответ!».

– За какой ракетницей?

– Вы приказали вчера в случае опасности на перевале выстрелить красной ракетой, а ракетницы у нас не было. Вот я его и послал.

– Когда послал?

– Ночью пошел.

– Сам додумался ночью одного посылать? «Языка» немцам подарить решил! Не было Хорькова в роте, понятно тебе?

По этому поводу я не знал, что и ответить. Все оборачивалось скверно. Хорьков ушел еще засветло и вполне мог обернуться еще до рассвета, но не пришел, а здесь нарушенная линия связи, а немец говорил, что их группа была за перевалом... Может быть, он влип в засаду? Такое могло случиться, если он не валял дурака... Ребята настоженно слушали, как разносил меня Ласточкин.

Хлюст Хорьков вернулся примерно через полчаса после появления Ласточкина. К тому времени командир роты разрядился и немного успокоился. Правда, он все-таки скривил свои тонкие губы и презрительно спросил:

– Где был?

– В роте, товарищ лейтенант. Вот он послал.

Хорьков кивнул на меня и вытащил из кармана немецкую ракетницу и пяток патронов к ней.

– Где болтался столько времени?

– Дык, я шо? Я ведь только перед рассветом и пошел, – несусветно врал Хорьков, но спорить с ним никто не стал, только когда мы с ним вдвоем остались, я не выдержал и сказал ему:

– А ты сволочь, Хорьков.

– Шо? Салага! Я тебе язык-то прижму. Забыл, что за тобой должок?

– А ты меня не пугай.

– А ты, падла, помни.

Примирения у нас с Хорьковым не состоялось. Нас с Бергалеевым с НП прогнали, а Хорьков остался.

На подводе нам привезли два термоса теплой кукурузной каши и выдали по куску

вареного мяса. Мы уминали кашу, обменивались новостями, а они были тревожными. Тяжелая обстановка сложилась под Малгобеком: вроде бы там немцам удалось захватить этот городок и влезть в долину Алханчурт. С новой силой разгорелись бои под Эльхотовом.

После завтрака Ласточкин вызвал Мишку Осейкина и приказал ему отправляться в роту вместе со старшиной. Оказывается, Мишка до войны работал в системе нарпита. Повара нам не давали, поэтому Ласточкин то ли насовсем, то ли временно решил приставить Осейкина к ротной кухне, попробовать его силы. Что говорить – повезло парню.

События побежали своим чередом. Нас с Бергалеевым сменили, вручили торжественно саперные лопаты, и мы начали долбить сухую каменистую землю, оборудовать себе стрелковые ячейки. Хорьков расположился под кустами, снял с себя поясной ремень с одним автоматным диском и двумя флягами, в которых что-то булькало, не иначе как рака.

Вместе с выкатившимся из-за гор солнцем проснулась и война. Грохнули первые взрывы внизу у подножья гор, потом загрохотало так, будто там разразилась гроза. Бой нарастал стремительно. Несколько снарядов рвануло в лесу ниже нас. Грязно-серый дым разрывов повис над деревьями, смешался с седым туманом. По перевалу немцы огня не вели, видно, облачность мешала. Ласточкин вместе с Суменковым и Подосеновым пошли куда-то на левый фланг. На НП остался вместе со связистом Хорьков и Лешка Тарасов. Мне было слышно, как зазуммерил телефон. Тарасов вначале что-то говорил, а потом я услышал, что он зовет меня.

– Давай скорей! – шипел Панарин.

Он протянул мне телефонную трубку и тихо предупредил:

– Смотри мне! Это восемнадцатый – начальник штаба, сам!

Я взял трубку и доложил, что рядовой разведчик Журавов у телефона. Трубка хрустнула, и я услышал холодноватый строгий голос:

– Сможете доложить обстановку?

– Так точно.

– Докладывайте.

– В районе Илларионовки слышна сильная артиллерийская и минометная перестрелка, несколько снарядов разорвалось в лесу на склоне гор. Сейчас с нашей точки вести наблюдение невозможно – над степью облачность или туман, и мы, как на острове...

– А чего вы там сидите?

– Нам было приказано оседлать дорогу на перевале.

– Спокойно у вас?

– Так точно, товарищ восемнадцатый. Ночью на склоне обнаружена группа немецких автоматчиков, переодетых в нашу форму. Численность группы была четырнадцать человек. Восемь уничтожено. Один взят в плен и отправлен с повозкой раненых. В районе Новой Москвы вчера вечером обнаружен изуродованный труп нашего пропавшего связиста.

– Ваши потери?

– Убит рядовой Смагин.

– Кто у вас старший?

– лейтенант Ласточкин, товарищ восемнадцатый.

– В следующий раз военного звания по телефону не повторяйте.

– Слушаюсь, товарищ восемнадцатый.

– Позовите Ласточкина к телефону.

– Товарищ восемнадцатый, это займет минут пятнадцать времени – Ласточкин ушел на левый фланг.

– Передайте ему, чтобы сразу мне позвонил.

– Слушаюсь, товарищ восемнадцатый.

Я вернул телефонную трубку Панарину. Тарасов посмотрел на меня и одобительно произнес:

– Ну, ты силен, гвоздь!

– Иногда у него получается, – заключил Панарин.

Ласточкин вернулся быстро, и я передал ему приказание начальника штаба. Лейтенант посмотрел на меня недоверчиво, зло. Ласточкин доложил примерно то же, что и я, добавив, что в его распоряжении осталось всего двадцать ложек, не хватает шанцевого инструмента. Потом Ласточкин долго слушал и повторял ничего не значащие «есть», «слушаюсь», «понял». Передав трубку Панарину после закончившегося разговора, Ласточкин стащил с головы пилотку и озабоченно скреб поломанными когтями свой белобрый затылок. Весь его вид говорил о переживаемых тревогах и неприятностях.

А внизу продолжал нарастать накал злого боя. Там, под седой пеленой бушевала грозная артподготовка, и мы ждали неприятных для себя событий.

– Воздух! – слышались тревожные крики.

В небе появилась проклятушая «рама». Она начала кружить над склоном и приближалась к нам. Нам было приказано укрыться в кустах над осыпью, затихнуть и не стрелять по этому летающему крокодилу. «Рама» несколько раз пролетела над нами, но в этот момент дорога была пуста, никаких укреплений видно не было. Завывая моторами, самолет-разведчик отвалил от гор и ушел на север.

Ласточкин не разрешил нам разойтись, собрал всю группу вокруг себя и ввел в курс дела:

– Ну вот что, ваша спокойная жизнь кончилась! Отдохнули, выспались, забодая вас комарь! Слышите, что внизу происходит? Немцы в наступление пошли. Наш батальон пока отбивается, но жмут на него сильно. В общем так, славяне, отсюда ни шагу! Вот здесь на этом перевале либо все ляжем, либо выстоим. Понятно?

Ребята молчали. Что тут скажешь...

– Обойти нас здесь могут запросто, – заметил Суменков.

Вообще Сашка прав: отряд автоматчиков мог почти безнаказанно перевалить через гребень в двух километрах от нас, и ничем мы не смогли бы ему помешать. Они могли зайти к нам с тыла, разогнать весь штаб бригады в Заманкуле и тогда уже не удержишься, тогда наша песенка спета! На замечание Суменкова Ласточкин смог найти только один ответ:

– Не обойдут! На то мы здесь и сидим. Всем проверить, подготовить оружие, дозарядить диски.

Эта команда означала конец всем душевным беседам. Оружие у нас было в порядке, мы с энтузиазмом взялись за окопы.

Тем временем разрывы мин и снарядов загрохотали в лесу и выше кромки старого леса. Дым разрывов сносило в сторону распадка, слабый ветер разгонял облачность над степью, и в ней появились первые мутно-синие окна, дорога стала оживать. Какое-то стрелковое подразделение торопливо шло к перевалу. Поравнявшись с нами, один молодой парень с хомутом скатки через плечо на бегу крикнул:

– Эй, сачки, воюют там, внизу! Чего вы здесь-то делаете?

– А ты, милоч, где до сих пор был, если воюют там, внизу?

Что и говорить, Ванька Подосенов за словом в карман не полезет. В роте таких языкатых всего трое: он, Арабов и Медвинский. Снизу тащились к перевалу повозки с ранеными, и мы пытались узнать у них, что там происходит. Сообщения раненых были тревожные и разноречивые:

– Жмут, гады... От батальона ничего не осталось... А мы им как врежем!

– А тебя, друг, где цапануло?

– В Илларионовке.

- Осколком?
- Пулей.
- Что, в Илларионовку немцы влезли?
- Влезли, гады. Бронетранспортеров много... У вас закурить, братцы, не найдется?

Ребята крутят сигарки, суют их в потрескавшиеся губы раненых. По крохам мы начинали представлять себе картину случившегося там, внизу. После сильной артподготовки противник перешел в наступление в направлении Илларионовки. Несколько его атак было отбито, но все же потрепанные, малочисленные роты четвертого батальона не выдержали концентрированного удара атакующих танков, бронетранспортеров и пехоты. Танки сметали огнем пушек и гусеницами все живое на своем пути. Тяжелые бронетранспортеры на гусеничном ходу шли следом за танками и свинцовым дождем поливали нашу оборону. Нашим артиллеристам и ПТРовцам удалось поджечь несколько машин, но огонь наших противотанковых средств на сей раз был слаб, а наступающих было много. Часть подразделений батальона откатилась в сторону Верхнего Курпа, а там тоже гремел бой. Часть наших бойцов отходила в горы, отбивалась в лесу от наступающих автоматчиков. В лесу бой стал затяжным и жестоким. Ни бронетранспортеры, ни танки не рискнули прорываться к перевалу по горной дороге в лесу, это рискованно. Вдобавок догадливые бойцы толковыми шашками свалили на дорогу порядочное количество деревьев и временно сделали ее непроходимой для техники. Автоматчиками велся упорный огневой бой. Туда не успевали подтаскивать боеприпасы и вывозить раненых. Через перевал, по дороге вниз то и дело скатывались повозки с боеприпасами и умные кони упирались на крутом склоне, приседали на задние ноги, старались удержать готовую раскатиться повозку, а обратно из последних сил, исхлестанные кнутами они тащили повозки с ранеными. В эту суматоху, дорожную пыль, в крики, матерщину и стоны ворвался звон и свист истребителей противника, дробный и гулкий стук их пулеметов... Там, на склоне, падали расстрелянные кони, опрокидывались повозки и вываливались из них беспомощные раненые бойцы, перемотанные белыми бинтами.

- Ну, теперь держись, забодай вас комарь, теперь не соскучишься!

Ласточкин метался от дороги к наблюдательному пункту, его кто-то требовал к телефону, он докладывал обстановку и всех заверял, что мы будем держаться на перевале до последнего. Можно было подумать, что главной нашей задачей было лечь костями, а не удержать сам перевал.

Время перевалило за полдень, облачность незаметно растаяла, но синеватая дымка мешала рассмотреть, что происходило внизу, в районе Илларионовки. Там что-то горело, серые и черные волокна дыма стелились над лесом, ползли в степь. Над горами появились двухмоторные бомбардировщики Ю-88, они шли стаями в двенадцать машин на порядочной высоте. Мы думали, что они пробомбят перевал, но они отвернули от гор и сбросили бомбы в степи. Перестрелка неотвратимо приближалась к нашему перевалу, и все больше появлялось повозок с ранеными, со все большим остервенением ездовые исхлестывали кнутами взмыленных лошадей.

К перевалу пришел Попов с каким-то капитаном, к ним присоединился Ласточкин, а через десять минут задерганный, нервный Ласточкин уже кричал в телефонную трубку:

- Так точно, товарищ восемнадцатый... Слушаюсь... Есть, никуда ни шагу... Все понял, товарищ восемнадцатый!... Никак нет... Что?... Нет, говорю, видно плохо... Степь бомбили... Плохо видно, товарищ восемнадцатый... Понял... Есть, товарищ восемнадцатый!

Ласточкин оставил трубку и, пригнувшись, побежал к дороге. Начальник штаба бригады предоставил Ласточкину всю полноту власти и полноту ответственности на перевале: он имел право и был обязан останавливать всех бойцов, которые отступали из Илларионовки. Но оттуда, снизу, пока никто, кроме раненых не появлялся. Наши бойцы

не бежали, они дрались до последнего, и пока были боеприпасы, они использовали трофейное оружие и снова дрались – останавливать было некого. Два небольших отряда, человек по 12-15 каждый, прошли через перевал из Заманкула. Мины и снаряды врага начали рваться уже на опушке леса, на полянах среди кустарника, вероятно, что и Новая Москва уже была захвачена врагом – с той стороны доносилась перестрелка. Попов, освободившись от капитана, приказал собраться в кустах на краю осыпи всем коммунистам и комсомольцам. Мы собрались. На нас, делая вид, что ничего не слышит, искоса поглядывал беспартийный Панарин.

– Товарищи коммунисты и комсомольцы, – начал Попов, кашлянул, а потом стал рубить чеканными фразами, – озверелый враг рвется в Северную Осетию. Над землей братского народа нависла смертельная угроза. Наш священный долг в едином порыве...

Вот хороший, смелый мужик этот Попов – сам видел, как он без красных слов мог под сумасшедшим огнем подняться первым и повести за собой людей в атаку, но как начнет говорить вот этак, то только с понтальку сбивает. Да ладно, бог с ним, главное, чтобы нам как-нибудь удержаться...

Ласточкин заметно нервничает, разогнал Панарина за то, что тот не откопал себе окопа. Здесь Ласточкин, конечно, прав. Из леса на склоне гор появились первые люди. По одному, по трое они карабкались по склону горы вверх, оборачивались, стреляли, падали и всем стало понятно, что там, в лесу, наши разрозненные, не имеющие между собою связи стрелковые подразделения не выдержали натиска противника, они отходят, и это уже свершившийся факт.

Ласточкин закричал Панарину, чтобы его срочно связали с восемнадцатым или даже с десятым. Нашу позывную, которую нам дали, видимо, по фамилии командира, знали связисты и соединили со штабом мгновенно.

– Алло! Это восемнадцатый? Товарищ восемнадцатый, докладывает Ласточкин. Слева от дороги вижу разрозненные небольшие группы наших бойцов, они отходят к гребню высот... К гребню высот, говорю!... Так точно, товарищ восемнадцатый... Мой политрук... Будет исполнено, товарищ восемнадцатый... Так точно, буду докладывать!

Ласточкин ткнул в руки Панарина телефонную трубку с привязанной к ней петлей из старого бинта и тут же позвал Попова.

– Вот что, друг мой боевой, восемнадцатый приказал: бери троих ребят поздоровей и посмышленей и жми по хребту наперерез отступающим. Любой ценой останови их. Стреляй, если слушать не будут, забодай их комарь! Нужно, чтоб залегли, остановились. Пусть отбиваются и ни шагу назад!

Конечно, обстановка складывалась критическая. Еще немного – и немецкие автоматчики вырвутся на вершины гор, тогда нам здесь не усидеть, тогда им рукой подать до Заманкула... Минуты решали нашу судьбу. Попов понял это. Он взял с собой Авдеева, Подосенова, Беякова, прихватил, конечно, Хорькова (Ласточкин не стал спорить – некогда), и все они побежали в сторону за обрезом хребта, укрываясь от наблюдателей противника. Нам приказано продолжать окапываться, только лежа, чтобы не маячить на виду у немцев. Возле Ласточкина собрались Суменков, Медвинский, Серега Мартынов, Вася Боев – все рассматривали развернутую топокарту, а командир роты говорил:

– Ну вот, накрылась наша оборона, конец ей! Нам приказано подохнуть, но отсюда – ни шагу. Попов сейчас этих вон охломонов задержит, а то они до Ирана добегут. Ну, дела! В общем так: в случае чего вот по этому обрыву уходим в лес... Партизанить будем! Леса здесь большие. Увижу, кто драпает без команды – пристрелю, забодай вас комарь!

Мы уже привыкли к странной присказке своего командира, который повторял ее кстати и некстати. Во всяком случае, эта присказка была признаком, по которому мы определяли, что командир еще не очень разозлился. На НП вместо Хорькова Ласточкин посадил Серегу Мартынова – человека серьезного и обстоятельного. Мы с Бергале-

вым находились в обороне с остальными ребятами и не жаловались на судьбу – как всем, так и нам. Мы находились чуть выше проходящей дороги, здесь по краю крутого ската были реденькие кусты и какая-то высокая трава с метелками коричневых кисточек. Трава уже высохла, стала грязно желтой, а маскхалаты ярко-зеленые, их хорошо видно, это для нас плохо.

– Сидеть, не крутиться! Фрицы заметят – разнесут нас минами! – наставлял командир роты.

Взрывы мин загрохотали на скатах высот, возле дороги ниже нас, в общем, началось! Ребята старались ничем не выдать раньше времени своего присутствия, все были настороже.

Неожиданно на дороге показалась какая-то сумасшедшая повозка, тяжело нагруженная военным имуществом. Кони тяжело тащили ее по крутому склону, на передке стоял ездовой и стегал немилосердно лошадей по потным, лоснящимся крупам. Вслед за повозкой появилось человек пять бойцов, за ними еще человек восемь и еще небольшая группа.

– Во славяне драпают, во драпают! – констатировал Суменков.

На дорогу мы смотрели сверху вниз, хотя была она от нас в каких-нибудь сорока метрах. Мы решили на самом перевале не останавливать людей. Сразу за склоном ее остановил Суменков и еще двое наших ребят.

– Кто такие?

– Саперы.

– Где командир?

– Сзади, с последней группой идет.

– Подожди, друг, здесь самую малость, – сказал ездовому Суменков.

Тот с готовностью слез с повозки и сказал:

– А нам и не велено дальше драпать.

Кони, разгоряченные крутым и долгим подъемом, беспокойно перебирали копытами, всхрапывали, кожа на их боках мелко подрагивала. Саперы устало опустили на пыльную придорожную траву.

Командир отдельной саперной роты бригады старший лейтенант Орин, измотанный до самого последнего предела, остановился на перевале и кричал растянувшимся по дороге людям:

– Скорей, скорей, мать вашу! Возле брочки привал. Ветренников, Губарев, давайте сюда ко мне. Никого не потеряли?

Орин свалился со своими командирами взводов рядом с Ласточкиным и сразу спросил:

– Привет, Ласточкин! У тебя воды не найдется?

Сапер был званием постарше, но держался непринужденно, ничем не подчеркивая своего превосходства, к тому же они давно и хорошо знали друг друга.

– Давно загораете? – спросил Орин, возвращая флягу.

– Со вчерашнего дня. А вы откуда сейчас?

– Из леса. В Иларионовке уже немцы.

– Начальник штаба звонил, просил звонить ему сразу, как только ты появишься.

– А у тебя и связь есть? Богато живешь!

Догадливый Панарин уже сразу взялся крутить телефонную ручку.

– Алло! Волна, Волна! Голубушка, давай восемнадцатого. Не торгуйся, давай быстрее, не то подольет тебе сейчас фриц кипятку под задницу... Алло! Восемнадцатый, – прошептал Панарин и протянул старшему лейтенанту трубку.

Командиры взводов терпеливо ждали своего командира, укрываясь вместе с нами за мелкой порослью кустарника. Старший лейтенант поговорил совсем немного и вернулся к Ласточкину.

– Ну, что там?

– А! – махнул рукой Орин. – Злой мужик. Видно, и его достало.

– Что теперь делать будем?

– Делать всегда есть что.

Командир саперной роты повернулся к своим командирам взводов и говорил им так, чтобы слышал Ласточкин и все, кто находился рядом:

– Вот что, соратники, меня вызывает сейчас начальник штаба к себе на цугундер, а для вас задача такая: снять с повозки все противопехотные и противотанковые. Здесь занимают оборону разведчики, вы – левее. Окопаться немедленно. Мины будете ставить, как стемнеет, под прикрытием разведчиков. Противотанковые ставить на дороге и по ее бокам, проходы обозначить, как положено, и отсюда ни шагу. Теперь вот что, эту грушу срубить сейчас же, потому как это репер для немцев лучше не найти. После разгрузки повозку немедленно в Заманкул. Ищите старшину с продуктами и боеприпасами... Ты как, Ласточкин, не против такой диспозиции? Про овраги мы с тобой не забыли? Тогда пока.

– Что ж, славяне, занимайте оборону и чувствуйте себя как дома, забодай вас комарь, – добавил Ласточкин.

По нашему склону гор противник вел методичный артиллерийский и минометный огонь, однако его пехота на открытом месте не показывалась. Саперы начали окапываться. С левого фланга приходил Попов, у него там тоже человек восемнадцать набралось, так что теперь мы чувствовали себя поуверенней. Некоторые стали вспоминать про нашего старшину, а наш командир только подгонял нас с окопами. Копать лежать было неудобно, да и грунт здесь – дай бог! Лопата то и дело стучала о камни, откалывала от них светлые крошки, от железа летели искры.

Невысокую, густолистую и очень красивую молодую грушу, выросшую на самой макушке нашей высоты, саперы безжалостно срубили и бросили ее на обратном скате. Война и сюда принесла смерть, и даже дерево здесь совсем не исключение.

Мы привыкли уже, что мины рвались значительно ниже нашей обороны и внезапно близкий разрыв развеял иллюзию нашей безопасности. Мины загрохотали часто и близко на дороге, левее ее по фронту. Кого-то уже ранило... Разрывы ближе, точнее. Запахло толом...

– Фрицы идут! – раздался чей-то тревожный голос.

Вначале я ничего не видел, а потом рассмотрел цепь немецких солдат, которые неторопливо выходили из зарослей кустарника на склоне и шагали вверх к перевалу. Серо-зеленые мундиры, каски, автоматы у пояса. До цепи противника оставалось метров двести крутого подъема. Нас не поддерживала наша артиллерия, молчали минометы, и залегшие в обороне бойцы пока не открывали огня. Немецкие мины стали рваться за гребнем высот, а у нас на какие-то секунды воцарилась страшно напряженная тишина. Ласточкин посмотрел в бинокль и подал команду:

– К бою! Передать по цепи: не стрелять! Я стреляю первый!

Он напряженно смотрел на приближающегося противника. На сей раз немцы вели себя непонятно: обычно они не рисковали вот так – без достаточной подготовки вести наступление... Что случилось сейчас? Они либо спятили, либо считают, что все мы давно уже разбежались. Неужто мы их еще ничему не выучили?!

Немцев было не менее пятидесяти человек. Силы у нас сейчас уравновешены. Правда, у немцев есть еще минометы, но у нас зато наиболее выгодные позиции. Конечно, абсолютно спокойным никто из нас не был. В простой кулачной драке и то, бывает, сердце сожмется. К настоящему бою нельзя привыкнуть. Можно научиться владеть собой, можно собрать в кулак все свои нервы, но все равно напряжены в тебе все мышцы и не замечаешь, как сжимаются зубы, как сам себе кусаешь губы.

Цепь противника подошла ближе, уже слышны их гортанные, непонятные крики, отчетливо видны белые пряжки на черных поясных ремнях, те самые, на которых отштамповано «гот мит унс».

Немцы первыми ударили по гребню высот короткими автоматными очередями. Взвизгнули пули, взбили пыль с дороги, ударили в камни, срикошетили и запели лютую песню смерти. Из мелкоколосья на склоне появилась еще одна цепь противника, которая была более многочисленной, чем первая. А мы-то успокоились! Конечно, с таким количеством немецких солдат нам рукопашного боя не выдержать. Противник близко и особенно кучно его солдаты идут вдоль дороги... Стучат в сердце секунды, подгоняют время... Ну!.. Ну!.. Вдруг – хлесткий огонь автоматов и винтовок обрубил секунды молчаливого и страшного напряжения. До немцев оставалось метров семьдесят, не больше! Цепь атакующих словно споткнулась, и тут ударил наш трофейный пулемет длинной злой очередью. Розовые струны трасс уперлись в цепь наступающих. Немцы падали на землю, а левее нас гулко затараторил станковый пулемет – это уже Попов дал жизни! Немцы явно не ожидали такого огня. Первую цепь врага выкашивали пули, и противник не выдержал, покатился вниз. Вторая цепь тоже остановилась и попятилась назад, поливая нас автоматным огнем. Скорее всего, это была разведка боем, и фашисты обожглись на этой затее – их атака захлебнулась. Из-за укрытий немцы ответили нам сильным автоматным и винтовочным огнем, откуда-то ударил вражеский пулемет, снова грохнули минные разрывы. Стон падающих мин, треск разрывов, шмелиное жужжание осколков, короткий визг пуль вжимали нас в землю, но больше всего, кажется, доставалось саперам. Нас измолачивали минут двадцать, потом выстрелы и разрывы мин начали стихать. Косые лучи солнца вызолотили пожухлую траву на склонах, посинели волокна дыма над лесом. Скорей бы кончился этот день! Впереди нас, это было хорошо видно, лежало около двух десятков убитых. А мы им все-таки врезали! Будут знать, гады!

На прощание немцы обстреляли нас шрапнельными снарядами. В воздухе разорвалось несколько снарядов, а потом все стихло. Видимо, наступление вечера не позволило немцам повторить атаки.

Вечером, когда Ласточкин давно уже доложил обстановку в штаб, когда на горе Заманкул снова разгорелся костер, к нам прикатила наша ротная новая кухня. Нам выдали по двести грамм вина, и Мишка Осейкин самолично кормил нас сразу обедом и ужином. Я подошел к кухне, протянул котелок и, смеясь, сказал:

– Миша, сыпь на меня и на Журавова.

– Гы! – усмехнулся Мишка, – ты брось свои штучки и голову не дури, но, учитывая проявленную доблесть в разговоре со старшим командным составом бригады, так и быть, дам еще полпорции.

Надо же, откуда-то узнал, гусь. После двухсот грамм вина на душе стало малость полегче. Мы почти все сидели на обратном скате высот и с наслаждением накуривались, зная, что там, на самой передовой, курить не разрешат. Тут я вспомнил о Панарине, которого, похоже, никто кормить сегодня не собирался. Я взял свой котелок и снова пошел к Осейкину. Тот посмотрел на меня, как золотая рыбка смотрела на неразумного старче.

– Ты чего?

– Миш, связист здесь сидит с нами, парень он хороший, ну а сухой паек свой он еще утром прикончил. Если у тебя там что осталось, а?

– Давай котелок.

От щедрой души Мишка налил горячего жирного борща почти полный котелок. Я притащил ужин Панарину.

– Ешь, Панарин! Хоть и облаял ты сегодня нас с Бергалеевым ни за что, но Родина тебя помнит, и мы не забыли.

Панарин был откровенно тронут проявленной о нем заботой.

– Ну спасибо, а то, понимаешь, утром я свой сухой паек добил, а в роту как мне оторваться, звонят тут разные... то тридцать шестой, то восемнадцатый...

Вечером саперы начали ставить мины, у дороги противотанковые, а левее – несколько рядов противопехотных, небольших, с виду даже безобидных, деревянных коробочек. На поле боя саперы выбрали двух раненых немцев. Одного из них удалось нашему санинструктору Петренко привести в сознание.

Едва успел уехать со своей кухней Мишка Осейкин, на дороге из Заманкула снова зацокали лошадиные копыта. Прискакал Натынов. Он взлетел прямо на бугор, лошадь беспокойно крутанулась на месте, вскинув голову. Подбежавший к коню Бергалеев привычно и ловко поймал поводки уздечки, а Натынов легко, по-спортивному, с шиком соскочил с седла.

– Ласточкина сюда быстро! – бросил Натынов непонятно кому, и кто-то побежал с шапки высоты вниз к дороге.

Я в это время оказался рядом с Панариным. Натынов подошел к связисту и вдруг спросил:

– Кто вчера ночью на НП дежурил?

– Я, товарищ старший лейтенант, – ответил я за Панарина, уже внутренне готовясь принять грозящую неприятность.

– Не старший лейтенант, а капитан! – поправил меня Натынов.

– Виноват, товарищ капитан, не знал еще. Поздравляю вас, товарищ капитан!

– То-то! Кто здесь из вас с начальником связи беседу вел, а?

– Я, товарищ капитан.

– Ты? Ну, силен! Как же это ты мог этак с майором разговаривать, а? Как ты его назвал-то?

Натынов стоял напротив меня и перебирал в руках ногойку. «Ну, сейчас огреет», – мелькнула в голове мысль.

– Да я уж и не помню, товарищ капитан. Я ж не знал, что это начальник связи. Говорит мне, что он тридцать шестой, а я откуда знал, что это такое... Ну, я и сказал, что по мне – хоть миллионный...

Натынов вдруг откровенно рассмеялся. Мне была абсолютно непонятна причина его смеха, но ежели смеется, то большой неприятности для себя я уже не ждал.

– Ну, а дальше?

Я еще не успел ответить, как на бугре появился Ласточкин. Он уже знал о повышении в звании Натынова и стал четко докладывать ему обстановку.

– Погоди-ка, лейтенант, здесь вот твой орел докладывает, как он начальника связи отбрил. У тебя здесь цирк, а не рота. Ну, так что дальше-то?

– Виноват, товарищ капитан, я бы не позволил такого, если бы знал...

– Да погоди ты! Не позволил, не позволил! Дальше-то что?

– Да дальше он сказал, что сейчас он сам придет и расправится со мной. Ну, а я ему ответил, что хрен он сюда придет, здесь стреляют...

– Так и сказал?

– Виноват, товарищ капитан!

– Ну, дает! А за что ты его ишаком назвал?

– Ишаком?

– Да, ишаком.

– Зачем она врет, зачем неправда говорит? – буквально взвился взявшийся откуда-то Бергалеев. – Я не называл ишаком, я просто спросил, зачем кричит как ишак...

Натынов снова непонятно чему рассмеялся. Вдоволь насмеявшись, он сказал Ласточкину:

– Вот дают, а! Ну рота у тебя, Ласточкин! Компания оторви да брось! Ты это того,

Ласточкин, ты этих архаров с передовой никуда не отпускай, и к телефону чтобы они оба близко не подходили. Будут спрашивать – скажешь, что оба убиты или ранены и отправлены к шутам. Хрен с ними! Ребят предупреди, чтобы лишнего не болтали. Понял, Ласточкин?

Они еще о чем-то говорили, а мы с Бергалеевым отошли в сторону – неудобно и опасно солдату маячить на глазах у начальства. Потом Панарин мне рассказывал, что когда наша группа ушла на задание, звонил начальник штаба, и очень хороший разведчик Лешка Тарасов как-то не очень складно доложил ему обстановку. Узнав, что на перевале находится Натынов, начальник штаба приказал позвать его к телефону. Тот подошел, доложил как надо и в конце разговора восемнадцатый спросил:

– Кто из разведчиков дежурил днем? Кто мне докладывал днем обстановку?

Натынов настроился на то, что начальник штаба будет упрекать его за разболтанность разведчиков и поэтому ответил неопределенно:

– Да был здесь один. Их двое дежурило.

– Где тот, что докладывал?

– А что такое, товарищ восемнадцатый?

– Я спрашиваю, где он?

– Убит, товарищ восемнадцатый.

– Когда убит?

– Убит при отражении атаки противника, а второй, что был с ним, ранен. Неважные были разведчики, разболтанные.

– Да? А мне понравился тот, что докладывал. Жалко, что убит. Раненых всех вывезли с перевала?

– Так точно. Всех вывезли, товарищ восемнадцатый.

Натынов отдал связисту трубку и недовольно бросил Ласточкину:

– Бардак у тебя в роте, лейтенант.

Командир роты понял, что тень неприятности была связана со мной и Бергалеевым, он что-то проворчал в наш адрес, и они спустились с Натыновым вниз, где караулил Бергалеев его стреноженного коня.

Разведрота получила задание этой ночью взять «языка» и уточнить передний край противника. Вторая часть задания представлялась нам сразу невыполнимой: какой может быть у них здесь передний край?! У немцев здесь, конечно, нет никаких окопов, скорее всего, что отдельные группы противника просто укрылись в оврагах или зарослях леса и кустарника и ждут утра. Кругом темнота, хоть глаз коли, звезд и тех не видно. Рассчитывать мы могли только на слепой случай, на вероятность удачи.

В разведку пошли две группы с одинаковыми задачами, командирами были назначены Подосенов и Суменков. Я оказался в группе Подосенова, которая должна действовать вдоль дороги в районе Новой Москвы. У нас в группе было всего семь человек.

Мы осторожно прошли по самому краю осыпи, не ступая на дорогу, там уже стояли мины, тучи заволокли небо. В такой темноте немцев можно было обнаружить только тогда, когда на них ногой наступишь. Мы понимали, что оказались в не очень выгодном положении, так как немцы, сидя в дозоре, непременно первыми услышат наши шаги и успеют подготовить нам встречу так же, как и мы им в прошлую ночь. Что делать – на нас могла работать одна только осторожность. Этой ночью даже шакалы не выли, видно, днем распугали их. Мы часто останавливались, вслушивались в тишину. Впереди далеко и глухо бил очередями дежурный пулеметчик. Иногда туман ниже по склону набухал тусклым зеленым или белым сиянием – это взлетали осветительные и сигнальные ракеты. Если в Новой Москве немцы, то они, конечно же, караулят дорогу. Мы взяли значительно левее дороги, потом долго лежали в траве и слушали. Ни единого звука! Подосенов

приказал нам с Мишкой Беляковым идти головным дозором к дому у дороги. Осторожно, предельно тихо мы подкрались к дому. В крошечной тьме мы не видели своих ребят, и они нас тоже, сигналом тревоги могла быть только автоматная очередь. Мы стояли у угла дома минут пять, но ни один звук не насторожил нас.

– Нет здесь никого, – тихо прошептал Мишка, и в это мгновение метнулась в сторону какая-то непонятная черная тень, послышался топот ног, треск изгороди и сухого бурьяна...

Это было настолько неожиданным, что мы оба невольно отскочили в сторону, готовые стрелять в сторону этого шума. Но все так же мгновенно затихло.

– Что это?

– А хрен его знает.

Что делать? Ребята, наверное, тоже слышали этот шум и где-то настороженно затаились. Мишка тихо, чуть слышно свистнул. Рядом кто-то откликнулся.

– Что там? – шепотом спросил Подосенов.

– Вроде никого нет.

– А кто плетень ломал?

– Хрен его знает. Возможно, кабан. Человек – вряд ли, человек стреляет.

Мы всей группой подошли к дому и ощупали его буквально руками. Немо! Никого там не было. Куда же провалились немцы? Неужто они отошли в Илларионовку? Не могло этого быть!

Пока мы гадали, с километр левее нас по фронту, в воздух взвилось несколько белых ракет и тут же, словно из мешка, высыпала дробь автоматных очередей.

– Суменков должно напоролся, – прошептал Подосенов.

Нет, не ушли немцы в поселок, они где-то здесь, но почему-то оставили Новую Москву. Где ж они, стервецы! В стороне не смолкает перестрелка. Теперь немцы на склоне гор насторожились, теперь у них уши на макушке.

– Пошли левее, и вниз, – сказал Подосенов, и на сей раз не послал вперед головного дозора.

Не успели мы пройти и пятидесяти шагов, как впереди нас оглушительно звонко хлопнул выстрел ракетницы. Беленький огонек рванулся в небо, оставляя за собой короткий хвост маленьких искр, и в тумане вспыхнул ослепительно яркий магниевый свет, в его лучах засверкала каждая травинка, от кустов кругами поползли черные тени. Ракета упала сзади нас, мы лежали не шевелясь. Тут же за первой в небе вспыхнула вторая ракета, и ударили немецкие автоматы. Ракета упала на землю, выплевывая шипящие искры. Через несколько секунд снова слепая темнота и в ней колючие искры выстрелов. Мы не отвечали на огонь противника. Когда стрельба смолкла, мы неслышно отползли назад и в сторону. Похоже, нас немцы не обнаружили, но что-то заподозрили и для собственной перестраховки ударили из автоматов по подозрительному шуму.

– Пошли вверх к Новой Москве.

Мы цепочкой полезли обратно. Прошли порядочно, уже рядом должна быть дорога.

– Слишком вправо взяли... – прошептал Ванька, и неожиданный крик:

– Рус! Хальт!

И снова ракета. Здесь обнаружили нас точно, поэтому мы стреляем все в сторону крика, стреляем длинными очередями. Стреляют в нас, вокруг сплошные оглушительные хлопки выстрелов. Отстреливаясь, мы отбежали назад и в сторону. Потом полезли вверх по склону, а там, где мы были, сплошной автоматный треск, трассирующими бьет пулемет. Мы задыхались от быстрого бега по крутому подъему, но, по-моему, ушли. Нам не везет сегодня – уже два раза неожиданно наткнулись на немцев. Похоже, их здесь полно и им намного проще, чем нам, переловить или перебить на этом склоне всех разведчиков. Наверное, правду говорит Натынов, что никудышные мы разведчики.

– Что дальше-то? – шепчет кто-то из ребят.

– Подождем покамест, подумаем, – ворчит Подосенов.

Он тоже чем-то недоволен.

– Немцы оставили много убитых и раненых возле нашей обороны. Я фрицев знаю, они непременно пойдут за ранеными, – шепотом рассуждал Подосенов. – Давай к дороге и там покараулим.

Никто из ребят не спорил и не предлагал иного. Еще неизвестно, что из этого получится, но это был все-таки хоть какой-то план поиска. Снова очень осторожно мы пошли вверх, все круче забирая влево к дороге. Нам пришлось бы совсем плохо, если бы немцы не кидали ракет – их свет позволял ориентироваться. Мы вышли из полосы тумана и увидели далекий от нас костер на вершине горы – это тоже неплохой ориентир. На склоне гор снова воцарилась тишина... Наконец-то, вот она, дорога. Ниже осталась Новая Москва. На противоположной стороне дороги заросли высокого почти высохшего репейника. Мы знали, что за этой порослью начиналась опасная осыпь, крутая и бесконечная. Здесь, у дороги, мы и залегли в засаду. Убийственно долго и нудно потянулось время. Тихо... и становится холодно. Только бы не уснуть! Самое страшное сейчас – вот так взять и уснуть. Сейчас холодно, а что в январе или в феврале здесь будет! В феврале... Эк куда хватил! До февраля еще дожить надо, до него далеко, как до звезд, это время вообще кажется за пределами реальной жизни...

Рядом слышится тихий храп. Вначале я думал, что мне показалось, но в темноте послышался злой, негодующий шепот Подосенова:

– Врежь по шее, чтоб помнил!

Слышится несильный глухой удар, и храп мгновенно оборвался. Снова тихо. Мы лежим под кустами, напоминающими чем-то кусты орешника – сразу из земли много тонких стволов торчит... Говорят, что самое терпеливое животное это хищник – он может много часов подряд неподвижно лежать в засаде, караулить свою жертву. Мы чем-то похожи на этих хищников, только, кажется, мы во много раз хуже: зверь выходит на охоту, чтобы насытиться, его гонит голод. А мы почему? Хищник дает своей жертве шанс на спасение, если у нее быстрые ноги. А мы? Мы медлительны и неловки, но мы умеем посылать вместо себя пулю – быстрюю, молниеносную смерть. Мы научились оправдывать убийства. Люди выдумали для себя удобные молитвы, приспособленную мораль и само убийство возвели в ранг подвига. Все разумное в мире не смогло бы понять и оправдать его поступков... «Додумался! Дофилософствовался несчастный Пауст», – корю я себя. Справедливые войны – это вторично, а первично... «Ай, Фадя, боньба!», – испуганно кричал мне младший трехлетний брат Андрюшка еще совсем недавно, в августе прошлого года. Вот, что первично, вот, что расставляет все нужные акценты. Неожиданный удар по спине в одно мгновение стирает в сознании все философские мысли.

– Ты что, паразит, сопишь! – зло шипит Беляков.

Так и есть, снова уснул. Нагло спит солдат! Тихо. Ракеты почти не взлетают, время остановилось и никуда больше не движется. Чует сердце, что недалек рассвет. Нужно еще ухитриться вовремя убраться отсюда, а то досидимся – здесь, похоже, кругом немцы. Вот что делает проклятое время: за единую секунду можно снов досыта насмотреться, бывшее вспомнить, а их, этих секунд, бессчетное множество...

Затекло все тело, ноги онемели, пронизывает все суставы холод. Пора бы и уходить отсюда. Утро скоро. Чего там Подосенов тянет? Все уже ясно: никого мы не увидим. Охватят нас здесь пулеметным огнем.

Похоже, небо тронулось каким-то неуловимым предрассветным свечением. Сейчас я стал различать соседний куст, а раньше даже не замечал его...

– Тихо!

Что там еще? Ничего не слышно. За эти проклятые дни изрядно сел слух. Кажется, действительно какой-то непонятный шум... Елки-палки! Вот они, рядом! Их много. Впереди четыре черные тени, а за ними еще... Ванька Подосенов молчит. Уснул он что ли?!

Четверо проходят мимо нас, я отчетливо вижу их силуэты. Вот уже основная группа. Идут, пригнувшись, друг за другом, почти вплотную... Сколько их там?!

Оглушительно звонкая очередь разорвала тишину, и тут же ударили все семь автоматов... Крик, ответная стрельба. Со ствола автомата в стороны и вверх летят искры от выстрелов. Очередь! Еще очередь веером! Огонь наш неточен – прицелиться в такой темноте невозможно. Первые секунды просто свалка, беспорядочная стрельба и крики, но вот огонь противника становится плотным. Похоже, немцев здесь много. Очередь! Еще очередь! Вдруг оглушительно звонкий взрыв гранаты недалеко от нас, это хуже.

– Назад! Назад, мать вашу!.. – слышен голос Подосенова, а головы не поднять и кажется, что каждая пуля в тебя.

Мы нарвались на крупный отряд немцев, и они успели опомниться от неожиданного удара. Мы откатываемся, отбегаем от куста к кусту, отстреливаемся, но, похоже, нас прищучили – немцев неожиданно много. Отбегаем заученно – с колена очередь и в сторону. Пули щелкают по веткам, шлепают в землю, взвизгивают тонко где-то рядом... Скорее! Скорее! Особенно активно стреляют снизу. Я швырнул в ту сторону тротильный стаканчик гранаты. Взрыв! Вспышки выстрелов в той стороне погасли – это выигрыш целых двух секунд... Ребята нестройной цепочкой отбегают назад – и вовремя. По тому месту, где мы только что были, ударил длинной очередью пулемет. Разрывными бьют – по земле сверкают белые искры... Скорее! Теперь нужно брать в гору. Нас спасает темнота, она укрывает нас ненадолго. Немцы выстрелили вверх ракетой, яркий белый свет, полукружьем бегущие тени, трава сверкает под этим светом как спутанная алюминиевая проволока. Скорее! Скорее! Все куда-то стреляли, и я стрелял и отбежал дальше, с трудом успеваю следить за местом расположения остальных ребят. Мы бежали вверх по склону гор и держались все правее от дороги. Скорее! Но куда они? Там же минное поле! Подосенов, видимо, тоже об этом помнит и неожиданно он поворачивает резко влево, снова к дороге. Этот маневр нам удался, он нас спас. Немцы считали, что мы ниже и отходим вправо, они теперь преследовали призраки. Теперь мы снова идем цепочкой, молча и осторожно идем к дороге, к осыпи, которая очень похожа на пропасть... В диске, наверное, осталось не более десятка патронов. Очень уж высока скорострельность наших автоматов, не успеваешь диски набивать. Подосенов торопится. Правильно Ванька делает – фрицы сейчас ведь хватятся, поймут, что перед ними никого нет. Они могут еще найти нас, их гораздо больше, чем нас.

Мы торопимся к дороге, а она словно пропала куда-то. Прошло минут двадцать после того, как нам удалось оторваться от противника. Выстрелы смолкли, немцы поняли, что мы каким-то образом ускользнули от них. А дороги все нет. Нет и все! Проклятье какое-то. Вон он, огонь на Заманкуле, его видно, а дороги нет! А если немцы тоже догадались, что мы идем к дороге? Тогда они должны сделать на нас засаду, постараться опередить нас.

– Давай, Иван, пошаговитее, – кто-то шептал Подосенову.

Он прибавил шагу. Наконец-то, вот она, дорога. Мы поднялись по ней немного вверх. Слева чувствуется глубокая пропасть – тянет здесь свежий ветер. Видимо, недалеко уже и перевал.

– Стой, хлопцы! – хрипит Ванька Подосенов и останавливается под кустами с правой стороны дороги.

Все останавливаются. По тихим щелчкам слышно, что ребята меняют в автоматах диски.

– Все целы?

– Вроде все.

– Сейчас уже рассвет недалеко, – говорит Подосенов. – Давай на всякий случай еще и здесь покаралим. Самую малость.

– Не отобьемся. Много их здесь.

– А ни хрена. Здесь до нашей передовой уже недалеко. Нырнем за минное поле и порядок.

– Ладно. Ты только, Иван, не пропускай их вперед, а то они нас в эту пропасть загонят, – предложил Селиванов.

Так и сделали. Решили подождать. Снова залегли цепью параллельно дороге, метрах в двадцати от нее. Успокаивается хриплое дыхание уставших людей, только сердце еще лупит по ушам гулками ударами. Правда, светает. Облачность на небе, но все равно уже стала заметной белая лента дороги. Кустарник здесь совсем небольшой, похоже, впереди начинаются уже совершенно открытые скаты...

Стоп! Вон они! Шагов еще не слышно, но стало заметно, как зыбкие черные тени мелькнули по обеим сторонам дороги. Они ниже нас и, видимо, уверены, что нас здесь нет. Похоже, они решили подготовить для нас засаду. Что делать? Сейчас они наткнутся на нас. Перестрелки нам уже не избежать и не удастся отойти незаметно, а их много, опять много! Проходят торопливые секунды: одна, вторая, третья... Вот теперь уже отходить без боя невозможно, а лежим мы нескладно, надо бы поперек дороги. Теперь мы друг друга перестрелять можем.

– В первого не стрелять, – успел прошептать Ванька, но немцы не дураки, они почувствовали что-то, остановились и снова неожиданно хлопнул выстрел ракетницы... Очередь! Звонкая очередь нашего автомата – и началось. Снова гортанные крики, мощный автоматный огонь и головы невозможно поднять...

– Отходи наверх!

На наше счастье здесь дорога делает поворот, прижимается к краю пропасти. Еще достаточно темно, немцы не могут вести прицельного огня, но они наседают, и снова крики:

– Рус, хальт! Хальт!

Похоже, они уверены, что взяли нас в клещи. Подосенов делает неожиданный резкий рывок к дороге. Стрельба кругом и не разобрать уже, откуда в нас стреляют... Скорее, скорее! Мы явно не рассчитали своих сил – немцев здесь много и они отлично ориентируются на местности. Теперь мы бежим вверх по дороге, а немцы стреляют, преследуют нас и стараются обойти справа, обогнать, отрезать нам единственную возможность к отступлению. Скорее! С нашей стороны вдруг застучал пулемет «Максим». Глухое, грозное дудуканье прокатилось по горам. Трассирующие молнии сверкнули значительно правее нас, пулеметчик лупит, видимо, просто для острастки, но это здорово! Правее нас мгновенно смолкли выстрелы. Мы теперь бежим по самому краю осыпи. Единственной и совершенно ненадежной защитой от пуль для нас стали придорожные заросли репейника, а где-то здесь еще мины... Немцы подгоняют нас сильным огнем. Судя по этим выстрелам, их не менее двадцати человек. Но они отстают от нас. Светлеет заметно, и теперь они боятся сами попасть под наш пулеметный огонь. Снизу ведет огонь немецкий пулемет, а сверху ударил очередью наш трофейный «машиненгевер» – красные, зеленые струи трассирующих пуль перепутались в небе.

Просто удивительно, что у нас пока нет потерь. Мы бежим короткими перебежками... Вокруг сплошной треск выстрелов, пули рикошетят на склоне, злобно визжат. Кто-то из ребят бросил далеко вправо от дороги гранату, треснул взрыв. Немецкий пулемет ударил очередями по месту взрыва. Мы снова выиграли секунд пять. Скорее! Скорее! Быстро светает, уже над горами становится видно небо, внизу, в распадке, седой туман.

– Ванька! Здесь спуск к роднику, за ним укрыться можно! – крикнул я Подосенову.

– Давай! Мы за тобой.

Ребята один за другим почти прыгают вниз.

– Тише, покалечитесь!

Ничего, удержались все. А наш «машиненгевер» лупит по дороге. Ребята, что оставались в обороне, довольно точно определили место нахождения наших преследователей и буквально отсекали их огнем от нас.

Теперь ушли! Ушли без потерь, если не считать содранной на плече кожи у одного из разведчиков. Саднит, конечно, но в наш лютый век это ранением не считается. Пулеметный и автоматный огонь постепенно стихает, и мы снова выбираемся на дорогу. Теперь мы идем по ней нахально, не очень торопимся. Со стороны противника нас надежно маскируют заросли репейника и какой-то очень высокой травы.

На нашу передовую мы вернулись первыми, Суменков еще не возвращался. Ласочкин выслушал доклад Подосенова, поморгал заспанными глазами и буркнул:

– Все понятно. Натынову о результатах поиска сам докладывать будешь.

Скучно, конечно, от сознания, что всю ночь мучились, чуть не влипли, но задания все же не выполнили.

Примерно через час, когда стало уже совсем светло, вернулась группа Суменкова. У него в группе один тяжелораненый. Они, правда, прихватили одного немца, но тот тоже был ранен пулями в голову и в грудь. Петренко перевязал раненых, немцу дал глоток вина, он глотнул, закашлялся, с уголка губ на подбородок и шею у него побежала темная струйка крови. Немец медленно обвел глазами собравшихся вокруг него разведчиков, потом сказал, не то спросил:

– Рус.

– Йа, рус! Нумер дивизион, комрад?

Немец довольно безразлично посмотрел на спрашивающего, потом перевел взгляд на меня и вдруг сказал:

– Ду... капут! Зие алес капут!

У него в горле забулькало, захрипело и его голова бессильно откинулась затылком на землю... Вот и все! И это не «язык»...

Я выпил из фляги несколько глотков холодной воды, залез в свой окоп и решил медленно спать, скорее спать, но... сон, как назло, куда-то пропал. Тихо. Где-то далеко короткими очередями стреляет пулемет. Стало почти светло, постепенно успокаиваются взбудораженные нервы. Незаметно и вкрадчиво приходит дремота...

Кажется, поспать мне пришлось всего несколько минут, а потом меня безжалостно растолкали и передали, что меня срочно требует командир роты. Что еще там случилось, неужто я еще что-нибудь наделал?

– Держи бинокль и на бугор бегом! И смотри там! Сболтни только что-нибудь, забоддай тебя комарь!

Восходило солнце, оно вылезало из-за пепельно-голубых горбатых гор и заполняло долину золотым светом. В небе снова сверкал Казбек, и над его головой по-прежнему развевалась седая прядь метели. Природе, похоже, наплевать на все дурости человеческие, она знает больше, чем люди, у нее совсем иные ценности, и сама жизнь – это ее выдумка... Внизу от подножья наших гор и по всей степи белые, взрыхленные, словно вспаханные плугом, облака – ничего там не видно.

Мы с Панариным лежали на животах около пенька от несчастной красавицы груши. Мы ничего не видели, что творилось там, на земле, и нам обоим мучительно хотелось спать. Внизу, как и вчера утром, слышались редкие взрывы мин. Телефон молчал, только изредка связисты прозванивали линию и однообразно равнодушный голос Панарина повторял: «Волна, как слышишь? Порядок». Я начал клевать носом. Панарин видел это и не возражал – понятливый мужик этот Панарин. Часам к девяти внизу дробно застучали немецкие пулеметы. На склоне, метров на сто ниже нашей обороны, грохнуло сразу несколько разрывов мин. Панарин толкнул меня в плечо и сказал:

– Слушай-ка, тут фрицы вроде зашевелились.

Под облачной пеленой, правее Илларионовки загремела вражеская артиллерия, слышались выстрелы танковых пушек. Зазуммерил телефон.

– Ласточка слушает... Так точно... Сей момент! – Панарин устали на меня округлившись глаза и предупреждающе зло зашипел:

– Ты, гусь! Десятый тебя... Смотри мне! Командир бригады это!

Я взял телефонную трубку, нажал на ручке клапан и подчеркнуто внятно, слегка подражая диктору радио Левитану, сказал:

– У телефона разведчик Журавов, товарищ десятый.

– Доложите обстановку.

– Сегодня низкая облачность полностью закрывает видимость, начиная от высот в 350-400 метров. У подножья гор, северо-восточнее Илларионовки, противник ведет активный артиллерийский огонь, отчетливо слышны выстрелы танковых пушек. На склонах гор ночью были рассеяны две группы автоматчиков противника численностью до 50 человек каждая. Наши потери – один человек раненый. С опушки леса по нашей обороне противник ведет пулеметный огонь и обстреливает из минометов.

– Поблизости есть кто-нибудь из командиров?

– Так точно. Ласточкин, товарищ десятый.

– Позовите его к телефону.

– Слушаюсь, товарищ десятый.

Я передал трубку Панарину, шепнул ему, что на проводе комбриг, и побежал за Ласточкиным, который был возле дороги. Ласточкин бегом бросился к телефону:

– Ласточкин слушает, товарищ десятый. Так... Так... Слушаюсь, товарищ десятый!...

Буду докладывать... Так точно... Что?... Очень мало, товарищ десятый... Что?... Так точно... Рядовой, товарищ десятый... Так точно. Слушаюсь, товарищ десятый!

Ласточкин вернул трубку Панарину, подозрительно посмотрел на меня и буркнул:

– Ну, дает! Когда захочешь, так можешь, забодай тебя комарь. А все-таки ты чудной.

– А что, товарищ лейтенант?

– Ничего. Сиди пока, – махнул рукой Ласточкин и побежал снова к ребятам.

Мины рвались довольно редко, одна за другой, с интервалом в секунд двадцать. Противник пока что вел нудный методичный огонь.

Саперы ребята умные и трудолюбивые, худо ли, бедно ли, но они окопались. У нас дело обстояло хуже. Окопчики, самые глубокие, на полтора штыка саперной лопаты.

На перевал, на своем тонконогом коне снова прилетел Натынов. Мы его издали узнали по черной горской бурке. Никто не мог так ловко поймать по-царски небрежно брошенные поводья, успокоить разгоряченного коня, как это делал Бергалеев. Этот внешне грузный, обманчиво кажущийся неповоротливым парень был дьявольски ловок, физически крепок и по-детски застенчив, не то что остальные ребята – изрядные мастера трепки и подначки.

Держа в руках нагайку, Натынов направился к кустам над осыпью, и к нему тотчас же подбежал Ласточкин. Натынов встал к подбегающему командиру роты боком и этак сверху вниз посматривал на него, может быть, потому, что стоял на бугре повыше, а может... Да что там говорить? Все мы грешны, у всех есть червячок себялюбия, все умеют радоваться похвале, награде, званию. Натынов тоже человек, мы в какой-то мере понимали и прощали его. Только вчера он вместо трех кубарей прикрепил к петлицам гимнастерки по одной рубиновой шпале. Многие командиры носили в петлицах зеленые – полевые кубари и шпалы, а у Натынова шпалы красные. Капитан – это уже не шутка! В бригаде комбаты сплошь одни капитаны, в штабе среди начальников служб только один начальник связи в майорах ходил и еще начальник оперативного отдела. Нач. оперотдела – это понятно, (видимо, так думалось новоиспеченному капитану), это правая рука начальника штаба, но начальник связи... Начальник связи целыми днями

сидит в штабе возле своих девок. Правильно его вчера разведчики отбрили! Со шпалой в петлицах Натынов стал еще грознее подвигать черные брови, и весь его вид свидетельствовал о том, что он знает цену себе и цену всем, кто его окружает.

Натынов выслушал доклад Ласточкина, уголки его губ презрительно опустились, но он не успел ничего ответить, в этот момент закричал Панарин:

– Товарищ капитан, вас восемнадцатый вызывает!

Не сказав ни слова, капитан повернулся и неторопливо полез на бугор, где еще совсем недавно росла красивая груша. Капитаны не бегают бегом – это участь лейтенантов. Натынов шел неторопливо, в конце концов, он не груши здесь околачивает.

– У аппарата тридцать четвертый... Да, слушаю вас, товарищ восемнадцатый. Да, так точно... Нет, решил сам проверить, посмотреть – наговорить можно всякое, а здесь факты нужны... Да-да, внизу слышен бой... Понятно, товарищ восемнадцатый... Конечно! Я понимаю это... Сейчас разберусь... Это ж было ваше приказание, а я говорил... Я это помню... Уже приказал... Слушаюсь, товарищ восемнадцатый! Так точно, товарищ восемнадцатый!

Натынов не просто отдал, а досадливо сморщась, зло бросил телефонную трубку связисту, тот поймал ее. Все, кто находился рядом, заметили, как чувство горделивой независимости менялось на лице Натынова выражением досады. Искры праведного гнева сверкнули в его черных очах:

– Сидят тут!... Штаны просиживают! Бабы вы, а не разведчики! В таких условиях и «языка» не взять! Позор! А сейчас чего сидите? Ласточкин, чего твои дармоеды здесь на яйцах сидят?... А, к черту вас всех! В пехоте ваше место! Ласточкин! Я спрашиваю тебя, лейтенант, почему дозоры не выставлены?! Где сейчас противник? Какие у него силы?

– Вот ночью, товарищ капитан...

– Ночью! Он еще все ночью живет! Мух здесь ловите! Вояки! Не ожидал от тебя, лейтенант! Подводишь ты меня, на каждом шагу подводишь! Сейчас же направь группу разведчиков вдоль дороги. Мне нужно знать, где противник, что это за противник – все нужно знать! Понятно? Через час мне лично доложишь! Смотрите мне тут! Я больше терпеть не буду!

Раздраженный, негодующий Натынов, не сказав больше ни слова, круто повернулся и пошел под уклон, туда, где терпеливый Бергалеев караулил его коня. Натынов ловко сел в седло и размашистой рысью конь пошел к Заманкулу. Ласточкин сел под кустами и задумчиво скреб отросшими ногтями затылок. У него в душе тоже накапливалась обида на Натынова – ну что это, приехал, накричал! Хотя, конечно, задание ночью рота не выполнила, «языка» взять разведчики не смогли, притащили одного умирающего немца, а тот только и успел сказать, что всем «капут». Подосенов, этот хитрый и проворный малый, натрепал про какую-то большую группу немцев, которая якобы его преследовала. Ласточкин не верил этому, хотя стрельбу, и активную стрельбу, в районе действия этой группы он слышал сам.

С виду послушный и тихий Ласточкин все-таки был упрямецем, поэтому, несмотря на грозные окрики Натынова, сразу на задание он ребят не послал, решив предварительно накормить разведчиков и дать им хотя бы малую передышку.

Примерно через полчаса появился Осейкин, на нем поверх гимнастерки был одет заляпанный фартук, который когда-то был белым.

– Эй, охламоны, бегом ко мне, пока не остыло!

Повторять вторично эту команду не пришлось, разведчики дружно потянулись к кухне. Вместе с Осейкиным появился Попов, они с Ласточкиным уединились со своими котелками под кустами и о чем-то разговаривали. Мы получали у Осейкина жирную, разваренную перловую кашу с мясом и прямо здесь же, возле кухни, устраивались на траве и уминали завтрак. Не знаю, как уж там у Осейкина было с отчетностью, как он

сводил концы с концами, но кашу он сыпал в котелки без ограничений, «ешь от пуза»! Мало того, он отмерил каждому по двести грамм вина.

– Рубай компот – он жирный! – приговаривал Мишка известной морфлотовской поговоркой и оделял всех вином и кашей. Я выпросил у Осейкина порцию каши для Панарина, пытался выпросить и вина, но Мишка пригрозил черпаком.

После завтрака собрали группу разведчиков, человек в десять, и поставили им задачу спуститься вниз, узнать, где противник и каковы его силы и взять «языка». Командовать группой снова поставили Суменкова. Смуглое лицо Сашки осунулось и почернело еще больше. Откуда только силы брались у этого жилистого мужика. Ни одна лошадь не выдержала бы такой нагрузки, слон бы свалился, а у этого дьявола только скулы заострились да глаза покраснели. По отрывочным сведениям, по разговорам на линии связи, нам стало известно, что стрелковые роты нашего батальона атаковали противника и попытались ворваться в Илларионовку, но все атаки были отбиты с тяжелыми для нас потерями. Я в разведгруппу на этот раз не попал и остался на НП вместе с Лешкой Тарасовым. Внизу из-за низкой облачности по-прежнему ничего не было видно, но грохот боя стал заметно перемещаться куда-то вправо от Илларионовки. Волокнистая муть висела над лесом и в бинокль было видно, как из молочно-белой пелены лезли к свету неясные контуры деревьев. Группа Суменкова ушла, но насчет «языка» никто из нас не питал особых иллюзий, хорошо если успеют ребята красной ракетой выстрелить в случае опасности и оторваться от противника. Мы были уверены, что немцы сейчас тоже готовятся к удару по нашей обороне, накапливают силы и если что и сдерживало их от активных действий, так это туман, мешавший корректировать огонь.

Прошло время. Поднявшийся небольшой ветер начал тонко посвистывать в сухой траве на перевале, облачность внизу медленно поползла в сторону распадак, длинные волокна тумана таяли в воздухе. Постепенно внизу открылась степь, перечеркнутая струнами дорог и лесопосадок. В бинокль было видно, что по дороге к Илларионовке идут тяжелые машины, я насчитал двенадцать крытых автомашин, последние четыре тащили на прицепе пушки. Машины я обнаружил сразу по поднятому шлейфу седой пыли. Не успел Ласточкин доложить об этом по телефону, как в небе появилась стая двухмоторных юнкерсов. Немцы начинали бой по отработанной схеме. Все понимали грозную опасность этого налета, в смысле укрытия мы больше полагались на Господа Бога, чем на свои окопы. Мы постарались замаскироваться в кустах на самом краю осыпи, но юнкерсы шли левее нас на порядочной высоте. Вся их стая пролетела над гребнем гор, развернулась, и воздух наполнился знакомым многоголосым визгом падающих бомб. Юнкерсы буквально засеяли бомбами обратные скаты наших высот. Там никого не было, даже Осейкин давно уже уехал. Летчики, может быть, видели, что там никого нет, но с немецкой педантичностью они выполнили приказ своего командования. Над местом бомбежки прокатился вселенский грохот, облако темно-серого и черного дыма загородило полнеба, и исчез с глаз белоснежный двуглавый Казбек. Толовую гарь и пыль понесло через гребень гор к опушке леса, к распадку, в котором исчезало все, как в прорве. Едва успели отвернуть от гор самолеты, как по нашей обороне ударили пушки и минометы, особенно доставалось саперам. Телефон молчал, бомбовыми взрывами была перебита нитка связи, и Панарин побежал искать порыв. Все напряженно следили за лесом, что был ниже нас – именно там изготовились к атаке немцы, но по какой-то причине по ним не вели огня наши пушки и минометы. Вдруг там, внизу, взлетела ракета. На темном фоне леса был хорошо виден розовый мерцающий огонек, который оставлял за собой чуть видную голубую трассу дыма. Ну вот, теперь, кажется, началось.

– Приготовиться к бою! – крикнул Ласточкин, и эту команду кто-то повторил у саперов.

Мне было приказано приготовить трофейный пулемет. Я укрепил «машиненгевер» на сошниках, вставил в его приемник металлическую пулеметную ленту, набитую не

медными, как у нас, а железными, покрытыми лаком, патронами. Коробку с лентой прищипнул Беляков и помог мне вставить ее в пулемет. Наша огневая позиция находилась в кустах чуть выше дороги, отсюда я контролировал всю местность.

Внизу слышались короткие автоматные очереди, это, похоже, Суменков отбивался от немцев и, действительно, через несколько минут наша группа появилась у самого края осыпи. Ребята бежали, оборачиваясь, стреляли куда-то, но мы пока не видели противника. Однако Ласточкин приказал нам с Беляковым дать несколько очередей по кустам, куда стреляли наши ребята.

– Аккуратнее! Своих не заденьте, забодай вас комарь!

Я поправил прицел и нажал на спусковой крючок. Пулемет не сильно ударил в плечо отдачей, несколько зеленых искр от трассирующих пуль сорвались со ствола и вроде бы медленно дотронулись до кустов, что были ниже наших ребят. Еще очередь, еще!

– Так, мать бы их за ногу! – радовался чему-то Мишка Беляков.

Группа Суменкова вернулась в оборону. Усталые, запыхавшиеся ребята рассказали, что пехоты в лесу полным-полно. Им просто повезло, что они увидели немцев первыми. У Суменкова снова в группе один раненый и, конечно, никакого «языка».

Снизу слышались выстрелы минометов. Мины завизжали в небе, и раскатистые взрывы рванули перед гребнем высот. Обстрел нарастал с каждой минутой. Взрывы гремели все чаще и все ближе к нашим окопам. Издали ударили пушки и началось! Мины и снаряды рвались в опасной близости к нашей обороне, прямо на дороге, на склоне, где саперы ставили ночью мины. Снова каждый вжался в спасительную землю, каждый просил ее защиты. Несколько мин подряд рвануло прямо в обороне саперов. Там кто-то закричал пронзительно, громко. От осколков уже и головы не поднять и раненого, видно, вытащить невозможно. Осколки жужжали, как тяжелые шмели, фырчали и шлепали в землю, взбивая пыль. Среди разведчиков потерь не было, доставалось в основном саперам и нашему левому флангу, где был Попов.

Когда немцам показалось, что там, где были саперы, не осталось в живых никого, огонь пушек и минометов был перенесен на обратные скаты наших высот, а внизу из кустов высыпала густая цепь немецких автоматчиков. Их было много, не менее сотни. По всему чувствовалось, что это была не разведка, а самая настоящая атака. Автоматчики шагали уверенно, быстро. Глубокие и тяжелые каски на голове, короткие френчи, черные ремни, черные автоматы на шее, сапоги с короткими и широкими голенищами. Все замерло, затихло в ожидании какого-то самого главного события, в ожидании трубного гласа судьбы.

– Не стрелять! Не стрелять без команды! – нервно и зло повторял Ласточкин.

Автоматы у всех взведены, и наступавших автоматчиков мы видели теперь только сквозь прорезь прицела и мушку боевого оружия. Раздались их первые короткие автоматные очереди. Пули взвизгнули по всему склону, подпрыгнули фонтанчики земли, внезапно оборвался надрывный крик раненого в цепочке саперов. Чего же ждет Ласточкин? Чего он ждет?! Минное поле перед нами жиденькое, узкое, да и не следует сейчас пускать фашистов на минное поле – оно еще пригодится... Фашисты подошли настолько близко, что мне показалось мы уже прозевали тот момент, когда следовало открыть огонь. Немцы что-то закричали, они видимо подгоняли себя этим нестройным криком, их цепь сломалась, и они побежали вперед. В цепи саперов хлопнули первые винтовочные выстрелы.

– Огонь! – крикнул Ласточкин, и по всей цепи прокатился дружный автоматный треск.

Я нажал на спусковой крючок пулемета. Пулемет забился в лихорадочной дрожи, брызнул огнем, струя трассирующих пуль сверкнула над головами наступающих... «Мазила! Высоко взял!» – мелькнуло в сознании, и следующая очередь огненно-зелеными трассами впилась в их цепь. Скорострельность у пулемета высокая, Мишка едва по-

спевал следить за прыгающей и струящейся лентой. В мерцании выстрелов, за волной горячих пороховых газов я не очень четко видел результаты огня. Мишка что-то кричал, я не понимал того, что он кричит, не разбирал слов. Правее и чуть выше меня беспрерывно грохотали выстрелы еще одного ручного пулемета. Несколько секунд, всего только несколько мгновений пролетевших секунд – и цепь атакующих залегла, автоматный и пулеметный огонь изрядно выкосил ее ряды. С левого фланга длинными очередями непрерывно бьет наш станковый пулемет. Секунды, мгновения и вражеские солдаты покатались вниз, многие из них самоотверженно тащили раненых товарищей, но им вслед стреляли, их прихватили на склоне жестоким кинжальным огнем. По нашей обороне снова ударили немецкие минометы, снизу из кустов били немецкие пулеметчики. У нас удачная позиция – можно отползти на несколько шагов, и ты становишься недосягаемым для пулеметного огня противника, но проклятые мины! Мы перестали стрелять, а перед нами и среди нас сплошной грохот разрывов, снова чей-то крик, снова толовая гарь и свирепый визг падающих мин, снова болезненные и горячие удары взрывных волн по черепу, по ушам.

Взрывы ближе, ближе, сейчас достанет, гад! На полтора штыка окопчик, но он – спасение, без него все, конец бы. Еще кричит кто-то, вроде близко, значит, кому-то из наших ребят врезало. Немецкие минометчики нещадно измолачивали нашу оборону, переносили огонь на обратные скаты гор, били просто по площадям и вновь принимались за нас. Наш санинструктор Петренко лежал в общей цепи и никак не мог оказать первую помощь раненым. Вдруг внезапно обстрел прекратился. Тихо. Только в ушах звенит.

– Ну, сволочи! А мы им все равно врезали! Ей богу врезали! – кричал один из разведчиков.

– погоди радоваться, дурак, похоже, это только начало, – гудел кто-то в ответ.

Изредка хлопал где-то винтовочный выстрел или раздавалась короткая очередь пулемета. Пока можно перекурить. Не прошла еще нервная взвинченность, табак просыпается на землю с малого клочка бумаги, да и сама бумага все время расклеивается – мучение одно.

Самым молодым в разведроте был краснофлотец Вася Сальников. На вид мальчишке едва ли исполнилось семнадцать, хотя для солидности он прибавлял себе годик. Вася никогда не расставался с бескозыркой и бушлатом. Круглолицый, курносый, коротко стриженный, с плутовскими карими глазами – он везде ухитрялся поспевать и везде бывал нужным. Это был очень симпатичный парень, человек смелый и решительный до дерзости. На сей раз ему поручил Ласточкин важное дело:

– Быстро в роту и передай старшине, чтобы всех поднял, кто еще там остался. Всем тащить сюда боеприпасы, патроны для автоматов, обязательно немецкие патроны для пулемета и гранаты. Понял? Слушай, Вася, от тебя сейчас жизнь всех ребят зависит. Жми, аллюр три креста!

Вася сорвался с места будто его пружиной подбросило. Этот – не Хорьков. Этот выполнит, из кожи вылезет, а сделает.

Пока передышка, собрались вместе Ласточкин, командир взвода саперов лейтенант Ветренников, наш политрук Попов. Попову сейчас даже не до политбесед, он действует как войсковой командир и, надо сказать, у него это получается совсем неплохо.

Связи с Заманкулом по-прежнему не было. Ребята вытащили раненых и убитых на обратный скат наших высот. У нас только двое раненых, у саперов двое убитых и двое раненых, есть потери и в группе Попова. Петренко занят перевязками и вопросом эвакуации раненых.

Наиболее вероятным направлением контратак противника остается дорога. Для ее прикрытия направили двоих саперов и двоих разведчиков к краю осыпи, где родник, оттуда удобно вести фланговый огонь по наступающему противнику. Ребята забрали с

собой ручной пулемет, несколько дисков с патронами, гранаты и ушли по самому краю опасной осыпи. Все ждут повторения атаки, а я слабо надеюсь на чудо: вдруг немцы не пойдут больше, а за ночь командование что-нибудь да придумает. Ведь сколько ночей уже без сна, черт бы их побрал... и обеда, и ужина! Сейчас только бы поспать! Ну хотя бы часика три. А если бы еще шинель была, да ею накрыться...

Внезапно сильнейший артиллерийский и минометный огонь обрушился на нашу оборону. Снова грохот, взрывы, вой и визг, разгул и вакханалия смерти. Просто чудо спасало нас от визжащей и стонущей горячей стали. Один снаряд разорвался прямо на нашем бугре, осколками в щепки разнесло телефонный аппарат и бинокль. Из разведчиков никто не пострадал, так как все лежали в обороне, а Панарин ушел искать обрыв нитки. Впереди меня снаряд ударил в осыпь, земля подо мной даже подпрыгнула. Грохнуло так, что снова уши заложило и заболело что-то под ложечкой. Меня кто-то тащил сзади за ногу. Оглянулся – Бергалеев. Он чего-то кричал мне, а я его не мог понять. Оказывается, нам приказано сменить позицию, переместиться влево, ближе к дороге. Едва пробежали мы шагов двадцать, как сзади ударил взрыв и словно толкнул кто-то в спину. Я упал вместе с тяжеленным пулеметом и сильно ушиб ногу, рядом уткнулись носами в землю Беляков и Бергалеев. Хуже всего, что, кажется, ранен Мишка, рука у него в крови, но парень держится. Снаряд снова рванул на скате осыпи, да так, что часть наших кустов взлетела в воздух. Через некоторое время снаряды стали рваться на самом гребне высот и на обратных скатах. Минометы и артиллерия противника не смолкли, когда из мелколесья снова показалась цепь наступающей пехоты, а на дорогу выползли два бронетранспортера. Тяжелые машины на колесно-гусеничном ходу шли неторопливо, стараясь не отрываться от цепи наступающих. Солдаты широкой цепью поднимались на склон, и когда цепь прошла метров семьдесят, из мелколесья показалась вторая цепь. Вражеских солдат было так много, что невольно сжималось сердце – их не успеешь перестрелять, они перевалят на другую сторону гор и тогда нам труба, «аллес капут», как говорил тот раненый немец. Главное, у нас нет никаких средств поддержки... Немецкие солдаты все ближе, они идут мелкими шагами, подъем в этом месте крут. Мы их отлично видим, они уже близко! Нам нельзя дольше ждать, их сейчас нельзя подпускать близко, это опасно! Мины и снаряды рвутся на обратных скатах гор. Первая вражеская цепь открыла автоматный огонь – и снова оглушительные хлопки выстрелов. Казалось, что стреляют в нас со всех сторон.

Первым открыл огонь станковый пулемет с нашего левого фланга, длинная очередь полосула по первой цепи, и сразу же там свалилось несколько человек.

– Огонь! – закричал Ласточкин.

Вся наша передовая словно взорвалась треском автоматных очередей. Я тоже ударил из «машиненгевера», и зеленые трассы вонзились смертельными жалами в наступающих. Секунда, другая, третья... Первая цепь наступающих бросилась было бегом на сближение с нами, но тут по ее флангу ударил ручной пулемет из засады... Несколько секунд – и первую цепь словно выщипало, там солдаты замедлили движение и залегли. По нам стреляли два немецких пулемета, стреляли крупнокалиберные пулеметы с бронетранспортеров. Залегшие пехотинцы вели огонь из автоматов, открыли огонь солдаты второй наступающей цепи. Свинцовая метель, адский смерч разразились над нашими окопами. Земля фонтанами разлеталась в стороны, брызгала каменной крошкой. Тяжелые гусеничные транспортеры продолжали лезть по дороге, и мы ничего не могли с ними поделать. Они расстреливали нас крупнокалиберными пулеметами, огненные трассы, словно раскаленные добела струны, впивались в нашу оборону... Головы не поднять... Наш огонь как-то расстроился, стал более редким, мало эффективным. В какой-то момент огонь крупнокалиберных пулеметов ослаб немного, и это дало нам возможность ударить по второй наступающей цепи. Наши ребята из засады внезапно открыли сильный огонь и фактически отсекали немецкую пехоту от бронетранспортеров,

но это не принесло нам облегчения – у нас не было противотанковых средств. Я тоже ударил очередью по бронетранспортерам, стараясь зацепить пулеметчиков. Зеленые искры пуль ударились в броню и разлетелись брызгами в стороны... Все! Пулемет заглох. Пустая металлическая лента выползла из него, как линиялая шкура гадюки... Мишка убежал за коробкой патронов и пропал где-то. Я взялся за автомат, ударил очередью... Задержка! Случится же такое! Это может стоить жизни! Скорее, скорее! Отдернул затвор, перевернул автомат окном вниз, а перекосившийся патрон не вывалился. Стрельба вокруг сумасшедшая, а я молчу! Вышиб диск и пальцем вытолкнул перекосившийся патрон. Вон Мишка торопится, рука у него в крови...

– Скорей, мать твою! Скорей, гад!

Мишка торопится и подползает ко мне, двигая впереди себя коробку с лентой. Быстро заправили ленту в приемник пулемета, а бронетранспортеры уже почти рядом. Они увидели нашу беспомощность, почувствовали собственную безнаказанность и пошли быстрее. Тем временем вторая цепь, более многочисленная, чем первая, приближалась к залегшим солдатам, поравнялась с ними. Те поднялись и все одной волной двинулись на нас в новую атаку. Похоже, теперь терять больше нечего! Хрен с ними, с транспортерами – будь что будет! Я прицелился и ударил длинной очередью по цепи наступающих. Розовые трассы, похоже, достигли цели. На какую-то секунду я увидел бронетранспортер, который направил ствол своего пулемета на меня... Ну вот сейчас!... В этот момент колющее пламя сверкнуло под передним колесом первого бронетранспортера, и машина окуталась клубком синего дыма, рванула противотанковая мина! От коричнево-зеленой, камуфлированной, с белым крестом машины отлетело переднее колесо, отлетело в сторону. Бронетранспортер стал неуклюже и неуправляемо сползать вниз по склону, а под его гусеницей рванул второй взрыв. Машина подпрыгнула, ее всю окутали дым и пыль, она беспомощно развернулась боком и замерла. Я не видел, чтобы кто-нибудь из солдат выпрыгнул из машины.

– Дай, моя! Дай, моя! – кричал Бергалеев и старался оттеснить меня от пулемета.

– Ты чего?

– Дай, моя!

– Хрен с тобой, стреляй!

Бергалеев приладился к прикладу пулемета, спокойно прицелился и брызнул длинной очередью по центру наступающей цепи, но там в эту секунду произошло что-то невероятное: от наступающих солдат неожиданно ударили в нашу сторону длинные струи яркого огня. Там, куда эти струи попадали, мгновенно вспыхивала земля, в разбегающихся языках пламени горели трава, бурьян, язычки пламени сверкали на камнях. Ядовитый черный дым скрыл наступающих, пополз по склону к дороге. Второй бронетранспортер остановился, и к нему бежали немецкие солдаты...

– Бергалеев стреляй, по автоматчикам стреляй!...

Бронетранспортер стоял метрах в пятнадцати от края осыпи, а из-за ее среза вдруг показался человек, он размахнулся и бросил тяжелую противотанковую гранату-толкушку в бронированную машину. Кувыркнувшись в воздухе, граната не попала сверху в кузов машины, а ударилась в его борт, но и этого было достаточно. Грохнул взрыв и, когда снесло ветром дым, стало видно, что у бронетранспортера разорвало броню как раз там, где был нарисован свирепый и мрачный крест, обведенный белой краской. Мы еще не успели вскрикнуть от радости, как длинная и яркая струя огнемета ударила по срезу осыпи. В ярком пламени исчезли заросли репейника и еще каких-то кустов. Еще одна фырчащая струя – и в мгновение я увидел, как огненный клубок покатился вниз по осыпи. Бергалеев стрелял из пулемета по автоматчикам у дороги, но часть из них успела укрыться за подбитыми бронетранспортерами. Мы стреляли по дороге, по огнеметчикам, по наступающей цепи. Из-за подбитой машины огнеметчик ударил в нас страшной

раскаленной струей, но она не долетела до нас. Ниже нас горела трава и расплзлась по склону огромная черная плешина. Наступавшая цепь напоролась на минное поле и, отстреливаясь, начала отходить назад. По ней продолжал вести огонь невероятно живучий станковый пулемет с левого фланга, а с правого, не умолкая, стрелял наш «машиненгевер». Немцы не выдержали, они стали отползать и отходить все быстрее, но их доставал наш автоматный и особенно пулеметный огонь. Огнеметчики пустили еще несколько огненных струй и под прикрытием дыма покатались вниз. Раненые, кто мог, превозмогая лютую боль, скатывались по крутому склону вниз, стараясь укрыться за первыми кустами от злых прицельных очередей. Немцы отходили умело: часть из них лежа вела огонь по нашим позициям, другая часть отползала вниз под прикрытием этого огня, солдаты волочили за собой раненых.

...Огонь понемногу ослабевал, похоже, что мы отбили злую атаку. Дорого нам это обошлось. Еще одну мы вряд ли выдержим... На сей раз спасло нас минное поле. А молодцы саперы! Если бы не эти труженики войны, нам бы огнеметчики врезали.

Бой затих, у нас снова трое раненых и в том числе Мишка Беляков. Похоже, двумя пулями его задело, но не сильно, только крови выцедило порядочно. Я помог Белякову поползти до гребня, а там уже оба в рост пошли к Петренко, который на склоне оврага перевязывал раненых. Я оставил Мишку на попечение Петренко.

– Ну что, Миш! Не увидимся, пожалуй, больше. Прощай, дружище.

– Ты что! Разве это ранение? Я, как Федька Фролов, попридуриваюсь денечка три и приду. Вот когда меня в шею шарахнуло... Во, посмотри, еще бы на один сантиметрик и как раз мозг бы задело. Вот это ранение, с таким не грех и в госпитале поваляться, а это не ранение, а хреновина одна – ни одной печенки, ни одной косточки не задело. Ты сам-то продержись как-нибудь до моего возвращения, – стукнул меня Мишка здоровой рукой по плечу, а я его слегка по спине, вот и все прощание...

Я полез обратно на наш бугор.

– Ты где шляешься, забодай тебя комарь! – заворчал Ласточкин, заметив меня на склоне.

– Раненого таскал.

– Кого это?

– Белякова.

– Тяжело его?

– Да нет. Два пулевых, одно, похоже, касательное на ребрах. Говорит, дальше санроты не поедет.

– Этот не поедет. Такие бывают тихими, но упрямыми, забодай их комарь. Ты вот что: жми к дороге и вместе с Мартыновым и Бергалеевым давайте туда, к подбитым бронетранспортерам. Что-то никого нет оттуда. Наверху, где связист, катушка провода была, возьми непременно с собой, может, вытаскивать кого из этой прорвы придется.

– Слушаюсь, товарищ лейтенант.

Сергея Мартынов первым пополз вдоль дороги вниз. Осторожно, по всем правилам, ползли и мы с Бергалеевым тоже. Едва показались на изгибе дороги, где все почернело от ядовитого огнеметного пламени, как снизу ударил пулемет. Зло свистнули пули, срикошетили от брони транспортеров, взбили с дороги пепел от сгоревшей травы.

– Вот ведь дураки, – ворчал Мартынов. – Ну ни хрена не соображают, стреляют, куда ни попадя, ведь этак и убить могут!

Сергея быстро свалился под обрез крутого склона, за ним и мы. Здесь было безопасно. Здесь, пожалуй, и мины не страшны. Направо от нас был родник. Всем нам хотелось пить, но Серега без колебаний повернул в другую сторону, там могли быть раненые, до них еще по крайней мере не меньше ста пятидесяти метров. К нашему удивлению, здесь была не каменная осыпь, а просто очень крутой склон, кое-где поросший мелким кустарником...

Раненого сапера мы нашли сразу. Он сидел на выступающем камне, прислонившись спиной к обрыву. По-моему, он был очень плох – пулевое ранение в голову. Остальных не было видно. Бергалеев долго отматывал провод с телефонной катушки, потом сделал петлю, закрепил ее на корнях обугленного деревца и полез вниз. Вытащили всех троих. Все трое были уже мертвы... Сапер был убит и наполовину сгорел, оба разведчика превратились в обезображенные, обугленные и еще дымящиеся куски почерневшего мяса. Мрачная фантазия Октава Мирбо не смогла бы нарисовать ничего более ужаснее. Нечего было и думать, чтобы вытащить всех убитых и раненых – противник снова начал минометный обстрел, дорога простреливалась пулеметом. Обожженные огнем трупы товарищей мы оставили под обрезом осыпи, в то время не осуждали за это, всем нам предстояло под прицельным огнем пулемета, под минометным обстрелом вытащить раненого, которого, по всей вероятности, еще можно было спасти. С трудом, большим трудом, мы выбрались на свою передовую, оттащили раненого сапера. Доложили Ласточкину, тот сокрушенно помотал головой. Немцы продолжали измолачивать нас минами, правда это был ленивый методичный огонь, он выматывал душу и, конечно, появлялись все новые раненые...

В голове все перемешалось: непонятно даже, что сейчас – утро, вечер? Чувство времени потеряно, казалось, что этот проклятый день никогда не кончится. Кажется, остановилось солнце, прекратилось течение времени и во всей вселенной реальностью были только страдающие, искалеченные люди и смерть. Склон нашей горы засеян трупами убитых немецких солдат. Сами склоны изменились до неузнаваемости: они почернели от огня и сплошь изрыты воронками. Конечно, бесосновательная самонадежность врага жестоко наказана, но и мы понесли тяжелые потери, особенно саперы.

Их позиция находилась на седловине самого перевала, поперек дороги, там, где и следовало занять оборону. Немцы тоже так считали, поэтому именно здесь они сосредоточили всю мощь своего огня. Ранен командир саперного взвода лейтенант Ветренников, младший лейтенант Губарев контужен, стал заикаться, как наш Данилов, но свой взвод не покинул, воевать еще может...

Как бы там ни было, а не прошли через перевал эти чертовы «Викинги», не прошли! Мы выдержали атаки напористого, сильного врага, мы выстояли!

Тяжкое нервное напряжение, как чугунная усталость, придавила людей к земле. Лежали молча, курили и даже не разговаривали. Никто пока не вспоминал о пище, ничего больше не надо! Только вот так бы лежать и молчать...

А небо снова помутнело, и всю ширь его заволочла беспросветная серая пелена... Минометный огонь ослабевает, становится реже. За серой мутью исчезли благородные очертания Казбека, а внизу пока все видно.

Страшно подумать, что это еще не последний день в бесконечной цепи солдатских мучений, даже сегодня может повториться бой и в еще более худшем варианте... Неужто я опять жив? Неужто бережет меня судьба для еще более тяжелых страданий? За что, Господи?!

Пользуясь затишьем, прикатил Мишка Осейкин вместе с Васей Сальниковым. Мы наелись густого горохового супа, пополнили боезапас, закурили и неожиданно ребята снова забалагурили. Первым начал Арабов. Нарочито перемешивая украинскую речь с русской, он поучал Селиванова:

– Ну шо, ты робышь? На хрена ты диск набиваешь? Тебэ сью годину Осейкин так зарядыв, шо мы поставим тебэ на пряму наводку, та ни одын хрыц на перевал не прииде. Ты ж одын котелок гороху зрубав – це ж такой заряд, шо пострашней самого шестиствольного «Ванюши».

Ребята смеялись, принимали солдатскую шутку, и Селиванов добродушно отшучивался. Появился Панарин. Он притащил новый телефонный аппарат, и теперь было принято решение поставить его на обратном склоне нашей высоты. Панарин принялся

копать окоп и переругиваться с Бергалеевым за то, что он без спросу взял целую катушку провода, да еще приспособил ее на бруствере своего окопа как дополнительную защиту от пуль и осколков. Тем временем Мишка Осейкин, накормив нас до упора, кормил обедом не растерявшихся саперов и Панарина – правильно делал. Была у нас одна на всех общая передовая, общая судьба, общий бой, должен быть и общий обед.

На перевале появилась связь. Ласточкин кому-то докладывал по телефону обстановку, и всем стало немного легче от надежды, что начальство теперь в курсе дела, что теперь-то нам непременно помогут, подойдут свежие части, а нас должны непременно сменить... Наивные надежды! Командир бригады и без связи понимал, он знал об отчаянном положении потрепанных подразделений на перевале, но резервы могли подойти не раньше ночи, а до этого времени нужно было продержаться. По его приказанию в Заманкуле вооружили автоматами всех штабных работников, весь комендантский взвод, но это на самый крайний случай. На это надежды мало, все зависело от стойкости тех, кто держался на перевале. По расчетам штаба на перевале еще могли выдержать от силы одну атаку, но потом... Потом просто некому будет его оборонять. Пожалуй, можно было еще спасти положение, но только в том случае, если ему, командиру бригады, удастся убедить в необходимости помощи, в опасности риска этого несговорчивого и скупого генерала Коротеева – командующего девятой армией.

На перевале передвигаться можно было только по-пластунски, да ребята и не позволяли себе «свободного общения», они лежали в своих окопах и внимательно следили за мелколесьем, из которого появлялись немецкие солдаты. Меня Ласточкин снова посадил на бугор и вместо разбитого вручил новый бинокль, оставшийся от лейтенанта Ветренникова. Мы лежали на животах вместе с Лешкой Тарасовым и прощупывали буквально каждый куст. Как ни хитры и ни опыты в маскировке немцы, но нам все-таки удалось засечь пулемет противника, который нам буквально житья не давал. На самом краю мелколесья торчали из земли два небольших камня и между ними рос отдельный невысокий куст, вот здесь-то и засели пулеметчики. Ничего не скажешь, позиция была удобной и отлично маскировала противника, правда, сзади пулеметной точки было голое пространство этак метров на тридцать. Я крикнул Бергалееву. Тот осторожно приполз к нам и долго смотрел в бинокль. Пулемет как назло долго молчал, а потом все-таки дал пару коротких очередей. Бергалееву оказалось этого достаточно. Он что-то сказал на своем языке, а потом сказал нам по-русски:

– Она у меня научится стрелять!

Бергалеев часто путал местоимения, наверное, они были отличными от русского правила его родного языка. Ребят это немного забавляло, но главное, всем было понятно и воспринималось как должное. Бергалеев пополз обратно к своему пулемету, он долго прилаживался, проверял прицел «машиненгевера», а потом вlepил между теми камнями удивительно точную, сокрушающую струю пуль. Я внимательно смотрел в бинокль. После очереди Бергалеева немецкий пулемет затих. Прошло несколько минут, и я увидел, как из-за того куста один немец потащил вниз своего раненого товарища. Пулемет больше не стрелял. Ох, непрост этот окаянный Бергалеев! Откуда у него такой верный глаз, такая рысья осторожность, злость и медвежья сила? Получилось у него здорово. Я повел бинокль еще правее, где за кронами высоких деревьев виднелись сады и крыши Илларионовки... Стоп! Что это? На дороге к Илларионовке седой шлейф пыли и сквозь ее завесу все-таки видно, что к поселку тянутся серые коробки... Танки! Конечно же, танки! Их много, не меньше двух десятков... И автомашины. Все они деловито въезжают в поселок, останавливаются на обочине дороги, у домов, в садах. Они даже не маскируются, они уверены, что у нас здесь нет авиации, не стреляют наши пушки и минометы – они попросту привыкли к безнаказанности! Я попросил Ласточкина подойти на НП. Он не пополз, а просто быстро подбежал ко мне и плюхнулся рядом.

– Что увидел?

– В Илларионовке накапливаются танки и пехота. Неспроста это.

– Ну-ка!

Ласточкин взял бинокль, долго рассматривал Илларионовку, а я ждал, что он там рассмотрит, что скажет, ведь если они двинут на нас такую силищу... А Ласточкин здорово устал, оброс рыжеватой щетиной, лицо все пропыленное, маскхалат порван и пилотка прострелена... Явно прострелена, на сантиметр от смерти был наш командир.

– Пилотка-то у вас прострелена, товарищ лейтенант.

– Что?

– Говорю, пилотка у вас прострелена.

– Да знаю, что уж теперь, забодай ее комарь. Суменков! – крикнул Ласточкин.

Суменков тоже прибежал, пригнувшись, и смотрел в полевой бинокль.

– Н-да, – протянул Суменков, – если это все для нас приготовлено, то набьют они сегодня нам задницу. Ты сколько их насчитал? – Спросил Суменков, и я понял, что речь идет о танках.

– Двадцать танков насчитал, да что-то было у них, и что-то еще подойдет. Пехоты не меньше пятнадцати машин, а это, считай, батальон, не меньше, да здесь в кустах их человек сто двадцать. Не меньше полка они могут двинуть.

– Эт-то точно, – согласился Сашка. – Двинут не меньше двух батальонов, да еще широким фронтом, чтобы с фланга нас обойти, да и танки пойдут...

– А ты откуда знаешь? – недоверчиво спросил Ласточкин.

– А что же, дураки они что ли? Два раза обожглись, так теперь ударят как следует.

– Н-да. Ты вот что, Суменков, паники не поднимай, о танках никому ни слова, а сейчас же заставь всех окапываться как следует. Как кроты пусть копают, голову сниму тому, кто придуривается, а я пойду самому все расскажу.

Ласточкин и Суменков ушли. Панарин окопался недалеко от меня так, чтобы голос слышно было, поэтому я слышал, как кричал в охрипшую трубку Ласточкин:

– Давай прежде десятого... Да подожди ты, потом еще восемнадцатого и тридцать четвертого будешь давать... Алло! Алло! Алло, это десятый? Товарищ десятый, докладывает «Ласточка»...

Командир роты доложил командиру бригады о том, что мы увидели с наблюдательного пункта, о результатах закончившегося боя, и неожиданно Ласточкин закончил свой доклад на надрывной ноте, которая вряд ли могла понравиться командиру бригады:

– Потери большие... Да, говорю, потери большие... Все понимаю, товарищ десятый, только все равно раздавят нас всех... Да не паникую я, и никто не отойдет отсюда, просто подавят всех... Да... Слушаюсь, товарищ десятый...

При многих прочих недостатках, Ласточкин, нужно отдать ему должное, в главных вопросах был честен. Он доложил обстановку самому командиру бригады как есть, без утайки, мало того, он сказал комбригу о своих опасениях, он не испугался высказать неуверенность в успехе дела... Он знал, что за это взыскивают с командира, знал, что это сильно не понравится комбригу, но – сказал. Другой, более осторожный и хитрый командир, в подобной ситуации оставил бы вместо себя другого, к примеру Суменкова, а сам отправился бы на личный доклад к начальнику штаба. Возможно, что ему приказали бы срочно вернуться в роту, но вернуться можно в разное время. Но после того, как нас передавили бы танки, он мог сказать: «Я же говорил!» Он непременно оправдался бы и уже завтра приступил к срочному формированию новой роты. «Что делать, на войне жертвы бывают!» Ласточкин получил нагоняй, вызвал недовольство комбрига, но не ушел от своей роты. Он действительно позвал Суменкова, Подосенова, Медвинского, они о чем-то советовались, даже спорили, а нам приказано было, не жалея сил окапываться, углублять свои окопы. Ребята работали молча, но никто не был уверен в целесообразности этой работы. Мы просто выполняли приказ, понимали, что заняты пустым делом, но делали его потому, что было приказано. На НП оставили пока

что одного Тарасова, мне приказано залечь в общей цепи. Мы долбили неподатливую землю, курили, разговаривать не очень хотелось. Как и многие другие, я понимал, что перед атакой немцы раздолбают наше жиденькое минное поле снарядами, нас они сожгут огнеметами, подавят танками. Конечно, мы успеем, видимо, нанести противнику какой-то урон, но нам нечего было противопоставить этой грозной силе.

Жиденькое минное поле, где саперы едва успели поставить мины в два или три ряда, было наполовину уже уничтожено снарядами и минами противника, а у нас не то, что противотанковых средств, обычных патронов с бронебойными пулями не было, хотя и они для танков – что комары для бегемота. Прошло около часа сравнительно спокойного времени, в течение которого мы старались углубить окопы. Рядом со мной в соседнем окопе возился неторопливый Курочкин, его лопата все время попадала в камень, из окопа доносились сдержанные проклятья.

– Ты что, Курочкин?

– Камень здесь здоровенный, прямо хоть в другом месте начинай копать.

– Не успеешь.

– Вот и я так думаю. Слышь, если танки попрут, тогда что?

– Тогда «аллес капут».

– Ни хрена уха! А знаешь, драпать нужно в сторону горы Заманкул или вниз головой по осыпи, может, уцелеем. Ты сам-то как?

– Чего «как»?

– Как думаешь-то?

– Стараюсь не думать пока. Там видно будет.

В воздухе послышался тягучий и долгий визг летящей мины. Клубок тяжелого темно-серого дыма вспыхнул чуть ниже минного поля и грохнул взрыв. Внизу слабо хлопнул еще выстрел миномета, снова визг и раскатистый удар взрыва.

– Ну, теперь жди. Теперь скоро начнется, – объявил Курочкин.

Выстрелы минометов и взрывы мин участились. Немецкие минометчики зло и точно принялись молотить нашу передовую. Сейчас они пристреляются, потом ударят артиллерийской подготовкой, а за ней придется встречать танки. Услужливое воображение уже рисовало картину, как подойдут эти стальные чудовища к нам метров на семьдесят и прямой наводкой начнут выковыривать каждого из окопов и не будет от них никакого спасения. И убежать, гады, не дадут – покосят всех пулеметным огнем. Только если какое-нибудь чудо спасет наши души. Всегда солдат надеется на чудо, иного в подобной ситуации не бывает.

Моя позиция на сей раз была в худшем положении, чем раньше – пулями и осколками почти полностью выкосило росший здесь кустарник и высокую траву, окоп стал хорошо заметен по свежевырытой земле и уже поздно думать о маскировке – минометный огонь противника усиливался с каждой минутой. Грязно-серый дым стелился по скату гор, его сносило в сторону распадка... Танки пойдут, конечно же, по дороге, иначе им нельзя – левее крутой склон, который даже танк не осилит... Нам бы батарею пушек, хотя бы этих сорокапятков...

Вдруг случилось что-то непонятное для меня, да такое, что невольно в первые секунды ужас сковал всю душу. Это случилось сзади нас, где-то на невидимой стороне ската. Прямо над нашей головой сверкнули ревущие и грохочущие молнии. Из-за перевала в сторону Илларионовки стремительно понеслись кометы с яркими огненными хвостами. Все горы надрывно заревели, застонали, да так, как я еще ни разу в жизни не слышал. Кометы летели сериями, сразу же друг за другом, штуки по четыре сразу...

Вначале я решил, что эта какая-то новая, неизвестная мне каверза, придуманная немцами, и уж теперь-то они дадут нам прикурить. Все это непостижимо стремительно промелькнуло в мозге. Вселенский рев и грохот не продолжался слишком долго, он

внезапно стих, но там, возле Илларионовки, где были сосредоточены танки и пехота противника, вдруг взметнулся первый чудовищно огромный и широкий сноп яркого огня, растворившийся в плотном дыму взрыва. Потом эти взрывы замелькали часто, один за другим. Все потонуло в дыму и невероятно тяжелый, громовый грохот разнесся по горам, по всему Кавказу. Сила сокрушающих грозных взрывов, снопы яркого огня, сплошная дымовая завеса заполнили мир... Теперь я уже понял, что это не выдумка немцев, направленная против нас, я видел, что это кара господня, обрушившаяся на головы нашего врага, хотя и не знал, как называется эта кара.

– Ур-ра! Катюши! Катюши врубили! – кричал кто-то из ребят, а я смотрел молча и не мог оторваться от страшной, доселе невиданной картины.

Промелькнуло время, и затихли раскаты грома. Густой дым поднялся над лесом, над Илларионовкой, в него влетали столбы ядовито-черного дыма. Там горело все: танки, машины, постройки. Все дымы перемешивались и их медленно сносило низовым слабым ветром в степь.

Пушки и минометы противника смолкли. Наступила странная тишина, так, наверное, было сразу после потопа. Катюши стреляли со стороны дороги на Заманкул, и их мины прошли очень низко над перевалом, где мы держали оборону, это и создало такой поразивший меня эффект. Сзади, откуда стреляли Катюши, поднялось огромное бурое облако. После этого залпа на передовой воцарилась тишина, замолкла стрельба, кажется, что и ветер перестал свистеть в сухой траве на перевале. Сама смерть замолкла в немом изумлении, увидев весь ужас того, что она сотворила. Прошел час, полтора – было тихо. У подножья гор снова пополз серый волокнистый туман, на шапке Заманкула зажгли костер. Значит, теперь уже скоро вечер. Неужто до утра доживем?..

Осенью сумерки бывают короткими, даже здесь, на юге. А на фронте от Мурманска до Казбека тишина всегда обманчива, она что-то в себе таит, какую-то неожиданность и поэтому настораживает. Однако после залпа «Катюш» немцы больше не предпринимали попыток возобновить атаки. Мы надеялись на малую передышку и на то, что в это время командование бригады найдет возможность усилить нашу оборону на перевале. Действительно, чудно получалось: перевал имел стратегически важное значение, а обороняли его саперный взвод, да потрепанная рота разведчиков, правда, еще Попов насобирал человек пятнадцать.

Ласточкин с кем-то долго разговаривал по телефону. Мы рассчитывали на то, что после этих переговоров наступит что-то новое. Однако последующие события развивались по старой схеме. Выполняя чье-то указание, Ласточкин снарядил две группы за «языком», выставил боевое охранение: одно к подбитым бронетранспортерам, второе к камням на левом фланге. Я оказался в группе Медвинского, ползали всю ночь. На этот раз не повезло обеим группам. Бывает такое! Вроде бы были все самые благоприятные условия для действия поисковых групп: на склоне гор мелколесье с большими полянами, темная ночь, небольшой ветер, шум которого скрадывал неосторожные шаги и, что самое главное, у противника не было сплошной линии обороны и вообще никакой обороны не было: идеальные условия для поиска, но... Но обе группы не имели успеха. Наша группа была обнаружена противником, ее пытались окружить. Немцев оказалось значительно больше и действовали они тоже зло и напористо. Нам удалось с боем вырваться из западни. Мы вернулись ни с чем, вернее, с двумя ранеными разведчиками.

Нахальный Подосенов ввязался в драку с немцами и ему удалось захватить раненого немецкого солдата, но в этой драке оказался тяжело раненым и наш один разведчик. Увы, обоих раненых притащили на нашу передовую уже мертвыми.

Ласточкин матюкнул нас за невыполнение боевого задания, а Сашка Суменков сказал, что нужно было действовать более осторожно и одной группой, что дало бы нам перевес в силе. Умен русский мужик задним умом!

Саперы всю ночь ставили мины, им тоже досталось: при минировании один малоопытный парень подорвался на своей же мине.

Главные события произошли несколько позже, перед самым рассветом. К нам на перевал пришли две стрелковые роты нашей бригады, ПТРовцы и батарея сорокапятков. Это уже сила! А нам Ласточкин приказал собираться. Более желанной команды для нас и придумать было невозможно.

В последний раз мы посмотрели с перевала в степь, растворенную в ночной темноте, рассыпанные по ней огни пожаров, осветительные ракеты по всему фронту и короткие строчки трассирующих пуль.

Все! Прощай, перевал! Прощай, гора Заманкул с негасимым костром, мы куда-то уходим и снова надеемся, что ТАМ хуже не будет.

– Все в сборе? – для порядка спросил Ласточкин. – Тогда шагом марш и не растягиваться.

Прямо от перевала мы и пошагали проселочной дорогой под уклон в долину. Снова наступало что-то неведомое. Война перевернула очередную страницу. Сейчас на марше вряд ли кто ломал себе голову над нашим недалеким будущим. Главное – с каждым шагом мы все дальше от перевала, от тревог и прямой угрозы смерти. Мы шли туда, где, возможно, сможем вымыться, выполоскать портянки и спать, спать, спать!

* * *

Что греха таить, идти в тыл всегда приятнее, чем на передовую – перспектив больше, а если шагаешь к тому же под гору, то совсем благодать.

Дорога крутилась по голым скатам гор, было темно, холодно, пахло сухой дорожной пылью, горькой полынью и увядшей осенней травой. Разведчики, не таясь, курили, сдержанно разговаривали и все считали, что пройти предстояло совсем немного, и где-то рядом уже ожидали их ужин и отдых. Наконец-то можно будет выспаться. До чего же здорово спать без оглядки, спать, не ожидая тревожной команды, просто спать, как спят все нормальные наработавшиеся люди.

В небольшом поселке Заманкул было тихо. Сюда не доносились из-за гор выстрелы, здесь только слышны одинокий и ленивый, с подвыванием, собачий лай да изредка звонкие шаги торопящегося связного. Мы безошибочно нашли свой обоз, который, по всему было видно, тоже собрался в дорогу. Осейкин в темноте раздавал остывшую и чуть пригоревшую кашу.

Ласточкин куда-то ушел и не появлялся долго. Некоторые ребята уже пристраивались вздремнуть немного. На небе крупные осенние звезды, с них изливался на землю ледяной холод. Шинелей нам пока не выдали, старшина сказал, что сейчас он повозки развязывать не станет, вот прибудем утром на место, тогда получим свои шинели.

– Интересно, куда это теперь нас загонят? – начал было гадать Селиванов, но Подосенов ядовито брякнул, припоминая давние и необоснованные предположения ребят:

– В Иран!

Разговоры погасли, поэтому в ночной тишине стук сапог раздался необыкновенно громко и неожиданно. Появившийся Ласточкин уже на ходу подавал команду раздраженно и громко:

– Подъем! Подъем! А ну, шевелись!

Разведчики неохотно подымались на ноги, затапывали окурки, вешали на плечи, а кто за спину, сразу потяжелевшие автоматы. Обоз пошел первым, чтобы мы всегда были под рукой на случай крутого подъема или спуска, когда уже и на лошадей надежды нет. Мы снова спускались в какие-то балки, в которые стекал с гор холодный воздух, поднимались на невысокие горы, где тянул слабый ветер, настоящий на травах. На земле нет конца белесым пыльным дорогам.

* * *

Старый Батакоюрт – большое селение в широкой котловине, вокруг которой прокаленные солнцем и продутые ветрами невысокие рыжие холмы. Мы расположились на самой окраине, где кончался сад и начинались заросли корявых кустов терновника. Все сразу завалились спать. Спали все: и разведчики с обозниками, и измученные обозные кони... Спать! Какое же это великое благо – обнять вот этак землю и спать!

Не знаю, сколько времени я спал, но проснулся сразу и без всякой побудки. Над нами ослепительно голубое небо, из-за холмов на эту небесную лазурь выползают ярко белые комья облаков. Рядом шелестит темной листвой высокая акация, на ее стволе целые пучки длинных, твердых, как сталь, и очень острых колючек...

Ласточкин и Попов, ей богу, неплохие люди – на сей раз они не устраивают побудки, дают ребятам выспаться, а может быть, их просто нет в роте. Некоторые ребята тоже проснулись и молча, пока никто не мешает, перечитывают старые письма... Вот ведь проклятая война, что с человеком делает: на передовой смерть, жестокость, приливы страшной злости, отчаяние заполняют души, а здесь, вдали от передовой, возвращается беспокойство, ложится тяжесть на сердце за судьбу близких. Тревога, чувство горькой досады, порожденное собственным бессилием, приходили к людям даже во сне, мучили их кошмарами и горькой обидой. Люди искали спасения в осознании общности этих тревог, тогда они казались мельче, становились малой частицей в огромном горе, в большой беде всего народа. Были спасением и дружеские шутки, подначки, веселый треп, досужий вымысел, добрые песни...

А бывали патристические чувства большого благородного накала, такие, о которых певалось в песнях? Бывали! Даже сами песни – это проявление патриотизма, в особенности народные песни. Конечно, это не в самом бою, не в мгновения жестокой схватки, когда вообще не до размышлений, когда все сосредоточено на конкретных действиях; это не на исходе долгого марша, когда чугунная усталость гасит все мысли, но выносливость человека, его напористость, отвага в бою, незаметно формируются тем, что мы называем чувством патриотизма. Чувство осознанного патриотизма подкреплялось и мыслями о том, что «со времен Олеговых» наш народ в жестоких битвах отстаивал свою независимость. Память поколений говорила сердцу о том, что чужеземные завоеватели никогда не приходят с благотворительными целями. Огонь и меч несет с собой захватчик. Наши предки сумели отстоять свое отечество, отстояли его от завоевателей и грабителей, от полчищ Чингисхана, Тамерлана, Мамайя, от других не менее жестоких и наглых ханов, отстояли от турок, шведов, немецких рыцарей, Наполеона, от похода четырнадцати держав – и вот теперь наступил наш черед показать, на что мы способны. И если мы не отстоим, не выдюжим в этой войне, то будет уничтожена наша держава, пойдет в рабство наш народ. Тогда мы перечеркнем все, что было сделано нашими предками, нас проклянут наши отцы и деды, проклянут потомки, все наше поколение будет проклято историей и людьми, мы проклянем себя сами, мы станем недостойными наших отцов и дедов, нашим костям не будет места на кладбищах и изрыгнет земля проклятия самим именам нашим. Сознание этого было убедительнее всех политбесед. Политбеседы передавали настроения и напряженность дня, от силы – недели, но не памяти веков и поколений.

Верили ли мы в гений Сталина? Да, верили. Нельзя на войне без веры!

Мы верили, как непоколебимо верили воины своим князьям и полководцам далекого прошлого. Мы верили своим командирам, надеялись на их удачливость, разум и военный талант, надеялись, как Мальчиш-Кибальчиш, что им известна военная тайна, которая несет гибель врагу. Всегда так легко верить в то, во что хочется верить. Труд-

но, невозможно идти на риск, почти невысказано подняться под ливнем пуль в атаку в свой, может быть, последний бросок, не веря в верховный разум, не надеясь на командира, на собственную везучесть и не чувствуя рядом плеча товарища. Самопожертвование? Да, оно было, но то особая статья, то всегда сплав героизма, самоотречения, упорства и... отчаяния.

Сталину верили все – и те, кто оказался на поле боя, оставив свой завод или колхоз, и те, кто покинул магаданский лагерь, чтобы кровью искупить свой грех, в котором не всегда был повинен. Сталину верили, как большинство верит Богу. Мощными средствами пропаганды и массовой информации эта вера формировалась в течение двух десятилетий. Во время войны все мало-мальски военные успехи нашей армии, удачные маневры советской дипломатии неизменно увязывались с гениальностью Сталина, с его ленинским предвидением, с его разумной последовательностью в свершении предначертаний пророков марксизма.

Даже успехи в малом и скромном не обходились без имени вождя. В наших бригадной и армейской газетах сплошь и рядом в корреспонденциях «с места боев» удручающе однообразно и неправдоподобно сообщалось, что «в едином порыве, с боевым кличем «За Родину, за Сталина», наши отважные бойцы Н-ского подразделения бросились в штыковую атаку и обратили врага в бегство». К таким газетным оборотам люди привыкли, смирились с обычностью нелепой формы рассказа и не обращали на это внимания. Редко кто критически оценивал ритуальные, обрядовые фразы, их считали неизбежными, как «аминь» в молитве.

За военные поражения страшного 1941 года и лета 1942 года вину винули армейское начальство, обвиняли популярнейших маршалов, но не Сталина.

За ниспосланные страдания чаще обвиняют бесов, чем небожителей. Да и то сказать, Сталин с первых дней войны стал Председателем ГКО, он с августа 1941 года стал Верховным главнокомандующим. Он стоял во главе партии большевиков, которая подняла Советский народ на борьбу с фашизмом. Огромнейший груз возложенной на него ответственности, страшная тяжесть этой «шапки Мономаха» были понятны каждому и заставляли относиться к имени верховного вождя с глубочайшим уважением.

Страшные потери народа, крушение всех военных доктрин, нелепость военных уставов, отчаянное положение страны – все это относилось на счет генералитета, не способного претворить в жизнь идеи и указания вождя, относилось на счет некомпетентности командования среднего звена, его нераспорядительности, предательства неизвестных людей и вероломства правительств союзных держав.

Култ Сталина, как и другие всевозможные культы вождей и их соратников, создавались не народом, не случайно. Зерна культов всегда падали на подготовленную историей почву, народ в этом деле был не творцом, а жертвой. Нередко безмерное, безудержное славословие в адрес вождя вызывало в народе чувства непонимания и досады, воспринималось, как явные перегибы пишущей братии, только вредящей авторитету и истинной значимости личности в истории.

В своем многовековье народы создали и оставили в памяти поколений свои незабываемые сказания и прекрасные песни. В песнях были слова о Родине, о любви, о природе, о грозных и непокорных атаманах, но не было истинно народных песен о вождях, политических деятелях. Деятелям ставили памятники и грандиозные обелиски, но не слагали песен. Култ личностей, легенды об их непогрешимости были и будут нужны только тем, кто привык к повелеванию, кому нужно тешить тщеславие, тем, кто привык кормиться и сыт бывает только от барского стола, только тем, кто из слез обездоленных наловчился выжимать золото, кто ухитрился балансировать на канате, сплетенном из лести и угодничества.

На кой шут было нужно словоблудие о вождях окопному солдату? Солдаты не умели курить фимиам* и не изощрялись в прославлении вождей. Руки солдата, рабочего, крестьянина, их мозг и система мышления были созвучны с понятиями борьбы и созидания в самое решительное, последнее и скорбное мгновение... «Когда умирали товарищи, по-русски рубаху рванув на груди», тогда они не вспоминали вождей, не говорили о маршалах, тогда непроизвольно и люто с их языка срывалось такое, чего не выдержала бы и бумага.

Но человеку нужна вера. В те тяжкие дни верили люди в Господню благодать и в Царствие Небесное, в справедливость и грядущий Страшный суд, верили в коммунизм и его идеалы...

Течет время, и совершенствуется разум человеческий, и на какой-то ступени человек сознает, что любая вера – это еще не есть знание.

Тогда, очень давно, полвека назад, человек верил, но относился к вере, как к чему-то параллельно следующему линии его судьбы и жизни. Недаром же в то время особенно употребима была поговорка: «На бога надейся, а сам не плошай».

Мало, очень мало времени оставалось у человека для раздумий. Война – это совершенно особенное физическое и психическое состояние людей. Война – это всегда действий больше, чем раздумий и анализа. Война – это свои, отличные от мирного времени законы, это правосудие мгновения и жребий судьбы...

Бесконечен и бесперспективен спор поколений. Не нужно спорить! Неразрушима цепь времен. Никогда бы не наступил сегодняшний день в настоящем своем облики, если бы не выдержали солдаты танковых атак под Москвой, под Сталинградом и на Кавказе, если бы не была полита земля солдатской кровью. Не нужно спорить, нужно не забывать!..

* * *

В это утро, впервые в истории нашей роты, побудку разведчикам сыграл не старшина и не командир роты, а Мишка Осейкин, который вроде бы стал осваиваться с ролью ротного кока.

Мишка стучал черпаком по крышке кухонного котла и кричал:

– Подъем! Полундра! Шум на баке! Бери ложки, бери хлеб!

Проснувшиеся ребята расталкивали еще спящих своих товарищей, быстро разбирали котелки, отряхивали маскхалаты от пыли и налипших сухих травинок.

Осейкин был придирчив и бескомпромиссен: он ни за что не положит каши в немый котелок и не станет кормить разведчика в неряшливой одежде. Все команды ротного кока выполнялись незамедлительно, с превеликим тщанием и без пререканий.

После завтрака Ласточкин приказал всем сдать маскхалаты старшине и разобрать шинели – ночи становились прохладными. Это решение и по другой причине было правильным: я сам заметил, что на светло-коричневой или откровенно рыжей траве наши зеленые маскхалаты уже не маскировали нас. Что поделаться, начался октябрь, изменились в природе краски, изменилась погода.

Вот тут-то и началось для меня совершенно неожиданное. Большинство ребят без колебаний и без всякого ропота стащили с себя уже порядком изодранные и не очень умело зашитые маскхалаты, но некоторые вдруг непонятно уперлись. Например, Хорькова Ласточкин буквально силой заставил снять маскхалат. Каково же было удивление многих, когда, сняв маскхалат, Хорьков предстал перед всеми в исподнем белье не первой свежести. Он стоял в кальсонах и нижней рубахе с тесемочками вместо пуговиц

* Курить фимиам – неумеренно восхвалять кого-либо.

и не мог внятно объяснить, куда у него делись красноармейские гимнастерка и штаны цвета хаки из х/б ткани. Он неуверенно лепетал о том, что кто-то украл у него гимнастерку и брюки, когда он их выстирал и повесил сушиться на кустах еще там, в овраге под Эльхотовом. Этому никто не верил, потому что ребята и припомнить не могли, когда это мы устраивали постирушки, не до них было. Все ждали от Хорькова какой-нибудь более убедительной выдумки, более складного вранья, но, видимо, ему в голову ничего не приходило.

Командир роты сразу определил, в чем тут дело, у него уже не было сомнений. Ласточкин оказался догадливее меня, он кричал, что Хорьков шаромыжник и пьяница, что он будет строжайше наказан. Ласточкину вторил старшина. Но что Хорьков! Этот факт не подействовал бы так ошеломляюще, если бы дело касалось одного Хорькова. Но Авдеев! Да-да, Гришка Авдеев оказался в таком же положении, мало того, у него и подштанники вдрызг драные. Федька Фролов, связанной Ласточкина и даже... даже сам Ванька Подосенов оказались без гимнастерок, и не только они! Старшина взялся за голову, Ласточкин и Попов неистовствовали. Кажется, единственным человеком, который сохранил рассудительность, был Толька Медвинский. Анатолий помотал головой, стер со своей физиономии улыбку Мефистофеля и спокойно сказал:

– Тю! Подумаешь! Война все спишет, на войне и не такое бывает. Вот у нас на Балтике, помню...

– Хватит баланду травить! Понимаешь, что половина роты голые! – взвинтился старшина.

– А ты не шуми, – спокойно говорил Медвинский. – Еще Петр Великий говорил, что тот не солдат, кто после бани штанов не пропил... А тут не оружие ведь, а штаны. Подумаешь! Давай акт составим, что в результате героических подвигов, проявленных в боях с озверелым врагом, часть наших доблестных разведчиков утратили штаны, которые пришли в полную негодность и для сдачи на вещевой склад не пригодны...

– Хватит трепаться! Акт, акт! Так и поверят твоим актам. Там на складе вещевого снабжения такой хмырь сидит, он ничему не верит, ему тряпье, да сдай! – не успокаивался старшина.

– Так ты и сдай ему тряпье.

– Откуда мне его взять?

– Какой ты старшина, если тряпья не найдешь! А тряпья нет – составляй акт на повозку с конями, так быстрее поверят. Вон кухню вместе с конями и поваром в момент списали! Составляй акт и поедем вместе, я этого хмыря враз уболтаю.

Не знаю, как там был составлен акт, как «убалтывал хмыря» Медвинский, только в этот же день к вечеру все, кто пропил обмундирование, получили другое, совершенно новое, а остальные ходили в старом. Но все это к концу дня, а пока связанной роты был без рубахи, с пакетом в разведотдел штаба послали меня.

Пакет я сдал быстро, без приключений самому Натынову и направился обратно в роту. Я шагал по улицам большого селения и с любопытством рассматривал добротные дома с белеными стенами, с широким крыльцом вдоль всей стены, с крашеными ставнями на окнах. На стенах под крышей крыльца висели длинные косы, сплетенные из золотых луковиц, гирлянды высушенного красного перца. По улицам ходили жирные зазнавшиеся гуси. На ступенях крыльца или на скамейках сидели неподвижные старики в лохматых шапках. Возле домов и надворных построек хлопотали женщины с закутанными в черные платки лицами – все непривычно, все интересно.

Возле двух пожилых мужчин, сидевших на ступеньках крыльца, я остановился и поговорил с ними в традиционном восточном духе:

– Салям алейкум!

– Алейкум ассалям. Чего, дорогой, спешишь? Присядь, покури, поговорим.

Я подошел. Меня действительно угостили душистым, но непривычно слабым табаком.

- Нравится табак? – спросил мужчина с бородой, сильно тронутый сединой.
- Хороший табак.
- Кури на здоровье. Как там у вас дела на фронте?

Чем-то неувовимо холодным царапнул меня этот вопрос, он словно отгораживал спрашивающего от общих больших тревог и забот.

- Дела на фронте вам, наверное, известны, это общие дела всех народов. Разве ваши сыновья не в армии?

- Да-да, все так. Но откуда нам знать новости, когда радио не работает и газет не продают. Мы совсем ничего не знаем.

- Тяжелые бои идут. От Моздока до Эльхотова бои.
- Да-да, – задумчиво протянул хозяин. – Скажи, немцы придут сюда?
- Думаю, что нет.
- Это хорошо.

Из дома вышла женщина с небольшой кастрюлькой в руках, стрельнула на нас глазами и торопливо спустилась по другой лесенке крыльца, ушла в какой-то сарайчик. На крыльце возились два мальчика лет семи-девяти, они с любопытством прислушивались к нашему разговору.

- Слушай, хозяин, у вас раки не будет? – Вдруг спросил я, хотя знал, что ничего не смогу предложить взамен.

- Нет, раки нет. Откуда у меня рака? Хочешь, я угощу тебя молоком?

- Не откажусь. Спасибо. Я уже и вкус забыл этого доброго напитка. Мужчина повернул голову к сарайчику и что-то громко закричал на своем языке. Из сарайчика показалась женщина, она что-то переспросила, и мужчина снова ей что-то сказал, кивнув на меня. Женщина пошла в дом и вернулась оттуда с небольшой глиняной миской, в которой было налито топленое золотисто-коричневое молоко, в котором плавали стручки перца. Женщина молча подала мне мисочку.

- Пей, – сказал мужчина, – это наше национальное блюдо. Мы угощаем им только уважаемых людей. Это блюдо для мужчин и оно помогает от многих болезней.

Я сделал глоток и чуть не подавился, словно огнем обожгло глотку. Мужчина спрятал усмешку под седыми усами. Я сделал еще один небольшой глоток и вернул миску.

- Спасибо. Здесь слишком много перца.

- Это хорошо. Вот мы привыкли – и ничего. Мы едим много перца, и у людей проходят болезни.

Я вернул хозяину посудину с молоком и вытер горевшие огнем губы. Хозяин передал недопитое молоко своему товарищу и тот отнес мисочку в дом.

- Так как там у вас на фронте? – повторил хозяин свой вопрос.

- Ты как-то странно спрашиваешь, хозяин. Фронт – он для всего народа фронт – и для меня, и для тебя. Это не только у меня, это у нас с тобой одна беда.

- Оно, конечно, так...

Мы сидели с хозяином дома на крыльце, из дома вышел его собеседник и устроился на ступеньке повыше, сзади нас. И тут я краем глаза случайно заметил, что собеседник хозяина что-то безмолвно показывает маленькому мальчику на меня. Он явно старался сделать так, чтобы я ничего не заметил. Это невольно насторожило меня. Я продолжал какой-то односложный, ничего не значащий разговор с хозяином, а сам прислушивался к тому, что делается за моей спиной. Через несколько секунд я неожиданно почувствовал легкое, очень осторожное прикосновение к карману брюк. По заведенной традиции и по привычке в карманах у меня были автоматные патроны. На ступеньки крыльца я сел так, что карман оттопырился и патроны были видны. Тот, другой мужчина, собесед-

ник хозяина, увидел патроны и указывал на них маленькому мальчику. Тот осторожно просунул в мой карман пальцы и... резким движением я поймал ручонку воришки. В его зажатом кулачке был автоматный патрон. Все это увидели хозяин, женщина, вышедшая в этот момент из двери дома. Все они что-то громко закричали на перепуганного мальчика, который отчаянно вырывал руку и не догадывался выбросить патрон. Поднялся такой шум, гвалт, что вышла женщина из дома напротив. Я разжал пальцы мальчугана, отобрал у него патрон и встал со ступенек.

– Мальчик, воровство не украшает джигита. Зачем тебе нужен патрон?

Мальчик ничего не отвечал, я отпустил его руку, он рванулся и убежал домой. Вслед ему негодуяюще кричали что-то хозяин дома, его собеседник и стоявшая на крыльце женщина.

– Он совсем дурной. Он маленький, это для него игрушка, но я его накажу. Залезть к чужому в карман! Вай, такого еще не было в нашем ауле...

Хозяин говорил еще что-то, а мне вспомнились рассказы ребят, что в этих краях местное население (в основном ингуши) скупают оружие и боеприпасы, даже такса установлена: автомат – 25 тыс. рублей, винтовка – 15, винтовочный патрон – 15 рублей, автоматный – 5. Сам я не видел и не был свидетелем подобных сделок, но упорные слухи об этом ходили во всех подразделениях. Ходила даже такая байка, будто бы трое наших прохиндеев продали ингушу автомат. Один договорился и пришел продавать, двое других спрятались рядом и нацепили друг другу красные повязки на рукав. Первый не брал деньгами, он попросил будто бы за автомат несколько бутылок раки и пять штук баранов. Когда он получил требуемую плату и вышел из дому, то вроде бы случайно нагрязнули двое его товарищей. Короче, была разыграна пошлая комедия с проверкой документов и обыском. У ингуша был отобран автомат, а у бойца «конфискованы» рака и бараны. Бедному, перепуганному ингушу пригрозили, что его будут судить... В общем, болтали многое. Поэтому меня насторожила попытка мальчика украсть у меня патроны, а тут еще непонятное поведение собеседника хозяина, который явно подталкивал мальчика к краже.

Я встал, повесил на плечо автомат и сказал хозяину:

– Спасибо за угощение, кунак. И прими совет солдата: хочешь иметь оружие? Хоть пушку? Пойдем со мной вместе. У нас воюют грузины, армяне, азербайджанцы, осетины и ты среди нас не будешь лишним. Да, ты немного стар, но вот твой товарищ подойдет как раз. Только если он хочет сидеть дома, так зачем ему оружие? Это ведь он учил того мальчика красть патроны. Только твоему товарищу, хозяин, больше подойдет бабья юбка, чем автомат. Все! Бывайте здоровы, не кашляйте и лечитесь перцем, может, станете мужчинами.

Я повернулся и пошел в роту. Там я не стал рассказывать о случившемся. Хватит с меня приключений в Ольгинском. Только вот на душе было до того противно, будто это я научил мальчика воровать. Ребята драили оружие. Мне сменили автомат, так как мой иногда отказывал в бою, а это всегда смертельно опасно. Потом нам устроили баню, и это тоже было очень нужно – у нас в одежде появились вши. Мы вымылись, и над огнем прожарили белье. В общем, привели себя в порядок.

Перед обедом Попов провел короткую политбеседу. Он начал с обстановки на фронтах. Вообще, он пересказывал то, что мы уже знали, но все слушали его охотно. На всем огромном фронте от Баренцева моря до Казбека шли тяжелые, кровопролитные бои. Не сидят славяне без дела. Летом этого года вся тяжесть сражений пришлось, кажется, на южное крыло огромного фронта. Конечно, не пишут о нас в сводках, а бои здесь страшные. Союзники колуваются в Африке и на островах Тихого океана – где-то на задворках большой войны, совсем не там, где решалась ее судьба. Дураку было ясно, что они дают возможность и нам, и Германии пустить друг другу побольше крови. Вя-

зались они в войну с Гитлером, но нас за друзей не считают и тянут со вторым фронтом. Попов об этом не рассказывает, такие мысли рождаются сами по себе, но внешне люди словно сговорились говорить не то, что думают. По каким-то высшим соображениям нужно было не говорить правды. В конце политбеседы Попов как-то ловко перевернул все на ребятам, которые проявили полную несознательность, недисциплинированность, преступную разболтанность и обменяли на раку, то бишь пропилы, обмундирование. Мы дружно осудили несознательные поступки своих товарищей и пошли обедать.

После обеда в расположение роты прикатил на пропыленной и исклеванной осколками полуторке начальник разведки Натынов. За рулем машины был хорошо знакомый нам шофер Чижик. Пока начальство вело разговоры, в которые никто из нас соваться не имел права, Чижик успел управиться с котелком борща. Мишка Осейкин оказывал Чижиком явное покровительство, рад был накормить приветливого парня, да и то сказать – с фронтовым шофером дружбу терять нельзя, говорят «не плюй в колодец».

Капитан Натынов, несмотря на теплый день, был в длинной кавалерийской шинели, в петлицах которой горели новенькие рубиновые шпалы. Увидев меня возле автомашины, он скомандовал:

– А, это ты! А ну быстро в кузов! Поедешь со мной. Будешь сидеть в кузове и следить за воздухом. Понятно?

А чего тут понимать? Конечно, проще задачи не выдумать. Проехать на автомашине по тыловым дорогам представлялось мне делом приятным. Я быстро вскарабкался в кузов, где возле задней стенки лежали две пустые железные бочки из-под горючего и возле них бухта грязной растрепанной веревки, наверное, чтобы бочки не катались по кузову. Я уселся возле кабины на пустой снарядный ящик, Натынов сел в кабину рядом с Чижиком, мотор постонал стартером, фыркнул и машина покатила не спеша по улицам Старого Батакюрта. Вскоре селение осталось позади, машина отчаянно запрыгала на выбоинах проселочной дороги, в кузове загремели пустые бочки. Чижик прибавлял газу. По непонятным законам аэродинамики густая пыль не просто волочилась за автомашиной, она крутящимися вихрями обрушилась в кузов, слепила глаза. Я попробовал встать на ноги за кабиной, чтобы пыль уносило встречным потоком воздуха, но удерживаться на ногах на такой ухабистой дороге было невозможно. Машина подпрыгивала, переваливалась с боку набок, грохотала и стонала, а Чижик все гнал и гнал. Железные бочки перепрыгнули через веревку и катались теперь по всему кузову, норовя переломать мне ноги. Я едва успевал отбиваться от них, в кузове все прыгало, дрожало, гремело и не было конца этой сумасшедшей скачке. Машина вырвалась в широкую долину, дорога стала прямой, но ухабов на ней не убавилось. Меня жестоко трясло и подбрасывало чуть ли не выше кабины, бочки оглушительно гремели, ударяясь о борта кузова и друг о друга, остервенело кидались на меня, и я едва успевал ногами отбиваться от них. Ни за каким воздухом я естественно следить не мог. Так продолжалось долго, очень долго. У меня сложилось впечатление, что Натынов с Чижиком задались целью вытряхнуть меня из кузова, да если бы я и вправду вылетел – они бы не сразу хватились.

Мы выкатили на шоссе, и машина остановилась возле каких-то белых домиков. В последний раз я оттолкнул ногами бочки, улеглась пыль, хлопнула дверца кабины и над бортом автомашины показалась голова Натынова. Мне показалось, что посмотрел он на меня с каким-то странным недоверием, удивлением и вдруг брякнул:

– Ты живой? Ну, ты силен!

Я даже не нашелся, что ответить на вопрос моего командира. Натынов пошел к дому, из кабины вылез Чижик и тоже как-то странно посмотрел на меня. Я молча pokrутил пальцем у своего виска. Он, очевидно, понял, пожал плечами и сказал извиняющийся голосом:

– А я что? Он же приказывает – гони, да гони!

– Ладно, хмырь, придешь в роту, мы тебя научим выполнять приказы так, что переночевать негде.

– Да ты не обижайся. Этот ваш капитан как с цепи сорвался...

– А, брось, Чижик, за рулем был ты, а не капитан. Дурной ты джигит, не варит у тебя котелок.

– Так приказывает же! Жми, говорит, на всю железку. Интересно, сколько он там в кузове продержится.

Я вылез из кузова, отряхнул шинель и встал так, чтобы сподручнее было врезать Чижика по шее для памяти.

– Значит, ждали, когда я из кузова вылечу или меня бочкой пришибет?

– Да нет! – ответил Чижик и опасливо отошел от меня. – Ему ж, дураку, просто с ветерком прокатиться захотелось, да еще ждал, когда ты крик подымешь, а ты не кричал. Ты тоже гусь – хотя бы «воздух!» крикнул.

– Знал бы, вмазал тебе очередью по скатам и хрен с тобою! Ты знаешь, если я ребятам расскажу, то какой тебя кашей в следующий раз накормят?

– Брось сердчать! На войне, да еще с дурным начальником еще и не то приключиться может. Хочешь, я тебя ракой угощу?

Чижик прищурился и причмокнул.

– Ладно, давай уж. А закусить есть чем?

У Чижика оказалось полбуханки солдатского хлеба, небольшой шматок сала в тряпиче, несколько больших помидорин и фляжка крепчайшей раки. Сам Чижик выпил немного, а меня, чувствуя собственную вину, не ограничивал. Примирение у нас состоялось, и через минуту мы забыли о сумасшедшем автопробеге по пересеченной местности. Мы успели выпить, закусить, вдоволь накуриться, когда появился Натынов. Он даже задорно подмигнул мне и сказал:

– Давай в кузов. А ты, Чижик, гони в Брут. И чтоб с ветерком!

Я ожидал повторения скачки, но теперь Чижик катил быстро, но аккуратно. Не знаю, каких чертей сжал Натынов по дороге Чижика, но когда мы оказались в Бруте и Натынов вылез из кабины возле склада горюче-смазочных материалов, в небольшом овражке на окраине поселка, я услышал, как Чижик оправдывался:

– Я ж говорил вам, товарищ капитан, машина старая, ходовая часть ни к черту. Кардан это не шутка, его так не починишь, да и рессора вон, посмотрите сами, вон что делается. Не знаю, как назад доедем.

Говорил Чижик убедительно. Натынов нахохлился и замолчал. На складе мы с Чижиком сдали две пустые бочки, а две полные нам помогли закатить в кузов.

– Смотри, курить не вздумай! – строго предупредил меня Натынов.

– А что?

Я притворился непонимающим.

– Как что? Знаешь, если искра попадет, что будет?!

– А что будет? Вы знаете, товарищ капитан, как от бочек искры летели, когда мы сюда ехали? Они как стукнутся друг о дружку, так искры снопами.

Натынов посмотрел недоверчиво на меня, на тяжелые бочки и захлопнул дверцу кабины. Обрато мы ехали, не торопясь, с предельной осторожностью преодолевая ухабы.

* * *

Утром произошло памятное и впечатляющее событие: к нам в роту пришло пополнение. Это кстати, а то от нашей роты почти ничего не осталось. Много полегло ребят в боях под Курпом, под Дейским и Верхним Акбашем, под Плановским и Эльхотовом, под Илларионовкой. В боях-то всего полтора месяца, а дорог уже пройдено, а крови проли-

то – много! Человек двадцать новеньких пришло, да несколько человек из батальонной разведки в роту перевели. Так пришел к нам уже знакомый разведчик Купоросов, его за бой под Верхним Курпом к медали представили. Были и новенькие, необстрелянные ребята, и вместе с ними пришел довольно пожилой мужик лет около сорока, с круглым лицом, с глазами-щелочками и огромным красным, как у Коля Брюньона, носом. Фамилия его была Михайлов, родом он был с Кубани из какой-то большой станицы. Он был очень добр и застенчив не в меру. Несколько человек из пополнения пришли в роту из госпиталей – эти освоились быстро, им было не привыкать. Мы, старички роты, ходили среди новичков петухами и «оказывали покровительство». Новички даже на меня смотрели как на закаленного морского волка. Это мне немного льстило, хотя в глубине души я еще считал себя салагой. Как бы там ни было, а с этими ребятами нам придется в самом скором времени идти в поиск. Как они? Как поведут себя в бою?

Ласточкин распустил строй и приказал всем вновь прибывшим перезнакомиться с нами, смелее осваиваться в нашем боевом коллективе. Ко мне подошел молодой парень с нескладно накрученными на ногах обмотками, в короткой шинели, едва доходившей ему до колен.

– Привет. Я Николай Серазов... Вот, к вам в роту теперь, значит, – сказал он неуверенно.

– Привет, Коля, садись, покурим, познакомимся.

– Спасибо. Не курю я, не научился. Ты с какого года?

– С двадцать четвертого.

– Годок значит. Давно воюешь?

– С августа. А ты? Откуда родом-то?

– С под Челябинска я. А воевать, что ж, вот начинаю воевать. А ты откуда?

– Из Москвы.

– Из самой Москвы? – недоверчиво переспросил Серазов.

Меня всегда забавляло то, что некоторые ребята, пришедшие в армию из далекой сибирской глубинки, считали, что уж ежели ты москвич, то непременно родился в самом Кремле и жил в одной коммуналке с вождями революции.

– Из самой Москвы, – подтвердил я Серазову.

Тот молча покрутил головой и укоризненно посмотрел на меня, будто упрекая за розыгрыш.

С Серазовым у нас сразу установились добрые и доверительные отношения, парень он был простой, общительный и хороший товарищ.

Среди пополнения был и еще один, по нашим понятиям, пожилой мужик, тоже, как и Михайлов, лет около сорока. Этот был родом из Рязанской области. Рязанщину я немного знал – приезжал на лето в деревню к бабушке.

– Откуда родом-то? – спросил меня рязанец.

– Старожиловский я.

Рязанец искренне удивился и обрадовался.

– Ты гляди-ко – земляк! Ну, здорово, мужик.

– Здорово. А ты сам-то откуда?

– Из-под Пронска. Я ж говорю – земляк. Царевым Митрием меня величают. А ты с какой деревни-то?

Я тоже представился. Царев, видимо, был человеком дела и дорожил землячеством.

Он тут же предложил:

– Вообще-то, вот что, земляк, нам нужно вместе держаться. Письма-то получал?

– Ни хрена. Ни одного письма еще. Да у меня там и осталась одна бабка.

– А что ж, жены-то нет что ли?

– Нет покамест.

– Н-да, а вот у меня дочка, да еще жена на сносях, да еще и старуха жива. Прямо и подумать страшно, как они там без меня... Ну, а у вас-то здесь как? Достается, поди?

– Всяко бывает, а в общем, скучать некогда.

– А насчет харчишек?

– Чего?

– Ну, кормят-то как?

– А, вон оно что! В бою насчет пожрать вспоминать некогда, а вообще-то ешь от пуза.

Я, конечно, был рад и Цареву – как-никак, а земляк тоже. Любил я рязанскую деревню, любил бабушку. Поговорить о Рязанщине, услышать характерное слово, рожденное в незапамятные времена в рязанской деревне, было приятно и на душе становилось легче.

Перед обедом в роту приехал Натынов вместе со старшим лейтенантом из особого отдела бригады. Старший лейтенант поговорил почти с каждым вновь прибывшим и, кажется, снова остался недоволен или только вид такой сделал. Потом всю роту построили. Натынов обошел строй, хмуря густые черные брови, а потом, рассказав немного о задачах разведки, спросил:

– Ну как, орлы, освоились на новом месте? Может, кому не понравилось, может, кто и в разведке оставаться не желает? Говорите сразу и проваливайте тогда в другие подразделения. Но предупреждаю, кто раздумал – говори сейчас, завтра поздно будет. Завтра с вас и спрос другой!

Строй молчал. Никто не изъявил желания уйти из разведки. После Натынова держал речь старший лейтенант-особист. Этот о бдительности говорил. Говорил страстно и убедительно. Ему верили, хотя, по его словам, выходило так, что в наших войсках и среди гражданского населения полно немецкой агентуры и встречаются даже притаившиеся до поры враги народа. В общем, здесь тоже нам казалось все ясным.

Ласточкин появился перед строем вместе с незнакомым младшим лейтенантом. Нам представили его: младший лейтенант Надирян, прибыл в роту на должность командира взвода. На вид ему было не больше девятнадцати лет. Небольшого роста, коренастый и плечистый, очень улыбчивый, он оставил у всех хорошее впечатление. Было по всему видно, что он только что окончил курсы младших лейтенантов, и его военная биография только что начинается. Новый младший лейтенант, командир взвода разведки, понравился всем – пришелся ко двору Надирян.

Натынов и старший лейтенант из Особого отдела долго в роте не задержались. Начальник разведки бросил Ласточкину:

– Ну, ты продолжай здесь, я еще заеду к вам.

В обед Осейкин накормил ребят из нового пополнения так, что у них отпала всякая охота покидать разведроту, но они ведь еще не представляли себе самого главного. Жизнь наша потекла снова размеренно и спокойно. Ванька Подосенов, расправившись с сытным обедом, ухмыльнулся и справедливо заметил:

– Этак воевать можно.

Но, как оказалось, у Подосенова был дурной глаз. Сглазил он, и надолго сглазил.

Безмятежная наша жизнь в Старом Батакоюрте была прервана перед самым ужином тем же Натыновым и самым решительным образом. Натынов прилетел к нам на своем беспокойном и горячем аргамак*, крутанулся на месте и, не слезая с коня, приказал Ласточкину:

– Подобрать разведгруппу из ребят поопытнее, сейчас будет машина – и в Лаки-

* Аргамак – рослая породистая азиатская лошадь.

сово. Я буду ждать вас при въезде в поселок. Остальные, вместе с обозом, туда же. Понятно? Все!

Аргамак крутанулся еще раз на месте, мотая вскинутой головой, сорвался с места и исчез, только копыта зацокали по сухой дороге. Все сразу беспокойно закрутилось в роте: Ласточкин формировал разведгруппу, ездовые и старшина собирали обоз, Осейкин доваривал кашу, разведчики в который раз чистили, смазывали оружие, запасались патронами, разбирали гранаты. Я попал в разведгруппу, которая отправлялась на задание. Странно слеплена человеческая натура: я представлял себе, что поиск может оказаться непростым и опасным, ведь мы не знали местности, где предстояло нам действовать, не представляли своего переднего края и обороны противника, так что всего можно было ожидать, а в случае неудачи Натынов и Ласточкин снова обрушат на наши головы упреки и ругань.

Остаться при обозе представлялось намного удобнее и спокойнее: марш небольшой, нетрудный, но если бы меня не включили в разведгруппу, мне было бы обидно, я почувствовал бы себя бойцом второго сорта и страшно неудобно было бы мне перед новичками из пополнения. Эти новички смотрели на меня, как на закаленного в боях разведчика, ведь даже сам Натынов сказал, чтобы подобрали на задание ребят поопытнее, а тут даже в разведгруппу не включили!

Перед ужином в роте появился наш связной, притащил кучу газет и писем. Сегодня я получил сразу три письма! Теперь я знал, что мои мать и братья уехали из Углича, но случилось с ними нечто чудовищное – тревожась за судьбу малышей, мать решила уехать в еще более спокойные места и такими местами ей казались среднее и нижнее течение Волги. Они все оказались под Камышином, а недалеко от них загремела страшная Сталинградская битва. Положение у них оказалось отчаянным, а я ну ничем не мог им помочь – посылки посылать рядовой боец не имел права, да и что я мог послать? Что у меня есть, кроме трофейного черного бумажника! Душа онемела от боли за братьев. Я получал, правда, ежемесячную зарплату в размере 90 рублей, как специалист-краснофлотец, но оставалось у меня от нее не более 25 рублей, а остальное, по общему решению коммунистов и комсомольцев роты, мы сдавали безвозмездно в фонд обороны. Да и что сделаешь на 80 рублей, когда буханка хлеба на базаре стоила 500 рублей. Вообще деньги сейчас потеряли свой смысл и стоимость, все менялось товар на товар, а какие у солдата вещи? Вон, Авдеев выменял и без штанов остался...

Второе письмо было от тетки из Москвы и тоже, несмотря на округлый, казенный заученный стиль, на осторожность выражений, было пронизано тревогой и неприятностями. Бедная старая тетка писала, что они с мужем работают, устают очень, и глаза у нее совсем стали больные. Из деревни, где осталась одна старая бабушка Матрена, нет никаких вестей, и вообще неизвестно, жива она там или нет. В Москве воздушные тревоги стали редкими, но с продуктами плохо, а продовольственные карточки, что я ей оставил, у нее украли...

Третье письмо было с работы. Мне писали, что помнят меня и желали бить захватчиков до полного их уничтожения, а работа идет, правда, людей не хватает, остались одни девчата, которые все мне шлют приветы и самые наилучшие пожелания...

В письмах одна тревога, одни нерешаемые проблемы, грозные, как судьба, они заполняли сердце. Заполняли баз остатка...

Пужинали молча. Тут и появилась знакомая полуторка с Чижиком, он всегда ухитрялся попасть к обеду или ужину. Чижик вылез из кабины, хлопнул наотмашь дверцей, иначе она не закрывалась, и шел к нам, улыбаясь всей своею чумазой физиономией.

– Все загораете! Там мешками кровь проливают, а они все еще ужинают! – говорил Чижик, направляясь прямехонько к кухне.

– Кашу рубать будешь? – лаконично спросил Осейкин.

– Во, народ пошел! Ну какой же боец нашей славной армии, да еще если он фронтальной шофер, станет от каши отказываться?

Мишка Осейкин, не скупясь, положил в котелок каши и Чижик уминал ее с заразительным аппетитом.

– Ты был там под этим, как его, под Лакисовом? – спросил Чижика Суменков.

– А как же!

– Далеко отсюда?

– Да что там, километров около двадцати, но дорожка – дай бог на пасху. Вообще-то все начальство уже там, под Лакисовом, одни вы здесь загораете, – просвещал нас Чижик, не переставая расправляться с кашей.

Вскоре появился Ласточкин. В последнее время он стал каким-то дерганым, раздражительным. Увидев Чижика, он подошел и стал его тут же подгонять:

– Хватит! Хватит! Давай закругляйся. Ты сейчас разведгруппу подбросишь, а потом еще ездочку сделаешь, остальных ребят с дороги возьмишь, забодай тебя комарь.

Чижик отставил опустевший котелок и поскреб в затылке:

– Рисковое это дело, товарищ лейтенант, начальство ведь оно шкуру с меня спустит за такие дела.

– Ты здесь дольше кашу рубаешь, чем катаешься. Напугался тоже! Ну, спустят разок шкуру, так что, забодай тебя комарь! Ну, а как мы с тебя шкуру спустим? Усек, кто сейчас для тебя ближе – мы или твое начальство?!

– Ладно. Попробуем. Оно, конечно, бог не выдаст, так свинья не съест. Давай, кто там, в кузов!

В кузове поместилась вся наша разведгруппа и еще человек пять народу, которые должны будут встречать наш обоз и помочь ему обустроиться на новом месте. Ласточкин сел в кабину вместе с шофером. Как-то незаметно небо затянулось волокнистой серой пеленой, может быть, поэтому так быстро и потемнело. Мы разместились в кузове плотно, один к одному, как патроны в обойме. Машина постонала стартером, фыркнула и покатила по улицам селения. Дорога кружила по черным горбам горных склонов, забиралась все выше и была совершенно пустынной, в этот час не встретилось нам по пути ни единой живой души. Чижик вел машину уверенно, но не в таком сумасшедшем темпе, как в прошлый раз с Натыновым. Мотор натужно стонал на подъеме, за нами вдогонку снова летела дорожная пыль. В этой местности, мы уже заметили, все южные скаты гор были безлесными, выжженными солнцем, а северные, как правило, заросли густым, почти непроходимым лесом. Мы выбрались на перевал, когда уже совсем стемнело. В утробе машины прогрохотали шестерни, она сбавила ход, а потом вначале медленно, но все наращивая скорость, покатила вниз. Как только въехали в лес, Чижик включил фары, и машина полетела по опасно узкой, с неожиданными поворотами дороге вниз. Навстречу нам стремительно неслись золотистые и изумрудные сверкающие стены сплошного тоннеля. Опасно было сидеть у борта – ветки деревьев исхлестали крышу кабины и спины ребят, над нами мелькали тяжелые корявые сучья старых деревьев, каждый из которых мог запросто снести человеку голову. Чижик, видно, полагался на нашу сообразительность и способность уворачиваться от грозящей опасности, он непостижимым чутьем угадывал неожиданные повороты и близость опасного края дороги, за которым чернел пугающий провал оврага или пропасти. Наконец дорога стала отложе, Чижик сбавил скорость и выключил фары. Проехали еще километра полтора и оказались в начале долины. Неожиданно у края дороги мелькнул свет карманного фонарика, машина остановилась, мотор заглох, стало необыкновенно тихо. Похоже, что здесь на каждом километре своя погода: над Старым Батакоюртом небо было затянуто тонкой пеленой облаков, а здесь звездное небо и молодой, еще тонкий месяц над черными горами.

Из кабины вылез Ласточкин. Посреди дороги стоял Натынов и с ним еще несколько человек, значит, приехали. Командир роты перебросился с Натыновым несколькими словами, а потом скомандовал нам:

– А ну, вылазь! Быстро!

Ребята быстро спрыгнули на землю, размяли затекшие ноги. Чижик развернулся, и машина покатила обратно, подслеповато мигнув нам на прощание красным глазком.

Натынов распорядился решительно, словно чеканил команды:

– Разведгруппа вся здесь?

– Все здесь, товарищ капитан, – отвечал Ласточкин.

– Значит так. Слушать всем внимательно. Впереди в километре – Лакисово. За Лакисовом противник. Пойдете по этой дороге через Лакисово и там, за последними холмами, просочитесь сквозь передний край противника. Там дальше степь и проселочная дорога... Погоди-ка. Ни хрена вы не знаете, – Натынов достал из планшетки топокарту, в темноте зашуршала бумага, свет фонарика выхватил из темноты ярко-белый кусок бумаги.

– Вот смотрите, – продолжал Натынов, – вот Лакисово. Сразу за ним холмы, за ними противник, а дорога дальше идет по степи. Вот слева от дороги отдельный сарай или еще там что-то. Видите? Да нет, не туда ты смотришь! Вот сарай, возле самой дороги. Места для засады я здесь лучше не вижу. Вот здесь и взять «языка». Понятно? Без «языка» лучше не возвращайтесь! Ясно? Теперь так. Кто здесь останется?

– Я и еще четверо разведчиков, – доложил Ласточкин.

– А кто разведгруппой будет командовать?

– Главстаршина Суменков, товарищ капитан.

– Опять Суменков? Почему Суменков? А ты что, к обозу приставлен? Что это за порядки такие? Местность еще незнакомая, противник неизвестен, а он помкомвзвода посылает! Сам группу поведешь! А твой Суменков пусть на сей раз здесь обоз сторожит. Ясно? Утром вместе с «языком» явишься сам лично в штаб, он здесь рядом, справа от дороги. И запомни мне – без «языка» сразу всех веди в пехоту и сам туда отправляйся...

– Товарищ капитан...

– Что «товарищ капитан»? Привыкли болтать! Выполняйте приказание! Все думай за них!

Натынов резко повернулся, кто-то подвел к нему коня, он лихо вскочил в седло, и по дороге зацокали копыта. За Натыновым сразу же ускакали в ночную темень и те, кто был с ним вместе.

После минутного неловкого молчания Ласточкин крякнул и сказал:

– Значит так. Рота будет располагаться в этом месте, слева от дороги. Суменков, проверь местность вокруг, поставь маяка у дороги. Обоз сразу замаскировать, построить шалаши. Чтобы к нашему возвращению завтрак был готов. Дай-ка мне свой автомат, забодай его комары!

Ласточкин забрал у Суменкова автомат, повесил его себе на плечо и буркнул уже другим тоном:

– Пошли. И не растягиваться.

Было заметно, что Ласточкина обидел оскорбительный тон Натынова, тем более, что все это было сказано в присутствии подчиненных. Действительно, во многих случаях Натынов был непредсказуем, хотя на сей раз, мне казалось, что он где-то был прав.

Прошли километра полтора и оказались в затихшем, словно вымершем, поселке. Небольшие домики с глинобитными стенами, выкрашенными известкой, окна затворены ставнями. Посреди поселка в неглубоком овражке ручей, перешли его по мелкому перекаату, не разуваясь. Воды здесь ниже шиколотки, но все равно ноги промокли. За ручьем снова улочка, прошли немного, и кончился поселок. Слева и справа от дороги

голые бугры, за ними степь. Кругом темно, тихо и нигде ни единой души, даже ракет не видно и стрельбы никакой. Совершенно не понятно.

– Стой. Послушаем малость, – остановил группу Ласточкин.

Тихо. Очень тихо. Слева отсветы далеких ракет, справа тусклое зарево дальнего пожара.

– Смотри-ка, что-то на передовую не похоже. Нет здесь никого, – шепотом протянул кто-то из ребят.

Действительно, если впереди где-то немцы, то и наши должны здесь быть...

– Не сглазь, а то рубанут пулеметом, аж переночевать негде, – рассуждает Федька Фролов. – Не может быть, чтобы на передовой была такая глухая тишина и ни единой ракеты.

– Медвинский и Фролов, в головной дозор! Идти осторожно, чуть правее дороги. Далеко не отрываться!

Две черные тени пошли вперед, мы за ними. Если здесь противник, то прежде всего он перекроет дорогу. Мы пошли правее дороги, прошли метров триста – никого. Повернули к дороге и вскоре вышли на нее. Степной проселок с заметно выбитыми тележными колесами колеями прямой струной тянулся по широкому полю. Что там впереди, за краем этого поля, никто из нас не знал. Далеко слева, а потом впереди простучали очереди немецких пулеметов – характерный сдвоенный звук выстрелов. В той стороне слева были видны сполохи осветительных ракет. Головной дозор шел осторожно, часто останавливался, вслушивался, но ничего нас не настораживало и именно это было неожиданным и странным. Если верить топокарте Натынова, то мы уже прошли передний край обороны противника...

Впереди показалась какая-то черная тень – не то старый стог сена, не то сарай. По команде Ласточкина развернулись цепью, взяли этот сарай в полукольцо и пошли к нему, стараясь не выдать себя шумом. Подошли совсем близко, но и здесь было абсолютно тихо. Похоже, никого здесь нет. Медвинский и Фролов обошли сарай вокруг, вошли внутрь. Мы услышали тихий условный свист. Сарай пуст. Никого здесь не было. Мы несколько раз прочесали местность вокруг сарая, но не обнаружили ни единой души, ни единого следа. Широкие дощатые ворота сарая распахнуты, плетневые стены и земляной пол. И тут ни единой души. Сарай был построен метрах в тридцати от дороги, за дорогой скошенное поле и разбросанные по нему охапки соломы.

– Н-да, – протянул тихо Ласточкин. – А места и впрямь для засады лучше не найти.

Все так же развернутой цепью мы залегли метрах в пятнадцати от дороги в разбросанных больших охапках соломы, закопались в нее, замаскировались и теперь уже ждали появления противника. При малейшем движении солома предательски шуршала, но этот шорох был слабым. Под соломой было тепло, пахло дедушкиным амбаром, по-домашнему уютно. В этом проклятушем поле, кажется, кроме нас, дураков, не было ни единой живой души... Как знать, а может быть, что вот в эту самую минуту приблизится к нам группа противника... За это время уже столько всего рассмотрелись, что удивляться ничему не приходится. Глаза привыкли к темноте, я различаю дорогу, бурьян вдоль ее колеи, черный силуэт сарая на другой стороне дороги. Время снова тянулось мучительно медленно и не было конца растянутым до бесконечности однообразным минутам... Прошло много времени и вдруг справа какой-то непонятный и близкий шум. Прислушался. Дьявольщина! Из соседней копны соломы доносится громкий и нахальный храп. Кто-то из разведчиков уснул и храпит безмятежно здесь, у дороги, где может появиться противник. По полю метнулась черная тень, и возле храпящего послышался злой шепот Ласточкина:

– Застрелю к чертовой матери, раздолбай!

Храп оборвался. Снова тихо. Действительно, очень хочется спать. Сон становится сильнее меня, в голове какие-то нестройные бредовые мысли, перемешанные со сновидениями. Сон подкрадывается коварно, незаметно... Чтобы прогнать его, чтобы не уснуть окончательно, грызу какую-то сухую соломинку, до боли сжимаю зубы. Сон отступает на считанные секунды, а потом наваливается с новой силой. Теперь слышался храп справа от меня.

И опять кто-то тихо матерится. Я сам засыпаю. Сознаю, что засыпаю, уже ничего не могу с собою поделаться и боюсь только одного – как бы не захрапеть...

– Ты что, охренел?! Пулю схлопотать хочешь? Ребят подвести?!

По-моему, это голос Подосенова. Неужто это на меня? Вообще-то я не храплю во сне. Может быть, это не ко мне относится. Хороший парень Ванька Подосенов, но до чего же противно он шипит... Идет неравная борьба с храпунами, но ведь кто-то спит и по-тихому. Слышится негромкая, поданная шепотом, команда Ласточкина:

– А ну, встать всем! Всем встать, забодай вас комарь!

Ребята нехотя поднимаются, а человека три еще продолжают лежать в соломе. Они спят тихо и крепко, они поднимаются только от неожиданного толчка в бок сапогом.

– Давай на другую сторону дороги, к сараю. Быстро, быстро!

Мы переходим на другую сторону ближе к сараю и снова расположились развернутой цепью, здесь соломы нет, здесь сухие и твердые комья земли. А дорога по-прежнему пуста, кажется, и ночь уже на исходе, а вокруг ни души. Все-таки странно. Странно до нелепости и не похоже на то, что мы позади немецкой обороны. Неужто мы до утра будем здесь торчать? Еще немного нужно вытерпеть. Кажется, и небо чуть-чуть посветлело, над полем незаметно появился седой туман. Утро. Наступает утро. Чего же мы еще ждем?! Если мы позади обороны противника, то в светлое время нам отсюда просто не выбраться. Ласточкин будто услышал мои мысли, он встал и тихо сказал:

– Все, пошли назад.

Все расстроены, у всех на душе чувство досады – провалялись, как дураки, всю ночь, в каком-то поле и все без толку.

Ребята встали, повесили на шею автоматы и молча пошли обратно в сторону Лакисова. Но не прошли еще и двухсот метров, не успели перейти дорогу, как впереди слышался стук колес подводы.

– Ложись. К бою, – тихо командует Ласточкин, и все снова заученно залегли в поле, развернулись в сторону дороги.

Еще темно и туман, но странно отчетливо слышны голоса людей, шагающих вместе с повозкой. Они разговаривают, не таясь, громко, ничего не остерегаясь и, к удивлению своему, я явственно слышу совсем не немецкие слова.

–... Тай жук цый пысарь!

– Во-во, – подтверждает другой, – и я ему говорил, как мне на всех-то разделить.

– Тай командиру, або комыссару треба доложыты. То ж обман один!

Шли явно наши, шли спокойно и были заняты каким-то будничным разговором о плутоватом писаре и собирались жаловаться на него самому комиссару. Они шли по дороге возле повозки, курили, сдержанно матерились... Нет, так немцы не ходят, так только одни наши обозники могут.

Подосенов вышел из-за сарая и пошел к дороге наперерез идущим. Его заметили, и разговор сразу оборвался. Автомат у Ивана на груди, руки он держит на автомате – он готов к любой неожиданности, но спокойно спросил:

– Здорово, хлопцы, вы кто такие?

Идущие остановились, их было четверо, и подозрительно осмотрели Подосенова.

– А ты сам-то кто?

– Да я с роты связи. Ось ждем як ще хлопцы кабель притащат, – говорил Ванька, щедро пересыпая свою речь украинскими словами, да еще врал зачем-то.

– А-а, – протянул украинец, – а мы в батальону, ось хлопцев гудуваты треба.

– Далеко?

– Шо далеко?

– Та ваша передовая.

– А-а, передовая? Та ось туточки.

Украинец как-то неопределенно махнул рукой, Иван на секунду повернул в том направлении голову, и этой секунды оказалось достаточно, чтобы украинец мгновенно сорвал с плеча винтовку, клацнул затвор и ствол уперся Ваньке в грудь.

– А ну, руки у гору, гад! Связист говорышь? Бачилы связиста – куда связь тянет не знает, де передовая тоже. Руки, гад! Пристрелю як погану собаку!

– Да ты...

– Стреляю, гад! А ну, хлопцы, стащите з него автомат, та пошукайте документи.

Ванька попал! Он уже был уверен, что это свои и применять оружие не собирался, но украинец держал палец на спусковом крючке винтовки – одно подозрительное движение Подосенова и этот парень выстрелит, по всему видно, что он не шутит. Спокойный и беззаботный с виду украинец опередил опытного Подосенова.

Ласточкин тоже видел всю эту картину, он быстро поднялся, за ним остальные и все направились с автоматами наизготовку прямо на группу обозников. Их было всего четверо, нас двенадцать, у них винтовки, у нас автоматы. Роли переменялись.

– Стой, мать твою в четыре перечницы! – говорил Ласточкин, шагая к дороге, – опусти винтовку, забодай тебя комарь!

Обозники поняли сразу, что силы у нас неравные, украинец нерешительно опустил винтовку.

– Кто такие? – снова спросил Ласточкин.

– Тай мы з першого батальону, ось до хлопцев харчи везем, боеприпасы.

– Кто старший?

– Ну, я старшой, так шо? Шо вы як скажени на людей кинулысь?

– Опусту, говорю, винтовку! Здесь все свои. Шляются тут по ночам! Порядка не знаешь? Пропуск?

– Та що пропуск, ну «мушка» пропуск.

– Вот так и говори! А то стрелять он будет! «Могилев» ответ. Мы вот только прибыли, – уже спокойно продолжил Ласточкин, – еще и не знаем тут ничего. Нам сказали, что противник здесь рядом.

– Так бы и казав. А то мутят мозгы! Ось по дороге ще верста с гаком, там балочка така, ось там и оборона наша, а за балочкою на высотах, там немци, нехай им грец! Лупят, гады, з мынометив, вот мы по туманчику и едымо.

– Ладно, шагайте, хлопцы. Мы своих дождемся и тоже пойдем. Только в другой раз сразу пропуск спрашивайте.

– Но! – дернул вожжами украинец.

Повозка дернулась, отошла от нас шагов на сорок, и только тогда послышалось недовольное ворчание, не то ругань. Видно, они нас ругали – уж больно неожиданно мы на них вышли.

Небо стало заметно серым, снова тихо. Не знаю, как другие ребята себя чувствовали, но мне было страшно и стыдно – значит, мы просидели ночь действительно как дураки позади нашей передовой. Что было бы, если эта повозка появилась на дороге полчаса назад?! Как могло случиться, что засаду мы сделали на своей фронтовой дороге?! Запросто мы могли притащить такого «языка», что потом и трибунал не сразу бы с нами разобрался, да и срам на всю бригаду. Хороши разведчики!

Мы сидели у дороги, курили и молчали, по-моему, у каждого были похожие мысли.

– Повоевали... Взяли «языка», что ж, в роту теперь? – прогудел Авдеев.

Все молчали, никто Гришке не ответил даже. Просто мы были настолько обескуражены, что и не знали как теперь нам поступить.

– Обрадовались, в роту им захотелось! Об Натынове соскучились? Пошли на передовую, там хоть в обстановке разберемся, – резко ответил Ласточкин и решительно встал на ноги.

Светало быстро. Стало хорошо видно дорогу и темно-коричневые метелки засохшего конского щавеля. Над землей белесый туман и небо от этого казалось беспросветно-серым. Ту самую «версту с гаком» мы отмахали быстро. Перед нами была довольно широкая, неглубокая балка, посередине которой было видно поле неубранной кукурузы. Кукуруза высохла на корню, была низкорослой. Никаких высот на другой стороне балки мы пока не видели – все скрыл довольно плотный туман. Перед нами край балки был крутым и неглубоким, по его склону заросли мелкого тернового кустарника. Здесь, под самым обрывом, были отрыты окопы, в которых расположились бойцы стрелковой роты. На краю балки стояла знакомая нам повозка.

Командира роты мы нашли под обрывом в окопе. Его окоп был замаскирован кустом и по своим размерам был чуть поглубже и пошире, чем у остальных солдат. Невыспавшийся и охрипший лейтенант встретил нас все-таки приветливо и пояснил, что это и есть передний край обороны, впереди только немцы, они за балкой на высотах. Напротив роты высота с нефтешкой, ее из-за тумана не было видно, так то – опорный пункт противника, а правее этой высоты, через другую неширокую балочку, на высоте пониже, там третья рота их батальона. Высота с нефтешкой господствует над местностью, оттуда великолепно просматривается вся наша оборона, поле вплоть до Лакисова. С этой высоты немцы ведут пулеметный огонь, откуда-то бьют минометы, но вот сегодня на удивление тихо. Левее занимают оборону пулеметчики из отдельной пульроты. Фронт батальона здесь тянулся до самого Индеева, это не меньше четырех километров. Что там делается, лейтенант не знал, проводной связи с соседями у него не было.

– Вот такие, брат, дела, – вздохнул лейтенант. – Сидим и ждем, когда они нам по заднице врежут. Оборону держать некому, из огневых средств только винтовки да один ручной пулемет.

– А у соседей?

– А что у соседей? То, что у них – то не наше. И попробуй-ка здесь взаимодействуй, когда связи никакой. Сидим вот и пуляем изредка, чтобы немцы не считали, что мы уже драпанули. Не война, а хреновина одна!

– А на кой хрен вы здесь внизу сидите? Наверху по краю балки сподручнее было бы? – спросил Ласточкин.

– Везде хорошо. А вообще-то окопы копать под обрывом начальство приказало, а начальство, сам знаешь, оно от бога, с ним не спорят... Слушай, разведка, говорят там, сзади нас какие-то новые части появились, связисты связь тянут. Не слышали, случаем?

– Ни, ничего не знаем, – мотнул головой Ласточкин.

Вернулись мы в свою роту уже к обеду, усталые и злые. Ласточкин, не доходя до роты, свернул с дороги в штаб бригады. Наш обоз расположился на небольшой покатоj лужайке, окруженной ольховыми зарослями. Рядом оказалась скирда сена, ее тут же растаскали и устроили под кустами лежбища. Никаких землянок никто не строил. По опыту нашего оврага под Эльхотовым, для Ласточкина и Попова соорудили шалаши, а сами в таких вот утиных гнездах ютились.

Из штаба Ласточкин пришел злой, как черт. Он сразу залез в свой шалаш, к нему нескладно, на четвереньках заполз Попов.

Уже потом дошел до нас слух, что снова разнес Ласточкина Натынов за незнание обстановки, за дурацкую засаду, сделанную в собственном тылу, где мы могли бы натво-

рять дел. По оценкам Натынова выходило, что все мы никуда не годные разведчики и командует нами лопух... Вроде бы Ласточкин тоже не смолчал, несмотря на всю свою мягкость, и сказал Натынову все, что он о нем думает.

А мы что ж, мы к вечеру снова отправились в поиск, куда-то влево по фронту. В ту ночь мы неожиданно попали под жестокий пулеметный огонь. Спасла нас довольно глубокая дорожная колея. Часа два лежали мы под огнем двух немецких пулеметов. При отходе один разведчик был ранен. Утром нас Натынов выматерил и вновь пообещал разогнать всех поголовно.

К середине дня командованию стало известно, что на правом фланге обороны бригады в районе Индеево-Кескем противник перешел к активным действиям, т.е. бросился в атаки. Эти обстоятельства, видимо, сильно обеспокоили командование бригады. Ласточкина вместе с Поповым срочно вызвали в штаб, пропадали они там долго, а вернулись в роту вместе с грозным и хмурым, как солдатская судьба, Натыновым.

Сразу же были сформированы две разведгруппы. Группой из разведчиков второго взвода командовал младший лейтенант Надирян, другой, наиболее сильной, из разведчиков первого взвода численностью в двенадцать человек командовал сам Попов. У Ласточкина сильно разболелась раненая рука, поэтому он остался в роте. Суменков его заменить не мог – он с небольшой группой действовал в каком-то другом районе. Политрук роты, человек беспокойный и смелый, вызвался сам командовать нашей группой. Я попал в группу Попова. Вскоре нашу группу построили, и Натынов медленно обошел весь строй, наделяя нас не просто взглядом, а холодом немого презренья, смотрел на каждого из нас, как на своего личного врага или недоброжелателя. Потом, остановившись перед строем, он начал говорить негромко, чеканя каждое слово:

– Значит так, слушать всем внимательно, чтобы потом дураков не искать и не ссылаться! Понятно? Так вот, я лично разговаривал с комбатом и предупредил, что на его участке сегодня будут действовать разведчики. Ночью придете в Индеево, за ним в балке найдете штаб батальона, доложите, что вы пришли, но не действовать самостоятельно, выполнять только мои команды! Понятно? В километре за балкой противник. Главное – внезапность. План действий такой: сегодня одного из вас переоденем в немецкий мундир, дадим немецкое оружие. Он пойдет первым на максимальное сближение с врагом и бояться здесь нечего – немцы в своего стрелять не станут. Вот тут-то нужен решительный бросок вперед. Десять секунд на всю операцию. И возвращайтесь! На сей раз учтено и продумано все до последней мелочи. Сами думать не умеете, так вот за вас приходится! Чтобы сегодня мне без дураков! Ясно?

– Так точно, ясно.

– Р-разойдись! Всем готовиться к поиску, – скомандовал Натынов, потом круто повернулся и, не сказав больше никому ни слова, пошел к своему коню.

Мы готовились. Старшина вытащил из недр повозки необходимый реквизит: немецкий мундир, сапоги, каску и автомат «шмайсер» с магазинами. Обмундирование пришлось впору только одному – небольшому ростом Федьке Фролову. Его вырядили и критически осмотрели. Если сказать правду, то со своей скуластой, черноглазой и плохо выбритой физиономией Федька был не очень похож на немца, но старшина правильно решил, что ночью все кошки серы. К тому же, Федька знал несколько немецких слов, он даже часто употреблял их к месту и не к месту. Вместе с Федькой в головном дозоре пойдет Гришка Авдеев, что, по мнению ребят, увеличивало Федькины силы примерно в пять раз. За ними метрах в десяти должна двигаться группа захвата во главе с Подоновым...

Действительно, на сей раз была продумана каждая деталь поиска, каждый знал свою роль и затвердил ее, усвоил до последнего движения. Но именно в этом и была допущена главная ошибка, которая обрекала поиск на неудачу.

Поиск разведчиков далеко не театральное действо, поиск в боевой обстановке – это, прежде всего, импровизация, это всегда непредвиденная ситуация, и расписать роль каждому – значит, сковать инициативу и свободу выбора действий с учетом самой неожиданной обстановки. Вряд ли в тот момент мы все это понимали, иначе плюнули бы на расписанные роли, но все-таки некоторые отнеслись к принятому сценарию без энтузиазма и с недоверчивостью. Когда Попов подчеркнул бодро и весело вдруг спросил Авдеева:

– Ну как, возьмем сегодня «языка»?

Авдеев почесал бороду и брякнул:

– Вряд ли.

Попов аж сморщился, но Авдеев не стал уточнять причины сомнений.

И вот снова ночь. На сей раз ночь облачная и темная. Мы вышли из Лакисово и там, в степи, нас неотступно сопровождал близкий и унылый вой шакалов. Впереди были видны нечастые всполохи ракет и отдельные пулеметные очереди. Раза два мы останавливались, чтобы перекурить и сориентироваться. Как мне показалось, прошли километров пять. Стрельба теперь слышалась совсем близко. Правее, видимо, была дорога – раза два прогрохотали там колеса повозок, но мы их не видели – темно. Прошли еще немного, в дрожащем свете ракет рассмотрели впереди какие-то деревья и пошли в ту сторону.

– Индеево, наверное. Больше не курить и чтобы тихо! – почти шепотом скомандовал Попов.

В темноте мы наткнулись на край какой-то балки и пошли этим краем. Пока мы еще не встретили на своем пути ни единой души, это нас озадачивало и настораживало.

Мы еще не знали, что пока мы готовились к поиску, немцы при поддержке нескольких танков ворвались в Индеево. Наши стрелковые роты, понеся чувствительные потери, откатились назад, стали окапываться по краю балки. Сейчас реденькая и далеко не сплошная цепочка обороняющихся бойцов из перепуганных и потерявших между собой связь стрелковых подразделений была единственной линией обороны, что прикрывала подходы к горам и к Лакисову. Ночью в кромешной тьме наши солдаты и сами точно не представляли обстановки своих собственных сил и сил противника на этом участке. Вот в этой неразберихе и оказалась наша разведгруппа. Нам, может быть, и повезло бы, но все испортил, так нам казалось, Федька Фролов со своим «концертом».

Мы осторожно прошли краем балки метров сто и нас из темноты кто-то окликнул:

– Стой! Пропуск?

– Приклад. Отзыв?

– Проскуров. Кто такие?

– Разведка, – коротко ответил Попов и тут же получил:

– Какого хрена здесь шляетесь?

– Ты как разговариваешь! Кто здесь старший?

Мы подошли вплотную, но все равно ничего рассмотреть не могли в сплошной тьме перепутанных веток каких-то кустов. Там в глубине кто-то завозился и послышался уже другой голос:

– Ну, что там еще? Ну, я старший.

– Я лейтенант Попов, а вы кто такой?

В голосе Попова зазвенело раздражение – кто-то уж больно неуважительно с ним разговаривал.

– Виноват, товарищ лейтенант. Я за командира взвода тут. Старший сержант Макуха.

– Оборону занимаете?

– Так точно, товарищ лейтенант.

Наконец, мы рассмотрели людей, окопавшихся по краю балки в густом кустарнике. Их было пять или шесть человек.

- Где противник?
- Везде, товарищ лейтенант. Нас как из поселка-то днем фрицы вышибли, так нам командир роты приказал пока здесь окопаться. Пока окапывались, тут и стемнело.
- Из какого поселка вас вышибли?
- Да с того ж Индеева. Только какой уж это поселок, там всего два дома с одним сараем. Да мы и отбились бы, только вот танки, что б их намочило.
- Так что ж, в Индеево немцы что ли?
- Так я ж и говорю – немцы, товарищ лейтенант... А мы вот здесь. Они по нам из Индеева-то пулеметом норовят.
- Индеево это вон там, где деревья? – спросил Попов, – которые немного видны при свете ракет?
- Не, то просто роща, а Индеево малость полее. Только в роще-то тоже немцы.
- А где командир батальона?
- А кто ж его знает.
- А командир роты?
- Где-то позади нас. Пошел комбата искать.
- Нет там позади никого. Только сейчас там прошли.
- Как же это? – недоверчиво спросил старший сержант Макуха.

В общем, ничего больше от Макухи мы не узнали. Противник стрелял по краю балки из пулеметов, выстрелы слышны со стороны Индеево и левее. На вопрос есть ли кто-нибудь еще из наших бойцов по краю балки влево, Макуха точно не знал, но выразил уверенность, что нет никого. Немецкий пулеметчик стрелял трассирующими, и огненные строчки пуль метались над черной степью. Мы потеряли уже порядочно времени и теперь, если искать командира роты или батальона и уточнять с ними обстановку, то скорее всего мы проторчим до утра, и поиск придется тогда отложить на следующую ночь, а Попову этого не хотелось. Он решил действовать, и действовать немедленно – все равно войны без риска не бывает.

– Мы вперед пойдем, а вы здесь того, поосторожней, своих не перестреляйте! – предупредил Макуху Попов и скомандовал:

– Фролов и Авдеев, давайте вперед!

Снова, крадучись, пошли краем обрыва. Другой стороны балки в темноте не видно даже при свете ракет, и сама балка здесь стала глубокой. Пока все было тихо. Мы прошли не менее четверти километра, когда наш головной дозор остановился, услышав впереди подозрительный шум. Мы все подтянулись ближе и залегли на повлажневшей мертвой траве. Сомнений быть не могло – какие-то люди окапывались. Копали осторожно, стараясь не шуметь, и это нас настораживало. Наши непременно бы уже матюкнулись или закурили, а тут такая подозрительная осторожность.

– Окапываются, гады, – прошептал кто-то в темноте.

– Тс! Тихо!

Мы лежали и слушали минут двадцать, стараясь понять, сколько же там народу. То, что там немцы, после короткой кем-то сказанной реплики, уже никто не сомневался. Лязг лопат внезапно затих, то ли устали копавшие люди, то ли их что-то насторожило. От нас они были, пожалуй, не далее тридцати метров. Мы боялись, что противник примет что-нибудь или его солдаты незаметно уйдут отсюда, мы могли упустить верную возможность. Попов решил больше не медлить.

– Фролов, вперед, – прошептал политрук.

Федька поднялся на ноги, за ним встал Авдеев. Фролов поправил съехавшую ему на глаза немецкую каску и пошел вперед. Отпустив его метров на десять, поднялись мы. Федька помнил свою роль досконально. Нарочито громко топая сапогами, он пошел туда, где нам слышался лязг лопат. Впереди было по-прежнему тихо, люди, видимо, насторожились, услышав Федькин топот. До запланированного броска оставалось совсем

мало разделяющего нас пространства и времени, счет пошел на секунды. Тут Федька решил, что нужно действовать по программе, пора ошеломить, одурачить противника и Федька заговорил:

– Вурм шнапс! Зольдат компани!

Он нес по-немецки чистейшую абракадабру, знал, что говорит непотребное, но продолжал нести чепуху на языке пьяных всего мира.

– Хальт! Хальт, твою мать! – слышалось оттуда, куда шел Фролов.

– Комрад, зольдат «Викинг»...

В темноте сверкнула колючая искра, и грохнул близкий винтовочный выстрел. Слава богу, стрелявший в Федьку человек в темноте промазал, но я успел заметить, как две черные тени махнули с обрыва вниз, в балку, и оттуда снизу хлопнуло еще два выстрела, а чей-то голос завопил:

– Ребята! В тылу фрицы-ы!

Слева гулко и басовито застучал станковый пулемет «максим», рядом зло взвизгнули, запели пули. Мы скатились тоже под обрыв, пулемет нас уже не доставал, но кто-то стрелял из винтовок. Так получалось, что мы не могли на огонь отвечать огнем, мы уже поняли, что по нам стреляли свои – опять мы попали в нелепую передрагю. В это время и немцы, не понявшие настоящих причин нашей огневой активности, открыли по балке и ее склонам сильный пулеметный огонь, и наша группа крутилась под этим огнем, пока не удалось нам укрыться от него за каким-то бугром. Здесь и остановились, чтобы отдышаться.

– Что-то не так у нас получается! – с досадой заметил Боев.

Попов молчал.

– Да что там! Все ясно: комбат не предупредил командиров стрелковых рот, что разведка будет действовать, а потом немцы зашебуршились и не до того ему было. А у нас Федька, как дурак, полез болтать по-немецки! – вставил Подосенов.

– А я что? Как велено, так и делал! Еще хорошо, что тот наш Иван мазила, а то вцепил бы пулю и переночевать негде, – отбивался от упреков Фролов.

– Вот что, друзья хорошие, хватит дурью мучиться, – Попов решительно поднялся на ноги. – Хватит! Пошли к своей передовой, там уточним обстановку, потом видно будет.

Командиру не перечат. Все поднялись. В головной дозор на сей раз направили Только Медвинского и меня. Мы пошли снова через бугор и вдоль балки. Перестрелка утихла, только осветительные ракеты довольно часто вспыхивали в небе, и туман наполнялся дрожащим жемчужным светом.

– Куда топаете? Возьмите левее, – поправил нас Попов.

Мы взяли левее. Медвинский тихонько предупредил меня, чтобы очень-то не шагал – от ребят оторваться можно. Шли осторожно, вслушивались в тишину. Я немного боялся, что мы снова можем неожиданно напороться на какой-нибудь стрелковый взвод нашего батальона. Бойцы сейчас тоже нервные все, они весь день от атак отбивались и если перепутают, то влепят очередь. Впереди показалось что-то темное, кустарник, видно, мы направились к нему по очень пологому подъему. Позади слышались шаги остальных ребят, старались идти потише, а все равно слышно. Внезапно оттуда, от кустов, хлопнул выстрел ракетницы. Белая звездочка стремительно рванулась в небо, с каждым мгновением набирая силу света.

Мы заученно повалились на землю. Над нами разлился яркий белый свет, и сразу окрик, близкий и яростный:

– Рус, хальт! Хальт!

Прямо по этому голосу длинной автоматной очередью – и в сторону. В воздухе снова ракета, и из кустов частые мерцающие искры выстрелов. Автоматные очереди сзади нас, частая и хлесткая скороговорка автоматов – ребята открыли огонь. Ошарашенные неожиданностью, мы откатились назад. На наше счастье рядом ложбинка, где нас не

достают пули. Откуда-то ударили немецкие пулеметы – головы от пуль не поднять. Мы отползли в сторону – и вовремя. Здесь в балке рвануло сразу несколько мин, потом еще. Теперь началось, теперь часа полтора молотить будут. Мы ушли из-под обстрела. У нас один раненый. Пулей разбит локоть и на боку сквозное ранение. В кромешной темноте Серега Мартынов перевязал раненого, у него это здорово получалось... Мы, кажется, все ухитрились перепутать, опасно перепутать: своих приняли за немцев и чуть сами не пришли к немцам в лапы. Пока Серега перевязывал, мы даже перекурили по-тихому. Все молчали. Никто не решался задать вопрос, а что же дальше? Пожалуй, поздно было предпринимать повторную попытку и потом, если уж ее предпринять, нужно было действовать на другом участке. Было страшно представить, как мы вернемся и на сей раз в роту, не выполнив задания. А у раненого набухли кровью бинты, он слабел с каждой минутой, просил пить. Наконец, Попов встал и решительно сказал:

– Все! Давай наверх и вдоль балки.

Мы выбрались из балки и пошли ее краем в сторону Лакисова. Раненого тащили по очереди. Было еще темно, и туман перед утром стал вроде гуще, стрельба позади нас не затихла, там слышались длинные и злые пулеметные очереди, редко рвались мины. Всем казалось, что мы окончательно выбрались из той передраги, однако судьбе было угодно еще раз сыграть над нами шутку. Мы прошли краем балки метров пятьсот и неожиданно услышали впереди непонятный шум, похоже, что котелки там звенели.

– Похоже, нашим славянам ужин, а может, и завтрак привезли, – предположил сообразительный и молчаливый Дубинин, который шел с Фроловым впереди, метров на тридцать от основной группы – на всякий случай.

Ребята остановились, и мы тихо подтянулись к своему головному дозору.

– Что там еще?

– Вроде кухня. Видно, наших солдат кормят.

– Тихо! – зашептал Попов. – Кто его знает, может, и вправду свои, а может...

Шум впереди нас затих. А мы ждали – может, матюкнется кто, тогда уж и сомнений никаких больше не осталось бы. Но было тихо, только раза два что-то хлопнуло, вроде крышка котла. Непонятно почему, но после ряда неудач нас оставило нахальство, мы стали осторожничать и от этого было только хуже.

– А разрешите, товарищ лейтенант, сейчас все досконально узнаю, – потерял терпение Федька Фролов.

Я уж и не помню, разрешил ли ему Попов или он выкинул номер на самостоятельной основе, как бы то ни было, Федька действовал решительно. Этому плутоватому парню чутье подсказало, что здесь свои, но появившаяся вдруг потребность озорства толкала его на нелепые поступки. Федька был наряжен в немецкую форму. Убедившись, что это действительно кухня, и повар в настоящую минуту возле нее остался один, Федька направился прямо к нему. Он не поленился зачем-то сделать крюк и подошел к кухне с противоположной от нас стороны. Повар совершенно спокойно возился возле кухни и поругивал беспокойных лошадей, при этом он употреблял такие выражения, которые вконец рассеяли сомнения относительно принадлежности повара к нашей родной армии. Было еще темно, но Федька как-то рассмотрел, что карабин повар заткнул, видимо, в кухонный ящик, где лежал всевозможный кухонный скарб. Повар заметил Фролова только тогда, как он подошел почти вплотную к кухне и никоим образом не среагировал на его появление. Очевидно, он просто решил, что кто-нибудь из бойцов роты подошел выпросить добавку или еще с какой-нибудь подобной просьбой.

– Ну шо тобі? Бачишь – усе, – проворчал повар.

Федька подошел к нему вплотную и тихо, но властно сказал:

– А ну, хальт! И чтобы мне тихо, без шуму! Ферштейн?

Однако и на сей раз повар ровным счетом не придал Федькиным словам никакого значения и продолжал ворчать:

– Ну ты шо, сказывся? Хлопцы усе зрубалы... Тпру, шоб вас!

– Ты, твою мать, понимайт кто я есть? – снова спросил Федька, нарочито коверкая русские слова...

Видимо, только теперь повар рассмотрел в темноте короткую немецкую куртку на Федьке, белую немецкую пряжку на ремне и необычной формы каску.

– Н-не-ет..., – уже удивленно и испуганно протянул повар и невольно отступил от Федьки так, что стукнулся спиной о корпус кухни.

– Я есть зольдат великой германской армии. Ферштейн?

Повар молчал.

– Ты сей момент пойдешь со мной немножко плен. Ферштейн?

Федька говорил решительно и держал руки на немецком автомате, это повар, бесспорно, видел и, наверное, понимал, что не сможет оказать нужного сопротивления. Прошло несколько молчаливых мгновений, в которые повар еще лихорадочно соображал, что ему следует делать, а Федька уже думал, как ему выходить из этой игры. Может быть, все как-то еще и обошлось бы, но перепуганный повар вдруг ни к селу, ни к городу спросил робким и просящим голосом:

– А-а к на-ашим зайдем?

Как потом рассказывал Федька, в этом вопросе прозвучало столько наивной надежды, столько растерянности, что Федька не удержался и откровенно громко расхохотался, он взялся за живот и согнулся от смеха... Долго смеяться Федьке не пришлось. Непостижимо быстро повар схватил в обе руки черпак на деревянной ручке, который он еще не успел убрать, и огрел им перегнувшегося от смеха Федьку Фролова. Федьку спасла немецкая каска, но удар был настолько сильным, что он не удержался и упал на землю. Черпак сломался. Повар кинулся на поверженного Федьку, испуганные кони дернули кухню и понесли ее по ночной степи. Федька вывернулся, отпрыгнул в сторону и закричал:

– Стой! Стой, дурак! Хальт, тебе говорю!

Повар вторично бросился на Федьку, но тот успел подняться на ноги и предупредительно выстрелил в воздух из немецкого автомата. Повар закричал и побежал к обрыву, где была расположена его рота.

– Хлопцы, нимци! Нимци туточки! – кричал повар, скатываясь вниз по крутому откосу балки.

Все это произошло в течение нескольких секунд, и мы успели только сообразить, что нам необходимо скорее убираться отсюда. Повар, конечно, поднял тревогу и сейчас по нам открывают огонь.

Мы бежали по степи и тащили нашего раненого. Только через минуту или полторы сзади нас треснуло несколько винтовочных выстрелов. Мы бежали по ночной степи минут десять, сзади стреляли, но стреляли куда-то в сторону, нас они явно потеряли. Когда мы поняли, что можем уже не бежать, а просто идти, как нормальные люди, то первым взорвался Попов:

– Опять за свое! Шаромыжники, а не разведчики! Гнать вас метлой! Как на немцев идти, так их нету, как у себя в тылу чудить, так они первые! – кричал на нас Попов.

– Я его, дурака, мать его в швабру, сейчас научу и по-русски, и по-немецки разговаривать! Я его научу свободу любить! – гремел Авдеев и пытался поймать Федьку за шиворот, но тот уворачивался, как вьюн.

Когда все немного успокоились, Федька обиженно сказал:

– Все у них Фролов виноват! Сами вырядили меня, как шута горохового, а теперь Федька! И повар – дурак, долбанул так, аж переночевать негде.

Ребята все равно были злыми, и Федьку в порядке наказания заставили тащить раненого.

Стало светать. Когда ж вышли на дорогу, нам повстречалось отделение наших бойцов. Они заинтересованно посмотрели на нас, на Федьку, и кто-то из них весело сказал:

– Разведка, видать. Молодцы ребята, гляди-ко фрица спымали. Эй, фриц, мать твою за ногу, Гитлер капут?!

На сей раз Федька молчал. А тот веселый голос еще не успокаивался:

– Глянь-ко, молчит, гад! Понимает, что ихнему Гитлеру капут!

Лакисово ж проходили, когда было уже совсем светло. У крайнего домика на пологом глинистом обрыве перед ручьем мы остановились. Раненый хрипел и просил пить.

– Давай глоточек дадим ему, крови он потерял много.

– А если у него кишки?

– Да нет, сам смотри, грудь у него и рука, – компетентно посоветовал Мартынов.

Федька устало положил на землю раненого. Из дома вышел пожилой ингуш в белом кожушке из сыромятной кожи и в лохматой шапке.

– Саям, отец!

Мужчина осмотрел нас, увидел раненого в окровавленных бинтах, цокнул языком и спросил:

– Чем вам нужно помочь? Заходите в мой дом.

– Спасибо, отец. Дай нам воды.

Ингуш что-то закричал, повернувшись лицом в темные сени, и из дома вышел молодой парень лет четырнадцати с полным ведром воды и с жестяной кружкой. Первому мы дали воды раненому, он пил долго и жадно.

– А это кто? Немец? – спросил мужчина, кивнув головой на Фролова.

– Самый что ни на есть проклятый фриц, – ответил Авдеев.

– Э-э, – покачал головой мужчина, – почему же вы не отобрали у него оружия?

– А у него патронов нет.

– Враг не должен нести оружия. Это закон.

Мы все напились холодной, родниковой воды, поблагодарили хозяина и пошли дальше...

В роте нас уже ожидал Натынов и встретил нас таким взглядом, который не сулил нам ничего хорошего.

– Группа, стой! Смир-рно! – скомандовал нам Попов. Четко печатая шаг, он подошел к Натынову и начал было докладывать, но тот, пренебрежительно махнув рукой, остановил нашего политрука:

– А, все уже знаю. Сам вижу. Мне все ясно: бригада воюет, бойцы кровь проливают, а они груши околачивают. Да вам известно, политрук, что вражеская разведка сегодня ночью по всей нашей передовой под Индеевым действовала?! На нашу передовую немцы ворвались! А где вы были, я вас спрашиваю? В копне отсыпались?!

– Товарищ капитан...

– Отставить! А вы вот что, – это Натынов к нам обратился, – я вас больше агитировать не буду! Это Попов пусть вам молебны читает! Вы – придурки, а не разведчики. Сегодня вы, не выходя на нейтралку, могли «языка» взять, ихнего разведчика прихватили бы!

– Товарищ капитан...

– Отставить! За то, что вы придуриваетесь и вводите командование в заблуждение, виновные будут отданы под трибунал. Особый отдел и политотдел уже в курсе и дали «добро»! Понятно? В военное время за это расстрел полагается! Дошло? Кому еще не понятно?! Сам расстреляю! А то есть здесь некоторые – кулаком в грудь стучат: мы моряки! Засранцы вы, а не моряки! Ласточкин! Приготовь группу в шесть человек, я через пару часов им сам задачу поставлю!

Натынов ушел, строй разошелся, ребята молчали. Нас накормили завтраком, ели молча, как на поминках. Поспали часа полтора, потом нас подняли всех.

Мы драили оружие, запасались гранатами. Ласточкина, оказывается, вызывали в штаб бригады, оттуда он вернулся чернее тучи. Часа через полтора он построил первый взвод, прошел вдоль строя и отобрал шестерых ребят. В эту группу попали Серега Мартынов, Бергалеев, Пашка Давыдов, Костя Кудряш и я. Командовал группой Ванька Подосенов. На сей раз поужинали рано, и Ласточкин отправил всю группу к штабу бригады, где начальник разведки должен был поставить перед нами задачу. В сам штаб мы не пошли, не разрешалось этого делать, чтобы не демаскировать. Мы сели в кустах у дороги, а Ванька пошел докладывать один. Его не было долго, мы успели уже и накуриться, и отругать в очередной раз Федьку Фролова, и помолчать немного.

Натынов и Ванька Подосенов появились на тропинке как-то неожиданно. Мы поднялись, построились на всякий случай. Ванька скомандовал нам «смирно» и доложил Натынову, что разведгруппа в составе шести человек к поиску готова. Сам он тоже после доклада стал в строй и «ел начальство глазами».

– В общем, вот что, – сказал Натынов, – даю вам последний шанс. Слушать внимательно: с НП третьего батальона доложили, что противник оборудует по ночам траншею севернее перекрестка дорог за Кусовым. Сейчас отправитесь в батальон. Ночью пойдете небольшой подвижной группой, незаметно подойдете вплотную к траншее... Внимательно слушать, мать вашу! Ровно в час тридцать наши минометчики ударят по этой траншее огнем налетом. Как только налет закончится, забрасывайте траншею гранатами и вперед! Противник в это время сидит и не дышит. Хватаете пленного и назад. Дошло?

– Дошло.

– То-то! Все за вас думать нужно. Сами ни хрена не соображаете. На этот раз вам все разжевали и в рот положили. Попробуйте задачи не выполнить! Ваше придурство больше не пройдет! Я вас предупредил!

Натынов вытащил из кармана пачку папирос «Казбек», вытащил одну, постучал мундштуком о коробку, закурил, поморщился от дыма, убрал пачку в карман и, не вынимая папиросы из зубов, спросил:

– Понятно?

– Понятно, товарищ капитан, – за всех ответил Подосенов.

– Не возвращаться без «языка»! – еще раз напомнил Натынов и пошагал к штабу, больше не сказав нам ни слова.

Подосенов проводил взглядом капитана, поправил на плече ремень автомата и негромко сказал:

– Все, пошли, ребята. Какого хрена здесь торчать.

Мы шагали пыльной дорогой через невысокую гряду холмов, окружающих Лакисово со всех сторон. Сумерки подкрались незаметно и застали нас еще в пути к Кусову. Когда время не подгоняешь, оно летит быстрее. Какое-то слепое предчувствие неудачи угнетало всех ребят, каждый из нас словно знал, что за подчеркнутой скрупулезностью плана задания, кроется неуверенность, незнание, авантюризм. Откуда все это происходило? Сгоряча мы винили Ласточкина, Натынова, но не хотелось нам верить, что подобные нелепости рождаются где-то выше.

На передовую мы пришли уже затемно, и это тоже было одной из причин неудачи. Нам бы посидеть здесь в светлое время, рассмотреть ту проклятую траншею, понаблюдать за ней. А тут еще и погода испортилась, даже дождь принялся моросить, этаким осенний, мелкий, нудный. У нас на севере, если такие дожди зарядят, то неделю будешь грязь месить. Вот сегодня такой дождь, пожалуй, нам на руку – тьма, ни зги не видать.

У стрелковой роты, которая здесь оборонялась, сплошной траншеи не было, бойцы сидели в отдельных окопах. Чаще всего слева по фронту немцы кидали осветительные ракеты, но в тумане за сеткой мелкого дождя самих ракет не было видно, просто небо наполнялось дрожащим молочно-белым светом и на этом мерцающем жемчужном

фоне, были видны сухие репейники с пожухлыми листьями и корявые ветки низкорослого кустарника. Бойцы стрелковой роты подтвердили, что впереди них по фронту на небольшой и пологой возвышенности, действительно днем видна траншея. Она была длиной не больше пятидесяти метров, но бойцы не заметили, чтобы кто-то стрелял из этой траншеи или кидал ракеты. Это нас насторожило, но менять план поиска, тем более что ожидался огневой налет наших минометчиков, нам казалось уже невозможным. У командира стрелковой роты была проводная связь, правда, слышимость – никуда не годится, но Ванька кому-то докричался в телефонную трубку, что мы на исходных и будем действовать, как договорились. До той вражеской траншеи, по словам бойцов стрелковой роты, было никак не меньше трехсот метров. Ночью это для нас не менее десяти минут хода. Чтобы нам не сбиться в этой кромешной темноте с нужного направления, договорились с командиром роты, что бойцы будут изредка стрелять трассирующими из винтовок чуть правее и чуть левее этой траншеи. Правда, в заключение командир роты младший лейтенант в перемазанной глиной плащ-палатке сказал:

– Чего она вам далась эта траншея? Здесь, похоже, и у фрицев сплошной обороны нет – вот и шагайте в дыру за траншеей, а здесь хрен его знает, что получится.

– Мы бы так и сделали. Однако начальство все расписало, и огневой налет к тому же, – бурчал Подосенов.

Минут за сорок до того времени, когда минометчики должны были обрушить огневой налет на траншею противника, мы вышли за передний край нашей обороны. Было очень темно. Помогали нам немецкие ракетчики, да спустя некоторое время сзади хлопнул винтовочный выстрел, сверкнула розовая трассирующая пуля справа от нас, через несколько секунд все повторилось слева. Молодцы ребята, эти своему слову верны – делают все, как договаривались.

Мы крадемся предельно осторожно, нам нельзя обнаружить себя до времени, нельзя подойти слишком близко к траншее – попадем под свои же мины. Тихо шуршит мелкий дождь, чавкает намочшая земля под ногами, мы идем развернутой цепью, левее меня уже нет никого, а шаги соседа справа я еле слышу. При всплеске белого света ракеты, мгновенно ложимся на землю и ждем, когда этот свет погаснет, ракеты светят часто, но значительно левее нас. Сзади выстрел, и пуля сверкнула слишком близко от меня. Я шепчу соседу, что нужно взять немного правее. Правее идет Серега Мартынов, он осторожен, внимателен, может быть, поэтому он первый заметил в свете ракеты черный бруствер вражеской траншеи.

– Стоп! Вот она! – шепчет Серега.

Мы лежим на земле, смотрим вперед. В сполохах ракет слева действительно видно что-то, вроде бруствера траншеи. До нее метров двадцать, это опасно – сейчас нас могут свои минометчики накрыть минами. В такую темень они, конечно, пристрелку вести не будут, очевидно, траншея у них уже пристреляна, они и долбанут по ней всю мощью.

– Давай назад немного, – шепчет Подосенов.

Мы, осторожно пятясь, отползаем назад еще метров на двадцать пять. Ползти назад очень неудобно – мы в шинелях, и полы шинелей при отползании задираются, лезут под локти.

– Все. Теперь будем ждать, – снова слышен шепот Подосенова. Он, наверное, за Серегой Мартыновым. Мы лежим на отсыревшей земле, сзади изредка продолжают стрелять бойцы нашей передовой, на сей раз мы находимся точно ввилке сверкающих трасс, значит, вышли правильно, теперь нужно изготовиться, приготовить гранаты.

Перед нами тихо, подозрительно тихо... Прошло порядочно времени, кажется, не будет конца этому дурацкому лежанию под носом у немцев, кажется, что скоро и ночь пройдет, а минометчики молчат. Когда же начнется этот огневой налет? Может, опять что-нибудь перепутали? Правее нас, далеко, правда, я слышал разрывы мин, так может, нам нужно было идти туда? Брюки на коленях уже промокли. Я осторожно шепчу:

- Серега!
- Чего тебе?
- Налет долгим будет?
- Тихо, мать твою...

Всплох ракеты слева, Серега тычется своей вечно щетинистой и худой мордой в мокрую траву. Связались тоже с этими минометчиками, сейчас бы уж рискнуть, кинуться вперед... Но теперь как кинешься? Ты в траншею, а по ней минами...

Пах! – сзади неожиданно раздается хлопок минометного выстрела. Через несколько мгновений в воздухе послышался тягучий, нарастающе злой визг падающей мины. Впереди сверкнуло желтое пламя и раскатисто прогремел первый взрыв. Стреляли батальонные 82-миллиметровые минометы. Следом за первым выстрелом хлопнуло сразу два. Снова визг, и два тяжелых взрыва – кажется, началось... Прошло время, но больше ни выстрелов, ни взрывов не последовало. Тихо. Шли минуты, было поразительно тихо. Даже наши бойцы с передовой перестали стрелять трассирующими... Да что ж это такое? Где же огневой налет?! Мы лежим, напружинившись, ждем огневого налета, но кроме этих трех несчастных выстрелов, похоже, больше никто не собирался стрелять. Текли одна за другой минуты, мы лежали на сырой пожухлой траве и чего-то еще ждали.

– Гранаты к бою, – прошептал, наконец, Подосенов.

Вот она, в руке – холодная, рубчатая граната.

– Кидать по команде. Вперед!

Все! Теперь побоку все маскировки, теперь только вперед, скорее вперед, и спасение наше может быть только в ближнем бою! Мы бежим, хлопают по ногам отсыревшие полы шинели.

– Бей! – кричит Ванька.

Автоматы на шее, левой рукой вырываю кольцо лимонки и швыряю ее вперед. В воздухе, словно одиночные автоматные выстрелы, хлопают взрыватели гранат. Взрывы! Взрывы трескучие, со стоном осколков, как горох, один за другим. На наше счастье снова сполох немецкой ракеты слева и в освещенном пространстве теперь виден бруствер странно молчаливой траншеи.

– Вперед! – Снова кричит Ванька.

Ракета погасла, впереди слепая тьма, в нас еще никто не стреляет, сердце уже перестало биться, автомат в руки и вперед! Каждой клеткой своего организма вперед, быстрее вперед! Вот она! Вот ее черный провал. Я прыгаю в траншею и бегу по ней влево. Но здесь не разбежишься, траншея узка, но неглубока, где-то чуть выше колен. Метр, пять метров, при каждом шаге жду колючей вспышки выстрела... Никого! Вот он, конец траншеи... Траншея пуста! Может быть, кто-то есть справа? Мы с Серегой поворачиваем и бежим вправо, а справа ребята бегут к нам навстречу.

– Вы что? – испуганно спрашивает Подосенов.

– А вы что?

– Нет никого?

– Нет.

...Траншея пуста, здесь никого нет. Здесь и не было никого... Эта страшная по своей жуткой нелепости мысль приходит в голову всем одновременно. В траншее нет брошенного оружия, касок, круглых гофрированных банок противогаров. Это было чудовищно! Как такое могло произойти? Куда стреляли наши минометчики? Зачем сюда мы лезли сами?

– Слушай, мало-мало эту траншею наши копали, – вызывающе громко и бесцеремонно заявил Бергалеев.

– Почему наши?

– Как почему, как почему? – быстро и нервно ответил Бергалеев. – Голова есть, да? Смотри сам, где его бруствер, да? Не в нашу сторону бруствер!

А ведь прав Бергалеев, сто раз прав. Нет сомнений, что это наша старая, неизвестно кем вырытая и заброшенная траншея, а мы штурмовали ее, мы забросали ее гранатами! Мы попадали в какие-то дурацкие ситуации, нам фатально не везло.

– Закуривай, славяне! Повоевали! – слышен голос Подосенова и он сам, не таясь, со зла даже не маскируясь, скрутил сигарку, чиркнул спичкой и молча курил.

– Ты все-таки потише, подстрелят ведь, – посоветовал ему Серега Мартынов.

– Ну и хрен с ним! – с чувством лютой досады ответил Ванька.

Он сидел на бруствере, обращенном в сторону противника, и курил, в него никто не стрелял.

– Все, наигрались, – сказал, накурившись, Подосенов. – Нет здесь немцев, даже близко их нет. Будь они где-нибудь рядом, они бы уж врезали нам для памяти. Пошли назад.

На своей передовой от командира роты Подосенов кому-то звонил по телефону и просил сообщить о результатах поиска. Потом мы еще долго сидели у окопа командира роты, снова курили, и младший лейтенант неторопливо говорил нам:

– Да я и сам не знал, что это за траншейка. Мы здесь недавно. А вот чуть правее, там дыра у фрицев в обороне, это точно. Я уж заметил, что с вечера оттуда ракет пять бросят, постреляют малость из автоматов для порядка, конечно, и до утра ни гу-гу. Вчера перед утром я туда сам из ручного пулемета трассирующими врезал – и ничего. Оставайтесь на день, вместе посмотрим, а ночью, может, что и можно будет устроить...

Пошли обратно часов в пять утра, еще темно было. Шли молча, перевалили через невысокие горы. Стало светать. Здесь уже и до роты оставалось недалеко. Дождь вроде бы перестал, только в воздухе сырой, липкий туман. На ворсинках шинели оседала мелкими бусинками, как пыль, морось. Оружие, одежда, пилотки – все стало мокрым. Примерно в полутора километрах от расположения нашей роты мы неожиданно встретили отделение наших разведчиков. К своему удивлению, среди ребят, в основном это были новички, я увидел Мишку Белякова, значит, вернулся мой боевой товарищ. Мы собрались было загалдеть от радости, но другая неприятная неожиданность удивила и насторожила нас: чуть позади вместе с отделением стоял капитан Натынов. Он был грознее тучи, возле него с автоматом находился Хорьков. Мы почувствовали, что нам не уйти от тяжелого разговора, но мы еще и не представляли себе, что нас ожидает.

Подосенов поправил свою мичманку, перекосившийся поясной ремень с флотской пряжкой, остановил нашу разведгруппу и шагнул навстречу Натынову.

– Товарищ капитан, разведгруппа возвращается... – начал было докладывать Подосенов, но Натынов прервал его.

– Отставить! А ну, построиться!

Мы построились в шеренгу. Натынов хмуро осмотрел каждого из нас и уже негромко сказал сквозь зубы:

– Все знаю.

С минуту мы стояли молча, и из глаз начальника разведки изливалась на нас презрительная злоба. Этот взгляд сразу разделил нас невидимой стеной: по одну сторону были мы, по другую – Натынов. На правом фланге нашей шеренги стоял по стойке смирно Подосенов. Натынов снова немного помолчал, нервно покусывая губы, а потом зло рявкнул на разведчиков, которые пришли вместе с ним:

– А вы чего рты разинули? Играть пришли?! В шеренгу становись!

Десятеро ребят построились напротив нас и видно было, что никто не понимал этих действий, не осознавал своей роли. Мишка Беляков был напротив меня, рядом с ним стоял хмурый Хорьков. Мишка тоже внешне был строг, только в глазах у него прыгали чертики. Две шеренги разведчиков стояли молча друг против друга, нас разделяло расстояние не более шести метров. Между шеренгами стоял Натынов, по всему чувствовалось, что он зол до крайнего предела и продолжает накачивать себя этой злостью.

Желваки на его скулах судорожно дергались, брови слились в единую черную линию, а глаза выкатились и застыли. Он стоял в длинной кавалерийской шинели, в полевой фуражке и нервно притопывал носком выставленной вперед ноги.

– Тэ-экс! – наконец протянул Натынов, и в том, как он это произнес, послышалась решимость и беспредельная злоба, да такая, что даже Мишка Беляков перестал улыбаться, насторожился, замер. Мы уже чувствовали, что нас ожидает неординарный разнос, что для нас приготовлено что-то нежданно тяжелое.

– Так где ж «язык»? – сверля черными глазами Ваньку Подосенова, спросил Натынов.

– Товарищ капитан, разведгруппа в точности...

– Отставить! Я спрашиваю «язык» где?

Мы молчали, не зная как ответить, а Натынов вдруг взвинулся и буквально закричал срывающимся голосом:

– Предатели! Я... я предупреждал вас... Вы знали... А ну, положить оружие перед собой! Кому говорят!

Мы положили перед собой на землю автоматы.

– Та-ак! А ну, снять всем поясные ремни! Кому сказал – снять!

Эта команда была настолько неожиданной, что мы даже растерялись и не могли понять, что все это значит.

– По голой заднице бить будете? – вдруг ляпнул Серега Мартынов.

– Разговоры! Кому приказано?!

Натынов произнес последнее слово раздельно по слогам. Мы сняли поясные ремни и положили их рядом с автоматами у своих ног. Никто ничего не мог понять, даже те ребята, которые стояли против нас, только почему-то вдруг болезненно заныло сердце в недобром предчувствии.

– Кру-у-гом! – скомандовал Натынов.

Мы послушно и четко повернулись.

– Вперед ша-агом марш! Стой!

Мы прошагали вперед шагов десять и по команде остановились. Несколько секунд леденящего душу молчания.

– Кру-гом!

Повернулись.

– Вторая шеренга четыре шага вперед, ша-агом марш!

Ребята напротив нас выполнили команду, и теперь они оказались почти что у наших вещей, которые мы положили на землю.

– Сми-ирно!

Натынов отошел к правому флангу стоящей напротив шеренги и, оказавшись рядом с Мишкой Беляковым, начал не говорить, а отрывисто и зло кричать:

– Я вас пре-ду-преж-дал! Невыполнение боевого приказа на фронте карается смертью! Вы не бойцы! Вы предатели! Вы хуже изменников! Я долго терпел... За систематическое и умышленное невыполнение... Я, как командир, как офицер Красной Армии... В боевой обстановке... Я имею полное право! Отделение, к бою!

Последнюю команду он подал тем, кто стоял напротив нас. Ребята нестройно и недоуменно стали переворачивать автоматы из-за спины на грудь. Один только Мишка Беляков не наставил на нас автомата.

– А ты что, сука! Кому приказано?! – взвизгнул на него Натынов.

Мишка молчал, он стоял, опустил голову. Он понял, что замыслил Натынов, он слышал его приказ, но поднять оружие на товарища у него не было сил.

– Я кому сказал! Да ты что, приказов не выполнять?!

Беляков хмуρο набычился и молчал.

– Ах ты, сволочь! А ну положи оружие!

Беляков послушно снял с себя автомат, поясной ремень и положил все это у своих ног.

– А ну встань, твою мать, рядом с этими предателями!

Натынов матерно выругался и толкнул Мишку в спину в нашу сторону. Мишка не ожидал толчка, споткнулся на какой-то кочке, но не упал, а пробежал шага три и послушно встал рядом с нами. Мы все стояли по стойке смирно. Страшная, зловещая тишина нависла над обеими шеренгами. Один Ванька Подосенов стоял по-другому, чем мы. Он сбросил с головы свою мичманку, она валялась шагах в двух от него, запрокинул немного свою белобрысую вихрастую голову, а руки держал за спиной. Натынов, видно, не решался одернуть его.

Происходило что-то нелепое и страшное. Все смахивало на кошмарный бредовый сон, а сердце сжалось, затаилось в груди, перестало биться от чудовищной догадки. Натынов вытащил из кобуры револьвер и, подняв правую руку на уровень своего плеча, снова закричал, повторяя уже то, что говорил минуту назад, он будто убеждал и взвизгивал сам себя:

– За невыполнение боевых приказов во время боевых действий, как офицер и командир, имею полное право... Вы, как изменники Родины, как враги народа... Я вас приговариваю к расстрелу! Я вас предупреждал! По-хорошему вы не понимаете...

– А вы не имеете права, товарищ капитан! Во-первых, здесь не передовая и я, как коммунист...

– Ах, ты еще и коммунист, твою мать! А ты вспомнил, что ты коммунист, при выполнении боевого задания?! Он коммунист! Да мне хрен с тобою, что ты коммунист! Понял? Насрать мне на вас на всех! Отделение, приготовиться!

Явственно громко, как приговор трибунала, щелкнул взведенный кем-то автоматный затвор.

Господи, да ведь это же на самом деле! Это же расстрел... Лица ребят, тех, кто стоял рядом, и тех, кто был напротив, стали бледными как бумага, а губы сжались в тонкие нити... Да что же это? Как же это можно?! Своих?! Вот сейчас?...

– За невыполнение боевого приказа, – снова растянуто прокричал Натынов, – по изменникам Родины...

Мгновенно голова стала пустой – ни мыслей, ни чувств. Какое-то онемение и ожидание страшного удара... Против меня стоял Хорьков, он навел мне в грудь тупую морду своего автомата...

Натынов теперь стоял с высоко поднятой рукой, в которой был зажат револьвер, и команда «огонь» готова была сорваться с его белых губ... Страшные, звенящие натянутой струной несколько мгновений – и молчание... Сейчас вот поднятая рука Натынова резко опустится вниз и... Вот сейчас... Господи, за что?!

Еще несколько мгновений оцепеневшей напряженности... Рука Натынова не рубанула воздух, она медленно опустилась к бедру. Он шагнул по направлению к нам и снова закричал:

– Что, думаете, я шучу с вами?! Я с особым отделом согласовал! Со мной фокусы не проходят! Что, в штаны напустили?! А мне хрен с вами – невелика потеря, война спит! Хрен с вами! Я вас, придурков, все равно расстреляю. Не сегодня, так завтра! Я с вами еще поговорю!

Не сказав больше ничего, не подав никакой команды, Натынов резко повернулся и быстро пошел по тропинке, под уклон, в сторону Лакисова. На небольшой полянке остались два онемевших строя боевых товарищей, которые смотрели в глаза друг другу – у одних в глазах было презрительное недоумение, у других – растерянность. Мы не могли сдвинуться с места, будто ноги наши приросли к этой мокрой рыжей траве.

Первым опомнился, по-моему, Серега Мартынов. Он передернул плечами, словно сбросил с них что-то липкое и противное, и длинно, зло выматерился и тут началось, все перемешалось. Пашка Давыдов сорвал с головы пилотку, зло шмякнул ею о землю и закричал на ребят, стоявших напротив нас:

– И вы, гады, стрелять бы стали?! Вы на кого автоматы подняли! Да вы ж, суки, сегодня же со мной в поиск пойдете, мы ж вместе на нейтралке будем...

– Да ты что на меня кричишь, я как дурак стоял, я в тебя стрелять и не собирался. Во, смотри – у меня и автомат не взведен.

Мишка Беляков коршуном кинулся к Хорькову, тот стоял немного растерянный, он держал свой автомат опущенным стволом вниз, и поэтому многие увидели, что его автомат взведен – в окне затвора желтел патрон. Хорьков, парень немного худощавый, но физически очень крепкий, не ожидал нападения, а Мишка коротким, резким рывком вырвал у него из рук автомат.

– Во, братва, во! Гляди! Этот сексот автомат взвел, этот стрелять собрался!

– Ты шо, сука! Дай сюда автомат!...

Хорьков кинулся было на Белякова, но тот, почти не размахиваясь, с небольшим выпадом, ударил Хорькова кулаком в лицо. Тот отлетел назад, а потом с озлобленным визгом бросился было на Мишку. Я его успел остановить вторым ударом в ухо. Хорьков свалился на одно колено, из разбитого носа у него показалась кровь. Хорьков встал, ссутулился, выхватил финку и пошел на меня, смотря из-под бровей злыми, яростными глазами. Я успел отойти на шаг. Никакого оружия у меня сейчас не было – мой автомат и поясной ремень с гранатой и финкой еще лежали на земле. А Мишка успел схватить оружие и наставил на Хорькова автомат.

– А ну, затихни, гад, и жми отсюда, шукура! Жми отсюда, пока цел! Понял намек?

Мишка решительно вышиб диск из автомата Хорькова и забросил его со зла куда-то в кусты, а сам автомат швырнул на тропинку, по которой ушел Натынов. Хорьков коротко, опасливо посмотрел в ту сторону, куда был заброшен его автомат, отошел от меня на шаг, повернулся и трусцой побежал под уклон. Из ребят второго взвода, что стояли против нас, автомат взвел только один Хорьков...

Чуть в стороне от кучи ребят, на том самом месте, где недавно стоял в строю, сидел на земле Ванька Подосенов. Он положил скрещенные руки на свои худые колени, положил на них голову и то ли просто смотрел в землю перед собою, то ли плакал и не хотел, чтобы кто-то увидел его слезы, только плечи его чуть вздрагивали. Но в зажатом кулаке правой руки у него чернела граната-лимонка, а на указательном пальце левой – белело колечко с чекою от этой гранаты. Ой, Ванька, забубенная твоя головушка!

Неизвестно откуда, каким образом раньше нас до ребят долетела весть о том, что всю нашу группу Натынов то ли собирался расстрелять, то ли вправду уже расстрелял за злостное невыполнение боевого задания.

Все, кто был в роте, встретили нас молча – ни шуток, ни расспросов, ни подначек. Командира роты и политрука на месте не было. Серега Мартынов снял с поясного ремня запасные диски и, не сказав никому ни слова, молча куда-то ушел. Мишка Осейкин кормил нас завтраком. Есть не хотелось, на душе было до крайности мерзко и обидно, однако Мишка с таким смаком и так щедро сыпал в котелки кашу с салом, что и без комментариев было ясно, что симпатии рядового состава роты на нашей стороне, нам сочувствовали. А те ребята, что стояли там, на поляне напротив нас с автоматами наизготовку, сидели в стороне от нас, за обозными повозками, курили и тоже молчали.

До сознания каждого доходило все отчетливее, что над нами только что было совершено несправедное и страшное действие. Я представить себе не мог, как повели бы себя на моем месте Авдеев или Суменков, а главное, я не видел разумной цели всего этого спектакля. Страшно было собственное осознанное бесправие и нелепая беспомощность. Кажется, только Беляков высказал свое отношение к этому страшному делу,

да Подосенов приготовил свое последнее и неожиданное дело с зажатой в кулаке «лимонкой».

Необычайность случившегося подчеркивалась еще и тем, что в течение дня так и не появились в роте ни командир, ни политрук, а вечером, когда пришли, они избегали встречаться с нами взглядом, а мы не могли понять, что тому послужило причиной: признание нашей вины или скрытое сочувствие.

Каждому из нас было известно, что в соответствии с уставом, приказ командира не обсуждается, а выполняется, каким бы нелепым он тебе ни показался. В боевой обстановке мы сами оправдывали это железное правило, но здесь уже не было боевой обстановки, здесь было проявление спеси и деспотизма. Здесь могли разобрататься только армейские парторганы и только они могли дать оценку тому, что произошло, назвать это дурацкой спесью или необходимостью строгой требовательности к подчиненным.

К вечеру мы отлежались, отошли немного, успокоились, а к ночи собрали новую разведгруппу, в которую вначале не включили никого из тех, над кем производил экзекуцию Натынов. В группу вошли непонятно откуда появившийся Хорьков со своим неразлучным другом Есиповым, Костя Бычков, Курочкин и еще двое новеньких ребят из последнего пополнения. Старшим группы был назначен Анатолий Медвинский. Задание для группы было поставлено непривычно упрощенное: разведать передний край противника в районе правее Кусово и, если будет возможность, взять «языка». Вот это «если будет возможность» было самым непонятным и непривычным в постановке задания. Мне даже показалось, что группа направляется лишь для того, чтобы не дать «размагнититься» бойцам нашей роты, чтобы подчеркнуть, что в роте не произошло никаких неприятностей и проинформировать штаб, что и в эту ночь разведчики активно действовали перед фронтом бригады.

Признаться, я был рад, что меня не послали в разведку. Настроение было ниже нулевой отметки и восстанавливалось оно медленно. Мы лежали с Беляковым под своим кустом ракиты на охапке сена и молча мусолили папиросы, свернутые из листка армейской газеты. А тем временем разведгруппа привычно и быстро собиралась. Анатолий Медвинский в своей неизменной и немного покалеченной мичманке подошел к нам, присел рядом, вроде бы просто прикурить, а потом, не глядя на меня, сосредоточенно раскуривая папиросу, испытующе спросил:

– Пойдешь со мной, а?

Что мне было ответить испытанному товарищу? Другу не скажешь, что вот, мол, у меня настроение паршивое, иди уж без меня. Язык не повернется брякнуть такое. Конечно, настроение-то паршивое, да еще этот Хорьков в группе... Да хрен с ним.

– Пойдем, Толя. С тобой пойду, а так бы ни в жизнь, – сказал я, поднимаясь.

– Я тогда тоже, – поднялся было Беляков, но Медвинский остановил его.

– Ты, Мишка, в роте пока побудь. Рука заживет, вот тогда и пойдем, а за дружбу спасибо, мужик ты свой в доску!

Мишка не стал долго спорить – рука-то у него действительно еще болела.

* * *

От Верхнего Курпа и до высоты «Нефть» противник захватил всю цепь высот. В районе Верхнего Курпа и поблизости от Кусово немцам удалось перебраться через балку, окопались на ее краю. Получилось так, что и Лакисово оказалось во вражеском полукольце. Со стороны противника можно было ожидать самых активных действий, тем более, что с выходом его передовых частей на другую сторону широкой балки, он обретал возможность скрытного маневра.

Ночью, не зная точно линии вражеской обороны, уточнить ее, установить насыщенность огневыми средствами, можно было только вызвав огонь на себя. Врежут по тебе

из пулеметов, вот и считай тогда их количество, если цел останешься и если голову поднять под огнем сможешь, а уж если совсем повезет, то по вспышкам выстрелов можно определить, где у немцев минометы и откуда лупят пушки.

В перекрытом досками окопе, возле вдрызг разбитого домика, мы нашли командира стрелковой роты, лейтенанта, который только было устроился спать. Он недовольно крякнул, узнав, что мы, разведчики, будем действовать на участке его роты.

– Вам что! Вы – гастролеры: придете, нашумите и смотаетесь. Толку от вас с гулькин нос, а нашего брата фрицы вою ночь долбать будут и ни тебе людей покормить, ни отдохнуть. В общем, лучше бы вас здесь не было! – сетовал лейтенант.

Ни хрена себе, теплая встреча! Что делать... Лейтенант прав по-своему, а мы по-своему.

– Конечно, в тишине загорать оно всегда приятнее, а мы тут со своею войной лезем – беспокойство одно, товарищ лейтенант, – съязвил Медвинский.

В общем, обменялись любезностями, но на подобные подначки не принято было обижаться. Просто перекинулись вроде бы шуточками. У каждого, конечно, свое в смысле оценок.

Лейтенант поерзал в темноте, пошумел соломой, а потом снова послышался его голос:

– До наших первых окопов метров двести. Сплошной обороны у нас нет. Нас как шуганули из Верхнего Курпа, мы сразу после драпа закрепились по краю балки. Несколько дней держались, а потом он, сволочь, как врежет! Понимаешь, танки по балке пустил, а наши пушки позади, и их не видели, прямой наводкой бить не могли. Вот нас с края балки и вышибли. Они было и дальше хотели, но тут, на открытом месте, мы им тоже по морде. Сейчас темно, а то слева четыре подбитых танка до сих пор торчат. В общем, считай, что край балки – ихний, а что там, в той балке творится, сами не знаем.

– Значит, фрицы по краю балки сидят? – уточнил Медвинский.

– Да где как. Правее нас в степи уже. Сплошной обороны нет, так они как вши расползаются. Левее наших окопов подсолнуховое поле, так они, стервы, уже там сидят. Так что вы ушами не хлопайте.

На сей раз в головной дозор пошли мы с Курочкиным. В последний раз перекурили за стеной дома по-тихому и пошли. Лейтенант до своей передовой послал с нами связного, чтобы ненужного шума ненароком не произошло. Прошли немного – тут они, и окопы нашего переднего края. В темноте их еле заметили. Немцы изредка освещали нейтралку ракетами, короткими очередями перестукивались пулеметы. А в общем-то спокойно, как обычно на передовой в ночное время, где нет активных действий. В темноте мы залегли в пожухлой траве рядом с окопом, а боец – хозяин этого окопа, шепотом рассказал:

– Тут, братцы, такое дело: впереди подсолнухи и старый проселок сквозь них, так вот с того места, где проселок, с вечера он немного постреливал...

Впереди приглушенно хлопнул выстрел ракетницы, и в небе вспыхнул дрожащий магниевый свет. Выстрелов не последовало, и боец продолжал свой рассказ:

– Вон, видать сейчас край подсолнухового поля, а ракета упала, глянь-ка, в подсолнухи. Чудно это.

– А что чудного?

– А как же! Ракетой прямо вверх не стреляют. Значит, из-за этих подсолнухов стрельнули.

Ночь облачная и тянет вдоль гор сырой, холодный ветер. Что ветер, так это хорошо, это нам на руку, вот только темень такая, что и фрица не рассмотришь, пока в него лбом не влепишься. Полежали еще немного, послушали и поползли вдоль проселка, которого

и на топокарте не было, видимо, еще с весны осталась простая колея, позаросла мелкотравьем, но вот ориентир остался.

На нашей передовой ни шума, ни стрельбы, ни единой искорки света. Мы привыкли к маскировке, считая ее основой основ в военном деле, с нашей стороны будто и нет никого, а немцы в этом отношении не очень стесняются, бросают ракеты, бьют короткими очередями из пулеметов. Проползли метров семьдесят, остановились. Раз-два ударил слева пулемет, пули цвикнули над головами, но никого не задело, наугад стрелял, паршивец. Впереди тихо, голосов не слышно. Мы с Курочкиным пошли, пригнувшись, вперед, шагов через тридцать снова залегли. Лежали минуты три, все было тихо, но как только встали, хлопнула ракетница. Мы молча плюхнулись на землю. В небе разлился живой, шевелящийся, нестерпимо яркий свет. Впереди стали видны засохшие на корню подсолнухи с наклоненными к земле тяжелыми тарелками семечек. Полосатые тени побежали по всему лугу, на котором мы залегли. Подсолнучное поле совсем рядом и, похоже, на его краю действительно никого нет... Осторожно! Нужно быть очень осторожным, малейшая ошибка будет стоить жизни. Ракета сгорела в воздухе, несколько маленьких беспомощных искр погасло в черном, придавившем нас небе. После яркого света глаза совсем ничего не различают. Похоже, что ракетой выстрелили действительно откуда-то из-за подсолнухов. Конечно, могло быть и так, что этот паршивый ракетчик сидит чуть позади, а здесь, по краю подсолнухов, боевое охранение. Тогда мы с Курочкиным запросто можем влипнуть – подпустят они нас и врежут! Глаза привыкли к темноте, и я снова стал различать подсолнухи. Ребят сзади что-то неслышно.

Пах! В небо взвилась новая ракета. Сзади ровное поле, там затаились наши ребята, а мы с Курочкиным совсем недалеко от края подсолнухов. Ракета прошипела в воздухе, свет метнулся по увядшей траве, и снова темнота, хоть глаз коли. Похоже, по самому краю подсолнухов и вправду никого нет. В чем же дело? Осторожно, крадучись, пригнувшись, шагаем с Курочкиным вперед. Автомат на изготовке, палец на спусковом крючке... Вот они, окаянные подсолнухи! Я могу уже дотронуться до них. По краю поля они совсем низенькие и чахлые, а дальше стоят сплошной стеной черные их скелеты. Носок ботинка ударился в высокий сухой стебель, он затрещал, зашумел, падая и цепляясь за соседние стебли. Мы замерли. Что делать? Бесшумно по этому полю не пройдешь.

– Давай правее, к дороге, – шепчу я Курочкину.

– Угу.

Пах! Чш-ш-ш. Ракета! По земле плывет сетка из черных и светлых полос. Мы оба присели. Лечь на землю нельзя – шуму будет много. Несколько секунд сумасшедшего света и снова темнота, как сажа.

Заметили нас ребята, поняли, что мы немного свернули влево? Мы сидим, несколько секунд не двигаясь. Сзади слышен слабый хруст сухого стебля подсолнечника. Ребята поняли. Шум был слышен прямо за нами. Мы прошли еще немного вперед. Вроде здесь нет никого... Странно, позиция-то для немцев удобная! Почти ни шута не видно. Справа стена подсолнечника, слева тоже, прямо на дороге редкие и совсем низенькие высохшие побеги. Метров через сорок подсолнечник кончился, слева еще заметна его темная полоса, а перед нами что-то вроде луга. Близко простучал короткой очередью пулемет. Откуда он взялся? Пах! Чш-ш-ш – новая ракета. Мы с Курочкиным на самом краю подсолнечника лежим на земле. В свете ракеты успели разобрать, что впереди небольшой луг, а за ним кусты какие-то. Теперь я уверен, что ракетчик сидит именно в тех кустах, там и есть немцы, но сколько их? Похоже, что кусты растут по краю балки, а до них совершенно ровный луг шириной метров пятьдесят и даже трава на нем выкошена. Что теперь делать? Сзади слышен осторожный шорох. Подполз Медвинский.

– Что там? – тихим шепотом спрашивает Анатолий.

– Немцы вон в тех кустах, давай малость послушаем.

Лежим, не шелохнувшись, сравнительно много времени, и вдруг неожиданно до нас с той стороны от кустов доносятся сдержанные тихие голоса. Слов разобрать нельзя.

Пах! Чш-ш-ш – снова ракета. На сей раз выстрел ракетницы послышался рядом. Ослепительный свет над головой. Кажется, что теперь вот нас просто невозможно не заметить – мы на самом краю подсолнечника, на совершенно открытом месте. Ракета погасла в воздухе, две тусклых искры упали в подсолнечник.

– Ясно, – шепчет Медвинский. – Давай по краю подсолнухов влево, там они к краю балки подходят. Значит, мы броском, а вы прикроете. Ясно?

Медвинский неслышно отполз назад.

Конечно, броситься на фашистов с той точки, где находились мы с Курочкиным – дело рискованное. Бросок будет не очень коротким, шагов в пятьдесят, а это, пожалуй, четверть минуты. Немцы услышат топот – ракету и вдарят. А нас всего восемь человек. Всех положат пулеметом на этом лужочке. Медвинский хочет сократить бросок. Наверное, он прав. Только нужно тихо, чтобы все сейчас было бы тихо! А проклятый подсолнечник предательски трещит. Нам слышно, как ребята развернулись короткой цепью. Сердце в ушах стучит. Бегут секунды... Еще немного, еще несколько шагов и их тогда гранатой – и вперед!...

Пах! Чш-ш-ш – снова море света, и в то же мгновение хлесткий выстрел и оглушительная пулеметная очередь оттуда, из кустов. Очередь длинная, злая, прицельная, направленная как раз туда, где залегли ребята. В том, что нас обнаружили, у меня больше нет сомнения. В небе больше не гаснут ракеты, они взлетают одна за другой, оглушительные пулеметные очереди хлещут по краю подсолнечного поля. Секунды через две я уже сообразил, что весь огонь сосредоточили левее меня. Неожиданно совершенно четко я увидел колючие и близкие от меня вспышки выстрелов пулемета. Вот же он, гад! Он рядышком. Я приподнялся на колено и ударил автоматной очередью по этим вспышкам. Мой автомат рассыпал дробь выстрелов в десять и внезапно смолк. «А, черт возьми, снова проклятая задержка!» Мне показалось, что открылся почему-то замок затильника, я прижал его пальцами и покатился по земле в сторону. Быстрее в сторону! Тут же по тому месту, где я только что находился, ударила длинная пулеметная очередь. Пулеметчик стрелял разрывными пулями – на земле вспыхивали пляшущие белые искры мелких разрывов. Но мне повезло, я откатился на несколько шагов вправо, но если бы прозевал всего лишь секунду, то все – конец бы мне! Промелькнула эта мысль, я хотел откатиться еще и узнать, что с Курочкиным, но здесь новая вспышка ракеты и я вжался в землю. Пока горела ракета, пулемет поливал свинцом то место, откуда я только что откатился, а слева ударил еще пулемет. Ракета погасла, вспыхнула другая, а красные струны трассирующих пуль сверкали над головой. Немцы перенесли огонь левее, а я в перерывах между ракетами торопливо устранил задержку в автомате. Слева рассыпалась дробь автоматных очередей, то открыли огонь наши ребята. Я тоже пополз влево, рядом заметил Курочкина... Вот он, пулемет! Я опять вижу дрожащие вспышки выстрелов... Стрелять? А если опять откажет?

– Курочкин, видишь?

– Ага.

– Давай!

Я стреляю длинной очередью, выстрелов в пятнадцать, по пулеметным вспышкам. Вместе со мной стреляет Курочкин. Пулемет не ударил ответным огнем, зато замелькали выстрелы автоматов, и розовые трассы правого пулемета впились рядом с нами в землю. Я откатился еще раз. Выстрелы ребят слышатся левее и чуть позади – похоже, они начали отходить. Мы с Курочкиным поползли к основной группе. Вокруг трещат, ломаются сухие стебли подсолнечника, но теперь на это не стоит обращать внимания – вокруг сумасшедшая стрельба...

Наша разведгруппа не выдержала плотного огня двух пулеметов и нескольких автоматов. Тот, кто не попадал в подобный переплет, может упрекнуть разведчиков, не понять, почему это они не кинулись на один из пулеметов. Чтобы все понять, нужно самому побывать под огнем. Следует помнить, что этот проклятый «машиненгевер» давал не менее 600 выстрелов в минуту, а их было два и не менее десятка автоматов. На несчастный пяточок земли, где находилось всего восемь простых смертных людей, по скромным подсчетам, обрушивалось ежесекундно более сотни пуль. Единственной нашей защитой были возможность небольшого маневра и ночь, разорванная ракетным светом.

Мы все откатились влево, а немцы продолжали измолачивать пулями место правее нас. Кто-то приглушенно стонал – задело парня. Потом мы немного отползли назад и лежали долго, не отвечая на огонь противника. Каждый уже понимал, что из задуманного поиска сейчас ничего уже не получится.

Постепенно огонь противника стал стихать, и ракеты полетели реже.

– Кого задело? – слышался голос Медвинского.

Молчание, а потом тихий беспокойный шепот:

– Одного нет. Кажись, этого пацана новенького.

Немецкие пулеметчики потеряли нас и теперь стреляли по всему подсолнуховому полю. Звонкие щелчки разрывных пуль слышатся повсюду, розовые трассы прошивали насквозь все подсолнуховое поле, и казалось, что стрельба идет кругом. Медвинский послал двоих разведчиков обратно, чтобы найти этого пацана, выгачить его непременно.

Возле окопов на своей передовой мы разобрались с положением дел: молодой пацан был убит сразу, мгновенно – пуля вцепилась ему в лоб над самой бровью. Тело его ребята притащили. Второй был тяжело ранен разрывной пулей в ногу, в темноте не было видно, что осталось у него от ноги, был только слышен его негромкий стон, да шепот того, кто его перевязывал:

– А кровящи-то, кровящи...

Ранен Есипов. Он показывал всем простреленную кисть правой руки, искалеченные пальцы и пробитую пулей насквозь ручку противотанковой гранаты. При свете ракет можно было рассмотреть окровавленную руку и простреленную ручку гранаты, из которой на вылете пуля выдрала и загнула рваные куски железа. Есипова перевязывали, а он торопливо и нервно рассказывал, похоже, в горячке, не чувствуя боли:

– Ты понимаешь, я подполз-то к нему близко. Я б его гранатой-то изничтожил в кло-чья. Я только размахнулся, а он ка-ак врежет... Хорошо еще не взорвалась. Ты только посмотри-ка – взрыватель-то как покорежен. Рванула бы в руке и будь здоров.

У бойцов стрелковой роты тоже двое раненых, досталось и им. Из нашей группы боеспособных осталось пятеро. С такими силами пытаться повторить поиск – дело безнадёжное.

Сборный пункт для раненых находился за Кусовым, но у нас всегда возникали некоторые осложнения с эвакуацией – перед поиском мы сдавали писарю все документы и даже личные письма. Нам, конечно, верили на слово, но раненому в ногу почему-то очень хотелось заполучить свои документы и письма. Мы, конечно, пообещали, что писарь переправит документы, куда следует и все сделает, как надо. А Есипов пошел с нами, не оставя. Парень он крепкий, а в случае чего ребята не оставят.

Стало светать, когда мы, изрядно измученные, проходили то самое место, где сутки назад Натынов разыграл с нами нелепый спектакль. На сей раз в группе было только два свидетеля того действия – я и Хорьков. Я шел последним вместе с Курочкиным, мы молчали, а впереди слышался все еще возбужденный хриловатый голос Есипова. Он говорил, обращаясь к Хорькову:

– В случае чего, адресок у тебя есть. Так что я завсегда, глядишь, пригожусь еще. Я навроде отвоевался теперича.

– Ладно. Рука шибко болит?

– Мозжит, стерва, прямо спасу нет.

На Есипове не шинель, а короткая теплая куртка подлиннее телогрейки, вся она испятнана порыжевшей кровью.

* * *

После того памятного дня Натынов вообще не показывался в роте, с докладом о результатах поисков к нему в штаб ходил Ласточкин и пропадал там подолгу.

Однажды после обеда политрук Попов объявил, что сейчас будет партийно-комсомольское собрание о задачах коммунистов и комсомольцев по беспрекословному выполнению боевых приказов и о повышении воинской дисциплины.

На собрание собралось человек тридцать, расселись полукругом на небольшой поляне, а в центре устроились Ласточкин, Попов, Серега Мартынов, Васька Боев – ротный комсорг, и наш ротный старшина. С сообщением по повестке дня выступил сам лейтенант Попов. Он одернул гимнастерку и взял сразу «быка за рога», сказав, что командование бригадой недовольно разведчиками. В проведении поисков нам не хватает решительности, дерзости и смелости, т.е. именно тех качеств, которыми должен быть наделен каждый разведчик. Как пример Попов привел поиск, где командиром разведгруппы был Медвинский. По словам Попова, разведчики вышли на цель правильно, но в самый последний момент нам не хватило решительности для броска, время было упущено и мы без толку откатились назад, потеряв убитыми и ранеными трех бойцов.

Мы сидели молча и слушали нелицеприятную критику. Подосенов, хитрый и наблюдательный парень, вдруг, чуть пригнувшись, прошептал мне на ухо:

– А ты заметил, у Есипова входное отверстие от пули было на тыльной стороне ладони?

– Нет. А что?

– Дурак ты. Ну попробуй, брось в немца гранату да так, чтобы пуля в тыльную сторону ладони попала! Если уж она влетит, то непременно вначале в пальцы.

– Брось, Ванька, в бою чего только не случится. А граната? Ведь она действительно рвануть у него в руке могла!

– Угу. Если только она в это время к ручке привернута была.

– Да ты что! Зря ты это.

– Да я так просто. Одному тебе...

– Что там у вас за разговорчики? – оборвал нас Попов.

Больше мы к этой теме уже никогда не возвращались. Намудрил здесь Ванька. Есипов парень был неплохой, а в бою действительно такое случиться может, что и объяснить невозможно. Ванька парень что надо, только порой мудрить любит.

После Попова выступил Ласточкин и начал с того, что ему стало стыдно ходить в штаб бригады и каждый раз говорить только о причинах наших постоянных неудач. Потом выступали Арабов и Купоросов. Арабов выступать был мастак, он признал критику правильной, призвал, пообещал, заверил... Купоросов – тот хуже говорил. Воевать он бесспорно умел, а говорить – нет. Все испортил своим выступлением Купоросов, и всем стало понятно, что еще кто-то должен выступить, чтобы поправить положение, а все молчали, молчали упорно. Из-за этого нескладного выступления Купоросова Попов никак не мог сразу перейти к принятию мобилизующего решения. Тогда Попов молча посмотрел на нас, среди которых больше не находилось желающих выступить, и тихо, без всякого пафоса сказал:

– Вот смотрю на вас на всех и думаю, что через десять минут после того, как мы примем решение, вы разойдетесь и там за кустами будете обязательно говорить между собой и скажете то, о чем молчите вот сейчас. А давайте попробуем без кустов, давайте, говорите то, что вы считаете нужным. Нам ведь главное – найти причины наших неудач, сделать так, чтобы потерь было меньше... Кто хочет, курите, подумайте и давайте смелее. Мы ведь с Ласточкиным такие же солдаты, как и вы, нам и звание офицерское только в начале войны присвоили...

– А морду потом мылить будете? – раздался чей-то голос.

Загудевшие было ребята замолчали и не потому, что ждали подтверждения, что не будут мылить, а просто интересно было, как ответит Попов, какие слова он найдет.

Попов помолчал несколько секунд, а потом сказал сдержанно и негромко:

– Заверяю вас, что все вами сказанное будет выслушано без обид и со вниманием. Прошу вас не забывать, что здесь собрались единомышленники и задача перед нами одна.

– Тогда можно мне? – вдруг попросил слова Медвинский.

Анатолий хотел встать с земли, но Попов, подчеркивая демократичность нашего собрания, разрешил не вставать, что для нас было совершенно непривычным.

– Я вот что, – начал Медвинский, – конечно, командирам виднее, кто мы такие – дерьмо или разведчики. Но нам ведь тоже кое-что видно. Если мы уж договорились говорить не за кустом, а в открытую, то я скажу. Так, как это делаем мы, в разведку вообще ходить нельзя. Вот вы говорили о прошлом поиске, говорили, что решительности нам не хватило. Неправильно это. Нас было восемь человек, а мы на два пулемета и на подготовленную оборону напоролись. Вот дали бы нам дня два-три, чтобы мы могли, по крайней мере, передний край противника прощупать, изучить его, мы бы «языка» непременно взяли и с пулеметами справились бы. О какой решительности мы толкуем, если восемь человек сами не знали, куда нужно ползти, а когда разобрались, то поняли, что мы должны были метров 50 бежать прямо на два пулемета. Да, правда, мы троих потеряли, но если бы проявили «решительность», то никто бы назад не вернулся. Я считаю, что к поиску нужно готовиться серьезно, точно знать обстановку, а потом уже и решительность проявлять. Все у меня.

Попов крякнул, поправил ремень и спросил:

– Еще кто хочет высказаться?

– Я хочу, – сказал вдруг Ванька Подосенов, подняв руку, как в школе.

– Ну что ж, давайте вы.

– Вообще-то я согласен. Это не война, а хреновина одна. В Индееве мы совершенно неожиданно на немцев нарвались, пустую траншею штурмовали, даже засаду сделали у себя в тылу. Сказать и то стыдно. Только ведь каждый раз задание со всеми там подробностями от командования получали. Самим нам и думать не черта. Нам знания обстановки не хватает, самостоятельности у нас нет. Вот, что главное. А на расстрел нас сколько хотите столько и ставьте, все равно толк один. Мы что, нерешительно Плановское обороняли? Мы нерешительно под Верхним Курпом и под Илларионовкой воевали? А под Эльхотовым? Воевать ребята умеют, а их на расстрел ставят. Они на задание идут, а их предупреждают, чтобы назад не возвращались! Это порядок что ли? Я с сорок первого на передовой, но такого... таких порядков еще не встречал.

Ванька закончил. У него даже нос вспотел от напряжения, а Попов спокойно заметил, подчеркнуто спокойно:

– Конечно ты, товарищ Подосенов, хватил малость. У нас не махновский сброд, а армия, а дисциплина в армии – дело святое. Дисциплина это даже важнее, чем отдельная неудача в поиске. Ну что, все что ли высказались? Суменков, у тебя есть, что добавить?

Суменкову говорить не хотелось, но он встал и спокойно сказал:

– Если бы не выступал Подосенов, то это же самое сказал бы я. Дисциплина дисциплиной, товарищ политрук, но кроме этого еще и умение требуется.

Суменков сел и тут неожиданно для всех встал бородатый Авдеев.

– Разрешите пару слов? Я много-то не умею.

Попов даже улыбнулся и снисходительно сказал:

– Ну, давай. Только покороче.

– Да я только что хотел сказать – ни хрена у нас так не выйдет и никакого толку не будет. У нас начальство еще от парадов отвыкнуть не может, все норовит распланировать: кому где встать, куда повернуться... А здесь война идет! Здесь стреляют и убивают, между прочим. Вы нам не расписывайте, как мы должны пойти, да куда рывок, куда бросок сделать. Нужен «язык» в районе Индеево? Формируйте группу и все, а уж когда и куда бросок сделать и нужно ли Фролова в немецкую форму переодевать – это мы сами на месте сообразим. Здесь не маневры, а война!

Авдеев, видно, еще хотел сказать что-то, но махнул рукой и сел на место. Рядом с Поповым решительно поднялся на ноги Ласточкин и сказал резко, будто на обиду отвечая:

– В общем, хватит, поговорили. Так только в деревне на посиделках разговоры разные ведут. Я смотрю, у вас выходит по правилу: «нас не трогай – мы не тронем». А тут дело не о роте, а о всей стране идет. Кое-какие ваши предложения мы продумаем, хоть шибко умного вы сказали мало, забодай вас комарь. У тебя еще что есть, товарищ политрук?

– Я считаю, что поговорили мы с пользой, – сказал Попов, явно стараясь сгладить резкость Ласточкина. – Замечания ваши мы продумаем. У меня все. После собрания прошу задержаться Мартынова.

– Ну так вот, – продолжил Ласточкин, – теперь кончай ночевать! Всем готовиться к поиску. Надирян со своим взводом пойдет в район Индеево. Суменков! С группой в десять человек в район Верхнего Курпа. Подосенов! Тебе восемь человек и к высоте «Нефть». Всем все ясно? И, как здесь болтали, решайте на месте. Все сами, но без «языка», повторяю, лучше не возвращайтесь – голову сниму. Дошло?

– Все ясно.

– Тут решение нужно принять, – вставил Попов

– Решение у нас может быть только одно, – твердо сказал Ласточкин, – бить врага до полного его уничтожения и до полной победы.

– Что ж, давайте так и оформим. Кто «за»?

Все подняли руку и потом разошлись. Может быть, так и надо – действительно, какие еще решения сейчас можно принимать, кроме как бить врага. Может в этом и заключается вся мудрость момента?!

Пока все расходились, Попов отчитывал Серегу Мартынова, нашего парторга.

– Почему на собрании был Авдеев? – строго, нахмурясь, спрашивал Попов. – Он что, комсомолец, а может, даже коммунист?

– А что особенного? Товарищ политрук, да Авдеев лучший боец нашей роты, сколько «языков» уже на его счету! Мы ж вместе на смерть идем, а тут почему-то все отдельно. Да какие секреты тут могут быть? Мы у себя на заводе так все время открытые собрания и проводили...

– Ты мне гражданкой голову не морочь. Здесь армия – и условия особые.

– Товарищ политрук, можно начистоту? Да я сам этому Авдееву первый рекомендацию в партию дам, да и вы тоже не задумаетесь...

– А я подумаю, – перебил Попов. – Мне еще непонятно, почему его из флота убрали.

– А у нас всю роту «убрали». У нас только вы, Ласточкин да Надирян не из экипажей.

– Ладно. Разберемся. Но больше таких номеров себе не позволяй. Это в каждом случае согласовать нужно.

– Виноват, товарищ политрук, я на товарища Сталина сориентировался – ведь это он говорил о единстве партии и народа.

Попов недобро посмотрел на Серегу, а тот резко, по-уставному, повернулся через левое плечо и пошел готовиться к поиску.

Я оказался в группе Подосенова. Группа была небольшая, но в нее вошли такие «киты» разведроты, как Авдеев, Арабов, Бергалеев. Как говорили в роте – группа «оторви да брось». Как только стемнело, мы пошли к высоте «Нефть». Ночь выдалась темная, ветренная. По всей передовой немцы кидали осветительные ракеты, короткими очередями перестукивались вражеские пулеметчики. Мы еще к балке не подошли, как в небе послышался треск мотора. Маленький учебный самолет «У-2» или «ПО-2», как его окрестили впоследствии, тарахтя мотором, на небольшой высоте невидимкой шел к вражеской обороне. Немцы, словно по команде, перестали стрелять и кидать осветительные ракеты. Через некоторое время на высотах, где проходила оборона противника, грохнуло несколько взрывов. Один из немецких пулеметчиков пустил со зла по самолету-невидимке длинную струю трассирующих пуль.

– Понимаешь, он, дьявол, противотанковыми гранатами бомбит. Летчик как выйдет на цель, так за борт гранату. У них это ловко получается, – слышался голос Савельева.

А в небе неумолчно трещали моторы «кукурузников» и тяжело грохали взрывы в обороне противника.

Видно, после собрания нам указали только район наших действий, но никто не говорил ни о каких бросках и не указывал нам точку, которую мы должны были штурмовать или захватить. Подосенов предложил перевалить за невысокий горный хребет, где занимали оборону наши автоматчики и посмотреть, что делается там. С этим предложением ребята безоговорочно согласились. Мы пересекли какую-то неширокую балку и за ней облазили несколько сопков. Эти голые, выжженные беспощадным летним солнцем холмы оказались никем не занятыми, «нейтральными» – как определил Подосенов. В небе по-прежнему стрекотали моторы «кукурузников», немцы, маскируя свою оборону, ракет не бросали, и мы оказались в затруднительном положении: незнакомые холмы, густая темнота, ветер и редкие одиночные выстрелы где-то в стороне. Снова, несмотря на все наши выступления, повторялась обстановка, когда место незнакомое, переднего края обороны не знаем (даже своих здесь поблизости нет), а мы рискованно лазили по незнакомым сопкам. По всей видимости, сплошной обороны здесь не было и у немцев, поэтому в выигрыше окажется тот, кто первым заметит врага. Но при таком нашем блуждании мы все были уверены, что первыми обнаружены будем мы, и это в нас внезапно и беспощадно ударит пулеметная очередь. Мы шли цепочкой, часто останавливались, но ничего, кроме тарактения «кукурузников» не слышали. Ходили долго, было уже далеко за полночь, и мы решили немного передохнуть. На склоне какой-то высоты в небольшой складке, поросшей мелким терновым кустарником, ребята повалились на землю. Ноги гудели от усталости.

– По-тихому покурить бы, – предложил Арабов.

Ребята помялись – каждый понимал, что в поиске... курить не только не принято, но опасно, тем более ночью.

Но у Подосенова у самого терпение кончилось и бесплодное шатание по склонам незнакомых холмов притупило бдительность, поэтому он согласился:

– Давай, только по-тихому, аккуратно чтобы.

Нам казалось, что мелкий овражек на склоне, кустарник, надежно скроют огонек цыгарки. Поэтому вскоре запахло уютным и спокойным табачным дымом. Единственным некурящим человеком в нашей разведгруппе оказался Бергалеев. Он немного полежал вместе с нами на боку, погрыз горькую веточку терновника, потом встал на ноги, надел на шею свой автомат и тихо сказал:

– Пойду мала-мала посмотрю кругом. Я быстра вернусь.

Бергалееву никто не возразил, тем более, что у ребят бдительность притупилась и по краю овражка мы даже наблюдателей не поставили.

Кажущиеся неповоротливостью, неуклюжестью Бергалеева были обманчивы: он мог быть ловким и увертливым, как кошка, а бороться с ним даже Авдеев не брался. Бергалеев, не торопясь, выбрался из овражка и пошел вдоль зарослей кустарника по довольно крутому склону. Шум его шагов мгновенно потерялся в шуме ветра. По небу быстро летели бесконечные вытянутые тени темных облаков. Видно взошла поздняя луна, и между облаками появились заметные просветы. Бергалеев с большим трудом различал край зарослей низкорослого кустарника и неторопливо шагал вперед. За его спиной чуть заметно шевелилось красноватое зарево – горело что-то в Малгобеке. Бергалеев шагал, положив руки на висевший на шее автомат, и собирался было повернуть назад, но в этот момент и произошло обычное для фронта и неожиданное для бойца событие. Надо же было случиться такому, что здесь же, в неглубоком узком окопчике, на самом краю зарослей терновника, в боевом охранении сидел немецкий солдат. Передовая оборона противника находилась сзади этого охранения всего в каких-нибудь пятидесяти метрах. Обычно в боевом охранении у немцев находилось не менее двух человек, но один то ли отошел, то ли еще по какой причине, – сидел в окопе один. Поздней ночью его клонило в сон, и солдат отгонял от себя дремоту мыслью о том, что сплошной обороны здесь нет, русские бродят, где попало, особенно отбившиеся от своей части. Им приходилось ловить таких. Но кроме них в последнее время по ночам немецкую оборону стали тревожить русские разведчики, а это опасно, здесь расслабляться нельзя. Шумел монотонно ветер, в небе трещали назойливые фанерные ночные бомбардировщики русских и вдруг... Немец явственно услышал чьи-то неторопливые шаги, он приготовил автомат и стал всматриваться в темноту. Вскоре он увидел на фоне неба, чуть подсвеченного заревом пожара, одинокую фигуру человека. Это был, несомненно, русский солдат, и он шагал прямо на окоп боевого охранения. Это удача! Вот так запросто поймать Ивана сейчас стало непросто. Окоп у немца был мелким, ниже колена, но шедший солдат не замечал немца. Теперь русский никуда не уйдет – одна короткая очередь и ему конец! Это, конечно, заблудившийся дурак, скорее всего житель Кавказа или Азии, это плохой пленный. Может быть, стрелять? До него не больше шести шагов. Нет, лучше взять живым...

Бергалеев не видел опасности, он не мог рассмотреть окопа на самом краю кустарника и, не ведая того, шагал прямо к своей гибели. Внезапно, он даже не успел сообщить, как это произошло, перед ним возникла черная тень в каске, и ствол немецкого автомата уперся ему прямо в грудь.

– Хальт! – негромко, но твердо произнес немец. – Хенде хох! Руку, рука вверх!

Бергалеев понял, что теперь он уже не успеет развернуть ствол своего автомата, к тому же он и представления не имел о том, сколько здесь немцев. Бергалеев стал медленно, очень медленно поднимать руки.

– Нун! Шнель, шнель! – почти крикнул немец и больно толкнул его в грудь стволом своего автомата.

Бергалеев чувствовал, понимал, что одно неуловимое движение немца и этот ствол брызнет огнем, ударит ему в грудь – и все.

Немец стоял еще в окопе и поэтому казался Бергалееву гораздо ниже ростом, чем был на самом деле и, видимо, слабее его, но силы у немца, конечно, хватит на то, чтобы нажать на спусковой крючок. Бергалеев поднял руки. Немец, не отрывая от его груди автомата, одной рукой стащил с шеи Бергалеева его автомат и отбросил его в сторону. Безоружный русский солдат теперь показался немцу неопасным, он даже решил немного покуражиться:

– Что, Иван, Сталин капут?

– Да, да, капут Сталин, – подтвердил Бергалеев, а сам в это время он настороженно следил за движениями немца. Похоже, фриц был один, никто не подошел к нему на помощь. Опытный Бергалеев сторожил каждое движение немца, а тот поставил одну ногу на край своего окопчика и стал быстро ощупывать брючные карманы Бергалеева. Разведчик заметил, что немец наклонился, а ствол его автомата отошел немного в сторону. Доли секунды оказалось достаточно, чтобы левой рукой Бергалеев вцепился в ствол немецкого автомата, рывком отвел его в сторону, а правой во всю силу ударил немца в лицо. Тот охнул и упал возле окопа. Разведчик кошкой бросился на поверженного врага, еще секунда – и немецкий автомат тоже полетел в сторону. Чтобы немец не успел закричать, Бергалеев ударил его еще раз и своими железными пальцами сдавил немцу горло. Немец хрипел, норовил оттолкнуть ногами разведчика, развести эти железные руки, но Бергалеев был физически очень сильным человеком, а неожиданный испуг удвоил его силы. Немец хрипел, но он был припечатан к земле нечеловеческой силой. Когда он уже перестал дергаться и хрипеть, Бергалеев не мог разжать своих пальцев, он продолжал душить врага, хотя тот был уже дважды мертв. Вся борьба проходила молча, без криков и выстрелов, зло и жестоко. Прошло несколько минут, прежде чем Бергалеев с трудом заставил себя разжать пальцы – он еще все боялся, что немец вскочит на ноги и снова завяжется борьба, но немец лежал неподвижно. Было видно белое пятно его лица, черный провал рта. Каска с немца слетела во время борьбы. Бергалеев поднял с земли свой автомат, нашел автомат немца и тоже повесил его себе на плечо. Потом он немного постоял, осмотрелся и поволок немца туда, где остались разведчики. Нельзя сказать, что в этой борьбе Бергалеев оказался невредимым, у него была рассечена губа и болел пах, в который немец угодил сапогом.

Перекур можно было считать законченным, но Подосенов еще не придумал, что следует предпринять дальше, а тут еще где-то Бергалеев пропал. Подосенов не успел выматерить этого Бергалеева, как его черная тень показалась на краю нашего овражка.

– Ты, хрен моржовый, тебя где носит? Нашел время для прогулок! – заворчал было Подосенов, но Бергалеев перебил его злым шепотом:

– Ты чего кричишь! Кургом немца, а он курым давай!

Только тут мы заметили в темноте, что Бергалеев волочит по земле что-то тяжелое.

– Какие еще немцы? – не унимался Подосенов.

– Во, дыржы один.

Бергалеев столкнул к нам в овражек тело злосчастливого немца и спустился сам. Для нас это было настолько неожиданно, что в первые мгновения даже слов не нашлось.

– То ж и вправду хрыц, – первым опомнился Арабов.

– Ты где его нашел? Или... может это ты его? – шепотом спросил Подосенов.

– Ты чыго прыстал. Она сама виноват. «Рука вверх», – говорил, как это по-ихнему, «капут и хинда хох»! Во! Я ему мала-мала по морде давал, и он дрался, тогда я его душил мала-мала, – вроде бы даже оправдывался Бергалеев.

– Эх, Бергалееич! Что ж ты этак-то, татарская твоя душа, его бы нам живым притащить, – сетовал Подосенов.

В это время и немцы, видно, заподозрили что-то неладное. С той стороны, откуда только что пришел Бергалеев, хлопнул выстрел ракетницы, секунда – и небо вспыхнуло ярким светом, потом еще ракета, и с высоты, под которой мы сидели, ударил очередями пулемет, затрещали автоматы с той стороны, где было немецкое боевое охранение.

– Все, теперь их нахрапом не возьмешь, они теперь такой шухер подымут, что до утра хватит, – буркнул Авдеев.

– Это точно. Давай все назад. Фрица не бросать, тащить его до конца! – Скомандовал Подосенов.

Мы цепочкой спустились в балку, переждали сумасшедший огонь пулеметов, а потом пошли к своей передовой. Надвигалось утро.

* * *

В роте бушевал лейтенант Ласточкин. Его возмущению не было границ:

– Это вы-то разведчики?! – кричал на нас Ласточкин. – Бандиты вы, а не разведчики! Форменные бандиты, забодай вас комарь! Вас не в поиск, вас просто на большую дорогу нужно выпускать, кошельки отбирать. Это ж надо натворить такое! В самое тяжелое для нас время взять – и немца удушить, а!

Несчастный Бергалеев спрятался где-то в обозе, Садыков его укрыв, чтоб он случаем на глаза не попался. Поэтому весь свой гнев Ласточкин излил на Подосенова, а тот тоже Бергалеева не выдал, не свалил на него всю вину.

Группа опытного Суменкова вернулась только к обеду и вернулась ни с чем. Во встречном злом бою потеряли двоих разведчиков.

От группы Надиряна никто толку не ждал: там были молодые малоопытные ребята, да и сам Надирян мальчишка еще, только воевать начал. Беспокоило только то, что от этой группы не было никаких вестей. Надирян не вернулся и к вечеру. Вот тут уже все-речь забеспокоились и Ласточкин, и Попов. Взвод Надиряна действовал на самом правом фланге бригады, с оборонявшимся там батальоном связь была, но никто ничего не знал о взводе разведчиков.

Ночь прошла в тревоге. Забеспокоились не только командиры, но и все разведчики. Что могло произойти? Самое вероятное – это напоролось ребята на засаду и погрошили их всех до единого вместе с Надиряном.

На следующий день, утром, Ласточкин о чем-то беспокойно шептался в своем шалаше с Поповым, и они оба приказали ездовым седлать коней и вдруг... Это событие показалось сном, сном необыкновенным. Вернулась группа Надиряна, вернулась без потерь, но самым удивительным было то, что эти салажата, которых еще только что зачислили в состав разведроты, на которых никто и не надеялся, но именно они притащили «языка». Такие столпы разведки, как Суменков и Подосенов, не выполнили задания, а эти цыплята притащили насмерть перепуганного румына.

Конечно, в роте сразу же поднялся гвалт. Пацаны Надиряна, уставшие и чуть побледневшие после трудного поиска, не спеша, с чувством достоинства снимали с себя оружие, пояса с запасными дисками, переобувались и первыми отправились на камбуз, где Мишка Осейкин оделял их подчеркнуто завышенной нормой завтрака. Всем казалось, что пацаны сразу же зазнались, стали вести себя по-хозяйски и нахально, они даже как-то снисходительно посматривали на стариков-разведчиков.

Перепуганный румын сидел у колеса обозной подводы и растерянно смотрел на разведчиков, которые его не только не били, но с готовностью и щедро угощали табаком, сытно накормили завтраком, никто его не охранял и относились к нему, как к желанному гостю. Это удивляло румына, он этого не мог понять. Эти странные русские не выказывали к нему лютой враждебности – все это совершенно не похоже было на то, как обращались с русскими военнопленными – румын видел это, единственное, чего он не знал, так это то, что охота за «языком» для разведчиков долгое время была неудачной, и вот он оказался первым и именно этому все были рады.

Румын успокоился и охотно отвечал на зачастую нелепые вопросы тех солдат, которых он совсем недавно считал своими непримиримыми врагами, способными только на месть, на жестокую месть.

- А, руманешти, гут морген! Что, капут Антонеске?
- Йа, Антонеске капут, – соглашался пленный румын.
- Ты давай, рубай, не теряйся!

Румын вопросительно смотрел на говорившего, не поняв ни единого слова из сказанного, но чувствуя по улыбке говорившего, что все его слова были добрыми.

– Ешь, тебе говорят. Война скоро капут. Ферштейн? Ты скоро драг нах хауз. Ферштейн?

– Йа, криег капут.

– Да вы что к нему пристали? Дайте ему спокойно пожрать и опомниться!

А в это время Надирян немножко восторженно и по-мальчишески захлеб докладывал Ласточкину:

– Понимаете, товарищ лейтенант, мы с вечера всю нашу передовую облазили и на краю овражка, там, между Индеево и Падеево, обнаружили окопы боевого охранения. Днем там никого не было. Только начало темнеть – мы по овражку туда. Там этой ежевики – не пролезешь. Только стемнело, а они, субчики, топают. Трое их, значит, было. Мы им: «Хальт!», понимаешь, и еще кое-что добавили. Один убежал, другой из винтовки хотел стрельнуть, но его тут же прихлопнули. А этот вот, – Надирян кивнул в сторону обоза, где был пленный, – этот умный, он сразу руки вверх и говорит: «рус, пук-пук не нада».

Короткий допрос пленного показал, что его часть прибыла сюда недавно из города Прохладный, они сменили немцев. Куда ушли немецкие части, он не знал.

Потом пленного увели в штаб бригады, а Надирян в превосходнейшем настроении в окружении бойцов своего взвода пел по-русски забавную армянскую песенку. Она понравилась, прижилась в роте и ее пели все, произнося слова обязательно с армянским акцентом:

*Ой, джан, Ереван,
Милые края,
Ой, джан, ой, джан,
Милый Ереван!*

*У меня есть дома
Тоже телефон,
Можно разговаривать
Сразу счетвером.*

*Здравствуй, Бабаян,
Здравствуй, Акопян,
Здравствуй, Кароян,
Здравствуй, Барцумян.*

*Ой, джан, Ереван,
Милые края,
Ой, джан, ой, джан,
Милый Ереван!*

Некоторые ребята успех Надиряна приписывали только слепому случаю, простому и необъяснимому везению, а мне казалось, что дело тут в чем-то другом, еще не понятом и не осознанном нами. Нужно Надиряну отдать должное – молодец он, и ребята его, хоть и салажата, но молодцы. А мы сделали что-то не так, чего-то не предусмотрели. Конечно, тут и Бергалеев у нас погорячился, мягко выражаясь, силушкой его бог не обидел – он и обрадовался...

А бедный, обруганный Бергалеев сидел под кустом, смотрел в землю и ни с кем не вступал в разговоры – расстроился парень.

* * *

Вместе с разведротой располагался химвзвод бригады. Мы были как бы вместе: единая кухня, единый обоз, правда, у химиков повозка была своя с химическим имуществом и туда мы свой нос не совали. Но взвод этот пользовался большой автономией: химики напрямую подчинялись начальнику химслужбы бригады, ревниво оберегали от посторонних свое имущество, жили рядом, но обособленно, и по сравнению с нами считали себя людьми образованными и интеллигентными. Вообще-то, они занимались непонятными для нас делами: каждый день мерили температуру воздуха, направление и силу ветра, писали об этом специальные сводки и носили их с нарочным в штаб бригады начмиму – очень спокойному и незлобивому человеку, старшему лейтенанту. Протестуя против такого поведения химиков, разведчики всеми способами подчеркивали собственную значимость, считали, что вся химслужба это так, от нечего делать, и относились к ребятам из химвзвода, как к братьям нашим меньшим.

Бойцы химвзвода и разведчики, находясь все время рядом, хорошо знали друг друга, вместе топали на маршах, охотно делились трофеями или меняли у химиков пистолеты на водку и табак, но здесь на передовой, каждый занимался своим делом.

Сразу после завтрака, когда отправили румына в штаб бригады, меня и Мишку Белякова вызвал к себе Ласточкин. Возле его шалаша уже собрались командир взвода химиков, трое бойцов из его взвода, один незнакомый младший сержант и двое саперов с лопатами. Очевидно, предстояло какое-то не очень обычное дело. Я доложил Ласточкину о нашем прибытии, тот кивнул головой и коротко сказал:

– Садитесь и слушайте.

Мы с Мишкой терялись в напрасных догадках и понять не могли, что здесь происходит, и чем будет заниматься эта разношерстная кампания.

– Ну вот теперь вроде все в сборе, – начал Ласточкин. – Слушать внимательно: вам предстоит серьезная задача. Командир бригады лично приказал оборудовать наблюдательный пункт. Нужно найти такое место, забодай его комарь, откуда было бы видно весь фронт бригады от Верхнего Курпа и до Кескема. Понятно? Значит так, за подбор наблюдательного пункта отвечаешь ты. Ты за старшего. Понял? – кивнул на меня Ласточкин. – Советую посмотреть высоты за Лакисовом справа и слева от дороги. На выбранном месте оборудовать щель и блиндаж. Этим займутся саперы, а вы им поможете. Связисты дадут связь на НП. К концу дня НП должен быть готов, а утром, может быть, и сам комбриг приедет. Разведчикам и химикам дежурство и наблюдение вести круглосуточно и непрерывно. Обстановку докладывать начальству по его звонку. И чтоб мне без дураков там всяких, с тебя спрос особый, забодай тебя комарь!

Ласточкин погрозил мне пальцем, очевидно, вспомнив, как я разговаривал с начальником связи.

– Теперь вот еще что, – как бы вспомнил Ласточкин, – химикам и разведчикам получить у старшины бинокль, две саперных лопаты и сухой паек на сутки. Все! Исполняйте!

Недолгими были наши сборы и недолгим марш за Лакисово. Вначале мы полезли на лысую гору справа от дороги, но оказалось, что с ее вершины хорошо был виден Кескем, даже Малгобек, но совершенно не просматривался левый фланг. Мы полезли на гору, что слева от дороги, та была вроде бы повыше и заметно покруче первой. На вершине этой горы было старое горское кладбище, обнесенное неглубоким рвом. Каменные покосившиеся столбики с непонятной восточной вязью, кусты бузины по краю и рыжая, сожженная солнцем трава. Отсюда обзор был лучше, здесь и решили оборудовать

довать НП. Связист, младший сержант, сейчас же ушел в свою роту связи, чтобы оттуда тянуть нитку сюда, к нам. Мы принялись копать. Земля здесь сухая, неподатливая. Посоветовавшись, мы решили не тревожить кладбища, а копать траншею прямо по рву и выступом вперед для блиндажа наблюдения. Работы было много. Для перекрытия блиндажа саперы таскали откуда-то из селения старые доски и даже небольшие бревна. Несмотря на трудный грунт и камни, работа спорилась – семеро здоровых мужиков ловко орудовали лопатами.

Уже к вечеру НП с небольшой траншеей и блиндажом был готов, даже ход сообщения прокопали со стороны склона, который не просматривался противником. Связисты установили телефон, но телефониста не оставили. Дежурить должны мы с химиками, а в случае нарушения линии проверять ее будем и мы, и связисты со стороны своего коммунатора. Первыми прозвонили линию связисты, а потом уже я доложил по телефону Ласточкину, что его задание выполнено.

– Хорошо, – ответил Ласточкин и пообещал: – приду – проверю.

Саперы и связной ушли. Мы остались одни с химиками. Кости ныли от усталости, но это была совсем иная усталость, чем от долгого похода или от боя. Не было чувства досады и злости от длинной дороги и редких привалов, не было нервной взвинченности, как после боя, в душе было даже чувство удовлетворения от сознания выполненной работы. Нам все нравилось: и ход сообщения по склону горы, и траншея (глубокая, по грудь), и темный небольшой блиндаж, где были два лежака из земли, и сколоченный из досок небольшой столик с телефонным аппаратом на нем. Мы сидели в глубокой траншее и блаженно курили.

– Квартира что надо, – оценил Мишка. – В такой и после войны жить можно.

Надо признать, что химики оказались мужиками запасливыми и практичными, а следовательно, и более толковыми, чем мы. Они прихватили с собой из взвода пару ведер для воды. Как только мы пришли сюда, кто-то из ребят притащил два ведра, но сейчас они были уже пустыми.

После неторопливого перекура я взял ведра и отправился в Лақисово по воду. Это был ближайший путь: нужно было спуститься с горы, пройти заросший лопухами пустырь, потом по тропинке огородами в поселок, а там уже вода. Воду я черпал из ручья возле дома знакомого ингуша, где мы обычно останавливались, чтобы перекурить и напиться холодной воды, возвращаясь с задания. Не успел я наполнить ведра, как услышал сзади чьи-то шаги. Я оглянулся и увидел сына хозяина дома. Парень был в черкеске, перепоюсанной узким наборным ремешком, на боку небольшой кинжал с белой костяной ручкой, на голове лохматая шапка из овчины. Парень среднего роста, широкоплечий и с узкой, как у девушки, талией. Увидев меня, он улыбнулся, остановился.

– Салям! – поздоровался я с парнем, тот улыбнулся еще шире и ответил по-русски:

– Здравствуй.

– Вы собираетесь уезжать? – спросил я парня.

Вообще, мне казалось вполне естественным, что жители покидают поселок, который оказался в трех километрах от передовой.

– Нет. Мы с отцом пока остаемся.

– А чего ты так вырядился?

– Я не вырядился. Таков обычай. Я хотел просто посмотреть наш огород. Может быть, там что-нибудь еще осталось.

Я закинул на спину автомат, взял наполненные ведра и стал подыматься по короткой, но крутой тропинке от ручья. Мы пошли рядом с парнем и тот предложил:

– Давай я тебе помогу.

– Спасибо. Я донесу ведра... А почему ты не знаешь, что у вас осталось еще в огороде?

– Да, так, – неохотно ответил парень. – Нам с отцом сейчас трудно, наша кукуруза осталась недалеко от той горы, где нефтевышка, но туда нас не пускают, туда ходить нам нельзя. А картошку мы не убрали вовремя, и ее всю выкопали солдаты.

– Какие солдаты?

– Ваши солдаты... Я не знаю кто.

Слово «ваши» царапнуло слух, но я смолчал и снова спросил:

– Как же вы живете с отцом? Чем питаетесь?

Парень помолчал, помялся, а потом ответил:

– Правду скажу: очень плохо живем. Кушать нечего, соли совсем нет. Бедно живем. Все, что было в доме, обменяли на кукурузу, и той осталось мало.

– А почему не уехали?

– Куда ехать? Здесь дом, здесь земля. Уедем – все пропадет. Фронт, может, уйдет, тогда кукурузу возьмем...

– Н-да, плохо, брат. Пожалуй, вам лучше было бы уйти. Здесь для гражданского населения становится опасно. А соли на днях я вам постараюсь притащить.

– Спасибо. Ты добрый, ты кунак, а бывают другие. Здесь один солдат шибко кричал на отца, нехорошо кричал.

– Как это кричал?

– Просто кричал. Говорил, что отец поганый ингуш, собака, что он ждет немца. А зачем отцу немец? Отцу хорошо, когда вообще солдат нет и тихо.

– Что это был за солдат?

– Не знаю. С винтовкой солдат был.

– За такие слова того солдата под трибунал могли отдать. Если бы отец пожаловался...

– А! – перебил меня парень. – Кому сейчас жаловаться? У нас нет никакой власти, одни военные. А военный всегда будет прав, за ингуша никто не заступится.

Мы шли, переговариваясь друг с другом, и мне очень хотелось подробнее узнать, что это за поганец кричал на ингуша. Зачем мне это было нужно, я сам не знал, я просто чувствовал, что ингуши и так относятся к нам с не очень большим доверием и вместо того, чтобы поправить положение, какой-то дурак оскорбляет старого ингуша, что смертельно обижает молодого, и вот уже два человека будут относиться к нам с неприязнью и недоверием. По морде бы такому крикну!

А улочка стала совсем узенькой. Два плетня, крапива по краям и тропинка. Я шагал с ведрами впереди, парень за мной, разговор наш постепенно затухал, становился односложнее, чувствовалось, что не хочет он продолжать эту тяжелую тему и не может сказать мне всего того, что у него накопилось в сердце. Мы замолчали, прошли совсем узкую улочку и на небольшом лужочке я поставил на землю ведра, чтобы отдохнули занывшие пальцы рук.

– Давай помогу, – снова предложил парень и решительно взялся за дужки ведер.

Теперь он с ведрами пошел впереди, а я за ним. Мы прошли немного и вдруг парень, не оборачиваясь ко мне, сказал:

– Знаешь, кунак, ты добрый человек, ты нам не враг и ты верь – я никогда не сделаю тебе зла. Ингуш никогда не делает плохо другу, но не ходи впереди, не нада.

Это прозвучало совершенно неожиданно, непонятно, и я спросил:

– А что? Обычай у вас такой?

– Нет обычай. Зачем обычай? Ты русский, ты иноверец, а я родился здесь в горах. Знаю, что ты кунак, а рука чешется! Понял? Сердце не велит, а рука сам делать может.

Теперь до меня дошло и стало обидно, словно в душу плюнули. Я думаю, как им помочь с продуктами, а у него рука чешется! Надо ж такому случиться!

– Стой, кунак!

Парень остановился, поставил на землю ведра. Было видно, что он уже жалел, что сказал лишнее, не знал, что я собираюсь сделать в эту минуту. Он поступил предельно честно, предупредив меня, предупредив на всякий случай, предостерег от зла, которое мог совершить не он, а другой злой его соплеменник, но получилось все как-то нескладно, неприятно...

– Послушай, кунак, – сказал я тихо, не отступая и не приближаясь к парню, – ты сейчас шел впереди меня, у меня за спиной не кинжал, а заряженный автомат, почему у меня не чесалась рука? Почему мне даже в голову не пришло, что впереди идет ингуш! Почему ты вдруг стал считать меня врагом? Только потому, что мне на твоей земле приходится сражаться с немцами? Ты думаешь, они пришли сюда, чтобы принести тебе свободу? Я не по своей воле пришел к тебе, на твою землю, и пришел, чтобы выгнать с твоей земли фашистов. Если бы ты приехал ко мне в Москву, у меня не стала бы чесаться рука, я встретил бы тебя как гостя, а ты...

Парень молчал, а я бросал ему в лицо горькие слова, тяжелые упреки. Он протянул вперед руку и сказал:

– Не нада! Я тебе не враг. Был бы врагом – не сказал такого. Сказал только потому, что верю тебе и потому, что ты мой кунак.

Ни хрена себе кунак! Хрен их разберет этих горцев с их традициями и обычаями.

– Ладно, – сказал я спокойно, не повышая голоса, – пошли дальше. Иди вперед и не бойся, я не стану стрелять тебе в спину.

Парень взял ведра, мы пошли по огороду.

– Не обижайся, – говорил парень на ходу, – я сказал тебе честно. Ты мой кунак, а теперь делай, что хочешь. Будышь стрелять – стреляй! Только поверь – немец мне правда не нужен. Я простой ингуш. Здесь жили мои деды, и я хочу только одного, чтобы моему народу никто не мешал здесь жить вечно.

– Ладно. Давай ведра и ступай по своим делам. Я ведь тоже не хочу тебе зла, и живите все ингуши на своей земле сколько хотите. Я пришел сюда только затем, чтобы прогнать немцев и только. Сами-то вы не очень рветесь с ними в бой.

Теперь вскипел парень. Гордость горца не позволила ему стерпеть обиды:

– Слушай, зачем так говоришь! Дайте нам оружие, и мы выкинем врага с нашей земли. Ты еще не знаешь, как сражаются горцы! И никто из нас никогда не оскорбит могилы наших предков!

– При чем тут могилы?

– Так ведь это вы копали на кладбище, которому уже много лет. Там лежит мой дед, а вы трогаете его могилу и не боитесь гнева пророка! Вы только немцев боитесь.

– Постой, кунак, почему ты решил, что мы тронули могилы? мы копали около кладбища и никто из нас не дотронулся до ваших священных камней.

– Ты мне говоришь правду?

– Я тебе ни разу не соврал. Я сам копал там и все видел. Я не могу тебя привести туда, не имею права.

– Я тебе верю. Я скажу старикам в поселке. А то вас там видели, и кто-то говорил, что вы разрывали могилы.

– Какая чушь! Как можешь ты этому верить?! Мы здесь вечно не будем, мы прогоним немцев, и тогда пускай ваши старики поднимутся сами и посмотрят. Если я наврал, тогда пусть меня достанет пуля в первом же бою.

– Не говори больше. Я тебе верю.

– Ну, тогда прощай, парень. Ты уже на огороде. Давай ведра.

Я взял ведра и пошел по тропинке к кладбищу на НП, парень еще долго стоял и смотрел мне вслед.

Ребятам я не стал рассказывать о своем разговоре с молодым ингушем – боялся

разжечь в них несправедный гнев, ненужную обиду. Я и сам еще толком не разобрался во всем произошедшем. Долго я думал о том, откуда у людей появилось это чувство вражды? То, что резали на дорогах солдат-одиночек – так это факт, то, что пытались даже скупать оружие и такса была установлена – это тоже факт, то, что в армии они не служат, и это в такой вот лютой войне – это тоже факт. Но как все непросто. Есть память человека и есть память народа, а она, народная память, наверное, цепко хранит то давнее, что не может знать один человек. Над этим нужно подумать. Непростое это дело: не может быть целый народ разбойником...

На наблюдательном пункте тем временем установили телефонную связь, но никто не поспешил потребовать от нас доклада об обстановке. По всей видимости, о нас забыли, мы существовали, по-моему, так, на всякий случай.

На следующий день утром я пошел за продуктами. В расположении роты почти никого не было – разведчики еще не вернулись из поисков, химики и те разошлись по каким-то заданиям, старшина уехал в тылы за продуктами. Осейкин Мишка по старой дружбе накормил меня «до упора», а писарь дал команду выдать нам вместе с химиками снова сухой паек еще на сутки. На сей раз нам даже мясные консервы выдали – жить было можно. Когда со всеми делами было покончено, я подошел к Осейкину и тихо попросил:

– Миш, дай мне соли побольше и еще чего-нибудь, что у тебя лишнее.

– На хрена тебе?

– Понимаешь, здесь в Лакисово старик один живет с сыном-малолеткой и уж больно они бедствуют. Картошку в огороде у них наша братия выкопала, а кукуруза под высотой «Нефть» на корню сохнет, теперь уже не взять той кукурузы.

– Врешь, наверное. Не иначе как девку нашел, а скорее, на раку обменять хочешь, – усомнился Осейкин.

– Брось, Миш, какие здесь девки. И не до самогонки здесь. Я тебе никогда не врал. Говорю – старик с пацаном с голодудохнут.

– Ингуши что ли?

– Ингуши.

Осейкин хмыкнул что-то, а потом протянул:

– Тебе известно, что на фронте продовольственные продукты лишними никогда еще не бывали.

– Знаю. Только люди-то живые и тоже вроде бы у нас не лишние.

Мишкино сердце, наконец, дрогнуло. Он насыпал мне в новую, еще даже неразрезанную портянку килограмм пять крупной серой соли и в старом мешке отдал килограмм восемь соевой муки, которой он не мог найти применения на кухне. Подумал немного Мишка и вдруг выложил на лист газетной бумаги около килограмма комбижира, похожего на парафин.

– Бери и чеши отсюда пока никто не увидел, и пока я не раздумал!

Повторять мне совет не потребовалось. Отпущенное добро разместилось у меня в вешмешке, а мешок с соевой мукой я просто взвалил на плечи.

Быстрым шагом я направился в Лакисово. На мое счастье старик и его сын оба были дома. Увидев меня, молодой парень заметно насторожился, а старик расплылся в добродушной улыбке, – то подсказывало мне, старику не было известно о нашем разговоре с его сыном.

– Саям алейкум, отец! Привет, кунак! – кивнул я и сыну так, вроде бы и не было между нами того разговора.

– Алейкум саям, давно я не видел тебя. Жив, здоров? Хранит тебя Аллах в это страшное время.

– Слава Аллаху! Пока жив. И я тут тебе кое-что принес.

– Заходи в дом. Поговорим, если у тебя есть немного времени.

Я не был у них в доме, и он поразил меня своей бедностью: дом небольшой, потолки низкие, закопченные, небольшие оконца с мутными потрескавшимися стеклами, керосиновая лампа на железном крюке – так все похоже на рязанскую деревню, только вот большой печи нет и икон в красном углу. Вдоль стен скамьи из струганных досок, в углу досчатый стол. Прежде всего я выложил на него мешок с соевой мукой. Старик смотрел на мои действия молча, и сын его не проронил ни слова.

– Отец, большего я сделать не мог. Вот вам с сыном соевая мука. Не бойся, я не украл ее, мне все это дал наш повар. Я ему рассказал, что вы бедствуете с продуктами. Вот здесь соль. Серая соль, но мы ее едим. Пересыпь ее куда-нибудь, а портянку мне отдай. А это вот комбижир – такое сало – придумали солдат кормить. Ничего, никто не умер, даже вкусно. Забирай все. А то мне некогда.

– Что я тебе должен дать взамен? – поинтересовался старик.

Видимо, он привык к тому, что люди редко что делают бескорыстно.

– Мне ничего не надо. Бери, это все твое.

Старик посмотрел на меня недоверчиво, а я стал снова надевать на плечи свой вещевой мешок с сухим пайком на всех ребят, которые ждали меня.

– Подожди. Не уходи, подожди немного.

Глаза старика беспомощно перебежали с одной стены дома на другую, он чего-то искал, но не мог найти. Потом, потупив глаза, он с достоинством сказал:

– Спасибо, сын мой, ты выручил меня в тяжелое время. Я должен отблагодарить тебя, но не смогу сейчас сделать этого. Вознаградит тебя Алах.

– Чего там. Не стоит благодарности. В такое время люди должны помогать друг другу. До встречи, отец, мне нужно идти.

– Подожди, я провожу тебя.

Старик, ему было немногим более 60-и лет, сказал что-то сыну, и мы оба вышли из его дома. Я шел к нашему наблюдательному пункту и поэтому мы снова оказались на той же узкой тропинке, по которой мы однажды шли с его сыном. Я невольно задержался, чтобы пропустить старика вперед, а он сделал приглашающий жест рукой, ожидая, когда я пойду первым.

Я пошел первым, и тут словно меня бес толкнул, я спросил:

– Я слышал, что по горскому обычаю не принято, чтобы русский шел впереди горца.

– Кто тебе это сказал? Такого обычая у нас никогда не было. Ты не женщина, мы, двое мужчин, можем идти так, как нам покажется удобным.

– Скажи, отец, правда ли, что ингуши не любят русских, и если правда, то за что такая немилость? Я просто хочу понять это.

Старик замолчал, и некоторое время мы шли молча, старику, видимо, не хотелось разговаривать на эту щекотливую тему. Первым нарушил неловкое молчание старик.

– Ты меня сегодня выручил. Скажи, зачем ты это сделал?

Вопрос был для меня неожиданным.

– Так тебе же, отец, трудно. Ты в беде...

– Да, это так. Но ты же считаешь, что ингуши не любят русских, зачем ты помогаешь тем, кто вас не любит?

– Так вот... Все же нужно помочь человеку и потом, ты сам никогда... – начал я что-то говорить невнятно и старик перебил меня:

– Вот видишь! Оказывается, я тебе ничего не сделал плохого, но ты считаешь, что старый ингуш хитрит и у него на сердце другие мысли, а у меня болит сердце за тебя, за такого молодого, когда ты уходишь к тем горам, где идет бой. Хотя очень может быть, что твой прадед здесь в наших горах гонялся за Шамилем и стрелял в него. Ты слышал, кто такой был Шамиль?

– Немного слышал. На Кавказе было восстание Шамиля, и он сражался с войсками царя, но мы-то не царские войска...

– Все правильно. Только это непростой и долгий разговор. Ингуши не любят всех, кто идет разорять их родную землю. Зачем говорить только о русских? Если бы у нас было оружие, то мы не хуже вас сражались бы с немцами. Другое дело, что ингуш не очень верит русским. Еще ста лет не прошло после той войны, когда Шамиль поднял восстание против русских. Наши древние старики рассказывают молодым предания тех лет. Знаешь, сколько было пролито крови и сожжено аулов? Наши деды не щадили друг друга...

– Так тогда был царь!

– Ну и что? Стрелял и жег аулы не царь. Ты не сердись на меня. У ингушей давно прошло чувство кровной мести по отношению к русским, но для полного доверия, для такого доверия, как у нас с тобой, еще просто не пришло время, но оно стучится в наши двери.

– Ты прав, но известно тебе, что на ваших дорогах находят зарезанных русских солдат?

– Да, я слышал об этом. Если сказать вот так, как говоришь это ты, то меня нужно сейчас же стрелять. Не торопись с судом. Я бы разобрал каждый такой случай и, поверь, в этом не всегда бывали повинны ингуши.

– Сейчас война и нет времени разбирать такие случаи.

– Правильно. Ты человек, который уже ходил возле смерти. Все это учит, знаешь чему? Можно считать обиды – это будет плохо, очень плохо; можно считать добрые дела – тогда будет крепнуть дружба. Дружба и доверие – это дети добра, а не зла. Понял ли ты меня? Мы хорошо жили до войны и стали забывать старые обиды. Мой отец в этих местах видел вашего Кирова и говорил, что это был умный человек. Но кто-то еще считает обиды и помнит их – это недобрые люди, а они везде есть, и у ингушей, и у русских.

Мы прошли узкие улочки и остановились на пустом огороде.

– Спасибо тебе, отец. Ты сказал правильно.

– Спасибо тебе, ты сделал доброе дело. Если у тебя будет время, а меня не выселят из поселка, приходи, мы поговорим тогда, не торопясь.

Мы распрощались. Я был уже знаком с превратностями солдатской судьбы, но не думал, что мы виделись со стариком в последний раз. Я даже не предполагал, что найдутся люди, которые вновь разожгут пламя взаимного недоверия и в то время, когда это никому не будет нужно.

На НП меня удивил Мишка Беляков.

– Ты знаешь, кто здесь был?

– Кто?

– Аж сам Натынов!

– Зачем его принесло?

– А он что, докладывает? Стоял вот здесь и все в бинокль смотрел. Спрашивал, конечно, что мы видели?

– А ты что?

– А что я? Я как его увидел, так сразу и смотался на другую сторону кладбища. Ему вон Гребенюк и Мазинев обстановку докладывали.

Небольшого роста и вечно небритый, страшно худой Гребенюк сказал, что Натынов высказал недовольство тем, что оба разведчика отсутствовали на НП, но Гребенюку удалось каким-то образом выгородить нас с Мишкой из нависшей над нами неприятности. Остаток дня прошел спокойно, все мои мысли были заняты разговором со старым ингушем. Умный он мужик оказался! В середине следующего дня нам с Мишкой было приказано вернуться в роту.

За то время, что мы болтались с Мишкой на НП, нашу роту не обошло стороной несчастье. В поисках погибли трое разведчиков, а четверо были ранены. Хмурый Суменов, действовавший с ребятами в знакомом районе перед балкой у Верхнего Курпа, рассказывал, что немцы продвинулись в степи к нашей передовой настолько близко, что ночью можно слышать их негромкие голоса, а один фриц, явно издеваясь над нашими бойцами, ночью кричал:

– Эй, Иван, у фас пропуск снова «мушка»?

А у нас, как на грех, в эти сутки действительно был пропуск «мушка». По немцу стреляли из винтовок с нашего переднего края, но ночью попасть не могли, а он, паразит, снова кричал:

– Эй, рус, ты плёхо стреляйт! Иван, давай один елдаш на два румын меняйт!

Ребята матерились, примерно определили место, откуда кричал немец, хотели забросать его гранатами, но напоролись на огонь нескольких пулеметов, еле раненых вытащили.

Последующие несколько дней не изменили характера наших боевых действий. Как и прежде, каждую ночь и в один и тот же час мы появлялись перед немецкой обороной. Мы ползли на сближение с противником, лежали, не шевелясь, под давящим светом ракет и неизменно бывали обнаруженными. Ласточкин нередко сам ходил в поиски, контролировал наши действия, но и это не меняло положения. У командира роты осложнялись отношения с начальником разведки. Даже вечно улыбавшийся Надирян ходил хмурым и все реже вспоминал песенку о ереванском телефоне, где «можно разговаривать сразу четвером». Как известно, беда в одиночку не ходит, и вот однажды утром совершенно для нас неожиданно напористой атакой немцам удалось захватить высоту «Нефть» с нефтешкой на самой ее вершине. Командиру батальона было приказано вернуть высоту немедленно. Наши стрелковые роты несколько раз поднимались в атаку, но все они были противником отбиты. Атакующий батальон понес чувствительные потери. На следующий день в помощь этому батальону придали роту автоматчиков, сформированную полностью из моряков. Новую атаку поддержали активным огнем наши минометы, но и эта атака была отбита. Ее повторили трижды и безуспешно. От батальона и приданной ему роты остались жалкие остатки, а склоны высоты «Нефть» были усеяны трупами. Убитых вытаскивали ночью и хоронили в балке в пустых окопах.

А дни стояли жаркие, словно вернулось лето, зато ночи были ясные и холодные. Помимо поисков, постоянных потерь, случались вроде бы незначительные, совсем неприметные события, но вот одно из них запало в память. Однажды впервые в жизни я взялся за бритву. Примеривался я к ней давно, даже пробовал ногу брить и ничего – получалось. Решился я, наконец, сбрить с подбородка несолидный и какой-то грязноватый дыплячий пушок. Это таинство я совершал в одиночку, спрятавшись от остальных ребят. Намылится хозяйственным мылом (ничего иного у нас не было) и брился настоящей безопасной бритвой с немецкими лезвиями «Золинген». Старался, но все-таки порезался. Ребята догадались, в чем дело, стали учить, и было как-то неловко, снова я чувствовал себя салажонком.

* * *

В тот день, когда вроде ничего не обещало неожиданного, в роте после долгого перерыва вновь появился капитан Натынов. Тот памятный случай, когда он поставил на расстрел целую разведгруппу, видимо, сейчас ему самому казался досадным срывом. Горячий по натуре, временами взбалмошный, он теперь пытался доступными ему средствами восстановить добрые отношения с разведчиками. Он был подчеркнуто шумлив, улыбчив, сыпал шутками и легкими «подначками», стараясь подчеркнуть, что все старое

забыто, и что кто его помянет, тому глаз вон, а вообще он парень свой в доску и занят только тем, что печется о здоровье и удобствах разведчиков.

Но разведчики успели изучить характер капитана и вели себя подчеркнуто сдержанно, за исключением нескольких человек. Между бойцами разведроты и начальником разведки стала возникать невидимая стена отчуждения и недоверия.

– Ну что, разведка, наркомовскую норму получаете? Не обижают вас отцы-командиры? Если что – говорите. Шкуру спущу с любого, кто разведку обидит! – шумел Натынов, а разведчики безмолвствовали.

Политрук Попов, стараясь сгладить возникшую скованность и неловкость, сказал:

– Все в порядке, товарищ капитан. После выполнения задания каждому по кружке вина. Грех жаловаться.

– А почему это после задания? Сейчас ночи холодные, да и если уж выпить, то не после драки, а перед ней! Вы как считаете, разведчики?

Несколько человек прогудело одобрительно.

– Ха! Вот так-то. Слышал, Ласточкин, что твои орлы говорят? Действуй!

Потом начальник разведки с командиром роты и с политруком долго колдовали над развернутым листом топокарты, о чем-то спорили, в чем-то даже упрекали друг друга, а мы приводили в порядок оружие, набивали патронами диски, готовились к очередному заданию – недаром ведь пожаловал в роту сам начальник разведки.

Стало быстро темнеть. Осейкин накормил нас ужином и залил водой еще тлевший костер. В эту ночь взвод Надирына уже отправился на задание, а мы все еще сидели под своими кустами, курили, негромко травили баланду и ждали команды. А Натынов, видимо, не выдержал взятого тона и к концу разговора уже послышался его раздраженный и довольно громкий голос:

– В общем, вы сами еще ни хрена не знаете. Дерьмовые вы разведчики! Сегодня я сам все проверю, полную рекогносцировку сделаю! Дай мне одного разведчика, да такого, чтоб он сам хоть немного передний край знал, и быстро – мне рассиживаться с вами некогда!

Надо было такому случиться, что в эту самую минуту именно я попался на глаза Натынову. То ли он вспомнил, что уже ездил со мной на автомашине, может, по другой какой причине – он указал на меня нагайкой и сказал Ласточкину:

– Во, давай мне этого бойца.

Ласточкин возражать не стал и крикнул ездовым:

– Садыков! Седлай двух коней и быстро!

Сказать просто, что я плохой джигит, это еще ничего не сказать. Вырос я в большом городе и имел некоторое касательство к лошадям только летом в деревне, когда изредка случалось вместе с деревенскими ребятами гонять табун колхозных коней в ночное. Первые навыки деревенской джигитовки у всех мальчишек тогда начинались с отчаянных болячек на заднице: ездили мы без седел, и если конь шел даже небольшой рысью, то, подпрыгивая на его спине, каждый раз плюхаясь на хребет коня, мальчишки в кровь разбивали кожу на копчике. Так бывало со всеми, пока не набирались опыта. Ребята даже гордились такими болячками и показывали их друг другу, когда доводилось купаться. Седло я видел только со стороны и оседлать коня, конечно, не умел. Команду сопровождать верхом Натынова я воспринял, как приказ броситься в Ниагарский водопад. Конечно, я предпринимал попытки как-нибудь открутиться от этой высокой чести. Однако Ласточкин словно назло говорил, поддерживая выбор Натынова:

– Правильно. Этот парень передний край знает. Я его и на НП специально держал. Он передовую знает, забодай его комарь.

– Что ж, я сразу вижу, парень толковый, грамотный, – соглашался Натынов.

Я понял, что не отмотаться мне от сопровождения, а если буду отказываться, то Натынов, пожалуй, специально со мной конным спортом займется на виду у всей роты

– тогда пропал я, на всю жизнь пропал. А стервец Мишка Беляков сидел под кустом, смотрел на меня и не таил даже издевательской ухмылочки: «давай, мол, покажи, что такое Дон Кихот на Росинанте!»

Хотел я ему сказать... но в это время Натынов бросил на меня еще раз оценивающий взгляд и скомандовал:

– Ну, по коням!

Я подошел к светло-серой кобыле, которая недоверчиво косила на меня глазом, решительно поставил носок левой ноги в неустойчиво болтающееся стремя, взялся за луку седла и, слава богу, оказался верхом на лошади. Рядом со мной стоял Садыков, этот низкорослый кривоногий степняк, который, видимо, и родился в седле, был в сущности добрым парнем, но в данную минуту мне показалось, он больше переживал за коня, чем за наездника...

– Падажды, падажды! Мало-мало стремя коротко. Дай поправлю.

Пока он возился со стремянами, Натынов ловко вскочил в седло, крутанул своего гнедого и нетерпеливо бросил:

– Ну, что там закопался? Давай догоняй!

Его конь с места легкой рысью пошел по дороге, рассыпая четкий цокот копыт.

– Ты жопом не плухай, не плухай, ты ногой на стремя нажимай. На, кнут за рымень заткны, – напутствовал меня Садыков.

Я взял в руки поводки уздечки, чмокнул губами для порядка, шевельнул поводки и крикнул:

– Н-но, милая!

Лошадь послушно шагом направилась к дороге, видно, давая мне возможность освоиться в седле. Лошадь была умная, но у меня не было времени на обучение, мне нужно было догонять Натынова. Я дернул под уздцы посильнее, лошадь поняла, что нельзя нам отставать от начальника разведки и пошла ходкой рысью. Меня подбрасывало в седле, но скоро я начал упираться ногами в стремяна, как советовал Садыков, и стало намного легче. Только автомат все время бил диском по горбу, пока я не догадался перевернуть его стволom вперед и придерживать приклад локтем. Натынова я догнал быстро, и на рысях мы проскочили молчащее Лакисово. Совсем стемнело. Луны не было, и щедрая россыпь звезд разукрасила небо. На переднем крае немцев все время взлетали ракеты. Натынов придержал свою лошадь и мы поехали рядом. Долго ехали молча, потом Натынов проронил:

– Вот забыл я твою фамилию.

– Рядовой Журавов, товарищ капитан.

– Журава значит. Та-ак. Нерусский?

– Русский, а что?

– Да ничего. По мне хоть японец. Фамилия у тебя не очень русская.

– Чисто русская, товарищ капитан.

– Врать ты здоров. Родом-то откуда?

– Из Москвы.

– Опять врешь?

– Да не вру я, товарищ капитан. Родился и жил в Москве.

Натынов подумал немного и заключил:

– Может, и не врешь. Там еще и не такие фамилии найдутся. Значит, и на Красной площади бывал?

– Бывал.

– А в Кремле?

– В Кремле не бывал, туда не пускают.

– Почему?

– Правительство в Кремле. Мало ли что может случиться, если каждый по Кремлю шляться будет.

– Это правильно. Может, ты и Сталина видал?

– Видал. Два раза.

– Ну, и здоров ты врать! Да Сталина даже я не видал!

– А я видал. Был я на демонстрации на Красной площади, а он на Мавзолее стоял. Наша колонна близко шла, я и видал.

Натынов замолчал и с досады пустил своего коня ходкой рысью, а я плюхался за ним следом. Натынов сидел в седле, как влитой, как «Медный всадник», вроде бы конь и сам наездник были одним живым организмом. Я откровенно завидовал Натынову, его ловкости, его умению и привычке к коню, а Натынов немного злился и завидовал мне в том, что я жил в городе, в котором ему, капитану, еще не пришлось побывать и тому, что я, сопяк по сравнению с ним, видел живого Сталина, а он видел его только на портретах.

Мы ехали к балке, за которой была высота «Нефть», уже прославшаяся среди солдат бригады неприступной. Вдоль дороги все чаще стали попадаться воронки, один раз моя лошадь споткнулась, но я удержался в седле. Пока все шло нормально. Перед балкой пошли шагом, на дороге у спуска вниз нас кто-то окликнул:

– Кто идет?

– Свои.

– Пропуск?

– Мушка. (Опять эта проклятая «мушка», ставшая предметом издевательства над нами даже среди немцев)

– Мурманск, – ответил невидимый в темноте, да еще в кустах, часовой. – Смотри, поаккуратней здесь.

Все переговоры с часовым вел я. Натынов против своего обыкновения молчал. Мы спустились в неглубокую и хорошо знакомую для меня балку, шагом поехали вдоль широкой полосы кукурузы. В темноте были заметны почти совершенно белые, высушенные солнцем и ветром, изрядно поредевшие, скошенные пулеметным огнем и осколками высокие кукурузные стебли. Натынов уверенно ехал первым и правил прямо к высоте «Нефть». Я думал, что он повернет вправо к небольшим высотам, где оборонялась наша стрелковая рота и автоматчики, но вот уже осталась позади белесая кукуруза, а капитан все продолжал править чуть наискосок прямо к злосчастной высоте. Осветительные ракеты немцы, как назло, в это время кидать перестали, так как в небе послышался треск мотора кукурузника. Похоже, капитана ничто не настораживало. В балке было тихо, и даже слабый ветер совсем сложил свои крылья. Я шевельнул поводки, ударил каблуками по бокам лошади и поравнялся с капитаном, который ехал впереди.

– Товарищ капитан, мы сейчас на нейтралке и едем прямо на высоту «Нефть».

– Что? Ты что, сдурел? – в голосе Натынова послышались нотки досады и презрения.

– Тоже мне, разведчик! Ты сам-то когда здесь бывал? Во-первых, на высоте «Нефть» с самого утра уже наши сидят, а во-вторых, высота «Нефть» левее. Давай вперед!

Спорить с Натыновым было бесполезно, да и не полагалось рядовому спорить с капитаном. А может быть, я действительно чего не знаю, а обстановка-то изменилась пока мы в роте «загорали». Я послушно тронул своего коня. На сей раз Натынов пропустил меня вперед, а сам поехал следом шагах в четырех позади меня. Кони шли шагом. Мерно стучали копыта о сухую землю, тихо позвякивали удила. Мы выехали на заброшенный проселок, и кони пошли по дороге. Прошло немного времени, и я почувствовал, что начался подъем. У меня не осталось сомнений, что мы уже на склоне высоты «Нефть», на ничейной земле. Мы ехали прямо на немецкую оборону.

– Тпру.

Я натянул поводья, и моя на редкость понятливая лошадь остановилась. Сзади всхрапнул конь Натынова. Капитан поравнялся со мной и на сей раз тихо спросил:

– Ну, ты что встал?

– Мы прямо на высоту «Нефть» вышли.

– Ну и что? Чего встал-то?

– Немцы впереди, товарищ капитан.

– Какие тебе еще немцы! Ему все немцы мерещатся. Теперь мне понятно, как вы за «языком» ходите. Давай вперед!

– Нас вчера на рассвете здесь обстреляли немцы.

– Хватит врать! Сталина он видел! Немцы его обстреляли! Наши уже на высоте. Давай вперед!

Натынов был категоричен и не допускал возражений. Что мне оставалось делать? В общении с начальством, да и в жизни вообще я был малоопытным мальчишкой. Я твердо знал одно: что приказ командира в бою это закон, и я обязан был подчиниться и выполнить любой приказ Натынова.

– Но, н-но, пошла.

Я шевельнул поводки и послушное животное понесло меня вперед к моей и своей гибели. Натынов снова предупредительно приотстал от меня, видно, все-таки червячок сомнения шевельнулся в его душе. Он ехал в пяти или в шести шагах сзади меня, и в сущности мы одинаково подставляли себя под пули немецкого пулеметчика. Он полагался на чью-то неверную информацию, я – на слепую удачу, авось кривая вывезет!

Склон стал заметно круче. Я проехал еще метров тридцать и снова остановился. Нужно послушать. Тихо. Кукурузник давно куда-то улетел, а немцы молчали, хоть бы ракету бросили, как назло, молчали. У меня действительно закралось сомнение: а вдруг случилось необъяснимое, и нет на этой высоте немцев! Что тогда? Тогда выгонит меня Натынов из разведки. Мы тронули лошадей и еще проехали метров двадцать. Склон высоты совершенно голый, сухая трава под копытами лошадей... Да нет, ошибки не может быть. Мне показалось, что я уже вижу в темном небе металлические конструкции нефтешапки. «Что же мы делаем! В лучшем случае нас сейчас перестреляют, в худшем – нас просто схватят!» Сердце словно перестало биться. Я осторожно взвел автомат и теперь левой рукой держал поводья, а правой – шейку приклада и палец на спусковом крючке. Моя лошадь словно чувствовала, что мы творим непоправимо глупое и смертельно опасное, она не всхрапывала, она шла крадучись. Я решил еще раз, в последний может быть раз, предупредить Натынова. Остановил коня и прошептал:

– Товарищ капитан, впереди немцы...

– Опять за свое! Ты мне брось, Журава, я ведь с тебя шкуру...

Капитан не успел закончить. Наверху хлопнул выстрел ракетницы, белая звездочка рванулась вверх и рассыпалась ослепительно белым дрожащим пламенем.

– Рус, хальт!

Донесся сверху истошный крик, и через мгновение оглушительная пулеметная очередь разметала тревожную, натянутую тишину. Розовые молнии трассирующих пуль зашверкали вокруг. В какое-то мгновение я увидел, что Натынов на коне метнулся вниз, в балку. А моя лошадь словно взбесилась: перепуганное животное крутилось на одном месте, а сверху одна за другой летели ракеты и длинными очередями бил пулемет. Я не стрелял из автомата, но почему-то не выпускал его из рук, а одною левой не мог справиться с ошалевшим конем. Еще полсекунды, секунда и меня должна была свалить пулеметная очередь. Наконец я как-то оставил взведенный автомат, обеими руками рванул поводки и закричал:

– Н-но! Мать твою в господу бога!...

А крутом сверкают красные вспышки трассирующих пуль, летят короткие молнии.

Но лошадь словно опомнилась и птицей полетела вниз, а я приподнимался на стременах и все время боялся вылететь из седла, тогда я и лошади не понимаю...

– Н-но, проклятая!

Проклятая летела, что было силы, и догадалась сама круто свернуть влево и здесь, на краю кукурузного поля, я нагнал Натынова. Под ним крутился горячий жеребец, мотал головой, всхрапывал и словно пританцовывал. Наконец, пулеметный огонь смолк, и мы оба старались успокоить перепуганных лошадей и сами прийти в себя.

– Ты?! – спросил Натынов.

– Я.

– Ты что ж, раздолбай, ты куда ж правил?! Ты что, к немцам меня привести хотел?!

– Товарищ капитан...

– Что «товарищ капитан»?! Ты, шкура, что делаешь?! Начальника разведки к немцам, а?!

– Это не я, а вы к немцам! Я вас сколько предупреждал, что едем прямо на немцев, что на высоте «Нефть» немцы, а вы...

– Молчать! Разгильдяй. Вернемся – я еще разберусь с тобой!

Злая, тяжелая обида волной обожгла сердце, спазмом сдавила горло. Я боялся заплакать от этой обиды, боялся сорваться и крикнуть Натынову что-то очень злое, оскорбительное. Я заметил в руках Натынова пистолет, а у меня на груди был автомат. Мы оба крутились на нейтралке, здесь судьями мы были сами и свидетелем один бог.

– За такое знаешь, что бывает! Пристрелю ко всем чертям! – продолжал негодовать Натынов.

Он, похоже, уже и сам верил в то, что это именно я его затащил на склон высоты «Нефть».

– Стреляйте, товарищ капитан, вы уже меня однажды расстрелять хотели, только вот сейчас вы без меня и с нейтралки не выберетесь, так что поостерегитесь малость!

Как это у меня сорвалось, я и сам не знал, но Натынов, видно, насторожился и кричать перестал.

– Ладно, найдем время, поговорим еще, а сейчас давай назад и бери правее.

Стрелять в нас перестали, снова стало тихо, будто и не было ничего. Я тронул шагом коня и за мной, снова чуть приотстав, ехал Натынов. Во мне не утихала обида и чувство лютой досады и, как ни странно, досадовал я на себя, на собственную невезучесть: «Вот надо же так! Ну почему именно я попался на глаза этому Натынову и уже в который раз. Еще тогда, давно, в Аксае или в Энгель-Юрте я помогал ему перетаскивать вещи и за это топал целые сутки в одиночку и голодным; поехал с ним на грузовике, так он меня чуть не вытряхнул из кузова по дороге, а теперь вот еще... Интересно, как на моем месте Авдеев бы поступил? Этот бы что-то придумал, и Суменков, и Подосенов, а я...»

Натынов молчал. Я слышал за спиной негромкую поступь его коня. Темно. В призрачном звездном свете можно было различить контуры отдельных кустов, гряду невысоких холмов. Я знал, что по другую сторону этой неглубокой балки, куда мы сейчас ехали, занимала оборону наша пулеметная рота. Проехали немного, и я снова решил предупредить Натынова:

– Впереди наши пулеметчики, товарищ капитан, – сказал я это тихо – ночью не принято шуметь на передовой, а уж на нейтралке тем более.

– Какие еще пулеметчики?! Ни хрена ты не знаешь! Откуда-то пулеметчиков взял! Смотри, если снова меня к немцам приведешь – первая пуля будет твоя.

Что делать? Он с переляку*, как говаривал Арабов, действительно может меня шарахнуть и ему ведь, дураку, ну ничегошеньки за это не будет – ну убит солдат ночью на

* С переляку – (пер. с укр.) – с испугу.

нейтралке, никто и не удивится, мало ли этих солдат гибнет особенно здесь, в районе высоты «Нефть».

Я поехал тише. Оборона пулеметчиков должна быть уже совсем недалеко. Проехали несколько минут и остановились. Молчат немцы, и настороженно молчит наша оборона, только где-то справа по фронту не смолкает стрельба, слышны разрывы мин и видны какие-то красные сполохи, словно зарницы. А вот здесь тихо. Хоть бы окликнули, паразиты, спят, наверное.

– Я поеду чуть вперед и предупрежу пулеметчиков, а то они спросонья не разберутся.

Капитан неожиданно разозлился и зашипел на меня:

– Тс! Тихо! Ты заведешь, ты уже выводил меня на пулеметчиков... Стой, тебе говорят!

Последние слова он произнес так, что я и не понял, ко мне они относятся или к его лошади. Мы стояли в балке напротив обороны наших пулеметчиков и, очевидно, они нас еще не заметили. Натынов меня задержал, он не верил ни единому моему слову, и я на все махнул рукой, полагаясь на судьбу и на волю слепого случая. У меня появилось даже какое-то злорадство от сознания, что попадет в переплет вместе со мной и сам Натынов.

Со стороны нашей передовой не доносилось ни единого звука, но в этой тишине чувствовалась настороженность и скрытое напряжение, что-то караулило нас. Эта тишина и чуть различимая в темноте кромка кустарника по краю балки излучали угрозу. А тут еще туман какой-то появился.

– Давай немного вперед и чтоб тихо мне! – прошептал Натынов.

Я легко шевельнул поводки, понятливая лошадь мотнула головой и пошла вперед. Ну, что-то сейчас будет!

Мы проехали сравнительно большое расстояние и вдруг, как гром, из темноты близко и громко раздался оклик:

– Мало стой! Чья идет?

Юлдаш какой-то в дозоре, наш парень, немец не мог бы сказать с таким характерным акцентом. Звякнули удила моей лошади, и я собрался было немедленно крикнуть, что мы свои, но... позади меня вдруг тихо щелкнул курок револьвера и послышался тихий и по-змеиному злой шепот капитана:

– Тихо! Молчи!

– Товарищ капитан, так это ж наши...

– Цыц! Пристрелю!

– Стой, стрелять будем!

Снова послышался впереди предостерегающий оклик.

– Снова напоролись! А, мать бы твою! – прошептал Натынов, крутанул своего коня и с места рванул назад.

Я за ним. Цокот копыт прозвенел по балке, а сзади кто-то закричал:

– Стой, гады!

Вначале хлопнул одиночный винтовочный выстрел, а потом длинной очередью раскатился станковый пулемет «максим». Пули злобно взвизгнули чуть левее нас. А мы оба летели на конях по балке и придержали лошадей только когда высокие кукурузные стебли стали стегать по ногам. Наши пулеметчики еще немного постреляли и замолчали, снова тишина в балке. Натынов осадил своего коня, повернулся и зло спросил:

– Ну, что скажешь, разведчик хренов?!

– Я уже вам говорил, что это наши пулеметчики. Они и есть.

– Я вижу, что тебя все к пулеметчикам тянет. Ну, погоди, я с тобой еще разберусь! Это ж надо, к немцам привел! А говорит, он передовую знает! Ох, Журава, плачет и скулит по тебе особый отдел!

– А передовую я знаю, товарищ капитан, все так и вышло, как я вам говорил.

– Разговорчики! Ну, я займусь вами. Чего стоишь? Давай вперед!

– Куда вперед?

– К дому давай! Не знает еще, где у него перед, где зад, а берется передовую показывать! Давай шевелись!

Я дернул поводки, и лошадь пошла рысью вдоль полосы кукурузы. Недалеко от старого проселка, у края балки снова окликнули:

– Кто идет?

Не ожидая непредсказуемой реакции Натынова, я быстро ответил:

– Пропуск?

– Мушка! С твоим еще пропуском...

– Мурманск, – из кустов послышался ворчливый голос старого служака. – Проезжайте. Мотаются тут всякие. Никакого покоя нет.

– А ну, разговорчики! Где командир? – строго спросил Натынов, и голос его снова обрел уверенное стальное звучание.

Черная тень солдата качнулась и снова прогудел его хрипловатый голос:

– Да вот туточки командир.

– Журава, поддержи жеребца.

Натынов легко спрыгнул на землю, бросил мне поводья, а сам скрылся в густой темноте кустов вместе с солдатом.

Разгоряченный жеребец Натынова мотал головой, звенел удилами и на мои «Тпру, проклятый! Тпру, тебе говорят!» не обращал внимания. А я боялся, что проклятый жеребец выдернет меня из седла или вырвется – поди поймай его тогда! На мое счастье вскоре появился Натынов. Он взял поводья и в мгновение ока оказался в седле – ничего не скажешь, ловкий мужик.

– Ну, Журава, не отставай теперь! – в голосе Натынова послышались веселые нотки.

Наши кони, словно ночные птицы, летели по ровному полю, прохладный ветер бил в лицо. Натынов не оборачивался в мою сторону, он словно забыл обо мне, только, когда пролетели Лакисово, он коротко бросил:

– А ты все-таки ничего! – и строго предупредил: – в роте лишнего не болтать! Понял?

– Так точно! Понял, товарищ капитан.

Конец второй части